

# Елена Самойлова Паутина Судеб

Синяя Птица – 3



[://www.litres.ru](http://www.litres.ru)

«Самойлова Е. А. Паутина Судеб»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2009  
ISBN 978-5-9922-0297-7

## Аннотация

*Случается, что путешествие начинается там, где его совсем не ждали, а свадьба лучшей подруги едва не превращается в похороны виновников торжества. Андарион позабыт, и Еваника, сменив корону на удачную стрелецкую шапку, спешит через половину Росского княжества за советом к бывшему наставнику. Только вот кажущаяся легкой дорога с каждым шагом становится все труднее, все чаще лесная ведунья встает перед нелегким выбором – жить ли человеком «по совести» или же идти дальше по пути навязанного короной чужого долга.*

# Елена Самойлова Паутина Судеб

## ГЛАВА 1

Резной кленовый лист золотисто-багряной звездой опустился на студеную поверхность озера, нарушив зеркальную гладкость воды. Спустя пару мгновений круги пропали, оставив после себя лишь едва заметную рябь. Холодный ветер второй декады листопада<sup>1</sup> прошелся

---

<sup>1</sup> Второй осенний месяц (росск.). – Здесь и далее примеч. авт.

по ярким кронам деревьев, которые росли вдоль берегов, обрушив на землю настоящий дождь из золотых и оранжевых листьев, добавив еще несколько ярких пятен в осенний ковер. Небо – до того ясное и высокое, что если лечь на спину и долго вглядываться в хрустальную синеву, то голова закружится от необъятности воздушного пространства.

Я убрала за ухо непослушную каштановую прядь, выбившуюся из-под короны, и зябко поежилась, кутаясь в теплую шерстяную шаль. Да уж, если бы кто-то из моих так называемых подданных увидел сейчас свою королеву, то наверняка не признал бы ее во взъерошенной девушке с покрасневшим носом, прячущей тонкие замерзшие пальцы в белой шали. Впрочем, с короной на голове меня сложно спутать с кем-то еще, хотя, видит Всевышний, иногда мне этого ой как хотелось.

Северный ветер слишком заигрался с подолом моего темно-синего платья, выстуживая теплую ткань, и я уже всерьез начала подумывать о том, чтобы перебраться в более комфортное место, как студёные порывы улеглись и на парк спустилась тишина. Такая, какую можно услышать только в разгар осени, когда бабье лето уже позади, но проливные дожди еще не успели зарядить во всю силу, и Владычица Осени дарит последние ясные дни перед затяжным ненастьем. Тишина эта особенная – она не настораживает, не пугает и не подавляет. Напротив, расслабляет и лечит мятущуюся душу, но сейчас навалившееся безмолвие захотелось чем-то разбить. Хоть песней, хоть вскриком. Даже просто брошенный в воду камень, чтобы получился всплеск, тоже сойдет.

– Ведунья в раздумьях, – негромко произнес над самым ухом чей-то очень уж знакомый голос с едва уловимыми шипящими нотками. – Осенняя хандра?

Я обернулась и столкнулась взглядом с серьезными льдисто-серыми глазами. Глазами серебряного дракона на человеческом лице.

– Аранвейн! Ты-то какими судьбами? – поинтересовалась я, двигаясь на скамейке и освобождая драконьему царю место рядом с собой.

Тот беззастенчиво плюхнулся рядом, принципиально не прибегая к грациозности и текучей пластике движений, отработанных веками. Решил лишний раз не показывать и без того огромную разницу между нами? Раз так, то прибыл явно по делу, а не просто поболтать.

– Да вот мимо пролетал, решил тебя навестить. Ты как, с королевскими обязанностями-то справляешься? Хотя, если судить по тому, что Андарион до сих пор живет и здоровствует, более того, уже почти полностью восстал из руин, в которые его поверг мой народ, то с правлением у тебя все в порядке. Даже не просто в порядке, а замечательно. – Дракон едва заметно улыбнулся, проводив взглядом полет очередного кленового листа до водной глади.

Как всегда, начинает издали. Мудрый боян сначала завоеует внимание слушателей, а уж потом начнет излагать основную мысль, и этим бояны схожи с теми правителями, кто вначале говорит о делах собеседника и только после о своих собственных.

– Ну так год с лишним уже прошел. Было бы удивительно, если бы не отстроились, – пожала плечами я. – К тому же с вашей весьма полезной магией восстановление шло ударными темпами.

Аранвейн несколько секунд пристально смотрел на меня, а потом неожиданно тихо поинтересовался:

– Похоже, глаза меня не обманывают, и из ведуньи, которую я принял в своем тронном зале, выросла королева? Правильная до мозга костей, величественная... и бесстрашная? Еваника, скажи мне, куда делся тот огонь, что горел в твоём взгляде чуть больше года назад? Я знал, что люди меняются настолько быстро, что нам, драконам, не уследить за этим, но ты... Тогда мне казалось, что изменить тебя не сможет ни Небесный колодец, ни корона. Похоже, я ошибался. Так что же с тобой случилось? Куда делась та девочка, которая смеялась в лицо драконьему царю просто потому, что не могла не смеяться?

– Выросла. – Я отвернулась, наблюдая за танцем листьев в воздухе.

Еще немного – и деревья окончательно лишатся своего убранства, а на землю выпадет первый снег. Зима в прошлом году оказалась неожиданно мягкой, тогда как нынешняя осень предсказывала суровую и вьюжную. Как говорила одна моя знакомая, когда дело заходило о

планах на будущее: «Поживем – увидим, доживем – узнаем, выживем – учтем». Где она сейчас с таким девизом – не знаю, но хочется надеяться, что еще на этом свете.

– Или попросту решила, что *надо* вырасти. – Дракон положил руку на мое плечо и чуть сжал. – Я знаю о законах Андариона и законах Темного Крова. На это ушло твое пламя, без которого ты перестаешь быть собой? На то, чтобы не чувствовать, потому что забыть все равно не получится?

– Все-то ты видишь, – вздохнула я, плотнее кутаясь в шаль. – А откуда ты знаешь, что мне такое не нравится?

– Хотя бы оттуда, что ты сейчас сидишь здесь в человеческой ипостаси. Видела бы ты себя со стороны.

– А по-моему, вполне себе королева...

– Маленькая дурочка, а не королева, – устало вздохнул Аранвейн, поднимаясь со скамейки и нависая надо мной. Я невольно поежилась и попыталась отодвинуться, но драконий царь не дал. – Хватит загонять себя в черную меланхолию, это тебе не идет. Королева должна понимать, что если что-то нельзя изменить напрямую, то можно использовать обходной путь или чужие руки, а если и это невозможно, то смирение, приводящее к депрессии, непозволительная роскошь!

– Да кто ты такой, чтобы меня учить?! – взвилась я, всплеснув руками и телепортом отодвигаясь на десяток шагов. Белая шаль сползла на лиственный ковер, но я не стала отвлекаться, чтобы ее подобрать. – Что ты понимаешь, а?

– Только то, что, пока ты загоняешь себя в угол, ты перестаешь быть хорошей правительницей! Становишься тряпкой. Женщиной, которая будет подвержена чужому влиянию. Я удивляюсь, как до сих пор никто не управляет Андарионом вместо тебя, пользуясь тобой как хорошенькой куколкой, не имеющей собственного мнения и делающей то, что ей скажут. – Аранвейн говорил спокойно, но каждое слово его резало, как хорошо поставленный удар клинка.

Да, он был прав. Почти. И именно эта правота разозлила меня еще сильнее.

Гладкая поверхность озера пошла рябью, как в ветреный день, а потом забурлила, выстреливая в воздух струи ледяной воды. Кончики пальцев у меня засветились, когда магия – ею в последнее время я пользовалась редко – пролилась из меня прозрачным, почти невидимым пламенем, от которого листья под ногами начали медленно тлеть.

– Не надо, Аранвейн. Ты прилетел, чтобы поставить меня на место, или еще зачем-то?

Вода в озере пошла кругами, раскручивая воронку водоворота, когда драконий царь широко улыбнулся:

– Вот это уже Еваника, которую я знаю. Все, ведунья, прекращай балаганные фокусы, я по делу пришел.

Ну вот, я же говорила.

– Разве?

– У Ритана и Вильи свадьба на днях. Я прилетел с приглашением.

Вода в озере моментально успокоилась, а я озадаченно потерла лоб, глядя на невозмутимого драконьего царя. Он, как мне казалось, с удовольствием бы пояснил, каким ребячеством выглядела моя выходка, но решил промолчать.

– Чего же раньше не сказал? – И, самое главное, почему мне ничего не сказала Вилька? Переписывались мы с ней раз в месяц как минимум, и, насколько я помню, ни в одном из ее писем не было ни слова о грядущей свадьбе. Чаше подруга то изливала душу в жалобах на мужское население в целом и на одного отдельно взятого дракона в частности, то спешила поделиться счастьем от очередной Ритановой выходки с романтическим уклоном. Но вот о том, что Вилья решила наконец-то остепениться, слышу впервые.

– Тебя поначалу встряхнуть надо было. Чтобы ты согласилась на небольшую авантюру.

– Какую же? – осторожно поинтересовалась я.

Дракон улыбнулся еще шире:

– Полетели в Серебряный Лес. Прямо сейчас. Свадьба состоится через день, только

если эти двое опять не переругаются.

– Прямо сейчас? – Я озадаченно опустила руки, мрачно разглядывая длинный подол королевского одеяния. – Ты уверен, что это хорошая идея – лететь туда налегке? Я ж в этом платье измучаюсь в дороге.

– Уже хорошо, что ты задумалась о том, что ничего с собой не берешь, а не о том, что королеве вообще-то нельзя покидать свое королевство просто так – без предупреждения ближайших подданных, охраны и всей той мишуры, которая обычно сопровождает отъезд правящего лица государства. – Аранвейн поднял шаль с земли, отряхнул ее от опавшей листвы и набросил мне на плечи. – Вот когда порадуешься, что я гораздо более опытный правитель, нежели ты, и уже обо всем позаботился. – Он указал на небо, где над деревьями нарисовалась хрупкая фигурка в развевающихся одеждах. – Смотри.

Светлые с черной каймой крылья мелькнули в воздухе, а спустя полминуты на берег приземлилась Хэлириан. На плече у нее висела моя походная сумка, объем коей не раз выручал меня в дороге. Судя по тому, как заговорщически переглянулись Верховная жрица Андариона и царь Алатырской горы, они сначала имели долгий разговор с глазу на глаз, а потом решили и меня втянуть в затею, абсолютно не подходящую королеве. Но столь подходящую для бесшабашной ведуньи.

– Ева, может, ты наконец снимешь с меня свой походный арсенал? – возмутилась Хэл, явно вспомнив о временах, проведенных у костра в местах, отмеченных на русских картах «черной меткой». – Как ты с ней столько времени ходила, понятия не имею, она же жуть какая тяжелая!

– Привычка – вторая натура, – хмыкнула я, снимая с запыхавшейся жрицы ношу и заинтересованно заглядывая в нее.

Опаньки, да там помимо имущества ведуньи, которое никто, я в том числе, и не подумал вытряхнуть и разложить в подобающем порядке, появился новенький меч в наспинных ножнах – его оголовье тускло блеснуло в холодных лучах осеннего солнца. Неудивительно, что сумка казалась такой тяжелой – видимо, меч клали последним, вот он и отягощал своим весом хрупкую, не привыкшую к подобным ношам жрицу.

– Хэл, а меч-то зачем, ежели на свадьбу к Вилье летим? – поинтересовалась я, продолжая перебирать содержимое сумки, наугад вытаскивая из недр артефакта полезные и не очень вещи.

Конечно, все я перевероршить не смогу, но буду хотя бы в общих чертах знать, что у меня валяется. А то с девушек станется туда и полный аватарский доспех упихнуть, благо артефактная сумка и не такое позволяла. В руку угодило слегка облезшее чучелко птицы, сиреневое оперение которой еще лет пять назад утратило свою первоначальную форму – перышки распушились по всей длине, и чучелко теперь напоминало не птичку, а странный пушистый комочек. Елки-палки, сколько ж лет оно у меня тут лежит?!

– Ева, насколько я тебя знаю, у тебя попросту феноменальный талант влипать с завидным постоянством в очень неприятные ситуации, – фыркнула Хэлириан. – Кстати, судя по всему, Небесный Хрусталь тебе придется оставить здесь.

– Да-да, помню. Талисманы не должны покидать границ Андариона, и все такое, – отмахнулась я, кладя чучелко обратно в сумку, в который раз пообещав себе выбросить его в ближайшем темном переулке, и выживая теплую кожаную куртку. Шаль, конечно, вещь сама по себе хорошая, но на ветру во время полета на драконьей спине она не поможет. Теперь я смотрелась совсем уж странно – настолько королевский наряд не сочетался с выдавшей гораздо лучшие дни курткой, но кому какое дело, в каком виде я на драконе летаю. – Тебе-то хоть есть куда ее положить? Я про корону.

Хэл на секунду задумалась, а потом ойкнула, смущенно указывая крылом на мою сумку. Ага, так я и думала. Девчонки в спешке сунули туда футляр для короны, а теперь его уже и не найдешь, пока не перевернешь сумку вверх дном. Хотя если постараться, то этого можно избежать.

– Ладно, сейчас будет. – Я снова закопалась в сумке, мысленно представляя этот самый

футляр – строго говоря, нечто вроде сумки из жесткой кожи, раскрывающейся, как коробка для украшений, и висящей на длинном ремешке.

– Думаю, нам пора, – напомнил о себе Аранвейн. – Мы с Хэлириан уже подготовили обращение к народу от твоего имени, где Хэл назначается твоей заместительницей на время твоего отсутствия в Андарионе. Надеюсь, мы не перегнули палку, сочиняя такой указ, а? – Дракон сделал несколько шагов назад, собираясь трансформироваться, а я только плечами пожала, ища футляр.

Вряд ли эти двое насочиняли указ покруче тех, что иногда пишут бояре для русского князя Владимира. Читала, знаю. Вилькин дед эти «указы» хранит в отдельном сундуке и иногда достает на ночь глядя, когда охота от души посмеяться. Куда там срамным стишкам, в охоте за которыми княжеские писари целых две недели торчали на базарной площади.

Серебристый свет окружил Аранвейна, и я прекратила поиски, зачарованно глядя на то, как шар густого, как туман, света окутывает человеческую фигуру, становится еще гуще и растет в размерах. Сколько раз уже наблюдала смену ипостаси у чистокровного дракона – все никак не могу насмотреться. Есть в этом зрелище какая-то притягательная сила, словно подсматриваешь за чем-то невероятно древним, выплетенном из первичной магии, овладеть которой не может никто, кроме самих драконов. Впрочем, так оно и есть. На подобные фокусы, насколько мне известно, еще Великий Полоз способен, но змеиный царь живет глубоко под землей, и его еще никто не видел. Нет, вру. Девки, которых Полоз иногда сманивает к себе на брачное ложе под землю, те уж точно видели, но рассказать никому и ничего уже не сумеют. Только на том месте, где девицу под землю забрали, выступает на поверхность самородное золото или камения самоцветные – навряд ли как Великий Полоз откуп родне отдаст. Драконы, как мне рассказывали, откуп в случае чего предпочитают передавать лично, из рук в руки.

Аранвейн с наслаждением расправил широкие кожистые крылья и щелкнул зубами, один вид которых вызывал искреннее уважение абсолютно у всех, кто их видел, а их остроту проверять, пусть даже в шутку, я бы не стала ни при каких условиях. Серые драконьи глаза, напоминавшие замерзшие озера, выжидающе уставились на меня, и в этот момент футляр для короны все-таки оказался в моей руке. Еще пару секунд я возилась с застежкой, после чего сняла с головы венец истинной королевы и, бережно уложив в предназначенное для него углубление, едва ли не с облегчением передала Хэлириан. Как будто пудовую гирю с себя сняла.

– Что, полегчало, ведунья? – усмехнулся дракон, ложась на землю и складывая крылья. – Забирайся давай, пока кто-нибудь за нами не увязался.

– А с Андарионом что? – поинтересовалась я, застегивая куртку и вешая сумку через плечо. – Государство развалить точно не успеете?

– Я обо всем позабочусь, обещаю. В конце концов, с политикой знакома не понаслышке, – улыбнулась Хэл, пристраивая футляр с короной себе на шею.

Что-то не нравится мне эта улыбка, наверняка ведь захочет приложить руки к внутреннему убранству дворца. Если опять попытается подвесить к моей кровати балдахин с рюшечками – прибую. Нет, лучше заставлю целый месяц ходить в розовом платье в цветочек: она этот цвет терпеть не может, как и я обилие кружев над головой в спальне.

– Ну да, а если что, то Ведущего Крыла к делу приплетешь, когда он вернется, – вздохнула я, подходя к драконьему боку.

– И к какому же делу вы, моя уважаемая королева, предлагаете меня приплести без моего на то ведома? – раздался у меня за спиной печально знакомый голос, прямо-таки сочившийся сладким ядом.

Ну бывают же дни, когда птица обломинго, простирая свои крылья над неудачниками, пролетает и над моей головой. Как жаль, что ее нельзя сбить на подлете, особенно сегодня!

Я медленно развернулась, сталкиваясь взглядом с черными зеркалами глаз Данте. Темная куртка наемника покоилась у него на плече, пропыленная и в паре мест порванная,

но сам аватар был в полном здравии и, если судить по каменному выражению лица, зол как никогда. Хэл тихонько, бочком, отошла в сторонку, а я невольно прижалась к Аранвейну.

– Хэл, он что, не в курсе был? – негромко поинтересовалась я у Верховной жрицы, которая недвусмысленно указывала глазами на небо.

Нет, я понимаю, что по-хорошему надо было бы забраться на спину Аранвейна побыстрее, но ведь Данте успеет сдернуть меня с дракона раньше, чем тот наберет достаточную высоту и скорость, чтобы оставить аватара далеко позади. А с Ведущим Крыла лучше не ссориться всерьез – потом проблем не оберешься.

– Не в курсе чего? – обманчиво ласково переспросил Данте, подходя ко мне ближе и оглядывая с головы до ног. – Далеко собрались, ваше величество?

– Недалеко, через несколько дней вернусь. – Я наконец-то вспомнила, что являюсь не абы кем, а королевой, а значит, имею право на незапланированный дипломатический визит, и, перестав вжиматься в серебристую чешую, приняла величественный вид. На Данте это все равно впечатления особого не произведет, но хоть самой не стыдно будет. – Аранвейн прилетел, чтобы отвезти меня в Серебряный Лес, он же взял на себя ответственность по обеспечению моей безопасности на время этой поездки. Визит не настолько официальный, чтобы собирать делегацию, поэтому я поеду не как королева Андариона, а как Еваника Соловьева. Вам же, как Ведущему Крыла, я поручаю охрану Андариона и Верховной жрицы. Хэлириан будет моим заместителем на время моего отсутствия, посему охраняйте ее, как охраняли бы меня. Приказ вам понятен, Ведущий Крыла?

Честно говоря, я думала, что он меня прибьет. Конечно, в другой раз и пока никто не видит, но хотя бы Хэл одна не останется, а у меня найдутся в Серебряном Лесу хлопоты и без Данте, который, разумеется, ни на шаг от меня не отойдет. И кому, спрашивается, от этого легче будет? Мне – уж точно нет. Я не знаю, что творится в душе аватара – с того дня, как меня короновали, мы больше не разговаривали как близкие люди. Честно говоря, общение было сведено к деловому, потому что безапелляционное «нельзя», подкрепленное буквой закона, где говорилось, что аватарам вступление в брак с членами королевской семьи запрещено, любую попытку как-то преодолеть выросшую ледяную стену превращало в фарс, не оканчивающийся ничем хорошим. Как-то не устраивало нас положение тайных любовников, когда свобода в выражении чувств ограничивается общей спальней. Пока – не устраивало. Я не могла себе представить эту пародию на семейную жизнь, где аватару придется пробираться ко мне в спальню по вечерам, а утром втихомолку покидать мою постель, возвращаясь к обязанностям Ведущего Крыла.

Но если бы он только предложил... хотя бы сделал шаг навстречу – я, скорее всего, смирилась бы с необходимостью не афишировать наши отношения на публике, все равно, кому надо, те и так будут все знать, другое дело, что вряд ли эти кто-то станут распускать ненужные сплетни. Но Данте, который всю сознательную жизнь вел двойную, а то и тройную игру, находясь на должности Ведущего Крыла, уже настолько устал от недомолвок и тайн, что предпочел отказаться от меня, одним махом сведя наши отношения к форме «королева – аватар». Потому у меня и руки опустились – как можно пытаться строить отношения с тем, кто этого не хочет? Насильно? Ну-ну, посмотрела бы я на того, кто сумеет заставить Данте делать то, что он не хочет, за исключением исполнения не особенно приятных обязанностей по долгу службы.

– Как вы знаете, ваше величество, я в первую очередь обязан заботиться о своей стране...

Ну слава Всевышнему. Значит, не увяжется следом.

– А сейчас благополучие Андариона напрямую зависит от истинной королевы, то есть от вас. К тому же, – Данте наконец-то прекратил изображать из себя беспристрастного аватара, и его глаза стали человеческими, а не холодным зеркалом, – Еваника, зная твою феноменальную способность влезать в сомнительные авантюры и находить неприятности там, где их и быть не должно, одну я тебя отпустить точно не могу. Не в обиду Аранвейну, которого я глубоко уважаю, но он рискует за тобой попросту не уследить.

Нет, похоже, что все-таки увяжется.

Я покосилась на дракона, но тот только нетерпеливо выдохнул мне в лицо струйку дыма. Ладно, бес со всеми вами, подозреваю, что на свадьбе Вильки не до охранника будет.

– Ладно, летим вместе, – отмахнулась я, с помощью левитации взлетая на драконью спину, устраиваясь между костяными наростами на хребте. – Хэл, не разгрови Андарион до моего возвращения!

– Издеваетесь, вашество, или как? – Айранит улыбнулась. – Можно подумать, вы мне не доверяете.

– Я на всякий случай предупреждаю. Аранвейн, мы уселись, давай на взлет!

Дракон только шумно выдохнул, выпуская из ноздрей струйки белесого дыма, и взмахнул крыльями. Меня вдавило в жесткий гребень, тряхнуло, а потом дракон рывками начал набирать высоту. Аранвейн заложил круг, поднимаясь все выше, пока внизу острыми шпильями не показались белые башни, скользнул мимо флюгера на крыше Снежного дворца и устремился в сторону гор. Холодный ветер ударил в лицо, отбрасывая волосы назад и выбивая слезы, ледяным покрывалом обволок руки, на которые я позабыла надеть перчатки, запел неповторимую песню поднебесья.

Из-за серых осенних туч выглянуло холодное, толком не греющее солнце, и от его лучей величественные горные вершины, покрытые нетающими снегами, вспыхнули, как самые большие в мире алмазы. Правы гномы, утверждающие, что горы – самые ценные сокровища в мире. Вот они – прекрасные бриллианты, горящие мириадами огней под холодным северным солнцем, и никто не сможет упрятать их под замок в свою сокровищницу. Они принадлежат всем и сейчас сияют так, что глазам больно.

Я отвернулась от величественных горных пиков, испаряющих облака, и посмотрела на запад, туда, где за снегами и горными тропами раскинулось лесное королевство эльфов, в котором никогда не бывает зимы. Серебряный Лес, где осень отличается от лета только густыми туманами над озерами и золотыми кронами деревьев...

– Держис-с-сь крепче, ведунья! – Аранвейн торжествующе заревел и скользнул в воздушный поток, расправив сверкающие серебром кожистые крылья во всю их немалую ширину.

Ветер засвистел в ушах, меня вдавило в гребень, но ощущение невероятной свободы захватило меня полностью. Пусть в другой ипостаси у меня были собственные крылья, но ничто так не возвращает угаснувшую страсть к свободе, как полет на драконе! Не зря их зовут повелителями неба, владыками ветров.

Свобода быть собой – вот о чем пел ветер, запутавшийся в моих волосах. А сколько продлится эта свобода, несколько дней или же до последнего вздоха, пусть решает капризная женщина по имени Судьба, ткущая свое покрывало, где каждая нить – это жизнь. И прекрасно это покрывало, и каждая нить переливается в узор своим оттенком или же пропадает, когда приходит срок угаснуть одной жизни и возникнуть другой.

Горы медленно уплывали, оставаясь за спиной Аранвейна, а впереди замаячили золото, багрянец и зелень лесов. Снова Русское княжество встречает меня осенью. Наставник говаривал, что вся наша жизнь – это не просто путь. Это раскручивающаяся спираль, каждый виток которой начинается почти там же, где заканчивается предыдущий, только чуть дальше, и беда, если жизненный путь замкнут в кольцо, тогда человек до конца жизни обречен повторять прежние ошибки, путаться, сбиваться с пути, но вновь и вновь возвращаться к тому, с чего все началось.

Встреча с Хэлириан, перевернувшая мою жизнь с ног на голову, произошла в начале осени. Осенью мы с Алином познакомились в Серебряном Лесу. И мое возвращение Русское княжество встречает не изумрудом колоссящихся трав и не снежным ковром, а богатством золотой листвы. Быть может, этот новый виток спирали все наконец-то расставит по своим местам, проведет черту между мной-королевой и мной-ведуньей. Или же поможет родиться чему-то новому. Время покажет, а пока пусть все идет так, как задумано судьбой.

Я глубоко вдохнула и крепче ухватилась за нарост на драконьем хребте, надеясь,

что у Аранвейна хватит благородства не выписывать в воздухе никаких «мертвых петель»...

Серебряный Лес всегда поражает своим неслыханным великолепием того, кто прибывает в него впервые через «гостевые ворота». Гости ведут по аллеям с выложенными белым и розоватым мрамором дорожками, где колонны, кажется, вырастают прямо из земли, а деревья сплетаются ветвями над головой, образуя живой коридор. Весной и летом солнце пробивается сквозь изумрудно-зеленую листву, заливая золотом мраморные плиты, а осенью аллея встречает гостей медными и рубиновыми кронами. Когда попадаешь к эльфам впервые, то дух захватывает от красоты, которую тебе показывают.

Но это если ты званый гость.

Если же ты попадаешь к эльфам в качестве нагрузки к всезнающему волхву, с тем, кто уже давно видел и красоты, и обыденную жизнь Серебряного Леса, то воспринимаешься как неодушевленный предмет. В свое время я сталкивалась с некими остроухими субъектами, которые, как мне казалось, безмерно удивлялись, если «тумбочка», идущая рядом с Лексеем Вестниковым, вдруг начинала разговаривать.

Но вот сейчас поражалась уже я. Не спору, что «великие и всезнающие» эльфы на своем веку ко всему привыкли, но если они даже на приземление дракона в своих землях реагируют простым пожатием плечами и фразой типа «Поналетели тут всякие», то в этом мире что-то определенно сдвинулось. В человеческих городах уже давно звенел бы тревожный набат, стражники на стенах заряжали бы баллисты, стреляющие двухаршинными болтами, способными пробить даже драконью шкуру. А здесь со стороны местных жителей ноль внимания, только посторонились, чтобы освободить дракону место для приземления. Аранвейн уже складывал крылья, когда к нему подбежала рыжеволосая девушка. Присмотревшись, я с трудом узнала Ревилиэль.

С трудом – это потому, что Вилька неслась к дракону, обряженная не то в подвенечное, не то в просто праздничное платье, скроенное по последней эльфийской моде, подобрав подол, из-под которого предательски выглядывали потертые штаны и сапоги. Интересно, а это у них генеральная репетиция свадьбы или же подруга решила потренироваться в краже невесты собственными силами?

– Ева-а-а-а-а-а!!! – Полуэльфийка остановилась, чуть-чуть не добежав до места посадки Аранвейна, и принялась размахивать руками на манер сломанной ветряной мельницы. Я вздохнула и, не дожидаясь окончания драконьего приземления, слевитировала прямо в крепкие объятия подруги, на радостях меня едва не придушившей. – Спаси меня!

– А-а-а-атпусти меня-а-а-а! – Я едва вывернулась из рук младшей княжны, которая, как я поняла, не забрасывала тренировки, пока я правила Андарионом. Чего нельзя было сказать обо мне: за меч я уже почти год не бралась, если не считать того, что прилагался в комплекте к короне, но им-то размахивать необходимости не было. Так, потаскать с собой иногда для проформы и соблюдения традиций. – Виль, ты чего, сдурела? От кого тебя спасать?

– Замуж не хочу, – страдальчески простонала младшая княжна, а я подняла глаза к небу. Вернее, к иронично ухмыляющейся драконьей морде, нависавшей аккурат над нашими головами.

Аранвейн, похоже, откровенно забавлялся происходящим, даже позволил себе некое подобие улыбки, от которой непосвященного бросит в холодный пот от ужаса. Я же только кулаком погрозила, одновременно пытаюсь разобраться в том, что происходит в этом дурдоме.

Тем временем с драконьей спины спустился Данте и, обозрев окружающую обстановку, решил тактично не вмешиваться. Ну и правильно, его советов тут только не хватало. Полуэльфийка, заведя его каменно-спокойное лицо, моментально перестала завывать на все лады, сетуя на свою горькую девичью долю, и вполне вменяемо поздоровалась. Я с облегчением вздохнула. Кажется, все эти крики и вопли – лишь игра на публику. Зуб даю и заначку из королевской казны, что Ревилиэль просто дурака валяет, снимая нервность

перед свадьбой таким нехитрым способом. Правильно, проще закатить мнимую истерику сейчас, чем настоящую в момент бракосочетания. Интересно, как Ритан вообще на такую авантюру согласился? Увижу – спрошу непременно.

Тем временем Вилья, крепко ухватив меня за руку повыше локтя, потащила куда-то по едва заметной тропинке, заговорщическим тоном сообщив о том, что девичник объявляется открытым. Я, припомнив последнюю нашу совместную пьянку на радостях после восстановления Андариона, тихо застонала и приготовилась к тому, что придется весь вечер колдовать, превращая медовуху в воду. Впрочем, если судить по довольному Вилькиному лицу, сегодня резерв у меня кончится гораздо раньше запланированного.

– Ну рассказывай! – скомандовала она, едва мы оказались в высоком резном тереме, таком, каких в Столен Граде днем с огнем не сыскать. Разве что княжеский мог бы сравниться с этим чудом, где каждая доска, каждая завитушка в причудливом переплетении узорчатых листьев тихо шептала о чутких руках мастера.

Можно долго рассуждать о том, кто кует лучшее оружие – гномы, эльфы или подземные духи. Спорить, в чьих сокровищницах богаче клады – у драконов или же в заброшенных катакомбах Гномьего Кряжа. Но спроси у любого, кто строит лучшие дома на поверхности, и каждый скажет: эльфы.

То, что они творят с деревом, никто не сможет повторить, тем паче превзойти. Дерево в их руках вьется, как кудель под пальцами умелой прядильщицы. Изгибается, как девичий стан под чуткими ласками, и позволяет вырезать на себе узоры, которые вблизи кажутся всего лишь естественными прожилками, выбоинками, но стоит лишь отойти на несколько шагов, как вот она – величавая картина векового леса, или же побеги вьюнка, оплетающего ставень или дверной проем. А стоит зайти внутрь – и кажется, будто дом весь пронизан солнечным светом, и его так много, что никак не избавишься от ощущения, что находишься не в горнице, а на залитой солнцем лесной поляне.

Вот и сейчас я просто столбом застыла на пороге, кожей впитывая льющийся из широко распахнутых окон солнечный свет и жадно вдыхая аромат нагретой на жарком червеньском<sup>2</sup> солнце сосновой смолы. Хорошо. Чертоги Снежного дворца, разумеется, и больше, и богаче, но именно здесь ко мне пришло, казалось, давно ушедшее чувство – жива. И свободна.

– Ау, Евочка, ты в каких высях опять паришь без крыльев?

Я вздрогнула и посмотрела на задорно улыбающуюся Вильку, вытаскивающую из светлого деревянного шкафа запечатанную бутылку с эльфийским медом. Подруга убрала за ухо упорно лезущую в глаза прядь и потянулась за серебряными бокалами, украшенными гравировкой в виде переплетенных кленовых листьев и каких-то цветов, похожих на колокольчики.

– Ты так сосредоточенно о чем-то думаешь. Можно узнать о чем?

– О доме, – абсолютно честно ответила я.

Ответила и задумалась. А где он, этот дом, блуждающим болотным огоньком парящий где-то впереди, но так и не дающийся в руки? Вначале я думала, что это маленькая избушка с покатой крышей, надежно укрытая от недоброго глаза русскими лесами, потом – что бревенчатый дом в Древицах, а в прошлом году меня приютили чертоги Снежного дворца. Да не просто приютили – приняли хозяйкой, но и там не было того тепла и спокойствия, который дарил бы мне Дом. Странное дело. Дом стал казаться мне кем-то вроде того единственного возлюбленного, кого втайне желает встретить каждая девушка, каждая женщина. Нечто призрачное и неуловимое, что всегда рядом и одновременно так далеко, что рукой не дотянуться.

Дом волхва всегда распахнет предо мною двери, но как гостье. Знахарка Метара в пограничном поселении рядом с Серым Урочищем будет по-прежнему мне рада, стоит

---

<sup>2</sup> Червень – второй летний месяц (росск.).

только переступить порог, привычно пригибаясь, чтобы не задеть головой низкую притолоку в сенях, но я никогда не стану ей родной. Мраморные залы Снежного дворца в далеком Андарионе поманят бархатом портьер и картинами, созданными из самоцветных камней, позовут эхом длинных коридоров, встретят радостными возгласами тех, кто почитает меня королевой, но и там я буду пришлой. Чужой. Которая может быть правительницей, заслуживающей верности и уважения, но не любви и согревающих объятий.

– У-у-у-у-у, Всевышний, как тебя это царствование-то из колеи выбило, – сочувствующе покачала головой полуэльфийка, невесть откуда выуженным ножом подковыривая сургучную печать на горлышке бутылки.

Еще полминуты возни – и вот уже пробка лежит на полированной столешнице, а от хмельного меда по всей горнице разливается дивный аромат весеннего березового сока, смешанного с душистым июльским медом и чуть-чуть приправленного осенней горчинкой. Точно напьюсь сегодня. Не от горя, так хоть с радости, что взбалмошную подругу по любви замуж выдаю.

Ревилиэль разлила по серебряным бокалам прозрачное золотое вино, и первый тост, по эльфийскому обычаю, пошел за ушедших. Не знаю, кого про себя вспомнила Вилья, но мне на ум пришел Алин, чей пепел развеян над заброшенной дорогой Ночного перевала. Пусть твоя звезда ярче сияет на ночном небосклоне, указывая путь. По правде говоря, зимой, еще в Древицах, я забиралась на стрелковую вышку и уже оттуда смотрела в черные небеса, на которых россыпями зерен мерцали далекие звезды, и гадала, какая же из них принадлежит Алину. Подолгу, до боли в глазах, я вглядывалась в морозный мрак, а ветер гнал со стороны гор тяжелые тучи, до краев полные колкого снега, нес на своих крыльях злую студеною метель. И когда мороз добирался до костей, я спускалась по шаткой, обледенелой лесенке, опрометью неслась по заснеженной улочке, скользя по коварно скрывающейся под пушистым зимним одеялом наледи, чтобы поскорее оказаться в теплых сенях вдовьего дома. Сбросить в угол запорошенный снегом полушубок, скользнуть в горницу, наполненную ароматом свежеевыпеченного хлеба. И уже не вспоминать о ледяном бархате ночного неба, отражение которого жило в глазах чернокрылого аватара.

Под золотистое эльфийское вино разговор пошел легче. У обеих многое накопилось, многое хотелось рассказать. Поделиться, как раньше, страхами и сомнениями, а у нас и того и другого было в достатке. Вилья, решившись на свадьбу с Ританом, места себе не находила, то вспоминая, как выдавали замуж старших двоюродных сестер, и едва ли не бросаясь к сумке с немногочисленными пожитками, чтобы удрать на ночь глядя, то начинала перебирать наряды и вздыхать о грядущих после венчания событиях. Честно говоря, я ее понимала и даже думать не хотела, что будет, если и я решусь на брак.

А я... А что я могла сказать? Что у меня есть неделя свободы, когда можно забыть про тяжесть почти невесомого королевского венца и про обязательства, которые не дают мне покоя? Что могу смотреть в глаза Данте так, как мне хочется, не обращая внимания на тех, кто может оказаться рядом?

Солнце постепенно закатилось, Серебряный Лес погрузился в сумерки, и только в нашей горнице горел добрый десяток ярких магических огней, то и дело слышались взрывы смеха, да и народу прибавилось. Началось все с заглянувшей на огонек златокудрой дриады, знакомой с Вильей еще с тех времен, когда она жила в Столен Граде, а закончилось тем, что я обнаружила себя сидящей в компании довольно нетрезвых дриад и эльфов. Как назло, в заначке у Ревилиэль вино еще не перевелось, и хоть айраниты пьянеют гораздо менее охотно, чем люди или эльфы, но ноги меня уже почти не держали. Кажется, я вела долгий философский диспут с невесть как затесавшимся на девичник Аранвейном, после чего резко встала из-за стола, едва не перевернув оный, и по стеночке добралась до выхода.

Свежий ночной ветер опьянил меня сильнее, чем только что выпитое травяное вино, поэтому я не сразу обнаружила, что на резном крыльце сижу не одна, а доверчиво уткнувшись лицом в чью-то жесткую кожаную куртку, пахнущую пряной осенней горечью опавших листьев, дымом костра и почему-то вересковым медом. Сообразив же, попробовала

отстраниться, но взгляд выхватил в сгущающихся сумерках черты узкого волевого лица, пряди волос, выбившиеся из хвоста и занавесившие левую щеку, и глаза, еле заметно сверкавшие серебром искорок в ответ звездному небу.

Он тоже заливал сегодня свою непонятную доселе, почти звериную тоску, от которой мне иногда хотелось оборотиться волком и убежать в лес наперегонки с ночным ветром, воя на бездушно-холодную луну. Тоже хотел сегодня забыть о чем-то своем, несбывшемся, что кололо душу льдистой, не дающей покоя занозой. Но сейчас он просто сидел рядом, держа меня в объятиях. Крепко.

Так, как держат драгоценность, что в любой момент могут вырвать из рук, оставив ни с чем.

Или свое счастье...

## ГЛАВА 2

Утро накрыло меня золотистым снопом теплых солнечных лучей, заставляя морщиться и зарываться лицом в подушку в стремлении урвать у наступающего дня еще несколько минут сна. Голова после вчерашней гулянки гудела, как рой рассерженных шмелей, виски отзывались резкой колющей болью на каждую попытку пошевелиться, а память «радовала» мутным туманом, застилающим события прошедшей ночи. Последнее, что я помнила, – это то, как я пытаюсь не заснуть на плече Данте, сидя с ним в обнимку на крыльце дома, где проходило предсвадебное веселье с тягучими «прощальными» песнями. Все остальное вспоминалось с большим трудом. Впрочем, как я и подозревала, напиться вчера до стадии «А что вчера было?!» мне не удалось, хоть я и старалась, как могла. Видимо, во всем виновата повышенная устойчивость организма айранита к хмелю, или же было просто мало выпивки.

Я потянулась, и рука моя задела кого-то, лежащего рядом со мной, причем этот кто-то, стоило мне только привстать, моментально сгреб меня в охапку, прижимая к груди, жар которой ощущался даже сквозь тоненький лен нижней рубашки. Негромко пискнув, я попыталась высвободиться и заодно разглядеть, с кем же меня угораздило проснуться поутру.

Впрочем, могла бы и не сомневаться – аватар уже садился на скомканных простынях, держась за голову и все еще слабо соображая, что тут происходит. А я медленно впадала в тихую истерику, и только похмелье не позволило мне сначала взвыть в голос, соскочить с кровати и уж потом разбираться, что к чему. Да и память, как назло, не подкидывала ничего, кроме относительно приличных воспоминаний, что ни на шаг не приблизило меня к пониманию произошедшего накануне.

– Еваника? – тихо, почти со священным ужасом в темных глазах пробормотал Данте, глядя на меня, как на привидение, и ожесточенно растирая виски.

– Нет, призрак твоей давно почившей бабушки, – буркнула я, слезая с кровати и начиная рыться в своей походной сумке, которую кто-то приволок в комнату. Ведь обязан там быть настой от похмелья, не может не быть!

– Что я наделал... – простонал аватар у меня за спиной, имея в виду не то поруганную честь королевы, не то собственное поведение.

Я только вздохнула, шаря в недрах сумки в поисках вожаденной бутылочки. Наконец шершавое стекло оказалось в моих пальцах, и я, хлебнув настоя, прислушалась к себе. Головная боль уходила вместе с разбитым состоянием, на ее место возвращались бодрость и неистребимый оптимизм, твердящий, что хуже может быть всегда. Может, однозначно может. На протрезвевшую голову я вспомнила заклинание диагностики физического состояния, а применив – успокоилась и одновременно огорчилась.

– Ничего ты не наделал, – ответила я, садясь на краешек кровати и протягивая Данте бутылочку с настоем. Тот, не задумываясь, сделал глоток, настороженно глядя мне в глаза. Я вздохнула и уточнила: – У нас ничего не было. Мы просто спали рядом. И все.

– Может, и зря. – Он осторожно погладил подушечкой большого пальца мою ладонь.

– Может. Только в таком случае хотелось бы помнить все до мелочей, а не гадать, было ли нет, узнавая правду только с помощью магии, – пожала плечами я, не торопясь убирать руку и скользя взглядом по его лицу. Оказавшись вдали от Андариона, где Данте приходилось быть Ведущим Крыла, не ставящего ничего выше долга, он снова становился самим собой. Словно отпускала душу звериная тоска и не нужно было больше прятаться за равнодушием стального шлема-маски.

– Ты же знаешь...

– Знаю.

Разговор без слов – только долгий взгляд душа в душу, теплое прикосновение его руки к моей и рвущее на части ощущение свободы. Пусть кратковременной, но принадлежащей только нам. И неизвестно, чем бы все закончилось, если бы дверь не отворилась и на пороге не возникла Ревилиэль со стопкой чистой одежды.

– Ев, у тебя нигде не завалялось средство от... Ой. – Полуэльфийка так и замерла с приоткрытым от удивления ртом, переводя взгляд с меня на Данте и обратно. – Ну вы даете...

– Виль, ты зачем пришла? – осведомилась я, чувствуя, как щеки начинают гореть.

– У тебя зелья от похмелья нету? – со стоном поинтересовалась она, кладя стопку одежды на табурет у резной двери и глядя на меня, как пресловутый страждущий.

Я отобрала у Данте флакон с настоем буро-зеленого цвета и хотела было кинуть младшей княжне, но передумала. Не поймает ведь, а второго пузырька у меня может не оказаться, и вот тогда я услышу о себе много нового и интересного. Но вставать было лень, поэтому я попросту подняла стеклянную бутылочку взглядом, и та, медленно пролетев через комнату, зависла перед Вилькиным лицом.

Княжна моментально цапнула лекарство и вымелась за дверь, успев сказать, что мое присутствие при процессе обрядования невесты в свадебное платье обязательно и возражения не принимаются.

– По-моему, у нее окончательно крыша поехала от волнения, – задумчиво протянула я, щелчком пальцев переправляя принесенную Ревилиэлью одежду на краешек кровати. – Она даже мне лекцию о падении нравов не прочитала.

– Возможно, я покажусь тебе излишне циничным, но в данный момент я сожалею, что ей не в чем нас упрекнуть.

Я обернулась. Аватар уже зашнуровал сапоги и поднялся. Откинул тонкие растрепанные прядки с загорелого лица, подхватил куртку с пола и только тогда посмотрел на меня. Тоска выглядывала из черных с серебристыми искрами глаз. Так смотрит волк зимней ночью на бледную луну, заливающую снег мертвенно-бледным светом. Интересно, в моих глазах сейчас такая же пропасть или мне лучше удастся это не показывать? Не думаю. Я в очередной раз пожалела, что не могу просто так отбросить от себя проклятый венец, который был мне не нужен, и уже не возвращаться в Андарион никогда. Безумный, жгучий порыв, на миг охвативший меня всю.

Если я не буду перекидываться в айранита, то меня никто и никогда не найдет, пока я этого не захочу. Лес примет меня, как принимал всегда. Он укроет меня от ненужных взглядов, даст кров и стол. Будет защищать порывами ветра в листве, шумом вековых елей, волчьим воем и тропами леших. Я навсегда останусь лесной ведуньей, той, которой была рождена. Уйду, как Алексей Вестников, в глухую чащобу, выстрою там дом и буду жить, не зная об интригах королевского двора в небесной стране.

Я смогу. Но вот Данте – вряд ли. Для него долг и честь прежде всего. Он не сбежит от ответственности и постылой судьбы, как это только что хотела сделать я. Да и будет ли он относиться ко мне по-прежнему, зная, что я смалодушничала, бросила на произвол судьбы целое королевство, всецело мне доверявшее, как дитя малое матери? Нет, не будет. Предав Андарион своим побегом, кем я стану для него?

Пусть лучше все остается так, как есть. Судьбе рано или поздно надоедает

сложившийся расклад, и тогда одним небрежным мановением руки она смахивает карты со стола и начинает новую партию с прежними участниками. Надо только подождать. Я ведуняя, и здесь, в Серебряном Лесу, я впервые ощутила столь явственно, как ветер перемен расправляет над нами свои призрачные крылья, готовясь пронестись с первой зимней бурей. Перемены кого-то ломают, кого-то просто согнут, и хватит ли человеку сил вновь распрямиться, как упругой луговой траве, никто не знает, даже он сам. А кого-то ветер перемен закружит, унесет далеко-далеко, и уже там напишет ему новую судьбу на страницах великой Книги жизни.

Данте улыбнулся мне. Впервые за долгое время не вежливой, а искренней улыбкой, и от нее веяло горечью, как от ковра опавших листьев, пропитанных дождем. А потом поклонился и ушел, так и не сказав ни слова на прощание. Да и зачем слова-то, если и так все понятно. Он тоже ничего не забыл, только ему, как и мне, слишком сложно будет вернуться в Андарион, если между нами что-то изменится здесь и сейчас.

Я вздохнула и принялась разворачивать одежду, принесенную Вильей. Сначала с недоумением, потом с возмущением обнаруживая, что это не что иное, как платье, в котором Вилья хочет меня видеть на своей свадьбе. И записка, вложенная между слоями нежно-голубого шелка: «Ев, приходи в этом на церемонию хотя бы ради меня». И приписка, значительно улучшившая мне настроение: «Ты еще мое платье не видела».

Отлично, страдать – так вместе. Что ж, ради такого я, пожалуй, похожу денек в этом шедевре эльфийского творчества. Не знала я, на что соглашаюсь-Каюсь, увидев страдальческое выражение лица «счастливой» невесты, я с трудом удержалась, чтобы не захихикать максимально гнусно, но сдержалась, позволив себе лишь ухмылку. К счастью для меня, Вилька ее не заметила, поскольку была занята тем, что не давала окончательно превратить себя в выставку достижений мастеров Серебряного Леса. Видимо, ее папочка все-таки вспомнил, что он не кто иной, как принц, пусть и предпоследний в очереди на престол, и решил отгрохать разлюбленной дочурке свадьбу пороскошнее, чтобы распрощаться с ней раз и навсегда. Есть у эльфов такой занимательный обычай – выдавая дочерей замуж, родители целиком и полностью перекладывали ответственность за их грядущее благополучие на плечи мужей. Могли, конечно, и принять чужака в род, но такое редко случалось. Официально – не более десяти случаев, неофициально – в несколько раз больше.

– Я сказала, что не надо мне эти бубенчики, я не коза, чтобы с ними ходить! – рывкнула Вилья, отгоняя от себя дриаду, роскошная золотая коса которой спускалась едва ли не до колен и была толщиной с мою руку.

Я обзавидовалась, честно. Чему я еще удивилась, так это понимающему выражению на красивом лице девушки, держащей в руках серебряную цепочку с крошечными колокольчиками. Похоже, та действительно понимала, каких усилий стоит Вильке вся эта предсвадебная суета. Ручаюсь – они с Ританом с большим удовольствием обвенчались бы максимально быстро, в дорожных одеждах, после чего новоиспеченный муж обратился бы в рубинового дракона и улетел неведомо куда с женой на спине.

– Еваника!

– Да тут я, – улыбнулась я, подходя поближе и оглядывая снежно-белое с серебром платье подруги. – Тебе не кажется, что Ритану в первую брачную ночь будет проще порвать его на лоскуты, чем снять?

Дриада тихонько прыснула в кулачок, а Вилька тихо зарычала.

– Я что, не первая о таком спрашиваю?

– Честно говоря, каждый, кто сюда заходил в последние полчаса, первым делом интересовался именно этим, – произнесла златовласка. Голос – как мелодично журчащий весенний ручеек. Истинная дочь земли, не полукровка, как это нередко случается.

Росские леса все реже и реже рожают дриад из материнских деревьев, все чаще дриады продолжают свой род со смертными или же с эльфами. Кто-то считает это одним из признаков того, что земля начинает скудеть. Крестьяне говорят о приближающихся черных днях. А волхвы только неодобрительно качают головами, но пока хранят молчание. Слово

волхва имеет ценность, и редко кто из них высказывает пустые предположения до того, как они будут проверены.

Лично я считаю, что это выбор самих дриад. Прошлым летом я высвободила заключенных в магическую ловушку дочерей земли, и, как мне показалось, они были очень недовольны тем, что им пришлось много лет безвылазно просидеть в древесных стволах. На память об этом на дне моей бездонной сумки до сих пор лежал витой корешок-амулет, назначение которого я до сих пор так и не поняла. По правде говоря, и проверить-то некогда было – королевские обязанности занимали все мысли.

– Ничего, Евочка, я посмотрю на тебя, когда ты замуж выходить будешь, – буркнула Ревилиэль, сражаясь с застежкой на груди и пытаясь сделать вырез платья чуть-чуть поскромнее, чтобы тщательно оберегаемые для мужа прелести не выскользнули на всеобщее обозрение.

– Сомневаюсь, что это будет скоро, но за пожелание спасибо, – фыркнула я, усаживая подругу на табуретку и принимаясь аккуратно расчесывать ее еще влажные после мытья волосы.

Дриада, недолго думая, присоединилась ко мне, и теперь мы в четыре руки приводили гриву полуэльфийки в подобающее торжественному случаю состояние.

– Поскольку невеста занята собой настолько, что позабыла об этикете, позволь представиться: Ланнан, дочь Древа, как ты уже, наверное, догадалась.

– Еваника Соловьева, – чуть склонила голову я, на миг замешкавшись с ответом, поскольку не знала, стоит ли сообщать о своей нечеловеческой природе. – Лесная ведунья.

– Оно и заметно. – Ланнан улыбнулась, ненавязчиво убирая мои руки от огненно-рыжих кудрей Вильки. – Позволь мне. У меня опыта больше.

Я только плечами пожала, присаживаясь рядом с подругой прямо на пол и ничуть не беспокоясь о чистоте подола. Не мое – не жалко, а если испачкаю, то будет повод сменить шикарное, но очень неудобное лично для меня платье на что-нибудь более уютное. И теплое – все же на дворе вторая декада листопада, и это лишь в Серебряном Лесу бабье лето неприлично надолго задержалось. Впрочем, здесь никогда не бывает по-настоящему холодно, календарные зимы здесь настолько мягкие, что можно ходить в легкой осенней куртке, а не прятаться под меховой шубой от мороза, как приходится делать в прилегающих к эльфийской территории областях. Не знаю, как Вилье, но лично мне не очень-то уютно в легком шелковом платье, когда в Андарионе я спасалась от холода под пуховой шалью и плотными накидками.

– Ты как? – негромко поинтересовалась я, беря подругу за руку.

Вилья тяжело вздохнула, глядя на меня зелеными глазами, в которых разве что слезы не стояли.

– А что, не видно? Я последние полтора месяца в Серебряном Лесу торчу, и все потому, что Ритан додумался попросить моей руки не у деда, а у отца. Вот и растянули подготовку к свадьбе, как не знаю что. А могли тянуть еще дольше, но тут уже Ритан возмутился. Одна радость – с Ланнан познакомилась. Видела бы ты, как она из лука стреляет! Не хуже эльфов, а то и лучше. – Полуэльфийка поправила платье на груди, огладила густо вышитую серебром верхнюю юбку. – Может, ты сама о себе расскажешь?

– А тут и рассказывать нечего, – прошептала дриада, сноровисто укладывая непослушные Вилькины кудри в шикарную прическу-водопад. – Мое материнское древо выпустило меня из своего чрева тридцать шесть весен назад, с тех пор я живу в Серебряном Лесу. Осенью я обычно возвращаюсь домой, в свое древо, но не в этом году. Этой осенью мое древо слишком рано уснуло, оно уже уронило последнюю листву и закрыло вход для своей дочери.

Вот уж точно – странно. Быть может, я и преувеличиваю, но Лексей Вестников частенько говорил, что мать-земля первой чувствует перемены. Когда равновесие сил в мире нарушается, земля первой предупреждает об этом. Зима приходит раньше обычного. Роняют листья вечнозеленые деревья, закрываются прибежища дриад, укрывая своих дочерей от

невзгод. Наставник учил меня слушать лес, землю и саму жизнь. Потому что кому, как не ведунам, охранять равновесие. Кому, как не нам, придется отвечать за последствия.

Прошлым летом вырвалось на свободу из недр земли темное пламя, выпустив на волю своих созданий. Страшные, исковерканные злой силой огня существа, не щадившие ни себя, ни других. Поневоле вспомнился опальный принц Азраэл, оставшийся во власти темного пламени и едва не отправивший меня на тот свет на свидание к предкам. Если он до сих пор жив... если он все еще несет в себе разрушительную силу земли... То кем он сейчас стал? Я не понаслышке знаю, как калечит и изменяет темное пламя. Его нужно постоянно подпитывать, и если поначалу достаточно наведываться к Источнику раз или два в месяц, то с течением времени приходится пополнять силы все чаще и чаще, иначе темный огонь выжжет своего владельца изнутри.

Прошло около полутора лет с тех пор, как Азраэл скрылся из Андариона, за это время сила темного пламени должна была выесть его сущность, оставив искаленную оболочку, но только если он не поселился рядом с Источником. Тогда... Да, в таком случае Азраэл не только живее всех живых, но и силы накопил столько, что лишь успевай разбрасывать излишки вокруг себя.

Мы с Аранвейном убили кучу времени, пытаюсь разыскать Источник, но попадались только мелкие очаги, изредка прорывавшиеся на поверхность, и их уничтожение было сравнимо с созданием запруд на мелких ручейках, исходящих из полноводной реки. Сам Источник темного пламени до сих пор горел где-то под землей, а одиночные очаги стали прорываться все чаще – то у подножия Гномьего Кряжа неподалеку от Серого Урочища, то в Химеровой пустоши, а то и на берегу Вельги-реки. Драконы пока успевали запечатать очаг до того, как вокруг него образовывались «мертвые земли», но было件нятно, что вечно это продолжаться не может. Отыскать Источник с помощью магии не получалось – хребты Гномьего Кряжа искажали внутреннее око драконов, а моих сил было попросту недостаточно, чтобы «прочувствовать» гору изнутри.

Не праздничные у меня мысли, ой не праздничные.

– Наша прекрасная невеста готова! – объявила Ланнан, отступая на шаг, чтобы Вилька наконец-то смогла встать с табурета и оглядеть себя в большом зеркале у стены.

Кажется, довольной она не была, но я постаралась списать это на волнение перед свадьбой. Честно говоря, если бы замуж выходила я, то все было бы намного сложнее. Вильку хотя бы не надо обвешивать блокирующими магию амулетами, чтобы невеста, не дай Всевышний, не сбежала со свадьбы, воспользовавшись банальным телепортом.

– Ева, все так плохо, как мне кажется, или еще хуже? – мрачно поинтересовалась Вилья, разглядывая себя в зеркале без особого энтузиазма.

– Что я слышу! Виль, тебе не кажется, что подобный оптимизм больше характерен для смертницы, а не для невесты, а? Слушай, кто из нас двоих мерзкая ведьма?

– Ты. Не переживай, на твои лавры не претендую, – отмахнулась подруга, беря с низкого столика тщательно подобранный букетик серебристо-белых цветочков, похожих на колокольчики, и шагнула к двери. – Итак, можете выдавать меня замуж, только побыстрее, пока я не передумала!

Мы с Ланнан понимающе переглянулись, без лишних слов выходя за дверь вслед за невестой, а то и в самом деле передумает, и как ее тогда ловить?

У каждого народа свой свадебный обряд.

Орки попросту воруют приглянувшуюся женщину из клана в свою землянку, отдавая ее семье некое подобие выкупа после рождения первенца. Дриады, обручаясь с кем-то из смертных или эльфов, делают это по законам леса – с помощью магического договора, один раз и на всю жизнь. К сожалению, я так и не узнала о тонкостях свадебных обрядов ни у драконов, поскольку свадьбы у них случаются редко, раз в сотню-другую лет, ни у айранитов, потому что хоть и звали королеву на свадебные торжества, но меня хватало лишь на то, чтобы официально благословить молодых, не вникая в сам процесс. Быть может, и зря.

Но каждый раз, видя счастливую невесту в свадебном платье традиционного для Андариона небесно-голубого цвета, я представляла такое же на себе, после чего мне становилось уже не до праздника.

Люди из Росского княжества устраивают из процесса целое представление: жених со сватами приходит на двор к невесте, буквально на каждом шагу отгадывая загадки братьев и сестер суженой и отдариваясь от них бусами и сладостями, мать и отец невесты тоже просто так в горнице не сидят, а предлагают выкупить ключ, дабы «горницу суженой отомкнуть». Невесту же тем временем прячут в дальней комнате или за печью. И только после того как жених переступит целым и невредимым порог дома, девушку выпускают к жениху. А уж сама свадьба – отдельная песня. Я не раз «оберегала» свадьбы в Столен Граде – проходила практику в заговорах, как любил называть это дело Лексей Вестников. Самого его на свадьбы звали чаще, чем на жальники или же к больному, но волхв всякий раз отнекивался, после чего усмехался в седую бороду и отправлял на гулянку меня. Как же, без ведуна или знахаря-вежливаца<sup>3</sup> и свадьба не свадьба. Кто еще ответит от молодых порчу, произнесет заговоры на крепкую семью, легкие роды и достаток в доме? Правда, зачастую на такие свадьбы под видом знахарей проникали мошенники, рассчитывавшие на халяву наесться и напиться от пуза, да еще и подарков огрести за свою общественно-полезную деятельность, но главное, чтобы была соблюдена традиция. Подозреваю, что половина Стольна Града пережилась под опекой таких липовых колдунов, и ничего – стоит столица Роси и процветает помаленьку.

Эльфы же... Не дай Всевышний когда-нибудь позариться на эльфа, потому что человек имеет все шансы просто не дожить до торжественного момента. Поскольку эльфы – раса по продолжительности жизни сравнимая с драконьей, то и все церемонии, связанные с таким серьезным решением, как заключение брачного союза, донельзя растянуты по времени. Одна только помолвка может длиться несколько лет, а подготовка к свадьбе занимает от пары месяцев до года, и это в лучшем случае. Эльфы помешаны на мелочах, и к свадебному торжеству наряды и украшения делаются специально для брачующихся. Воздушные платья и шелковые туники покрываются тончайшей вышивкой, драгоценности больше напоминают собой заколдованные цветы и листья, нежели творения рук, а уж про то, что для молодой семьи обычно строится отдельный домик, и говорить не стоит. Эльфы не очень склонны к долгостроям, но для «брачного дома» могут и расстараться.

Дело в том, что «брачный дом» служит основой жилища для будущей семьи, именно к нему в дальнейшем пристраиваются дополнительные комнаты и хозяйственные помещения, в нем совершают семейные обряды наречения именем, объявляют о помолвках, принимают в семью. «Брачный дом» становится семейным храмом, и, как всякий храм, строят его с любовью и мастерством, стараясь соблюсти все традиции. Это каждый раз произведение зодческого искусства, и нет двух похожих «брачных домов».

К счастью для меня, Вилька с Ританом настолько не терпят долгие церемонии, что для них все подготавливалось с неслыханной для эльфов скоростью – всего полтора месяца на все про все. И слава богу. Более длительной пытки ожиданием полуэльфийка могла бы и не выдержать и действительно сбежать куда подальше от слишком обстоятельно подходящих к делу родственников.

– Госпожа Ланнан! – Из-за угла выбежал темноволосый мальчик лет тринадцати, высокий, худенький и немного нескладный.

У меня на миг остановилось сердце, пропуская удар.

Именно этот ребенок пригрезился мне, когда в груди у меня была сквозная рана от глефы Азраэла. Этот мальчик смотрел на меня карими глазами из какой-то библиотеки, и именно сейчас его появление ознаменовалось тупым уколом спящей во мне силы, полученной от регалий истинного короля.

---

<sup>3</sup> Вежливек – знахарь или колдун, оберегающий либо портящий свадьбу.

– Госпожа Ланнан, госпожа Ревилиэль... – Мальчик остановился, пытаясь отдышаться.  
– Что такое, Ветер? Твой учитель прислал тебя? – поинтересовалась дриада, улыбаясь легко и непринужденно, но вместе с тем чуточку снисходительно.

– Нет-нет, просто меня попросили вас немного поторопить. Гости уже собрались, все готово для церемонии, ждут только вас, – Ветер убрал вьющуюся прядку темно-русых волос с вспотевшего лба и выпрямился, глядя на меня.

Н-да, не то он высокий, не то я настолько маленькая, но пацан был ниже меня всего на полголовы, если не меньше, а вот взгляд у него уже как у взрослого. Взгляд ученика мага. Такой, как Ветер, может далеко пойти, если поставит перед собой Цель и найдет в себе силы для того, чтобы ее достичь.

– Ветер, поприветствуй Еванику Соловьеву, ближайшую подругу госпожи Ревилиэль. Советую тебе по возможности пообщаться с ней, ведь она уже является той, кем тебе еще только предстоит стать, – улыбнулась Ланнан, незаметно расправляя складки на юбке.

Вилька только сильнее сжала пальцы на неповинном букете. Я же потянула подругу за собой по коридору, решив, что разговаривать можно и на ходу.

– Очень приятно, Ветер. А чей ты ученик?

– Далиэра, он входит в Круг Двенадцати. А ты? – Он сразу же перешел на простой выговор без велеречивости. Что ж, пусть я уже закончила обучение, а он еще нет, все равно, пока я не взяла себе первого ученика, мы с ним, можно сказать, на равных. Негласная традиция, бытующая среди магов.

– Меня обучал волхв Лексей Вестников, слышал о таком? Только я уже обучение закончила, теперь сама по себе, – улыбнулась я, сразу как-то ощутив себя в своей тарелке. Длинный подол шелкового платья уже не настолько отравлял жизнь, как поначалу, да и солнце, проникающее в коридор сквозь мозаичные стекла, подняло настроение настолько, что захотелось улыбаться, а предстоящая церемония уже не казалась вынужденной необходимостью.

Ветер завистливо вздохнул и уставился себе под ноги, а я только сейчас обратила внимание, что уши у него закругленные. Странное дело, обычно эльфийские маги людей к себе в ученики не берут. Тут нужен либо недюжинный талант, либо особые обстоятельства, но чаще всего и то и другое сразу. Слышала я о Далиэре, когда лет шесть-семь назад приезжала я с наставником в Серебряный Лес. Он тогда только-только получил перстень мага-природника, и, насколько я поняла, Ветер у него первый ученик. В таком случае дела совсем уж интересными становятся: кто этот пацан, да еще и явно полукровка, если его взял под свое крыло один из эльфийских магов? А какой наиболее верный способ узнать? Правильно.

– Ветер, а как ты попал к Далиэру? – ненавязчиво поинтересовалась я.

Паренек насупился, но все же ответил, хмуро глядя в пол.

– Так и попал. Отец из торговых людей был, а мать – знахаркой, неплохой, как мне рассказывали. Сам-то я не помню, но мне эльфы сказали, что родителей убило молнией во время грозы, когда они уезжали из Серебряного Леса обратно в людские земли. Мне тогда всего четыре года было, но меня небесный огонь не тронул, обошла беда стороной. Эльфы меня приютили, потому что почувствовали во мне неплохие способности к воздушной магии, а поскольку имени моего не знали, а сам я полгода после той грозы вообще не разговаривал, то называли меня Ветром. Вроде как временное прозвище, но прижилось, и даже когда родное вспомнил, все равно Ветром остался. Как Далиэр объяснил, чтобы было, как полагается, одно имя тайное, одно общее. А ты у Лексея Вестникова как оказалась? Я ведь его помню, он очень интересно о подгорных духах и гномах рассказывает, в прошлом году к нам по весне приезжал.

Мальчишка выжидающе уставился на меня глазами, в которых нет-нет да и проскакивала золотистая искорка, как в авантюрине. Красивые глаза и слишком необычные для человека. Видимо, те же самые дриады или эльфы в родовое древо затесались. А ведь придется рассказывать. Между учеником мага и лесной ведуньей, всего пару лет как

покинувшей своего наставника, нет большой разницы. Пусть даже ученик – сирота на попечении эльфов, а ведунья – королева Андариона, путешествующая инкогнито.

– Ну как все в обучение попадают, так и я попала. Лексей Вестников дал как-то по неосторожности клятву воспитать из меня волхва, поскольку принял меня за мальчика, а когда разглядел повнимательнее, уже обратного хода не было. – Я улыбнулась и развела руками. – Ну волхв не волхв, а ведунья вроде как неплохая получилась. А пару лет назад меня, можно сказать, отпустили на вольные хлеба.

– Выгнали, значит, – хитро улыбнулся Ветер.

Ланнан довольно правдоподобно замаскировала смех приступом кашля, а Ревилиэль радостно хлопнула парня по плечу так, что тот едва не рухнул носом на гладкие доски пола. А ведь не потеряла еще сноровку, даром что в дружине княжеской состояла.

– Ев, а мне этот паренек уже нравится. Знаешь, если будет время, после свадьбы научу тебя кинжалом управлять. Или ножи метать.

– Это я и так умею. – Гордо поднял Ветер подбородок, смерив взглядом полуэльфийку.

Та только хмыкнула, а я улыбнулась:

– Мальчик, ты лучше не петушись, Вилька-то несколько лет в княжеской дружине обучалась, и тебе, поверь, до нее еще ой как далеко. Она своего десятника на обе лопатки в рукопашном бою клала...

Договорить я не успела, поскольку увидела эльфа, идущего нам навстречу размашистой и отнюдь не размеренной походкой. Увидела – и едва не приросла к месту, настолько он походил на Алину.

Несколько секунд я пыталась собрать расползающиеся во все стороны мысли в одну кучу, но удалось мне это только после слов Вильи, из которых я поняла, что светловолосый эльф с яркими глазами цвета потемневшего от времени серебра – ее отец. Теперь понятно, в кого пошел Алин – это только на первый взгляд отец и сын казались на одно лицо, но, присмотревшись, можно было заметить различия. У Алины глаза и посветлее были, и не такие... старые, что ли. Не могу объяснить этого ощущения, которое возникает у меня каждый раз, когда смотришь на молодое лицо с видевшими несколько веков глазами, но именно это ощущение помогало мне различать возраст эльфов.

Отцу Алины и Вильи, судя по всему, было далеко за триста, но впервые встретившемуся с эльфами он мог показаться молодым. Такая иллюзия вечной молодости, но стоит взглянуть в глаза повнимательнее – и можно увидеть мудрость столетий. Я стараюсь избегать смотреть в глаза тысячелетним эльфам – всякий раз мне кажется, что заглядываю в черный колодец без дна, куда годы падают, словно камни, вызывая на поверхности лишь мимолетную рябь. Неприятное ощущение.

Странное дело, но таких «провалов» нет разве что в драконьих глазах. Драконы как-то умудряются плавно скользить сквозь годы, не позволяя грузу воспоминаний отягощать свою душу. Поэтому с Аранвейном, драконьим царем, который помнил еще Таль Синюю Птицу, я чувствовала себя уютно, не ощущая, что его мудрость, накопленная за бесконечно долгие годы, давит на меня непосильным грузом. Со старыми эльфами так не получалось. Быть может, все дело в том, что драконы – первая раса в этом мире, сколько бы эльфы ни твердили про свою Перворожденность, и поэтому на остальных они смотрят не с гордыней, а как на детей малых, не принижая без надобности и не подавляя жизненным опытом. Зачем, спрашивается? Дети могут вырасти только тогда, когда им позволить расти, а не выталкивать на нужный путь. Эльфы, похоже, еще не научились такому отношению, предпочитая высокомерие и гордость. Что ж, для драконов и они – дети. Пусть старшие, но все же дети...

– Ревилиэль, я понимаю, что невесте свойственно опаздывать. Но все же следует знать меру. – Эльф взял Вильку под руку, Вилька на миг напряглась, но потом все же решила не портить себе праздник мелочным скандалом, чай, не впервой разыгрывать из себя любящую дочь, и спокойно, с достоинством пошла рядом с отцом.

– Отец, я хочу тебе наконец-то представить Еванику Соловьеву, мою лучшую подругу. Ева, это мой отец, Кирэлин.

Я вяло улыбнулась, Вилькин отец ответил тем же. Ну да, всякий раз, когда требовалось провести очередное семейное торжество в Столен Граде, заманить меня туда не было никакой возможности. Честно говоря, Вилька и сама не присутствовала бы, если б могла. Но в тринадцать лет становиться поперек воли сурового деда ей было несподручно, меня же никто не неволил. Более того, наставник, понимая мое нежелание участвовать в этом спектакле, загружал меня отработкой заклинаний или же просил помочь в сборе трав и сортировке гербария. Честно говоря, перебирать целебные веники мне нравилось намного больше, нежели участвовать в княжеском празднике, стоя за спиной младшей княжны в густо расшитом шелком и речным жемчугом сарафане. Но это было давно. А сейчас я королева Андариона, пусть даже здесь я нахожусь неофициально, и это уже позволяет мне быть чуточку более прямолинейной. А положение ведуньи на свободных хлебах – наплевать на дипломатию.

– Не могу сказать, что мне очень приятно, но формальности соблюсти надо, – ровно ответила я, кивая Кирэлину с достоинством королевы – Хэл уже совсем отчаялась, пытаясь научить меня этикету так, чтобы он не забывался даже в экстремальных ситуациях. Поздно, про этикет я вспоминала лишь на приемах или во время официальных мероприятий, но стоило мне только уйти подальше от глаз подданных – все, как была ведуньей, так ею и осталась. Разве что в последнее время, вместе с приходом осени, я начала забывать о том, кем я была, будто бы маска ровного спокойствия прирастала к лицу...

Вилькин отец посмотрел на меня, как сытая мышь на заплесневелый огрызок сыра – «Что? И мне эту гадость съесть надо?!» – но промолчал, а я запоздало вспомнила, что Кирэлин из королевского рода. Н-да, с одной стороны, коронованная правительница стоит выше по иерархии знати, чем некоронованный младший принц, шестой или седьмой в очереди на трон, но с другой – ведунья, почти хамящая в лицо эльфийскому принцу...

Короче, как раз оно самое, чтобы поддерживать репутацию диковатой девчонки, выросшей в лесу неподалеку от Стольна Града, тем более что это все равно ненадолго.

Пышно украшенный цветами коридор вел к распахнутым двустворчатым дверям, от порога которых начиналась мраморная дорожка, петлявшая между яркими кустарниками куда-то вглубь невероятно красивого и ухоженного сада. Я ступила на бело-розовые мраморные плитки следом за Вилькой и почти сразу застыла в восхищенном оцепенении.

Далеко не все дома в Серебряном Лесу построены на деревьях, но у тех, что строятся на земле, имеется свой потаенный сад, маленькая священная роща для каждого рода. В этом саду заключают браки и оставляют мертвых на ночь, чтобы душе было легче подняться к звездам, а до того успеть попрощаться с тем, что было дорого при жизни. В такие потаенные сады эльфийки приходят рожать детей, здесь происходит посвящение в воины, в чародеи или в мастера искусства. Здесь растут редкие целебные травы, найти которые можно далеко не в каждом лесу. Мало кто из людей знает о том, что такие сады вообще существуют, еще меньше – побывали в них. Лексей Вестников был в подобном саду, о чем потом рассказывал с невиданным энтузиазмом. Еще бы, столько редких растений, далеко в лес ходить не надо, все под рукой. Ладно, почти все, но и это уже немало.

Я украдкой оглянулась, пока Кирэлин вел нас к белоснежной беседке, увитой какими-то мелкими ярко-алыми цветочками, и почти сразу же заметила неподалеку от выложенной мраморными плитками дорожки желтые листики «драконьего глаза». Н-да-а-а, вот теперь я понимаю наставника. Но еще больше я изумилась, когда внимательнее присмотрелась к красным с оранжевой сердцевинкой цветам на растении, обвившем беседку, у которой уже стояли Аранвейн в серебристых одеждах, Ритан с вымученной улыбкой отчаянно храбrivшегося человека и еще с полдесятка эльфов.

Честное слово, увидев «царь-цвет», как прозвали в народе огненный цветок, я едва не встала столбом. Лекарство из него может залечить почти любую рану, пока человек дышит, легендарная «живая вода». Очень редкое и безумно дорогое растение, за один алый лепесток, который светится ночью тусклым золотистым светом, в Столен Граде отвалят полный кошель золотых гривен и сочтут, что дешево сторговались. К сожалению, вытяжка из

лепестков «царь-цвета» не продлевает молодость и не снимает проклятий, но уже того, что вылечить может любую болезнь и в кратчайшие сроки затянуть рану, нанесенную оружием, даже зачарованным, хватает за глаза... А тут целая беседка увита огнецветом, и эльфам хоть бы хны.

Кажется, прикладное траволечение на недолгий срок заинтересовало меня сильнее, чем предстоящий процесс «окольцовывания» лучшей подруги драконом-оборотнем, настолько, что Ланнан незаметно подтолкнула меня в спину, отвлекая от идеи составить прошение эльфам на право экспроприировать из потаенного сада хотя бы один бутон огнецвета «в чисто научных целях». Я растерянно улыбнулась дриаде, но та лишь подмигнула и глазами указала мне на беседку, по ступенькам которой медленно поднималась Ревилиэль.

Я восхищенно вздохнула: честно говоря, никогда не видела подругу такой красивой, хоть мы и знакомы больше десяти лет. Нет, не красивой. Счастливой. Не знаю, будут ли так сиять глаза у меня, когда я стану выходить замуж, или же в них сохранятся лишь отблески ведьминого пламени. Невеста красива не платьем и не украшениями, а выражением глаз. Ликующее счастье даже простушку сделает прекраснее эльфийки, а тоска превратит красавицу в унылую статую.

Пусть. Неважно то, как это бывает с кем-то. Важно, как робко сейчас улыбалась Вилья, вкладывая изящную руку в шелковой перчатке, скрывавшей огрубевшую кожу и вросшие в ладонь мозоли от рукояти меча, в ладонь Ритана, дракона-оборотня, охранника Алатырской горы, который, как мне кажется, волновался сейчас сильнее, чем когда мы с ним летели на войну в осаждаемый Андарион. Ветер выскочил у меня из-за спины, наступив на шлейф моего платья, споткнулся и едва не упал, нарушая спокойствие бракосочетания, но я вовремя успела подхватить его левитацией и поставить в вертикальное положение. Он благодарно улыбнулся и к беседке уже подходил степенно, с достоинством протягивая эльфийскому магу, совершающему обряд, два широких серебряных браслета в раскрытой шкатулке. Отсюда мне было не разглядеть узор, но издалека браслеты напоминали изящные стебельки весенних полевых цветов, которые поначалу сплели в кольцо, а потом обратили в серебро неведомым мне волшебством. Даже не верилось, что такую изысканную красоту можно создать из простого серебра без применения магии, а ведь именно так оно и было, ведь эльфийские ювелиры почти никогда не пользуются волшебством при создании своих шедевров.

Маг, проводящий обряд бракосочетания, взял браслеты и положил их на мраморный алтарь, густо оплетенный неизвестным мне растением, похожим на плющ, вот только у плюща не бывает снежно-белых с легким голубоватым оттенком пышных цветов. На секунду мне показалось, что цветы согласно кивнули венчиками, и тотчас наваждение схлынуло, а по спине у меня пригоршней муравьев прокатились мурашки. В груди что-то заныло, будто загудела туго натянутая струна, а потом над алтарем за клубилась магия. Не эльфийская и не стихийная, нечто сродни природной магии дриад, которую я могла ощутить, но даже и не пыталась понять, тем более управлять ею. Слишком «не мое», слишком она... непредсказуемая, что ли. Хотя, как иногда кажется, что может быть более непредсказуемым, чем огонь, который обогреет холодной зимней ночью или испечет хлеб, ласковый и родной, пока находится в очаге или в печи... Но как страшны лесные пожары или горящий дом!

Я скорее почувствовала, чем услышала, что за спиной у меня кто-то стоит, а когда сильные пальцы легонько коснулись моего плеча, уже знала, кто именно. Ну конечно, Данте костями ляжет, но всеми правдами и неправдами проберется ко мне, чтобы доставить королеву домой в целостности и сохранности. Хотя не сомневаюсь, что Вилья и его лично пригласила. Знала, что мне будет приятнее... и спокойнее, наверное.

За всеми этими размышлениями я чуть не пропустила момент обручения, то есть брачующиеся уже обменивались браслетами в наступившей тишине и отпивали по глотку из ритуальной чаши. Ритан, едва слышав команду жреца, моментально воспользовался правом новоиспеченного мужа, привлекая к себе Вильку для традиционного поцелуя, к вящей радости всех присутствующих. Я мельком подумала, что если бы Вилька с Ританом

женились не в Серебряном Лесу, а в Алатырской горе или Столен Граде, то реакция окружающих была бы куда более бурной. А тут только сдержанные улыбки на лицах эльфов.

Надо будет «переиграть» свадьбу где-нибудь на нейтральной территории, да боюсь, что Ритан с Вилькой не согласятся. Ну ничего, зазвать в гости я их всегда успею, а Снежный дворец, по слухам, и не такие пьянки-гулянки выдерживал. Что там пьянки – его два драконьих нашествия разрушить не смогли, не думаю, что нашей не слишком трезвой компании это удастся.

Тонкий лучик солнца пробился сквозь зеленый лиственный шатер, ложась на ярко-рыжие волосы полуэльфийки золотой короной. Вот кому надо было бы стать королевой, да только Ревилиэль ни за что не согласится, она еще с младенчества поняла, что за болото на самом деле эта королевская власть, подводных камней у которой больше, чем в стремительной горной реке. Мне еще повезло, что у айранитов нет привычки плести мелкие интриги при дворе и строить козни своему ближнему. Зато если случится заговор, то сразу всеобъемлющий и неожиданный, как снег в червене.

Я хлопнула в ладоши, и тотчас надо мной взвились в воздух призрачные солнечные жар-птицы, раскрывшие над головами Ритана и Вильи широкие, сверкающие огненные крылья. Священный символ нового союза, охрани их счастье волшебным огнем, не опаляющим, но греющим протянутые к нему руки. Просто будьте счастливы. Я знаю, что вы будете жить и тогда, когда обо мне уже позабудут, ведь что драконы, что эльфы живут намного дольше айранитов. Аранвейн помнил мою прародительницу, запомнит и меня. Надеюсь, что память эта будет хорошей.

Иллюзия продержалась еще несколько секунд, а потом осыпалась яркими золотыми искрами на молодоженов, спускающихся рука об руку по низким ступенькам с алтаря. Раскрасневшаяся Вилька крепко держалась за новоиспеченного мужа, словно боялась, что он обернется в дракона и смоеся в неизвестном направлении. Ну насколько я знала Ритана, смоеся непременно, но только с Вилькой на спине, и никак иначе, поскольку драконы – редкие однолюбы, раз уже избрали себе пару, тем паче заключили брак, то это, скорее всего, действительно навсегда.

– Вилька, поздравляю!! – Я радостно обняла подругу изо всех сил, и полуэльфийка, сдавленно пискнув, наконец-то вышла из ступора.

По-моему, такого сумасшедшего счастья у нас не было с тех пор, когда мы избавили младшую княжну от замужества с южным правителем, уже пожилым мужчиной лет сорока с солидным брюшком и тремя десятками наложниц в качестве бесплатного приложения.

– Я думала, мы это лет на двадцать затынем, – всхлипнула Вилья, обнимая меня за плечи.

– Ошибаешься, скажи спасибо, что не на все двести, – хмыкнула я. – Драконы, они такие...

– Ева, не позорь меня перед женой, – укоризненно покачал головой Ритан, преувеличенно сокрушенно вздыхая. – Вот и доверяй после этого младшим народам.

– Ритан, я ведь сейчас не посмотрю, что ты у нас дракон и муж моей лучшей подруги, дам в глаз из лучших побуждений во имя поддержания древнейшей русской традиции, – широко улыбнулась я, легонько хлопая Стража Алатырской горы по плечу.

– И что за традиция, многоуважаемая ведунья?

– Мордобой. Что ж за свадьба без драки?

Повеяло гарью, и запах этот, с трудом пробивавшийся сквозь аромат цветов, не сразу меня насторожил.

У меня талант накаркать беду даже на свадьбу лучшей подруги.

Потому что никто из присутствующих не ожидал, что в священном саду Серебряного Леса появятся Измененные темным пламенем...

### ГЛАВА 3

Я стояла, сжав кулаки до боли, и молча наблюдала за тем, как эльфы спешно перекладывают смертельно бледную Вилью, на лице которой сквозь кожу уже проступала черная паутина проклятия, на нечто вроде ложа, сплетенного из живых стеблей огнецвета. Как Кирэлин, не тратя времени на то, чтобы отереть кровь, стекающую из глубокого пореза на лбу, что-то шепчет над ложем, отчего алые цветы вздрагивают и наливаются мягким золотистым сиянием, а гибкие лозы оживают, опутывая младшую княжну живой сетью. Изумрудные листья поначалу желтеют и осыпаются, но к Кирэлину присоединяется Ланнан, а потом за руку ее берет еще один эльф-целитель – и вот лозы перестают иссыхать на глазах, а чернота смертельного проклятия, снять которое может только гибель наложившего ее колдуна, перестает расплываться уродливым гнилостным пятном по щеке полуэльфийки, бледнеет и уходит куда-то вглубь. Словно чудовище, скользнувшее на дно омута.

На мое плечо опускается чья-то ладонь, сжимается и резко встряхивает. Я наконец-то перестаю с ненавистью сверлить одну только мне заметную точку в пространстве и оборачиваюсь. Волосы, криво срезанные с правой стороны крутящимся диском с бритвенно-острым краем, занавешивают лицо. Постепенно мир теряет невероятную четкость красок, а звуки перестают восприниматься как через густой туман. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула, стряхивая с себя оцепенение и заставив себя сфокусировать взгляд на Данте, чья жесткая ладонь и лежала на моем плече. Мимоходом отметила, что он почти не пострадал. Несмотря на то, что шелк рубашки безвозвратно погублен пролившейся на него кровью Измененных, сам аватар отделался несколькими неглубокими царапинами от когтей.

– Ложе из огнецвета задержит проклятие, но исцелить от него не в силах, – тихо, обронил Кирэлин, поднимаясь с колен и глядя на бледное, но уже не напоминающее восковую маску лицо Ревилиэль. – Пока моя дочь будет находиться здесь, ей ничто не грозит. Но стоит нам только высвободить ее из объятий Животворной Лозы, как колдовство вновь наберет силу.

– Сколько у нас времени? – негромко спросил Ритан, кончиками пальцев касаясь обручального браслета.

Честно говоря, я радовалась, что растрепавшиеся во время короткой схватки волосы закрывают его лицо: страшно до первобытного ужаса увидеть дракона в состоянии не просто неудержимой ярости – жгучей ненависти к тому, кто исподтишка, прикрываясь пышным кустарником, бросил ему в спину смертоносным проклятием, а попал в Вильку. Сомневаюсь, что я рискнула бы подойти и заговорить с Ританом сейчас. Вообще мало кто рискнул бы по своему желанию, разве что Аранвейн.

– Пока существует Животворная Лоза. А это значит – пока существует Серебряный Лес. Вечность. Ну быть может, чуть меньше.

Ритан только зло усмехнулся. Я вздрогнула и перевела взгляд на мальчишку, сидевшего у подножия раскидистого дерева, не пострадавшего от схватки. Ветер лишился своего наставника – маг-эльф стал первой жертвой нападения. Успел оттолкнуть паренька в сторону, но сам попался. Не знаю, что за заклинания используют волхвы темного пламени, но миниатюрные вращающиеся диски, разрезающие почти все на своем пути и пропадающие неведь куда по команде управляющего ими мага, оказались серьезной проблемой. Они появлялись из ниоткуда, возникали за спиной или под ногами, и, пока Аранвейн не спалил колдуна, умудрившись не затронуть ни единый листик на кусте, за которым тот прятался, толком сражаться не получалось. Измененные нападали, не останавливаясь ни перед чем, получали раны, но все равно атаковали. Какое-то заклинание сетью опутало Ветра и едва не утащило в портал. Как я успела дотянуться магией до мальчишки, выдерживая его из заклятия, одному Всевышнему известно...

И если бы маг, которого я успела лишь «попробовать на вкус» – ощутить его магию, в последний момент не проскользнул в щель смыкающегося Ританова щита, то он не ушел бы с эльфийской территории. Только напоследок он мстительно плюнул проклятием такого рода, что его хватило бы и на дракона, в тот момент сосредоточенного на постройке щита...

Я не успела остановить Вилью...

– Ритан, мы найдем его, – окликнула я дракона, и собственный голос показался мне чужим. – Я запомнила его магию, я узнаю его под любой маской. Почувствую...

– Не «мы», а я. – Он повернул голову, и на меня глянули ледяные змеиные глаза. Шлифованный изумруд с узкой трещиной зрачка.

Я осеклась, а Ритан наклонился к Вильке, погладил по рыжим, разом будто бы выплывшим волосам, что-то шепнул. Выпрямился и уверенно зашагал куда-то по узкой тропинке, скрываясь за деревьями. Зачем – я поняла через полминуты, когда над лесом раздался рев, от которого мне захотелось упасть ничком и зажать ладонями уши, а в небе пронесся рубиновый дракон.

– И куда он? – растерянno пробормотала я, глядя в небо.

– Искать. – Аранвейн подошел к нам, даже не пытаясь хотя бы пригладить вставшие дыбом волосы. – Он тоже его запомнил.

– А почему полетел один? Или это принцип такой? – поинтересовался Данте, все еще не вернувшийся в человеческий облик. Порыв ветра, пошевеливший макушки деревьев, подхватил черное с синим отливом перо, лежавшее на траве рядом с десятком-другим точно таких же, и опустил недалеко от моих ног.

Я машинально провела ладонью по волосам, криво срезанным диском-лезвием, и как-то отстраненно подумала, что придется опять ходить с короткой стрижкой.

– Принцип. Драконы живут и сражаются вместе, но мстят поодиночке. Потому что месть – дело слишком личное, чтобы втягивать в него кого-то еще.

– Угу. Благородные, – я сделала короткую паузу, – идиоты.

– Не тебе судить, королева! – неожиданно рявкнул на меня Аранвейн.

Справедливо в общем-то. Но согласиться с ним я все равно не могла.

– Значит, он пойдет своим путем, а я своим. Я знаю Вильку подольше, чем он, и мне тоже тяжело. Мерзко от того, что с ней сделали. И во что она могла бы превратиться, если бы эльфы не дотащили ее до своих Животворных Лоз. И если Ритан собирается искать этого мага по принципу «поди туда, не знаю куда», то я пойду отдельно.

– И куда же, поведай, о мудрейшая? – язвительно поинтересовался дракон, явно устав от моего упрямства.

– К тому, кто заведомо меня умнее. И кто наверняка знает, где могут обитать волхвы, черпающие злую силу земли. К Лексею Вестникову.

– Будешь смеяться, но я с тобой согласен. – Аранвейн принялся брезгливо оттирать с руки темную кровь одного из Измененных пыльным рукавом праздничного одеяния. – Я не уверен, но мне кажется, что где-то неподалеку от Серебряного Леса вскрылся еще один очаг темного пламени, иначе эти волхвы-недоучки не прошли бы через местные охранные шлейфы. Без дополнительной подпитки их сил хватило бы ровно на то, чтобы тут появиться, но никак не колдовать. И уж тем более не призывать своих уродцев.

– Получается, что теперь очаги вскрываются уже и за Вельгой-рекой? – пробормотала я, рассматривая то, во что превратились рукава моего платья после огненных заклятий. Вранье это все, что маги могут спокойно колдовать в мантиях с рукавами до пола – одно неловкое движение, и есть неплохой шанс подпалить самого себя на смех окружающим и радость врагам.

– Получается, что так. Значит, вода не преграда темному пламени.

– Или же Источник находится слишком глубоко под землей. – Я посмотрела на дракона. – Аранвейн, надо продолжать поиски. Я уверена, что наставник не откажет в помощи, он сможет сделать то, что не получилось у нас. По крайней мере, ограничит место, где следует искать.

Аранвейн устало вздохнул и погладил меня по голове почти отеческим жестом.

– Еваника, я это все прекрасно понимаю. Как и то, что настал момент, когда драконы уже не могут оберегать горы самостоятельно. И решать проблему путем запечатывания прорвавшихся нарывов на теле земли мы тоже уже не можем. Как и обыскивать Гномий Кряж изнутри – пещер, сама знаешь, там тысячи. Жизни не хватит, даже драконьей. Мы

будем рады любой помощи. А заодно присмотрим и за твоим Андарионом, пока ты в отъезде. Что-то мне подсказывает: найдем мага, проклявшего Ревилиэль, найдем и Источник.

Вот уж точно, проблема на проблеме. В Алатырскую гору так легко уже никто проникнуть не сможет, но, как выяснилось, Серебряный Лес от таких набегов не застрахован. И немудрено – все эльфийское государство стоит на магии земли, ею же и охраняется. А у земли не бывает правильной и неправильной силы – есть жизнь и смерть как естественные ее спутники. Для магии природы смерть такой же естественный процесс, как и зарождение жизни. Увядание не менее правильно, чем цветение. И темная сила земли – не что иное, как сконцентрированное увядание. Тлен. Сила, которая разрушает и ничего не может создать, только изменить.

Я посмотрела на съездившегося у дерева мальчишку. Маги-недоучки – это рискованно, раз ощутив в себе магию, уже невозможно от нее отказаться, это как заставить себя не ходить, а ползать, как будто у тебя нет ног. Невозможно не пользоваться этим, не выяснять собственные границы силы, а без опытного наставника можно таких дров наломать, что волхвы потом за голову хвататься будут. Сама я не могла стать его наставником, поскольку нельзя быть и учителем, и королевой – слишком много времени и сил отнимает и то и другое, к тому же я еще не в том возрасте, чтобы брать себе ученика. Но вот Алексей Вестников может. Или хотя бы подскажет, к кому можно пристроить одаренного мальчишку, чтобы тот своими самостоятельными экспериментами не довел княжество Русское до катастрофы. Как я поняла, эльфы с Ветром возиться больше не будут, но их соображениями я проникнуться не могу, это заморочки почище, чем у айранитов. Единственные, кто переплевывает эльфов по части самокопания и нестандартных решений, – это драконы, но им по должности полагается.

– Ветер! – окликнула я мальчишку. Тот медленно поднял голову и тоскливо посмотрел на меня, явно желая, чтобы его все оставили в покое. Нет уж, и не надейся. Оставлять в покое будем потом, когда все более-менее наладится. – Собирайся. Я отвезу тебя к Алексею Вестникову.

– Зачем? – с подозрением поинтересовался он, тем не менее переставая строить из себя обиженного жизнью ребенка.

На его щеке запеклась кровь Далиэра, и мне показалось, что взгляд тринадцатилетнего мальчишки как-то сразу постарел. Ведуны взрослеют рано, наша магия зачастую лишает нас детства, потому что приходится учиться контролировать свой дар, чтобы не навредить окружающему миру. Ветру, быть может, было несколько легче, чем мне, – все-таки стихия воздуха менее своенравна, чем огненная, и ненароком вызванный вихрь не приносит столько же неприятностей, как неожиданно сорвавшийся с пальцев комок огня, но тем не менее ведуны перестают быть детьми в тот момент, когда у них пробуждается дар. Или же когда они сталкиваются со смертью.

– Я попрошу его взять тебя в ученики или же подсказать, к кому можно будет отправить тебя на обучение. Полагаю, что тебе не хуже меня известно, какие проблемы грозят ведунам-недоучкам.

Он только кивнул и побрел в сторону жилых построек. Потом, когда будет укладывать вещи, он выплachtetся, но так, чтобы этого никто не видел. А когда наконец-то выйдет из дома, то оставит за спиной свое прошлое, которое в дальнейшем уже не вызовет у него горя, но навсегда оставит след в душе.

– Еваника! – окликнула меня Ланнан, уже вернувшаяся в человеческий облик. Я смотрела в ее зеленые глаза, и мне, честно говоря, не верилось, что всего с полчаса назад эта красивая девушка напоминала собой стройный древесный ствол, корни которого уходили глубоко в землю, вызывая к силам породившей ее стихии. Дриада во время ритуала Взывания – зрелище не для слабонервных. С другой стороны, в первый раз все кажется страшным только потому, что необычно. Когда я впервые повстречалась с Данте в ипостаси айранита, я перепугалась до полубморочного состояния, а сейчас мне кажется, что нет ничего прекраснее, чем чернокрылый аватар, скользящий в небе. Все течет, все изменяется, да и я

сама уже не была той ведуньей, покинувшей дом наставника почти три года назад. – Дозволь мне сопровождать тебя.

– С ума сошла? – устало поинтересовалась я. – Тебе приключений на свою голову захотелось?

– Отнюдь нет. – Дриада подошла ближе, держа в руках наполовину оторванный подол некогда шикарного платья. Я усмехнулась: сама выглядела немногим лучше, если не сказать хуже. – Материнские древа так просто не засыпают, равновесие уже нарушено, и кому, как не тебе, это знать. Прислушайся к ветру, ведунья, если можешь разбирать в его напевах предостережения. Преклони колени и коснись руками матери-земли, быть может, она откликнется тебе, блюдушей закон магии. Или же в воде из лесного ручья тебе почудится соленый привкус уже пролитой крови.

– Моя стихия – огонь, – нетерпеливо перебила ее я, подбирая разодранную в клочья юбку и в последний раз оглядываясь на спящую в гнезде из Животворных Лоз полуэльфийку.

Я верю, что она нас дождется. Просто не может не дожждаться. Наверное, даже лучше, если мы с Ританом пойдем разными дорогами: если кто-то из нас не справится, другой доведет дело до конца. Потому что иначе – никак.

– Тогда обратись к огню, ведунья. – Дриада чуть склонила голову, всматриваясь в мои глаза так, словно пыталась увидеть что-то в душе. – Загляни в переплетение его лепестков, и пусть он тебе подскажет, что стало не так в этом мире, где в Равновесии наметился излом.

Мне не нужно смотреть в огонь, чтобы понять, что пора в дорогу. Я редко когда могла оставаться в стороне, судьба предоставляла слишком маленькие шансы не вмешиваться, но сейчас я почему-то ощущала, что стоит лишь качнуть головой, раскрыть полночно-синие крылья, улететь в Андарион, и никто не осудит королеву, не пожелавшую оставить своих подданных. Но сама стихия отвернется от ведуньи, оставшейся в стороне. Мы не даем клятв при вхождении в силу, но у людской магии свои законы.

– Через час отправимся. Тебе хватит времени? – поинтересовалась я у дриады.

Та улыбнулась:

– Хватит даже на то, чтобы привести твою шевелюру в порядок.

Я только пожала плечами, уходя из потаенного эльфийского сада, где на ложе из переплетенных ветвей крепко спала Ревилиэль...

Заходящие лучи солнца позолотили разноцветные кроны деревьев на границе эльфийского королевства. Выложенная розоватым мрамором широкая дорога ложилась под копыта серебристо-серых лошадей как шелковая лента. Так гладко, что я, никогда особо не любившая верховые поездки, не испытывала никаких неудобств. Чем ближе становились людские земли, тем яростнее и холоднее делался встречный ветер, треплющий коротко стриженные волосы и забиравшийся под куртку. Если бы Аранвейн срочно не улетел к Алатырской горе, то мы оказались бы в Росском княжестве через полчаса, а так пришлось добираться на временно арендованных у эльфов скакунах. Как меня уверял Вилькин отец, из конюшни которого и были эти серебристые красавцы, дорогу домой они найдут сами, как только мы отпустим их в людских землях, а уж покладистые какие...

Мой жеребец, опровергая слова Кирэлина насчет покладистости, вдруг взбрыкнул, да так, что я едва не свалилась на дорогу.

– Хоть ты и эльфийский конь, но все равно скотина! – озлилась я, сжимая лошадиные бока коленями и стараясь выровняться быстрее, чем эта сволочь повторит свой финт.

– Лошадей любить надо, а не бояться.

Я обернулась на голос дриады, которая и без седла восседала на эльфийской кобыле как влитая.

– Бесплезно, любовь к лошадям привить мне так и не удалось, – хмыкнула я, оглядываясь на Ветра.

Мальчишка ехал в самом хвосте, мрачный и нелюдимый. Отвечал, когда о чем-то

спрашивали, но сам разговоров не заводил, замкнувшись в себе. Н-да, случай тяжелый. Надеюсь, что хоть на стоянке разговорить сумею. А не я, так наставник. Вот уж у кого дар не только тела, но и души исцелять. Лексей Вестников мог вернуть тягу к жизни даже самым отчаявшимся, обожженным потерей душам. Иногда к нему приходили за советом, иногда он куда-то шел сам – просто по велению сердца. И приходил туда, куда следовало. К матери, потерявшей единственное дитя, к вдове, оставшейся без любимого мужа. К ребенку, лишившемуся родителей. Он находил такие слова, которые не мог найти больше никто...

– Зимой пахнет, – вдруг неожиданно произнесла дриада, откидывая назад длинную золотистую косу, в которой будто бы запутались блики заходящего солнца.

Данте, ехавший впереди, оглянулся и окинул Ланнан оценивающим взглядом. Та лишь улыбнулась еще шире, и мне почудилось, будто бы в зелени ее глаз блеснули искры, похожие на болотные огни. Сердце кольнуло болезненной иголкой ревности, кольнуло – и отпустило. Негоже мне быть пресловутой собакой на сене, ведь даже у аватаров есть право на любовь...

– Значит, завтра будет совсем холодно, – согласился Данте, оглядываясь вокруг. – В Росском княжестве может и снег уже лежать, это здесь непонятно, не то осень, не то зима.

– Спрашивается, а чего ты ждал от благословенного эльфийского края, – фыркнула я, пуская коня вскачь. Ночевать, конечно, лучше еще в Серебряном Лесу, а уж завтра поутру углубляться в российские земли.

Самый короткий путь отсюда до Стольна Града – мимо города Ижена через Марову Лещину, а это означает, что придется пробираться через разросшийся до неприличия орешник, и хорошо, если не вывернем к болотам, которых в тех местах видимо-невидимо. В Маровой Лещине топи не замерзают даже в самую жестокую зиму, поэтому пробираться через них, после того как на землю ляжет снег, чистое самоубийство. Даже местные жители зимой без особой надобности стараются не соваться на Болотную Окраину – ходят слухи, что топи там изменчивые. То есть вешки, наставленные по весне, к холодам смещаются, и приходится заново разведывать безопасные тропы. Местные говорят, что это болотницы перед спячкой развлекаются, ведуны на этот счет молчат, не подтверждая народное поверье, но и не опровергая его. Подозреваю, что все дело в том, что никому из уважающих себя магов не пришло еще в голову изучать экологию болот весной или осенью, когда от грязи и сырости не спасает даже дриадская обувь. Да и летом на болотах поднимается ядовитая хмарь и летают здоровущие комары, от которых не защитит ни плотная одежда, ни заклинания. И ладно если бы в Болотной Окраине завелось что-то посерьезнее водяных и болотников, а так из всей нечисти живет довольно безобидная мелочь типа блуждающих огоньков, вот ведуны и заявляются раз в год по большому одолжению, и то неохотно.

Я поежилась и застегнула теплую куртку до самого горла, защищаясь от ледяного осеннего ветра, бьющего в лицо. Эльфийский скакун подо мной недовольно заржал и сбавил шаг, словно не желая идти дальше. Я его понимаю, мне тоже не хочется, но есть такое мерзкое и донельзя опостылевшее мне слово «надо».

– Буря будет, – отметил Данте, глядя на небо, по которому ползли тяжелые свинцовые тучи.

Я проследила за его взглядом и мысленно согласилась. Будет, и еще какая. Только Серебряный Лес она заденет самым краем, а вот Росскому княжеству достанется по полной программе. В конце концов, сейчас конец последней декады листопада, еще немного – и завоют ледяные северные ветра, пригоняя из-за гор тяжелые тучи, полные снега. Дороги из размытой дождями глины смерзнутся в твердые бугристые комья, покрытые скользким тонким ледком. Наступит груден,<sup>4</sup> и хорошо, если он не ударит сразу студеными морозами, как это иногда бывает. Но запастись зимней одеждой придется, если предстоит ехать куда-то далеко. А то, что предстоит, я даже и не сомневалась – не везет мне на короткие

---

<sup>4</sup> Третий осенний месяц (росск.).

путешествия, все время выходит на край света неизвестно зачем.

– То-то лошади забеспокоились, – несколько рассеянно отозвалась я, наблюдая за бегущими по небу тучами. – До границы осталась пара верст, но я бы предложила остановиться на ночлег где-нибудь здесь. Буря, которая разразится в Росском княжестве, вряд ли сильно затронет эльфийское королевство. Так что лезть ночью в проливной дождь пополам со снегом я не считаю разумным. Кто за? Против?

Мои спутники переглянулись и пожали плечами.

– Вот и славно, – улыбнулась я, заставляя своего жеребца сойти с мощеной дороги. Тот недовольно всхрапнул и вообще остановился. Я нахмурилась. – Ну и?

– Похоже, дальше они не пойдут, – отметила дриада, соскальзывая с серебристой лошадки и глядя ее по морде, шепча что-то на ухо.

Я кое-как слезла с заупрямившегося скакуна, а эта скотина, во время всего пути так и норовившая избавиться от ненужной поклажи, меня то есть, вроде бы с облегчением вздохнула.

– Попробуешь выкинуть финт копытом – получишь по морде заклинанием, – тихо предупредила я, глядя на то, как нетерпеливо жеребец переступает задними ногами.

Он только презрительно фыркнул, мол, еще чего не хватало – с такой мелочью возиться, и с достоинством развернулся, напоследок все-таки попытавшись хлестнуть меня хвостом по лицу. Не вышло – уворачиваться от лошадиных копыт и хвостов я научилась еще с Белогривым, а уж с ним никакой эльфийский скакун и близко не сравнится. Все никак не сподоблюсь спросить у Данте, где же он себе такого коня раздобыл, хотя подозреваю, что там для меня уже не осталось.

Я глубоко вздохнула, провожая взглядом возвращающихся домой эльфийских лошадей, а потом покосилась на своих спутников. Ланнан с интересом оглядывалась вокруг, Ветер мрачно ковырял носком сапога какую-то кочку в двух шагах от мраморной дороги, а Данте... Ну аватар был в своем репертуаре – уже деловито шел к ближайшим раскидистым деревьям, успевшим сбросить последнюю листву.

– Эй, народ! – Я возвысила голос, привлекая всеобщее внимание. Нулевая реакция. Ну и ладно. – Короче, вы тут обустраивайтесь на ночь, а я отойду на полчаса.

– Что, пробрало? – вяло поинтересовался Ветер.

Хэл бы в обморок упала, услышав, как тринадцатилетний подросток обращается с королевой айранитов. С другой стороны, сама Верховная жрица и не таким тоном со мной разговаривала, когда думала, что никто ее не слышит. Ага, как же. Аватары, когда хотят, могут быть совершенно незаметными.

– Вроде того, – усмехнулась я, пробираясь через можжевельные заросли подальше от места грядущей ночевки.

Буду надеяться, что им хватит ума мне не мешать, иначе ритуал Вызова провести не получится. И так надвигающаяся буря может все карты спутать, в таких погодных условиях вообще непонятно, смогу ли я достучаться до Серебряного, который находится так далеко, за десятки верст, но если смогу... что ж, тогда у Ижена нас будут ждать волки. А может, и сам Серебряный, но это уж как получится.

Густые осенние сумерки уже спустились на землю плотным одеялом, и идти в потемках, постоянно спотыкаясь о выступающие корни деревьев и сбитые в последнюю бурю ветки, было делом нелегким. Маячивший передо мной световой шарик помогал, но плохо – поиски подходящей для ритуала Вызова магической точки осложнялись любым посторонним колдовством, так что комок белесого огня по сути освещал сам себя, да еще на пару локтей вокруг, только чтобы я не наткнулась лицом на ветки кустарника.

Наконец ощущение подходящего места возникло вместе с легким покалыванием в груди. Сначала еле заметное, а потом все сильнее.

Кинжал, подброшенный в воздух, завис в ладони от земли, укрытой толстым слоем палой листвы.

Темнота осветилась яркой вспышкой небесного огня, сначала всего на миг, а затем

молнии посыпались одна за другой, как будто забытые боги вспомнили старые обиды и затеяли в пелене грозовых облаков битву не на жизнь, а на смерть. Рокошующие раскаты грома не утихали ни на минуту, пока я собирала в чаше ладоней нужную для ритуала силу. Синее пламя клубилось в моих руках, то и дело выстреливая в ночь хвостатые искры, с шипением гаснущие под потоками дождя, а я шептала заклятие, стоя на коленях, хотя с таким же успехом могла бы и кричать во весь голос – шум ветра заглушил бы даже усиленный магией клич.

Буря все набирала обороты, но подрагивающее в воздухе лезвие ножа вдруг начало становиться прозрачным, наливаясь голубым огнем, и капли воды, стекая по нему, падали на землю уже сверкающими во мраке холодным лунным светом, как кровь единорога. И там, где они оставляли свой мерцающий след, на листьях расплывалось водяное зеркало, пока еще мутное и отражающее лишь пелену дождя, прорезаемую острыми копьями молний.

Я закончила плести заклинание и встряхнула руками, роняя жидкое пламя на «зеркало»...

...Удивительно, но в густой непролазной чаще, стеной стоящей неподалеку от Стольна Града, было тихо. Скупой свет лился от бледного месяца, который станет луной еще лишь через две недели с лишком, но даже в этом свете я различила светло-серого, почти белого волка, который неслышно пробирался по толстому ковру опавших листьев, чутко прислушиваясь к окружающей его тишине. Скоро наступит ночь Дикой Охоты, до нее осталось всего ничего, как раз в полнолуние древний бог-предводитель поведет за собой в неистовом беге свою свиту, и горе тому, кто попадется ему на пути...

Серебряный почуял мое присутствие и резко остановился, глядя на меня сверкающими в темноте светло-зелеными глазами. Как меня увидел вожак разумных волков – не знаю, может, и не увидел вовсе, а просто почуял. Люди слишком мало знают о Стаях разумных, даже наставник, общавшийся с ними дольше, чем кто-либо еще, постоянно удивлялся новым сюрпризам, которые они ему преподносили. Правда, делиться полученными знаниями он не спешил даже со мной, говоря, что до многого я должна додуматься сама. Что ж, возможно, когда у меня будет время...

– Ты все-таки вернулась, лесная ведунья. – Волк чуть склонил голову в знак приветствия.

Я улыбнулась, но, вспомнив, что здесь и сейчас я – всего лишь магия, мысль, которую нельзя увидеть, а можно лишь ощутить, постаралась вложить побольше эмоций в ответную мысль:

– Не совсем, но почти. Я сейчас на границе Серебряного Леса и Росского княжества, и мне нужна ваша помощь.

– Дикая Охота грядет в полнолуние, ты знаешь об этом, ведунья?

– Да, знаю, – ответила я, еще толком не понимая, к чему клонит Серебряный.

Волк вздохнул, опустив морду низко к земле.

– Я и моя стая – часть своры почти позабытого людьми бога.

Вот те на. Если бы я сейчас была в материальном воплощении, у меня бы весьма неграциозно отвисла челюсть. А так я была просто ошарашена. Серебряный еле слышно усмехнулся у меня в голове, словно радовался, что еще может вызывать у меня такое изумление. Интересно, а Лексей Вестников знал о таком необычном «тителе» стаи Серебряного?

– Знал, разумеется. – Ой, а последнюю мысль я подумала слишком громко, надо бы потише. Серебряный же только нетерпеливо рыкнул. – Более того, юная ведунья, твой наставник даже как-то раз принимал участие в Диком Гоне, когда был гораздо моложе и бесшабашнее. Естественно, будучи лишь наблюдателем, но поверь, ему и этого хватило за глаза...

Сколько интересного узнаешь о собственном наставнике и его бурной молодости, пообщавшись с его старыми друзьями. Конечно, я никогда не считала Лексея Вестникова

тихим книгочеем, наверняка в молодости он наломал дров гораздо больше, чем я уже успела за свою недолгую жизнь, но чтобы такое...

– Так о какой помощи ты хотела меня попросить? – Серебряный волк покосился на скрывшийся за тучами месяц и прислушался к завываниям осеннего ветра в оголившихся ветвях.

– Можешь прислать кого-нибудь из своих волков для четверых, чтобы они побыстрее доставили нас сюда?

Серебряный только оскалился, что у него означало улыбку. Глаза сверкнули в темноте двумя зелеными огнями.

– Могу... Только вы должны вернуться до ночи Дикого Гона.

Я промолчала, стараясь не задавать лишних вопросов. Что такое Дикая Охота, я знала лишь приблизительно, но раз Серебряный велит поторопиться, значит, так и стоит сделать.

– Мы пойдем через Марову Лещину к Ижену, – успела я передать последнюю мысль перед тем, как заклинание начало таять.

Я пришла в себя, стоя на коленях на мокрой земле, а по заброкинутому к небу лицу стекали холодные капли с каждой минутой усиливающегося дождя. Я вздрогнула и, выдернув из раскисшей почвы кинжал, сотворила маячок, который ярко-зеленым огоньком повел меня обратно к моим друзьям. Надеюсь, что он не полетит в буквальном смысле напрямик, а то лезть через бурелом мне как-то не хочется...

Язычки пламени медленно и словно нехотя расцветали на сырых дровах. Холодный осенний дождь, шедший на границе Серебряного Леса и Росского княжества, прибавал костер к земле, пытался затушить исходящие густым белесым дымом дрова, но пламя раз за разом упорно восставало. Вокруг неподдающихся дров суетились мои промокшие с головы до ног спутники – Данте с Ветром честно пытались как-то заставить костер гореть, а дриада сидела рядом с сумками, укутавшись в непромокаемый плащ. Правда, как мне показалось, плащ был непромокаемым только на первый взгляд, если же судить по несчастному лицу Ланнан. Ну вот...

– Оставь вас только на полчаса, уже творится невесть что, – весело объявила я, идя по пожелтевшей осклизлой траве под раскидистый дуб, где ребята расположились на отдых. Если честно, назвать такое времяпрепровождение отдыхом можно разве что с большой натяжкой.

– Умная, да? – буркнул уже вконец измучившийся Ветер.

Я посмотрела на воздушный шатер, который он разбивал над стоянкой. У меня бы подобный полог притягивал молнии, а этот не только не пропускал дождь, но и служил неплохой преградой пронизывающему до костей ветру. По крайней мере, паренек при моем появлении что-то наколдовал дополнительно, отчего полог действительно стал чем-то вроде неплохого шатра. Эх, жаль, что раньше мне как-то в голову не приходило таскать с собой специалиста по воздушной магии, а Хэл была не очень сильна в постройке подобных шатров, зато молниями разбрасывалась не хуже грозовой тучи.

– Разумеется. – Я зашла под полог и, свернув в ладони небольшой шарик огня, небрежно стряхнула его в костер. Секунду ничего не происходило, потом дрова зашипели, выбросив в стылый сырой воздух клубы горячего пара, и пламя весело затрещало, на миг взметнувшись аршинным столбом.

Данте, уже привыкший к подобным моим шуточкам во время походов, успел вовремя отодвинуться, а вот неугомонному Ветру любопытство едва не стоило опаленных бровей. Тем не менее жарко полыхавший костер вызвал у него гораздо больше положительных эмоций, и он шустро подтащил свою сумку к огню, скидывая с плеч промокший плащ и вешая его рядом нехитрым левитационным заклинанием.

– Вернулась? – Данте, находившийся по другую сторону ярко полыхающего костра, посмотрел на меня. Волосы, обычно собранные в хвост, сейчас были заплетены в косу, но несколько прядок все-таки выбились и сейчас казались тонкими черными спицами. Пляска

теней превратила его лицо в необычную, но по-своему красивую маску, странным образом ожившую и неожиданно для себя и окружающих обретшей душу.

– А что, разве это не заметно? – Я скинула свой плащ, но не стала вешать на просушку, а просто аккуратно сложила и уселась на него, как на подушку. У меня-то плащ зачарован получше, чем тот, что сейчас был на Ланнан, больше походивший на широкое одеяло, явно с чужого плеча...

Я пригляделась и поняла, с чьего именно. Данте всегда было глубоко наплевать на то, зачарован плащ от промокания или нет. Он в общем-то не сильно беспокоился о таких мелочах, поэтому заклинание, наложенное на его плащ, приходилось периодически обновлять мне. Каюсь, в этот раз я забыла это сделать. Дриада перехватила мой взгляд и, как мне показалось, едва заметно улыбнулась. Самыми уголками четко очерченных губ. И сразу же плотнее укуталась в плащ Данте, приваливаясь к узловатому стволу старого дуба.

– Ева, а ты где была так долго-то? – негромко поинтересовался Ветер. Шустрый мальчишка уже успел с моего разрешения покопаться в недрах бездонного артефакта и сейчас возился с котелком, наполненным водой. Хозяйственный паренек попался, и то радость.

– Да я нам транспорт подыскивала, эльфийских коней-то мы уже отпустили, – пояснила я, краем глаза следя за тем, как Ветер возится у костра.

Данте, судя по всему, на этот вечер избрал для себя позицию наблюдателя. Может, и к лучшему. Потому что аватар при желании мог приготовить сытную горячую еду, но вот ее вкусовые качества у меня вызвали сомнения. Или, быть может, меня просто дворец разбаловал, отвыкла от походной жизни.

– И как, нашла? – Ветер добрался до небольшой книжки в потертом кожаном переплете и покосился на меня.

Я кивнула, понимая, что с этого момента готовить придется уже мне – путевые заметки наставника заинтересуют мальчишку настолько, что он не только об ужине, о чем угодно позабудет. Ну и пусть, может, идея познакомиться с Лексеем Вестниковым не будет казаться ему малопривлекательной.

– Нашла, они нам навстречу отправились, думаю, что где-нибудь у Ижена пересечемся.

– А-а-а, это хорошо, – пробормотал Ветер, уже почти полностью погрузившийся в чтение, подсвечивая себе на желтоватые страницы маленьким огоньком, зависшим над книгой.

Я только плечами пожала, пододвигая поближе к себе раскрытый мешочек с крупой.

Дождь за тоненькой пленочкой воздушного заклинания, огородившего нас чуть светящимся куполом, ярился все сильнее. По подрагивающей преграде заклинания стекали капли воды, то и дело мерцали молнии, а у нас внутри было тепло, пусть и отнюдь не тихо – к сожалению, купол задерживал только дождь и сильный ветер, но вот грохот грома и завывание бури он даже и не думал приглушать. Как можно спокойно читать при таком шуме, когда до ненастья всего лишь созданное тобой заклинание, я не понимала. С другой стороны, если бы мы путешествовали без Ветра, то пришлось бы искать более надежное укрытие – защищающие от непогоды пологи и куполы, создаваемые мной, частенько оказывались опасными для здоровья, а в особенно неудачные дни и для жизни, в то время как у Ветра все получилось так, как надо...

Минут через десять я уже неторопливо помешивала в котелке кашу, куда добавила порезанное небольшими кусочками вяленое мясо, несколько щепоток душистой смеси, мешочек с которой нашелся в моей сумке, и теперь терпеливо ждала, пока все будет готово. Ланнан наконец-то соизволила передвинуться поближе к костру и сейчас протягивала к живительному теплу босые ноги, пока ее невысокие полусапожки сохли чуть поодаль от нее.

Молчание затягивалось. Данте вообще неразговорчив, все-таки профессия аватара, да еще и Ведущего Крыла, не развивает болтливость, но чтобы за весь вечер ни слова не проронить... По-моему, он этим от Ветра заразился, не иначе, а мне заводить разговор в последнее время стало не с руки. Наверное, мы так и просидели бы до самого отбоя, если бы

Ланнан не решила нарушить молчание. Она вытащила из-под плаща свою длиннющую косу и, осторожно держа ее перед костром для просушки, поинтересовалась:

– Ева, как я поняла, ты тоже айранит, как и Данте?

Я на миг оторвалась от сосредоточенного помешивания каши и взглянула в зеленые глаза дриады. Пожала плечами.

– В общем-то да. – В конце концов то, что я королева, можно и не афишировать.

Дриады, равно как и гномы, а теперь и драконы, ничего против айранитов не имели, более того, на рынках Андариона и Торговой улице я часто встречала дриад – раса это миролюбивая, конечно, до тех пор пока их серьезно не задеть, но они ходят по земле, а айраниты в основном парят в воздухе. Нам нечего делить, не за что драться друг с другом, вот и получается, что строить мирные отношения у нас получается легко и беспроблемно. Активная торговля опять-таки настраивает на дружеский лад. По большому счету айраниты стараются лишний раз не мелькать разве что среди людей – как ни прискорбно, но именно этой расе свойственны непомерные аппетиты в области власти и захвата новых территорий. Поэтому у людей-то в Андарионе нет. Насколько я знаю – совсем.

– Но при этом ты лесная ведунья, которая воспитывалась у человеческого мага? – уточнила Ланнан.

Я снова пожала плечами.

– И что? Я полукровка, воспитывалась среди людей. Такое часто бывает. Просто вторая ипостась не всегда проявляется у полукровок. У меня проявилась.

– Получается, что тебе очень повезло, что тебя воспитывал волхв, знавший об айранитах. – Дриада улыбнулась, легонько пихая зачитавшегося Ветра в бок. – Ева, у тебя сейчас каша сбежит. Ветер, доставай ложки.

– Ой! – Я едва успела подхватить котелок левитацией, чтобы не пришлось хвататься за обжигающе горячую дужку руками, и аккуратно переставила его на землю. – Господа путешественники, угощайтесь!

Видимо, ничто так не сближает совершенно разных личностей – потому что сложно назвать «людьми» группу из четырех существ, среди которых человеком является только тринадцатилетний мальчишка, – как поздний ужин во время осенней бури. Пусть вместо дома только прозрачный воздушный шатер, но зато горит жаркий огонь, тепло и есть горячая еда. Спрашивается, что еще надо усталому путнику после дороги? Правильно – поспать бы еще, но на голодный желудок это плохо получается.

Правда, на этот раз дружеского общения не вышло – всех настолько измотала так называемая подготовка ночлега, что говорить-то толком не хотелось. Ветер – ну тот вообще с записками наставника не расставался и умудрялся одновременно есть и разбирать неровный, размашистый почерк, но в сон его начало клонить гораздо раньше, чем меня, так и уснул на исписанных листах потрепанной книжки. Я достала еще одно одеяло из сумки и укрыла мальчишку, осторожно вытащив из-под него записки наставника. Легонько провела ладонью по темным выющимся кудрям, задумчиво глядя на лицо, не утратившее хмурого выражения даже во сне. Гибель наставника, как и любого близкого человека, всегда тяжело переживается, особенно теми учениками, которые лишились своих родителей, – ведь хороший учитель может заменить собой и отца, и мать. Я не знала другого отца, кроме как Лексея Вестникова, да и не хотела знать, по правде говоря. Проще было думать, что мои родители умерли, а не выбросили меня умирать под елкой в лесу в голодный год. Волхв Лексей принял меня, надеюсь, что примет и Ветра...

## ГЛАВА 4

Я пребывала в состоянии какой-то странной полудремы – глубокий сон не шел, а держать глаза раскрытыми не было никакой возможности. Бессонница, чтоб ее, навалилась на меня на пару с невероятно ленивым состоянием, когда неохота даже встать с довольно жесткого ложа, чтобы поискать в сумке какое-нибудь снадобье, способное обеспечить

крепким здоровым сном без сновидений до позднего утра. Впрочем, с тех пор как я стала айранитом, некоторые зелья почти перестали на меня действовать, Другие, напротив, действовали слишком сильно. К примеру, в моем нынешнем состоянии обезболивающие эликсиры почти не помогали, в то время как обычные тонизирующие средства могли обеспечить бодрость на сутки.

Ледяные пальцы северного ветра скользнули под складки куртки, и я недовольно поежилась, плотнее укутываясь в одеяло, но это почти не помогло, пришлось открывать глаза и нехотя подниматься с нагретого места. Как я и думала, костер почти прогорел, только угли едва мерцали красноватыми огоньками под слоем белесой золы. Я поворошила их небольшой суковатой палкой и, подумав, кинула ее в костер вместе с парочкой покрупнее, чуть-чуть поколдовав, чтобы пламя с большим энтузиазмом принялось за предложенную ему пищу.

Стало несколько теплее, но сон почему-то ушел, словно затерявшись в густом осеннем тумане, сероватым облаком спустившемся на нашу стоянку. Я сидела и тупо наблюдала за тем, как язычки пламени медленно расцветают на влажной, чуть потрескивающей коре, разрастаются и отвоевывают себе все больше места. Мои спутники спали, с головой завернувшись в тонкие, но теплые эльфийские одеяла, и я им откровенно завидовала, потому что не могла заставить себя снова улечься спать, несмотря на то, что глаза жгло от невозможности держать их открытыми.

Я зевнула и посмотрела поверх костра на напозлший туман, который будто бы огибал воздушный шатер, выстроенный Ветром накануне, когда шел дождь. Сейчас буря прошла стороной, едва задев нас самым своим краем, а на смену ей пришли промозглый ночной холод и туман. Белесые клубы постепенно заполнили собой все вокруг так густо, что спустя несколько минут я уже не могла различить ничего за пределами шатра, как вдруг к преграде скользнула чья-то призрачная тень, бесформенным комком зависнув перед магическим пологом, даже и не пытаясь за него проникнуть.

Всю сонливость как рукой сняло, и я встала, вглядываясь в призрака.

Бесформенный комок начал меняться, принимая человекоподобные очертания. Вот уже можно различить голову, руки и ноги, словно вылепленные из тумана и теней неуверенной детской рукой. Проявились черные провалы глаз, и безымень широко раскрыл «рот» в беззвучном крике. Я похолодела, не находя в себе сил сотворить знак, отгоняющий предвестника беды.

Безымени-кликушники никогда не ошибаются, они чувствуют горе, как стервятник падаль, и слетаются, чтобы увидеть того, кому грозит несчастье или даже смерть. Эти призраки могут запросто сбить человека с пути или напугать до полусмерти, но они же могут с точностью указать, к кому пришли. В редких случаях безымени могут принять облик того, кого ждет скорая смерть, став на минуту-другую его «отражением». Или, как еще говорят ведуньи, слепком с души. Можно спросить безыменя о том, чью смерть он чувствует, и он ответит, попросту превратившись в двойника обреченного. Честно говоря, никогда не видела безыменя так близко и, если честно, не желала видеть никогда. Все дело в том, что, прогнав кликушника, беду не отвратить. Это как отмахнуться от точного предсказания под предлогом, что пусть «будет все, как предначертано». Будет непременно, и выбор только в том, хочешь ты обременить себя страшным знанием или же нет.

Я подошла к самой границе шатра, вглядываясь в плавающего за тонкой магической преградой призрака. Безымень перестал метаться в клубах тумана и завис напротив меня. Черные провалы на бесформенном «лице» оказались на уровне моих глаз, и я шепнула еле слышно:

– Покажи.

Кликушник словно услышал и тотчас стал меняться. Черным блестящим потоком пролились густые волосы, в которых белой лентой сверкнула седая прядь, оформились черты волевого лица, лег на плечи поверх темной куртки плащ. Я отшатнулась, зажав руками рот и не в силах оторвать взгляда от мертвенно-бледного лица Данте, стоявшего передо мной за

тонкой магической завесой. Сходство между двойником и оригиналом было настолько пугающе точным, что я даже оглянулась, чтобы удостовериться – аватар спокойно спит у почти потухшего костра, завернувшись в одеяло. Спит, а не смотрит на меня пустыми, остекленевшими, безо всякого выражения глазами, похожими на полированные камни в глазницах языческой статуи.

Двойник склонил голову набок, словно приглядываясь к чему-то у меня за спиной, а потом вдруг на его груди начало расплываться кровавое пятно, становившееся все шире и шире. Кровь стекала по кожаной куртке, падая в туман и почему-то оставляя на белесых клубах едва заметные пятна, а я медленно пятилась, не желая осознавать, что безымень предсказывает смерть того, без которого для меня эта жизнь попросту не имеет смысла. Я резко выбросила руку вперед, чертя в воздухе знак, отгоняющий таких вот «безопасных» призраков, хотя с куда большим удовольствием уничтожила бы его раз и навсегда. Чтобы не вспоминать больше о двойнике Данте, залитом кровью. Чтобы не думать о том, что предсказание кликушников сбывается всегда. Чтобы жить так же, как до этой ночи, когда меня разбудил холод.

Не думать. Не смотреть. Не вспоминать.

Только не получается почему-то...

Говорят, что знание – это самая великая сила, но верно так же, что великое знание – великие печали. Сейчас, глядя на то, как безымень утрачивает сходство с Данте, как растворяется в густом тумане, обступившем стоянку, я думала о том, что далеко не все знание готова принять. Сколько у меня времени до того, как сбудется увиденное этой ночью? Смогу ли я предотвратить то, что уже предreshено?

Ответ: не знаю. Но, возможно, мой наставник знает. Он уже давно свыкся с тем, что несет в себе знания, которые кому-то покажутся опасными, кому-то бессмысленными, а кому-то слишком тяжелой ношей, чтобы нести их в одиночку. Я впервые ощутила себя на месте Лексея Вестникова, когда знание настолько рвет душу, что невозможно держать его в себе, но...

Я обернулась на тихо посапывающего Ветра, на свернувшуюся калачиком хрупкую дриаду, на Данте, спящего у костра рядом с двуручным мечом...

Рассказать им? Сейчас?

Просто не смогу.

Я пересекла границу магического полога, шагнув в клубы медленно редющего тумана. Ледяной ветер сразу же пробрался под полы куртки, но я уже почти не ощущала холода, идя сквозь туман подальше от лагеря, куда глаза глядят. Мимо стройных березовых стволов, отчетливо белеющих в осенних предутренних сумерках, обходя заросли валежника. Я шла, и горечь осознания грядущей потери все накапливалась, холодным комом стыла в горле, не давая толком ни кричать, ни плакать. Не бывает же такого, чтобы нельзя было судьбу обойти. Всегда есть способ. Другое дело – какой будет цена, сколько запросит великая Прядильщица Судеб за то, чтобы не обрывать истончившуюся жизненную нить, и найдется ли у меня то, что ей приглянется.

Очнулась я, когда перед моим лицом вдруг неожиданно оказалась береза. Старое, расщепленное пополам почти до основания молнией, покосившееся дерево все еще стояло, всем своим видом показывая, что падать не намерено. Даже сейчас, в предрассветной мгле, можно было разглядеть, как на низко поникшей ветке сиротливо болтается лист, никак не желающий покидать свое пристанище. Порывы ветра трепали его, дергали во все стороны, но не могли заставить оторваться от ветки для того, чтобы совершить последний в своей жизни полет. Упорный листик попался, право слово.

А я? Чем я хуже? В чем простой березовый лист упрямее меня?

Я вымученно улыбнулась. Холодный ветер бил по лицу, превращал медленно текущие по щекам слезы в ледяную влагу, безжалостно стягивающую кожу. Еще немного – и закрутят северные ветра, пригоняя в Русское княжество тяжелые снеговые тучи. Замеится поземка по тракту, ударят первые заморозки, покрывающие лужи в колеях сельских дорог тонкой

пленкой первого льда, а там уже и до настоящих холодов недалеко. Если не успеем добраться до Излома осени к наставниковой избушке – ох тяжело придется.

За спиной тихо хрустнула ветка, и я резко обернулась, вызывая в ладони жаркий ком голубоватого огня, свет которого на несколько секунд ослепил мои привыкшие к темноте глаза. Иногда я забываю, что, став айранитом, приобрела возможность гораздо лучше видеть в темноте. Настолько, что порой в световом пульсаре нет необходимости.

– По-моему, тебя надо отучать от привычки сначала метать пульсары, а потом размышлять, в кого мечешь. – Данте выступил из темноты и тумана, и в его глазах, живых, не напоминающих полированные агатовые бусины, отражались отблески пламени в моей руке.

Я пожала плечами и, резко сжав кулак, впитала голубое пламя, по привычке встряхнув начавшей зудеть ладонью.

– По-моему, уже отучил. Я ведь тебя не спалила.

– Ты лучше скажи, куда собралась за час до рассвета, горе луковое, да еще без вещей? – Он усмехнулся, складывая руки на груди и привычно игнорируя растрепавшиеся во время сна волосы.

Завидую я ему, если честно. Иногда и по ничтожному поводу. Если бы у меня были волосы длиной почти до талии, то после каждой ночевки на природе пришлось бы возиться с частым гребнем, чтобы воронье гнездо на голове не получилось, а аватару хоть бы хны. Встряхнет головой, проведет поутру ладонью по волосам – и все, пряди лежат ровно и гладко, словно час причесывался.

– И учти, если начнешь врать, что пошла по нужде, не поверю, в такую даль из-за подобных мелочей не забираются.

– Подумать пошла, – недовольно буркнула я, застегивая воротник куртки под горло и втягивая голову в плечи, становясь похожей на замерзшего воробья. Если добавить к образу еще и встрепанные коротко остриженные волосы, то сходство становится почти полным. Разве что чирикать не хочется.

– И что за мысли тебя увели такой дорогой, что мне пришлось через бурелом пробираться? – Он протянул ко мне руку, и через секунду я оказалась прижатой к его груди, а он уже укрывал меня полкой своей куртки, стараясь согреть и одновременно словно укачивая в своих объятиях. – Ты же совсем замерзла. Неужели нельзя было думать у костра, где ты хотя бы не рискуешь простыть?

– Видимо, нельзя... – Я уткнулась лицом в тонкую шерстяную рубашку, согретую его теплом, и едва сдержалась, чтобы не заплакать, потому что все еще стоял перед глазами образ двойника-безыменья... и капала темно-красная кровь на снежное покрывало, нарисованное извивами туманных клубов.

– Тебе что-то помешало? Или кто-то? – Он обнял меня покрепче, словно желая оградить кольцом своих рук от всего мира, и чуть наклонился, еле ощутимо касаясь губами моих остриженных волос.

Очередная слезинка скатилась по моим ресницам, впитавшись в темную ткань рубашки на его груди. Я должна что-то сделать, чтобы предсказанное безыменем никогда не сбылось. Или чтобы я этого уже не увидела.

– Да так... призраки вокруг расшалились. – Я ощутила, как Данте моментально напрягся, и поспешила добавить: – Безвредные, честное слово ведуньи.

– Или призраки на поверку оказались не настолько безвредными, как ты утверждаешь, или ты знаешь что-то, о чем говорить не хочешь. – Он осторожно приподнял мое лицо за подбородок, подушечкой большого пальца стирая невидимые в темноте слезы. – Что бы ни случилось, я сумею тебя защитить. Ты мне веришь?

– Ты же знаешь, что да. – Я шмыгнула носом, понимая, что безнадежно порчу момент, но поделаться с собой ничего не могла. Тоже мне, королева... Стою ночью в лесу на эльфийской границе, шмыгаю носом в объятиях аватара и все еще пытаюсь сделать хорошую мину при плохой игре. И кто я после этого, спрашивается?

– Тогда расскажи, что расстроило тебя настолько, что ты бросила все и ушла куда глаза глядят в весьма холодную ночь? – Данте ласково провел ладонью по моей щеке, стирая никак не желающие останавливаться слезы, согревая меня своим теплом. – Я знаю тебя не первый год, ты ничего и никогда не делаешь просто так, у тебя для всего есть причина. Для этих слез – тоже.

– Я... просто не могу...

Он ничего не ответил, только прижал к себе сильнее, зарываясь лицом в мои волосы. Не стал настаивать, просто принял положение вещей. Завтра или послезавтра он непременно постарается снова разговорить меня, потому что ему нужно понять причину, чтобы предотвратить или хотя бы смягчить последствия. Но здесь и сейчас он не будет пытаться все выяснить. Именно за такое понимание Данте для меня воистину бесценен...

На затылок мне упала холодная капля, и я вздрогнула, подняв лицо к медленно сереющему небу. Следующая капля упала на кончик носа, и я машинально смахнула ее, едва удержавшись, чтобы не фыркнуть, как недовольная кошка.

– Похоже, нам пора возвращаться... – Я вздохнула и неохотно высвободилась из кольца рук Данте. Сразу стало на порядок холоднее и неудобнее. – Снова дождь начинается.

– Странно, что не снег. – Он мне не препятствовал, только крепко держал за руку все то время, что мы возвращались по скользкой тропке, обходя валежники.

Когда мы удалялись от березы, я обернулась – упрямый листик все так же трепетал на ветру, бросая вызов зиме...

Снег все же пошел.

Поутру я с трудом разлепила глаза и увидела, что поляна вокруг покрыта первым, уже подтаивающим снежком, запорошившим влажную палую листву. Было холодно, и я в очередной раз обрадовалась, что не послушалась увещаний эльфов – мол, на наших землях снега в такое время вообще не бывает. Может, обычно так оно и есть, но ведь всегда находится ряд исключений. Вот и сейчас – мокрые снежинки падали с неба, затянутого свинцово-серыми тучами, задерживаясь на прозрачном пологие воздушного шатра, как на невидимой крыше, и ненавязчиво напоминая о том, что последняя декада листопада подходит к концу. Значит, скоро завоюют северные ветра, принося с собой снег и стужу, и в Русское княжество придет зима. Всего две недели до Излома, до ночи Дикой Охоты...

Н-да, придется поторопиться, чтобы добраться до избушки Лексея Вестникова вовремя. Честно говоря, я не рискну встать на пути Дикой Охоты и никому не посоветую. Слишком велик шанс того, что призрачная свита разметет неудачника на куски в прямом смысле этого слова. Хотя, если честно, я никогда не интересовалась этим феноменом настолько, чтобы знать больше, чем рассказывал мне когда-то наставник в качестве общеобразовательного материала. И уж точно мне вряд ли хватило бы безбашенности присоединиться к наземной части Дикого Гона, как это сделал когда-то волхв Лексей.

– Эй, ведунья, ты есть будешь? – Я посмотрела на хмурую Ланнан, по-прежнему кутавшуюся в широкий плащ с плеча Данте и возившуюся с котелком. – Просыпайся, если мы хотим куда-то еще успеть, то нам надо двигаться в путь.

– Что ж ты с утра такая злая-то? – пробурчала я, выпутываясь из одеяла и передвигаясь поближе к костру.

Ветер уже протягивал мне плоску свежей каши, с усмешкой косясь в сторону мрачной дриады.

– Поменьше ей надо с твоим телохранителем заигрывать, – хмыкнул паренек, напрочь игнорируя испепеляющие взгляды Ланнан.

Н-да, интересные дела творятся, пока я сплю. Кстати, а куда сам предмет спора-то задевался?

– Ветер, а где Данте?

Ученик мага поднял на меня темно-карие глаза и пожал плечами. Понятно, аватар решил самостоятельно выяснить, что же меня ночью так расстроило, а что для этого надо

сделать в первую очередь, если расспросы не помогли? Правильно, осмотреть место ритуала. Авось чего и попадется.

– Ясно все с вами, конспираторы...

Я побыстрее расправилась с завтраком и принялась укладывать одеяло в сумку, заодно ища для Ветра убранные накануне записки наставника. Небольшая книжка в потертом от времени кожаном переплете нашлась на удивление быстро, а вместе с ней – перекрученный корешок на сплетенной из прочной травы веревочке. Подарок освобожденной дриады.

Амулет, который защитит. Непонятно от чего, непонятно при каких обстоятельствах, но дриады слов на ветер не бросают, особенно в таких случаях. Я ласкающе провела кончиками пальцев по шероховатой поверхности корня и впервые попыталась ощутить скрытую в амулете силу. Поначалу я чувствовала только тепло, словно в амулет были вплетены яркие солнечные лучики, а потом на корне языка появился привкус свежей родниковой воды, такой, какой она бывает только в середине весны, когда подземные ключи окончательно высвобождаются и изливаются в сокрытые в тени деревьев русла. Привкус травы, солнечное тепло и ощущение ласкового прикосновения весеннего ветра на коже.

Магия весны и жизни, магия дриад.

Защита от черного пламени земли, потому что не может земля причинять вред самой себе.

Бесценный дар в сложившейся ситуации...

Я открыла глаза и с удивлением увидела перед собой серьезное лицо Ланнан. Ее глаза еле заметно мерцали изумрудным пламенем, а в золотистой косе словно запутались солнечные лучи. Она держала ладони лодочкой над амулетом, как будто бы согреваясь его теплом, а потом посмотрела на меня в упор, и я с трудом удержалась, чтобы не отшатнуться – настолько тяжелым оказался этот взгляд.

– Откуда у тебя эта вещь, ведунья?

– Это подарок одной из дочерей Древа, – негромко ответила я, сжимая амулет в кулаке.

Тот, словно протестуя против такого обращения, слегка кольнул мою ладонь острыми иголочками силы, будто бы я держала в руке плод каштана. Не больно, но ощутимо. Странно, раньше он так не реагировал. Может, сейчас наконец-то настало его время? Такое бывает с мощными одноразовыми амулетами – они словно спят, когда в них нет нужды, и просыпаются, когда наступает их час. И все для того, чтобы магический щит, способный выдержать, к примеру, прямое попадание из катапульты, не расходовался на защиту от падающего кирпича. Защита от дураков, параноиков и перестраховщиков.

– Хорошие же тебе подарочки дарят, – прошелестела дриада, и в ее голосе мне почудился отзвук бури. Честно говоря, идея взять ее с собой уже не казалась мне настолько умной – ладить с ней у меня пока что не выходит.

– Случается, – в тон ответила я, отдавая книжку Ветру и помогая мальчишке затапывать костер.

Именно в этот момент воздушный шатер соизволил пропасть, и на нас посыпались ледяные капли воды, до того удерживаемые заклинанием. Дриада возмущенно фыркнула, а Ветер разочарованно опустил плечи. По идее такой шатер держится долго, без обновления заклинания может простоять почти сутки, но это у хорошо обученного мага воздуха. У тринадцатилетнего мальчика он вообще мог не получиться, так что надо радоваться, что заклинание не развеялось в первые полчаса, а честно продержалось всю ночь, оберегая в непогоду.

– Не переживай, у меня и так бы не вышло. – Я ободряюще потрепала паренька по затылку, но тот вывернулся из-под моей руки будто ошпаренный. Я застыла.

Он посмотрел на меня исподлобья, как упрямый волчонок. И так же недобро.

– Я уже не маленький!

Правильно, не маленький. Это у меня невесть откуда прорезался материнский инстинкт, потому что я знала, каково это – быть одному. Совсем одному. Но у меня хотя бы был наставник, заменивший мне отца, пусть я не всегда это понимала. Сейчас – понимаю.

– Прости. Конечно, ты уже не маленький. Просто так обычно мой наставник делал, когда хотел меня ободрить. А все мои воздушные пологи являются страшным оружием против незнающих.

– Это еще почему? – Ветер перестал ершиться и смотрел на меня уже более благосклонно, если можно так сказать о подростке.

– Потому что мои воздушные пологи во время грозы почему-то притягивают все молнии в округе. Так что сидеть под ними в дождь – это обычно с большой долей вероятности означает превратиться в обугленный скелет. Так что не расстраивайся оттого, что у тебя пока еще не все получается так, как должно. Это исправляется со временем и под руководством хорошего наставника. Мир? – Я протянула ему ладонь, улыбнувшись.

Ветер, не глядя, пожал ее и отвернулся, убирая записки наставника в свою довольно объемную дорожную сумку.

– Вы уже собрались? – Я обернулась на знакомый голос, раздавшийся из-за плеча. Раньше такая манера бесшумно подкрадываться меня злила, сейчас же я привыкла к этому настолько, что даже не вздрагивала, обнаружив у себя за спиной невесть откуда взявшегося Ведущего Крыла. Черные волосы аватара были убраны в низкий хвост, из-за плеча выглядывала рукоять двуручного меча, а небольшую походную сумку он вертел в руках с таким видом, словно не знал, куда поудобнее ее пристроить. – Напоминаю, что до ближайшей русской деревни еще идти и идти, и если вы не хотите ночевать на снегу под кустом Маровой Лещины, то нам следует поторопиться.

Я вздохнула, набрасывая на голову глубокий, отороченный сероватым мехом капюшон теплой куртки, вытащила из «бездонной» сумки меч в наспинных ножнах, взвесила в руке. Немного тяжелее, чем тот, древний, который сейчас остался в Андарионе, рукоять не так удобно ложится в ладонь, но это все же лучше, чем совсем ничего. Как я уже успела убедиться, не всегда магия правит бал в сражениях, иногда черная гномья сталь намного эффективнее. С перевязью пришлось повозиться: слишком меня разбаловала жизнь во дворце, позабыла, что значит спать на голой земле, быть готовой в любой момент дать отпор каждому, кто попытается пробиться за тонкую, зыбкую линию бережного круга, и за секунду выхватывать оружие. Придется вспоминать.

Я застегнула ремень наспинных ножен, проверила, удобно ли вытягивается недлинный клинок, и шагнула к Данте, вкладывая теплый амулет в его руку, обтянутую черной кожаной перчаткой. Заглянула в глаза.

– Надень, пожалуйста. И не снимай. Это защитный амулет, одноразовый, но очень мощный. – В черных с серебряными искрами глазах отразилось понимание пополам с недоверием. Нет, не совсем так. Аватар знал меня хорошо, наверное, почти так же хорошо, как Вилья, несмотря на менее длительное знакомство.

– Ты уверена, что мне он нужнее? – В этом вопросе был подтекст, который звучал примерно как «Ты уверена, что все настолько серьезно, что МНЕ понадобится такая защита?».

Я кивнула, отвечая «да» на оба вопроса – и на озвученный, и на так и не высказанный:

– Нужнее. Не забывай, что я веду тебя. У меня естественной защиты хватит.

– Но не от меча в спину, – возразил он, тем не менее надевая на шею пульсирующий теплом и магией корешок.

У меня слегка отлегло от сердца.

– Этот амулет не от меча. А от заклятия.

– Наподобие того, что попало в Вилью?

– Да. Возможно, что защитит и от более мощного, но на всякий случай лучше не подставляйся, хорошо?

– Только если не будет необходимости.

Все. Большого я от него не добьюсь. Иногда мне сложно, почти невозможно принимать его таким, какой он есть – с его гипертрофированным чувством долга, с уверенностью, которая граничит с самомнением, хотя назвать чересчур уверенным в себе Ведущего Крыла

не мог ни один недоброжелатель. А когда уверенность и ответственность за своих сочетаются с невероятным упрямством и привычкой принимать решения в одиночку – задача смириться с характером Данте становится для меня совсем уж непосильной. Да, он гораздо старше и опытнее меня, лучше знает жизнь, но при этом у меня постоянно складывается ощущение, что он не знает, что делать с самим собой, вот и прячется за черной броней долга и ответственности.

Он так и не определился, в чем его долг больше – перед Андарионом или перед королевой. Кому служить – стране или монарху. Хотя я бы предпочла, чтобы он видел во мне не одушевленную власть, королеву-талисман, а личность и душу.

Я вздохнула, отводя взгляд и пряча покрытые белесыми шрамами от ожогов руки в темно-коричневые кожаные перчатки с шерстяной подкладкой. Как же мне сейчас не хватает Вильки... Уж она бы точно встряхнула меня как следует, играючи прогнала дурные мысли о предсказании безыменья и дала бы сильного морального пинка в сторону оптимизма. Но сейчас Вилья, как зачарованная царевна, спит на ложе из волшебных эльфийских лоз и ждет, пока мы не отыщем ту сволочь, которая ее прокляла. И некому ободрить, некому помочь. Даже выслушать некому.

Как сказал бы Аранвейн? Быть королевой – значит быть одинокой в толпе почитающих тебя. Воистину верное выражение. Но для меня быть королевой – это еще нести ответственность и заботиться о тех, кому выпало счастье попасть под мое покровительство. Сейчас мне приходится оберегать и защищать тринадцатилетнего мага-недоучку и раздраженную на весь мир дриаду. А теперь еще прибавилась головная боль за Данте, хотя я считала, что уж кто-кто, а он сумеет позаботиться о себе самостоятельно, но поди ж ты...

Хочется верить, что безымень ошибся. Что все еще обойдется, ведь смерть можно обогнать, обвести вокруг пальца. Пусть это сложно, почти до невероятия, но не невозможно. В конце концов, самое большое испытание для веры – это отчаяние. Рано отчаиваться, особенно пока есть еще за что бороться. И за кого.

– Ну что, мы идем или как? – Я поправила на плече походную сумку и направилась по узкой, замеченной первым снегом тропке к мощенному мрамором эльфийскому тракту, ведущему в людские земли. В конце концов, до границы всего ничего, по такой дороге быстро пройдем, а там постараемся поскорее добраться до деревеньки, что расположена аккурат между Серебряным Лесом и Маровой Лещиной.

Меньше чем через полминуты за правым плечом возник Данте и зашагал рядом, привычно подстраиваясь под мою скорость ходьбы. Я вздохнула чуть свободнее, расправив слегка ссутуленные плечи. Ничто в мире не стоит на месте, но пока аватар с двуручным мечом будет находиться за моей спиной, как некий вариант ангела-хранителя, все будет хорошо. Рано или поздно. Но непременно будет.

Я обернулась, чтобы убедиться, что мои подопечные идут следом, стараясь не отставать. Ветер с интересом смотрел по сторонам, дриада по-прежнему хранила гордое молчание, укутавшись в широкий черный плащ. Странно, я думала, что дочери Древа более морозостойкие, чем люди, но на деле все оказалось несколько иначе. Впрочем, я раньше ошибочно считала, что дриады в большинстве своем – просто прекрасные девы, но о том, что они могут изменять внешний облик, вызывая к природной магии, даже и не догадывалась.

Сюрприз на сюрпризе, и хоть бы один приятный... Надеюсь, что все хорошее и приятное ждет нас впереди.

Всевышний, не обломи хоть эту надежду, а?

Указатель у села Полуденки оказался на удивление аккуратным и почти новым, по крайней мере дерево еще не успело потемнеть от непогоды, а буквы можно было различить за полсотни саженей. Да и высокий частокол выглядел внушительно – почти как в Древицах, крепкий и добротный, разве что бревна не были искромсаны когтями нежити, да и смотровых вышек с бдительными лучниками не наблюдалось, а в остальном поселение как поселение. Впустили без особых проблем, как только взглянули на усталое лицо Ветра и

едва бредущую к воротам дриаду, только вот на Дантов меч покосились не то с уважением, не то с опаской. Но задерживать или просить оставить оружие не стали, и на том спасибо. Улицы тоже особого подозрения не вызвали – от ворот наподобие лучей отходили четыре «основные» дороги, вдоль которых были поставлены дома и небольшие торговые лавки, а переулки наверняка появились путем вытаптывания желающими сократить путь к соседу, возлюбленной или к местной бабке, торгующей самогоном. Единственное, что сразу же бросалось в глаза, – это заброшенный дом, стоящий в самом начале крайней левой улицы.

Свежеокрашенные ставни почему-то были наглухо заколочены прочными досками, резной конек на крыше еще не успел потемнеть от времени и непогоды, да и сам дом казался если не заново выстроенным, то хотя бы недавно приведенным в порядок. Интересно, кому понадобилось заколачивать окна и двери хорошего дома и забросить сад? Насколько я знала, в подобных приграничных деревнях свято место пусто не бывает и свободную от хозяев жилплощадь всегда найдется кому занять. За исключением случаев, когда прежние хозяева погибали от какой-нибудь особо заразной болезни, но тогда дом обычно становился погребальным костром. А тут просто двери и окна заколотили.

– Станный дом, – негромко пробормотал Ветер, потирая плечи. – У меня от него мороз по коже.

– Не у тебя одного, – отозвалась дриада, натягивая поглубже капюшон плаща и притоптывая на месте от холода. Н-да, похоже, моднице из Серебряного Леса придется подыскать себе сапожки потеплее. Все же поздняя осень в Росском княжестве – это уже почти зима. – Я понимаю, что деревенский дом, от которого веет жутью, это безумно интересно, но, может, все же найдем корчму и хотя бы погреемся? Или тут все, кроме меня, морозостойкие?

– Не уверена, но спорить не стану. – Я проводила взглядом стаю ворон, которая с карканьем взлетела со слегка покосившегося карниза на втором этаже заброшенного дома, и вздохнула. Хотелось бы, чтобы ощущение стылого могильного камня, исходящее от дома, оказалось всего лишь плодом моего воображения.

– Тогда чего ждем? – С этими словами Ланнан решительно направилась прочь, и нам ничего не оставалось, как последовать за ней.

Корчму мы нашли быстро, даже не пришлось долго плутать по переулочкам, достаточно было спросить дорогу у первого попавшегося слегка поддатого крестьянина, который безошибочно указал нужное направление.

За окном завывал холодный ветер, безуданно гонящий по небу свинцово-серые тучи, по закрытым ставням колотил дождь пополам со снегом, превращавший дорогу в грязевое болото, а в самой корчме было на удивление тепло и уютно от ярко горящего огня в большой печи, недостаток же света с лихвой компенсировался хорошо приготовленной деревенской едой. Сотворенный мной светлячок неподвижно завис над столом, разгоняя полумрак корчмы гораздо качественнее, чем небольшая масляная лампа, горделиво стоящая в центре выскобленной добела столешницы, я вяло ковырялась вилкой в тарелке, краем уха прислушиваясь к разговору своих спутников. Хотя, если честно, разговор как таковой не складывался – Данте вообще в последнее время рот раскрывал редко, и то преимущественно по делу, дриада, как ни странно, тоже не торопилась травить байки, поэтому от скорбной тишины за столом нас спасал только Ветер. Мальчишка уже немного оттаял и сейчас вовсе стремился постичь окружающий мир, доставая вопросами сначала меня, а потом и Ланнан, которая находила в себе силы отвечать Ветру с перерывами на еду.

И все же не давал мне покоя тот дом. Настолько, что я, не вытерпев, заинтересовалась у девушки-разносчицы, подошедшей к нашему столику, кому принадлежал тот дом рядом с воротами. Та только плечами пожала, собрав опустевшие тарелки на деревянный поднос, и исчезла за дверью кухни, но минут через пять к нам подсел пожилой крестьянин.

Боязливо косясь на плавающий в воздухе магический светлячок, он негромко поведал историю, подобную которой частенько можно услышать на границе: полюбила девка пригожего парня, до свадьбы, как водится, не дотерпела, вот и нагуляла себе ребенка. А

парень, не дожидаясь, пока к нему придет обозленный отец с братьями «возлюбленной», чтобы призвать к порядку, сбежал из деревни в тот же день, как узнал о своем будущем отцовстве. Кончилось все тем, что девка, не доносив толком дитя, раньше срока разрешилась от бремени, бросила новорожденного в лесу, даже и не глянув, мальчик родился или девочка. Вроде бы нет ребенка, нет и позора, но только спустя месяц повадился кто-то приходить под окна дома, плакать да просить наречь именем. Несостоявшаяся мать едва заикой от страха не стала, когда поняла, что под окна приходит ее брошенное дитя, а когда мужества набралась, чтобы имя сказать, ошиблась. Не угадала с полом ребенка, назвала мальчика Иженией, с той поры в доме стало жить попросту невозможно – приходил игоша под окна еженощно и теперь не только плакал, но и скребся в запертые ставни, стучал во входную дверь и шастал по крыше, не давая жильцам сомкнуть глаз.

– Госпожа ведунья, помогите, а? Сложно нам ютиться по родне, а второй дом поставить еще нескоро сможем. Освободите душу ребенка от скитаний, дайте ему покой...

– И вам заодно, – вздохнула я, машинально вертя в пальцах искусно выточенную деревянную вилку.

– И нам. А кто без греха, госпожа ведунья?

– Никто, наверное. – Я переплела пальцы и посмотрела в глаза крестьянина. – Рассказывайте подробности. Постараюсь помочь, чем смогу.

В конце концов, оставлять в деревне потенциально опасную нежить мне не хочется. Слишком уж часто случалось так, что княжеские ведуны закрывали глаза на «безобидную» нежить типа расшалившихся не в меру банников, сковывавших глупым девкам пальцы стальными кольцами, когда те гадали на судьбу в бане, или же летавиц, крадущих здоровье у детей. А через год те же самые ведуны хватались за голову, не понимая, откуда в мирной благополучной деревеньке взялось логовище нежити, не дающей нормально жить и работать людям. Оттуда и взялось. Просто когда-то дипломированному, хорошо обученному ведуну показалось, что возиться с относительно безобидным духом умершего ниже его достоинства.

Я внимательно слушала собеседника, изредка уточняя детали, а потом откинулась на спинку стула, продолжая вертеть в пальцах порядком замученную вилку. Посмотрела на пожилого мужчину, нервно комкающего шапку, и вздохнула. Помогу я, куда денусь, лишь бы опять Данте не вмешался со своей сверхзаботой. Тут не с хищной нежитью разбираться, где лишний клинок лишним не бывает, а упокаивать беспокойного призрака, вся вина которого в том, что мать оказалась настолько глупой или жестокой, что бросила свое дитя умирать в лесу. Вот и вернулась душа ребенка беспокойным игошей, призраком, довольно безобидной, но весьма докучливой нежитью, от которой можно избавиться, одарив именем, угадав при этом пол умершего ребенка. Угадаешь – игоша навсегда обретет покой, нет – будет всю жизнь под окном или у порога поджидать и плакать. И непонятно, кого больше жаль, игошу или мать-детоубийцу, которая медленно, но верно сходит с ума.

– Ев, а меня ты с собой возьмешь? – робко поинтересовался Ветер, заглядывая мне в лицо.

Я улыбнулась, отхлебывая горячий отвар на меду и деревянной кружки:

– В другой раз – непременно.

Дом, уже с лета как нежилой, встретил нас с Ланнан тишиной, пылью и еле уловимым запахом плесени. Хозяева, как только не получилось спроводить игошу от греха подальше, побросали все, не рискуя оставаться в доме после захода солнца. Взяли только самое необходимое да и перебрались всей семьей на другой конец деревни, к дальним родственникам.

Поначалу хотели сжечь проклятый дом, да только не вышло – сколько ни кидали на крышу зажженные факелы и ни обкладывали хворостом стены, ничего не вышло. Хворост прогорал дотла, а на гладко оструганных бревнах сруба не появлялось ни пятнышка. Зайти же внутрь крестьяне побоялись, а местная знахарка, покрутившись вокруг, прямо заявила, что не ее тут специализация и делать ей тут нечего. Мол, будет тут ведун всамделишный, он пусть и возится.

Размышления прервала Ланнан, нетерпеливо дернувшая меня за рукав куртки:

– Ева, мы сюда зачем пришли? Чтобы пыль подметать или ребенка спасти?

Я страдальчески вздохнула. И зачем я только согласилась взять ее с собой? Ветра я оставила на постоялом дворе под предлогом, что мал он еще с нежитью тягаться и нечего путаться у меня под ногами. Данте с огромным трудом убедила в том, что не являющийся магом мне только мешаться будет, да и за мальчишкой присмотреть надо, иначе сбежит пацан в проклятый дом – и что из этого выйдет, одному богу известно. Но вот от компании Ланнан отвертеться не удалось. Дриада почему-то во что бы то ни стало решила караулить игошу вместе со мной, надеясь решить дело полюбовно после неудавшейся попытки «окрестить» последнего именем.

Обычно в таких случаях призрак невинно убиенного младенца просто не отстает от погубившей его матери до конца ее жизни, плача и крича под окнами ее дома еженощно, причем переезд вопроса не решит. Ребенок будет следовать за матерью везде и всюду. Но тут ситуация вообще непонятная – почему-то игоша остался при доме, а не при матери и не просто плакал под окнами. По рассказу хозяев выходило, что поначалу все было, как описано в фолианте «Призраки и духи умерших»: в первую ночь спать не давал плач младенца, но на следующую им слышался уже радостный, залиvistый смех. На третью ночь девка, тайком родившая дитя и оставившая его в лесу, с ужасом услышала сквозь сон шаги под дверью спальни. Тихие, но отчетливые, как будто под дверью взад-вперед бегал босоногий малыш. Шаги то приближались, то отдалялись, но, на счастье, над дверью висел небольшой оберег в виде лошадиной подковы, простенький, заговоренный по всем правилам. Видимо, он и спас в ту ночь жизнь непутевой девушки, поскольку поутру под дверью ее спальни нашли загрызенную кошку. На что был похож трупик, оставалось только догадываться, но, по словам очевидцев, понять, что раньше это была кошка, можно было только по заляпанному кровью полосатому хвосту.

– Ланнан, спасти-то тут особо некого, – мрачно ответила я, проходя в темную, пыльную горницу и зажигая под потолком несколько ярко светящихся пульсаров. Оглянувшись, подыскивая место почище, но в конце концов решила, что если убрать с дощатого пола широкую плетеную дорожку, то пол окажется хотя бы не покрытым слоем пыли.

– По твоему, невинная душа ребенка – это «никто»? – поинтересовалась дриада, все же помогая мне убрать дорожку с пола.

В четыре руки мы кое-как свернули разноцветный коврик, а потом я выудила из сумки смесь соли и кое-каких трав и начала выстраивать обережный круг.

– Знаешь, у нас, видимо, разные представления о том, что такое нежить. Тут что-то не совсем обычное, это уже не просто обиженный матерью ребенок, душа которого не может найти покоя. И не безвредный дух – они кошек в кровавое месиво не превращают. – Я стала тщательно высыпать заговоренную соль из мешочка, следя, чтобы линии были по возможности ровные. Треугольник, вписанный в круг. Достаточно большой, чтобы мы с Ланнан вдвоем в нем поместились, но с комфортом расположиться в нем сидя все равно не получится. И еще нужно торопиться – солнце вот-вот сядет окончательно, а сразу показываться на глаза игоше мне не хотелось. Да и непонятно, как он себя поведет, если нас увидит. Может, кинется сразу, а может вообще не появиться, тогда целая бессонная ночь насмарку.

Я настолько увлеклась выстраиванием обережного круга, что не сразу поняла, что у меня спрашивают, и услышала лишь тогда, когда дриада повторила вопрос погромче:

– ...Спрашиваю: ты ко всему настолько категорично относишься?

– Что? – Я наконец-то высыпала последнюю порцию соли, закончив символ, и первая ступила в центр треугольника.

Ланнан последовала за мной, ухватив меня за локоть.

– Я просто интересуюсь, на каком поводе ты держишь Данте, если он даже шаг от тебя в сторону ступить боится?

Если бы я в этот момент рисовала круг или плела заклинание, то у меня выпала бы соль из рук или нарушились чары – настолько я была изумлена. Ничего себе смена темы разговора. А дриада вздернула подбородок, глядя на меня сверху вниз:

– Ты не отпускаешь его от себя, но и к себе не даешь приблизиться. Как собака на сене – ни себе, ни другим? Или он тебе дал какое-то обещание, а ты не хочешь его освободить?

Угу, обещание. Клятва Ведущего Крыла своей королеве. Могла бы – давно освободила бы.

– От меня-то тебе что надо? – устало поинтересовалась я, прикрывая глаза и скороговоркой зачитывая заклинание, активирующее обережный круг. Второе заклинание, более короткое, но с более мощным вливанием силы – в треугольник, делающий нас невидимыми и неслышимыми для нежити.

– Чтобы ты перестала ему указывать, что делать и как быть.

Интересно, она это серьезно? Судя по ее лицу – да. Неужто угораздило дриаду запасть на аватара? Если так, то могу только посочувствовать. Только пока не знаю, кому именно – себе или ей.

– Если бы я могла... – Волшебные светляки под потолком медленно гасли один за другим, погружая горницу во мрак. Заколоченные ставни делали умерший дом похожим на склеп – темно, сыро и холодно. Тишину нарушало только наше дыхание, а еще постепенно стихающий с наступлением ночи шум жизни за стенами. – Открою тебе небольшую тайну: Данте всегда сам решал, что ему делать и как поступать. – За исключением тех случаев, когда ему отдавал прямой приказ король. Или королева, если уж на то пошло. Но посвящать дриаду в такие тонкости я не собиралась. – Так что если у тебя не хватило обаяния на его оболыщение, то проблема не во мне. Я его не держу.

Да и не смогла удержать, когда хотела.

– Вот, значит, как... – В тишине ее голос почему-то показался мне уже не таким обвиняющим. Скорее – сочувствующим.

Может, все дело в том, что сейчас я высказала вслух то, о чем постоянно думала, но не решалась принять как должное?

– Примерно. – Я поежилась, кутаясь плотнее в куртку. Нетопленный дом в последней декаде листопада – это почти гарантированная сырость и холод, и если раньше у меня лишь слегка мерзли кончики пальцев на руках, то сейчас щеки ощутимо покалывало морозцем. – Данте свободен ровно настолько, насколько это позволяет ему его долг. У меня нет ни прав, ни возможностей повлиять на это. Он меня защищает, потому что должен и потому что хочет меня защитить, но все же...

Я осеклась, потому что услышала какой-то посторонний звук в глубине покинутого дома. Ланнан за моей спиной напряглась, и мы обе инстинктивно отодвинулись от линий заговоренного треугольника, не желая раньше времени обнаруживать свое присутствие. Что-то скреблось по полу где-то за печью, и я готова была руку дать на отсечение, что это не мышь.

Откуда-то повеяло холодным сквозняком, который принес с собой запах пыли, плесени и еще чего-то, что я не сразу смогла распознать, но дриада за моей спиной вдруг вздрогнула и прижалась ко мне, будто бы ища поддержки, когда в пустом доме раздался тихий смешок.

Хлопнула дверь, и я услышала, как по полу зашлепали маленькие босые ножки.

Скрипнула половица у печи. Шаги «обошли» нас с Ланнан и скрылись где-то в сенях, а я только тогда заметила, что слишком четко вижу сквозь темноту, сгустившуюся вокруг. Значит, опять у меня вместо глаз черное зеркало, характерное для айранитов, и ничего удивительного в этом нет.

Потому что сейчас мне было действительно страшно.

И дело было даже не в том, что вокруг темно, а где-то рядом бродит невидимая пока что нежить, нет. Дело было в самой обстановке дома. Было ощущение, будто нечто жуткое угнездились тут настолько прочно, что даже если мы справимся с выселением игоши, то дом придется спалить от греха подальше, поскольку неизвестно еще, что тут завестись может.

Ничего хорошего и доброго – однозначно.

Звонкий детский смех раздался рядом так неожиданно, что я вздрогнула и едва не заорала от страха. Судя по всему, дриада собралась сделать то же самое, но не успела. У меня тоже язык прилип к горлу, когда я увидела всего в шаге от нарисованного солью круга бледного голенького малыша, стоящего на четвереньках и как-то странно водящего носом по полу.

– Ева, ради всего святого, скажи, что оно нас не видит и не слышит, – срывающимся шепотом произнесла Ланнан у меня за спиной, стискивая мою ладонь.

– Не должно. Но следы наши оно явно почуяло, – замогильным голосом сообщила я, высвобождая правую ладонь и готовя боевое заклинание. – У тебя еще есть желание спасти это невинное дитя?

Молчание мне было ответом. Я сочла это за призыв к действиям и бросила беглый взгляд на осторожный круг, проверяя его сохранность. Хочется верить, что эта тварь, когда-то бывшая игошей, а сейчас перешедшая в разряд хищной нежити, тут одна. Безумно хочется.

Я отвела взгляд от нежити всего на миг.

И этого хватило, чтобы я пропустила ее исчезновение.

Сердце камнем ухнуло вниз, тишина давила на уши, как невидимая подушка, настолько сильно, что шум крови и нервное, прерывистое дыхание Ланнан за спиной казались оглушающе громкими.

– А к-к-куда он-н-но дел-л-лось? – Похоже, дриада от таких фокусов начала заикаться.

Честно говоря, я побоялась ей ответить, потому что язык еще не слушался, а нахождение в темном замкнутом помещении с хищной нежитью, умеющей перемещаться в пространстве в мгновение ока, отнюдь не способствовало храбрости.

Знать не знаю, но мне это не нравится. Очень.

Снова послышались приглушенные шаги. Но раздавались они оттуда, откуда я их совершенно не ждала услышать.

С потолка, стремительно приближаясь с каждой секундой.

Комок синего огня ударил вверх, пробивая дыру в добротных досках и озаря мертвенно-голубым светом сидящего вниз головой на потолке ребенка, личико которого вдруг преобразилось в жуткую маску, после чего нежить не раздумывая свалилась на нас сверху.

Как я успела отскочить в сторону – не знаю. Воздух вокруг вспыхнул клубами яркого, чуть зеленоватого света, а через секунду силовая волна, сброшенная Ланнан на нежить, отшвырнула кажущееся хрупким тельце к стене, хорошенько припечатав к бревнам. Раздался обиженный всхлип, после чего игоша оттолкнулся от стены неведомо откуда взявшимися на крошечных пальчиках коготками и пополз ко мне на четвереньках так стремительно, что я не успела не то что вскочить на ноги – комком пламени запустить.

Нежить прыгнула на меня, метя в горло зубами, похожими на частую пилу, и единственное, что я смогла, это подставить руку.

Мне никогда не пытались отпилить эту столь любимую мною конечность, но сейчас малоприятных ощущений мне перепало в полной мере. Зубы нежити продрали толстый рукав меховой куртки и теперь увлеченно жевали мою левую руку чуть ниже локтя. Я взвыла от боли и с размаху ударила тварь об пол, надеясь, что успею отцепить ее раньше, чем она отгрызет мне руку с концами.

Повезло.

От удара об пол, одобренного магией, игоша отцепился и скользнул было в сторону печи, но его перехватили странно светящиеся жгуты изумрудно-зеленого цвета. Обвили так, что из вырывающегося и вопящего тельца получился плотный кокон, а потом запульсировали режущим глаза светом и сдавили содержимое кокона так, что мне послышался хруст костей.

Пылающий синим пламенем шар врезался в массиво светящихся лоз, грянул взрыв, в котором потонул тонкий детский вопль...

А потом все стихло, только пепел сероватыми хлопьями осыпался на закопченный деревянный пол. Я села там, где стояла, зажимая разодранную зубами нежити руку и тупо глядя перед собой.

– Ничего себе... изгнали привидение...

– Безобидное такое... – нервно хихикнула Ланнан, помогая мне снять куртку и накладывая поочередно кровоостанавливающее и обезболивающее заклинания. Я вздохнула посвободнее, когда боль, вцепившаяся в руку, утихла, и благодарно взглянула на дриаду. Та ответила мне понимающим взглядом и принялась перевязывать жутковато выглядящую в зеленоватом свете рваную рану, оставленную зубами нежити. – Радуйся, до кости эта мерзость добраться не успела, скажи спасибо куртке. Значит, заживет. Учитывая, что ты айранит, слишком долго ждать не придется.

– Радуюсь... – выдохнула я, оборачиваясь на шум у входной двери. Обычные людские возгласы – неужто местные решили провести, что же тут так вопило и грохотало минуту назад?

В дверях нарисовалась мрачная фигура аватара с неизменным двуручником наперевес. Для того чтобы оценить обстановку, ему хватило и пяти секунд, после чего цепкий взгляд черных с серебром глаз впился в кустарное подобие повязки, которое Ланнан накладывала на мою руку.

– Как прошло изгнание «беса», госпожа ведунья? – холодно поинтересовался он, убирая меч и не двигаясь с места, не давая любопытствующим войти. Ну хоть за это спасибо.

– Результативно, – выдохнула я, вставая с заляпанного кровью, солью, грязью и еще чем-то малоприятным пола и шагнула к двери, придерживая повисшую плетью левую руку. Пальцев я не чувствовала. Обычный побочный эффект от обезболивающего заклинания, но лучше уж так, чем тихо выть от боли. Ничего, шанс у меня еще будет – когда действие заклинания прекратится. Пользоваться им часто нельзя, наступает нечто вроде привыкания, да и на организм оно не слишком благотворно влияет, значит, придется терпеть.

– Видно невооруженным глазом. – Данте посторонился, пропуская меня на свежий воздух, который после пребывания в заброшенном доме показался глотком животворящей воды.

Дриада вышла следом, с беспокойством косясь на окровавленный рукав моей рубашки, спасибо хоть, что куртку мне на плечи набросила, а то я о ней совершенно позабыла, все еще прокручивая в голове произошедшее. Не мог это быть игоша, попросту не мог. А что могло? Понятия не имею, но ощущение, что хозяева нам солгали, рассказывая о своей «небольшой проблеме». Больше на подменыша похоже...

А если?..

– Ланнан, – тихо простонала я, – я этих идиотов поубиваю. Лично, больше никому не доверю.

– Что так? – Дриада немного нервозно оглянулась, я даже головы не повернула – и так знала, что Данте следует за нами, наверняка с огромным желанием как минимум прочитать мне лекцию о вреде самоубийственных выходов.

– В доме не игоша, а подменыш засел. По крайней мере, похоже на то.

Дриада негромко выругалась. В нескольких шагах за спиной что-то угрожающе скрипнуло. Похоже, тесно пообщаться с жильцами злополучного дома хочу не только я одна.

Подменьями считаются существа, которых мелкая нечисть оставляет взамен похищенного из колыбели ребенка. Обычно детей воруют кикиморы или лешие, но случается это настолько редко, что подобные случаи можно по пальцам пересчитать. Должно было случиться что-то совсем из рук вон выходящее – скажем, чтобы мать сама пожелала отдать свое дитя нежити, сопроводив это пожелание неким «скреплением договора». А на следующий день мать «натыкается» на вывороченный из земли пень, под которым виднеется запрятанный кем-то клад – вроде приданого подменышу.

Дитя нечисти живет с «приемной» матерью ровно год, а потом пропадает в лесу, но не дай бог за этот год обидеть его – получается как раз то, с чем мы столкнулись в заброшенном

доме...

– Да ладно, обошлось же все, – неуверенно пробормотала я, медленно поднимаясь по скрипучим ступенькам вслед за дриадой на порог корчмы, когда меня все же повело, и я едва не стукнулась головой о добротный косяк.

– Обошлось, говоришь? – тихо, сквозь зубы прошипел Данте, ловя меня под руки и почти затаскивая внутрь, в живительное тепло хорошо протопленного дома.

– Можно, я с тобой попозже поругаюсь? – выдавила я, ощущая, как кончики пальцев покалывает сотня противных иголок. – Похоже, действие обезболивающего заклинания заканчивается, а мне еще руку обрабатывать надо.

– Я постараюсь стянуть края раны магией, так что надеюсь обойтись без швов. – Дриада на ходу закопалась в моей сумке, которую перекинула через плечо, когда мы покидали «поле боя».

Как меня усаживали на кровать и стягивали успевшую пропитаться кровью рубашку – помню плохо, потому что действие обезболивающего заклинания окончилось и мне стало совсем несладко. В памяти копошились только какие-то обрывки: испуганные глаза Ветра, когда он подтаскивал кувшин с горячей водой, а на стол ложились один за другим окровавленные обрывки ткани, пропитанные отваром...

## ГЛАВА 5

Холодный дождь пополам с мокрым снегом падал с серых, затянутых унылыми тучами небес, превращая дорогу в раскисшую ледяную грязь с колдобинами, стремительно наполнявшимися мутной водой. В такую погоду хозяин собаку из дома не выгонит, пусть даже эта собака уже стара и немощна. Пожалеет.

Данте же стоял под этим дождем с непокрытой головой, без куртки и смотрел туда, где чернела зубчатая кромка елового леса. Одинокая мрачноватая фигура на фоне серой пелены последнего, по-видимому, в этом году по-настоящему сильного осеннего ливня. Распущенные волосы намокли и прилипли к когда-то темно-серой, а сейчас почти черной рубашке, занавесили лицо сосульками прядей. Он стоял ко мне вполоборота и, казалось, не замечал вообще ничего вокруг.

Только он – и холодный ливень, льющийся с небес.

Совершенно один.

В груди у меня нехорошо так заныло, висевшая на перевязи левая рука стрельнула острой болью. Раньше я винила его в том, что он отказался от меня ради долга. В том, что для него нет ничего важнее на этом свете, чем быть Ведущим Крыла, защитником Андариона. Не имеющего ни имени, ни лица, ни сердца. Без права на любовь и привязанность. Но сейчас...

Сейчас я особенно остро ощутила его одиночество в этом мире. Когда нет никого, к кому можно было бы прийти, когда весь окружающий мир рушится на куски. Когда некому облегчить твою ношу и боль от ран. Когда везде и всюду – только сам. Потому что никто больше не справится. И если честно – не позволит Ведущий Крыла делать за себя хоть что-то.

Я многое дала бы, чтобы понять, что сейчас творится за этой маской, которая сейчас у него вместо лица. За право подойти к нему и, набросив на плечи слишком короткий для его роста плащ, согретый моим теплом, увести поближе к живому очагу дома. За возможность снять с него хотя бы часть того груза долга и ответственности, который он несет на своих плечах изо дня в день, из года в год. И так все то время, что он ведет за собой аватаров.

Блеснула молния, расколовшая тусклое небо пополам, на миг озарив неподвижную фигуру с чуть опущенными плечами, как будто их оттягивала уже привычная тяжесть широких черных крыльев. Ему так неудобно изображать из себя человека, быть человеком. Ходить по земле, а не парить в воздухе, соревноваться с ветром в скорости и свободе, – это не для него. Запоздав на несколько секунд, гром ворчливо зарокотал где-то в стороне. Похоже,

что дождь уходит в сторону реки, как раз туда, куда нам и надо бы... Ничего, мы подождем.

Его пальцы сжались, словно охватывая рукоять меча, и тогда я не выдержала – вышла из-под козырька крыши под проливной дождь, на ходу развязывая шнурки, стягивавшие горловину непромокаемого плаща. Быть может, я сейчас вмешаюсь туда, куда не следует. И, скорее всего, Удостоюсь холодного взгляда, чуть приподнятой брови и вопросительно-раздраженного «Королева?».

Пусть. Только бы он знал, что не один. Остальное уже не так важно.

Я подошла ближе и, неловко стянув плащ, кое-как, одной рукой умудрилась набросить его на плечи Данте. Успев заглянуть ему в лицо за секунду до того, как оно сменило выражение на почти привычное прохладно-вежливое.

И то, что я успела увидеть, засело в памяти раскаленной иглой – такое чувство вины отражалось в его глазах. Я никогда не видела, чтобы он настолько злился на самого себя. И из-за чего только? Из-за того, что меня слегка погрызла нежить, прочно обосновавшаяся в покинутом доме?

Нет, тут что-то более сильное, более глубокое.

Он вздрогнул и посмотрел на меня. Черные пряди волос облепили узкое лицо, делая взгляд пронзительным, как лезвие ножа, а тонкий шрам на щеке побелел, словно Данте делал над собой невероятное усилие, чтобы сохранить на лице эту вежливую, нейтральную маску.

Я, не обращая внимания на постепенно стихающий дождь, капли которого уже намочили мне волосы и сейчас беспрепятственно стекали за шиворот, стянула здоровой рукой горловину плаща на его шее. Заглянула в лицо.

Просто хочу, чтобы ты знал. Ты не один.

– Еваника, не стой, пожалуйста, под дождем, – наконец-то выдохнул он сквозь сжатые зубы, с трудом, как мне показалось, проглотив обращение «королева».

Я лишь качнула головой, запрокидывая лицо так, что по нему стекали ледяные капли. Промерзну, как пить дать, но хотя бы не заболēju – все же айраниты крепче людей. Тихо проговорила, не отпуская складок плаща, на котором уже проступали влажные пятна:

– Ты ведь стоишь... – Я тряхнула головой, пытаюсь смахнуть с лица намокшую челку, но получилось только хуже.

– Из нас двоих тебя едва не загрызла нежить. – Он осторожно коснулся моей пострадавшей руки, как следует забинтованной и находящейся в сооруженной из цветного платка «люльке». – И это тебе не стоит гулять под дождем. А что до меня, так мне это лишь помогает сосредоточиться.

– Сосредоточиться на чем? – Я придвинулась ближе, и моя правая ладонь, наконец-то отпустив складки плаща, скользнула по намокшей рубашке на его груди. Холодной и сырой настолько, что я удивилась, как его все еще не бьет дрожь.

– На мыслях. – Он поймал мою ладонь своей, горячей, несмотря на осенний холод и стихающий уже дождь. – И все же тебе стоит пройти в дом. Простынешь. – Данте, не слушая моих протестов, подхватил меня на руки так легко, будто бы я ничего не весила, и понес под крышу, с края которой осыпались ледяные капли.

Поставил меня на ноги и, приоткрыв дверь, деликатно втолкнул внутрь, заходя следом. Уже в прогретых сенях наконец-то сбросил с плеч основательно промокший «дареный» плащ и устало посмотрел на меня, убирая с моего лба прилипшую челку. На миг задержал руку, погладив по щеке кончиком пальца.

Жест ненавязчивый, но мне почудилось, что он вложил в него несколько больше, чем простую заботу о промокшей вдрызг упрямой ведунье, которая по дикому стечению обстоятельств оказалась его королевой. А я стояла, не зная, что сказать.

Ночью, когда дриада возилась с моей рукой, стараясь сделать все возможное и невозможное, чтобы глубокая рваная рана зажила как можно скорее, а я не очень долго ощущала себя инвалидкой, Данте мрачно подпирал плечом дверной косяк. Не говоря ни слова и наблюдая за процедурой, но взгляд его с каждой брошенной в тазик окровавленной тряпкой становился все острее. Ветер крутился рядом, выставляя на табуретку у кровати ряд

бутылочек и эликсиров, постоянно бегал вниз за новым кувшином горячей воды, а я тупо смотрела в потолок, стараясь не пугать друзей чересчур проникновенными завываниями. Обезболивающее заклинание пришлось накладывать еще дважды – слишком быстро заканчивалось его действие, а «оттаивающие» нервы с каждым разом были сильнее.

Ланнан на пару с Ветром управилась за час. Мне же показалось, что возились они почти вечно. В результате рана была промыта двумя обеззараживающими эликсирами, края стянуты заклинанием дриады, а в довершение всего аккуратно наложенную повязку пропитали заживляющим зельем, но моим друзьям показалось, что и этого недостаточно. Впрочем, недельный постельный режим я отвергла сразу, ограничившись одним днем отдыха. На меня посмотрели, как на сумасшедшую, а в довершение всего Данте заявил, что с удовольствием послушает, как я запою, когда действие обезболивающего заклинания закончится. Я тогда только скептически хмыкнула, а зря.

Через полчаса я уже кусала уголок одеяла, ощутив, как отступило заклинание и онемевшие пальцы закололо сотнями иголок. И это было наименее неприятным ощущением из всех возможных. Рану жгло огнем, и мне чудилось, будто бы чуть пониже локтя висит какая-то зубастая гадина, время от времени с упоением шевелящая челюстями туда-сюда. Плюс ко всем радостям к мизинцу на пораненной руке и ребру ладони так и не вернулась чувствительность, как будто на них все еще воздействовало обезболивание. Тогда я подумала, что это всего лишь побочный эффект, но утром я убедилась, что онемение никуда не делось – видимо, зубы подмышка все же зацепили нерв, отвечающий за тактильные ощущения, и когда он восстановится, неизвестно, если восстановится вообще.

– Еваника, тебе пора сменить повязку, – негромко сказал Данте, внимательно оглядывая проступившее сквозь бинты кровавое пятнышко.

Я вздрогнула и посмотрела на него.

Ночью мы с ним впервые за все время нашего знакомства всерьез поругались. Настолько, что я беззастенчиво воспользовалась своим правом правительницы и отдала Данте приказ убираться ко всем чертям из моей комнаты. Причина? Он высказал мне все, что думает о моей безалаберности, которая могла без особых усилий лишить Андарион так называемой владычицы. Это-то меня и зацепило. Что волновался он не обо мне, а о том, что его обожаемое небесное государство может остаться без истинного правителя. Вот и я повела себя, как королева. По крайней мере, мне так казалось на тот момент. Это позже, когда с треском захлопнулась дверь за аватаром, я поняла, что показала себя не королевой, а задетой за живое девочкой-подростком.

Королева приняла бы критику к сведению и в будущем вела бы себя более осторожно, понимая и принимая свою важность для народа целого королевства, и, быть может, вернулась домой, предоставляя драконам вызволять Вилью. Но к Лексею Вестникову я еду сейчас не только из-за пострадавшей подруги, а еще потому, что без помощи человеческих ведунов нам вряд ли удастся отыскать Источник темного пламени, а пока он существует, никто в смежных с ним землях не сможет спать спокойно. Незадолго до того дня, когда Аранвейн прилетел за мной, очаг темного пламени прорвался рядом с Андарионом. Два дракона, оставшиеся в королевстве айранитов в качестве послов доброй воли и помощников при окончательном восстановлении города, запечатали прорыв намертво до того, как злая сила земли успела отравить пространство вокруг, но тенденция обеспокоила как айранитов, так и драконов. Конечно, сам город расположен на прочной горной породе, и прорыв темного пламени вряд ли случится где-то на улицах Андариона, но вот в смежных шахтах или подземных постройках – запросто. И отрицать такую возможность было настолько же глупо, как сидеть на дымящемся вулкане и утверждать, что извержения не будет. Будет, еще как. Другой вопрос – когда?

– Сменю. Как только Ланнан вернется. Они с Ветром ушли за обновками – оба одеты по эльфийской моде, но для русской осени она не подходит. – Я по привычке развела руками, ойкнув от стрельнувшей чуть ниже локтя боли.

– Не представляешь, как бы мне хотелось запрятать тебя подальше от всего этого в

лесах поглуше. – Он еле слышно вздохнул, не отрывая от меня усталого взгляда.

– Но ты ведь и там найдешь себе приключения.

– А как же Андарион? – невесело усмехнулась я и осеклась, глядя на его моментально помрачневшее лицо.

– Если бы я заранее знал, чем все закончится, на полет стрелы не подпустил бы тебя к Небесному колодцу.

Я замолчала, не зная, что ответить. Впервые на моей памяти Данте вслух пожалел о том, что мне пришлось стать королевой. Что если бы я не упала в Небесный колодец, то все могло сложиться иначе.

Если бы...

Наверное, самые жестокие слова. Потому что эти «если» могут перевернуть жизнь с ног на голову, не давая покоя ни днем, ни ночью, заставляя мысли крутиться по замкнутому кругу: «А что, если...» Что, если бы можно было обратить время вспять? Если была бы возможность исправить то, что уже случилось?

К сожалению, а быть может, к счастью, но пути назад уже нет. Потому что, исправив ряд ошибок в прошлом, которые не дают покоя в настоящем, можно совершить еще более страшные ошибки. Убегая от одних проблем, легко можно нажать другие. Глупо пытаться обмануть судьбу. Равно как и опускать руки, вверяя себя бурному течению жизни.

Входная дверь со скрипом отворилась, и на пороге появился Ветер, уже одетый более-менее по погоде, и сразу же радостно сообщил, что Ланнан нашла человека, который завтра с утра отправляется с телегой товаров в Ижен, и сейчас договаривается о том, чтобы он взял нас четверых в попутчики. Зная дриаду, можно было не сомневаться – уболтает она торговца, да еще и так дело обставит, что тот нам за компанию приплатит.

– Зато хотя бы не своими ногами топать, – вздохнула я, потрепав мальчишку по голове. Тот уклонился, но уже больше по привычке – после того как он помогал меня штопать после нападения нежити, относиться ко мне он стал более уважительно.

– По-хорошему, тебе бы еще неделю постельного режима, а не в промозглый холод на земле ночевать, – негромко отозвался Данте, ненавязчиво подталкивая меня в сторону горницы.

– Если напросимся в обоз, то и не придется. Думаю, что местечко в телеге мне найдется. А чем быстрее мы до наставника доберемся, тем лучше. Его заживляющие снадобья только вытяжка из огнецвета переплевывает, и то не в любом случае.

– Если я хорошо помню карту Росского княжества, то до твоего наставника нам еще ехать и ехать. Даже если пробираться самым коротким путем через Болотную Окраину, то это все равно пара недель с учетом вероятных незапланированных остановок. – Аватар был сама вежливость, но за каждым словом скрывалось раздражение. Знаю, я его уже успела достать настолько, насколько это вообще возможно. – А климат там из-за близости к протокам Вельги-реки очень сырой и холодный, особенно в первой декаде грудена.

– Короче, ты что сказать пытаешься? Что у меня ревматизм разыграется? – Я скользнула в приоткрытую дверь горницы, усаживаясь на небольшую лавку у самой печки и осторожно снимая куртку, стараясь лишний раз не бередить рану. Как я уже успела выяснить с раннего утра, боевые заклинания у меня получаются так же хорошо, как и прежде, но вот из-за невозможности толком воспользоваться пальцами левой руки их точность снизилась процентов на двадцать. Нет, комки синего огня, по-видимому, будут летать так же, как и раньше, но вот с цепными молниями и огненными дугами лучше повременить: улетит заклинание непонятно куда и непонятно в кого – и соображай потом, как выкручиваться.

– Только то, что твоя левая рука будет ощущать себя Далеко не самым лучшим образом. – Данте пропустил вперед себя Ветра и прикрыл дверь, по привычке прислоняясь к слегка разошедшемуся от времени косяку.

– Это я и без тебя знаю. Сходи лучше переоденься, неизвестно, когда тот торговый человек захочет отправиться в путь.

– Если ты считаешь его настолько глупым, что он захочет ехать на ночь глядя, то могу

сказать только одно: либо ты держишь торговых людей за совсем уж идиотов, которыми они вряд ли являются, иначе не были бы торговцами. Либо, – Данте сделал паузу, делая шаг в сторону за секунду до того, как дверь распахнулась и в горницу вошла улыбающаяся дриада, – ты зачем-то *чересчур* торопишься к своему наставнику.

– А у меня хорошие новости! – Ланнан поманила к себе девушку-разносчицу и попросила ее принести в горницу самовар с кипятком и испеченные с раннего утра пироги – идти в общий обеденный зал никому из нас не хотелось, да и поговорить было о чем, без желания отвлекаться на посторонние возгласы. – Нас берут в обоз, хотя от обоза там одно название – две телеги да одна подвода, торговец и четыре человека в сопровождение. Да и с оружием они знакомы постольку-поскольку, поэтому, когда я предложила хозяину услуги двоих магов с подмастерьем, он согласился с радостью. Да еще и приплатить в Ижене обещал, если мы его самого и товар в Маровой Лещине сбережем.

– Не вопрос, – хмыкнула я, украдкой потирая левую ладонь и в очередной раз убеждаясь, что онемение никуда не делось. Как не чувствовал мизинец ничего, так и не чувствует.

– Ев, кстати, как твоя рука? – вкрадчиво поинтересовалась Ланнан, наблюдая за моими манипуляциями. – Тебе полежать бы надо, отдохнуть...

– Не надо, наотдыхалась уже, – отмахнулась я, глядя на то, как две девушки-разносчицы накрывают на стол, ставят разогретый, пышущий жаром самовар на березовых углях, а потом приносят большое деревянное блюдо с подогретыми пирогами.

Замечательное у них тут обслуживание. Даже боюсь спрашивать у Данте, что и как он сказал местному корчмарю ночью, пока я спала, если с нас поутру начали сдувать пылинки и без вопросов предоставили пострадавшей, то есть мне, отдельный стол в горнице. Пока Ланнан разливала по деревянным кружкам душистый липовый отвар, добавляя по паре ложек темного гречишного меда, я помогала Ветру разбирать записки наставника. Он дошел до того места, где Алексей Вестников описывал Гномий Кряж, а эти страницы мало того что были исчерканы настолько неровным почерком, будто бы наставник писал, пристроив пергамент на колене, так еще и походная жизнь наложила на них свой отпечаток. Где-то чернила расплывались от капель не то дождя, не то отвара, в одном месте целое слово было смазано, но все же могло быть прочитано... В общем, от потрепанной книжицы мы с Ветром оторвались, только когда Ланнан без разговоров отобрала у нас «светоч знаний» и придвинула поближе кружки с ароматным настоем и блюдо с пирогами.

– Вам есть надо, а не с книжками возиться. По крайней мере, сейчас. Ева, тебе вообще надо усиленно питаться, чтобы побыстрее выздороветь, а будущему ведуну тем более, ему еще расти и расти.

Мы с Ветром подняли головы и, переглянувшись, дружно послали дриаду по извилистым тропкам к лесному царю, после чего с чувством выполненного долга вернулись к потрепанной книге. Впрочем, изучение дневника Алексея Вестникова не помешало нам слопать добрую половину пирогов с деревянного блюда, запивая их горячим отваром. Интересное дело, минут через двадцать меня начало клонить в сон с такой силой, что я справедливо заподозрила Ланнан в партизанской деятельности. То-то мне вкус отвара показался подозрительным – ведь наверняка дриада подсыпала туда сонного зелья, чтобы я хотя бы денек в постели полежала. А вот и не дождетесь! Я все же айранит, снотворное на меня действует слабее, чем на человека, а в чародейской сумке лежит хороший нейтрализатор. Только бы добраться... Я не могу спать сутки напролет...

Встать мне удалось, добрести до лестницы, пошатываясь, как пьяная, тоже, но на второй ступеньке я едва не упала. Господи, сколько же Ланнан вбухала сонного зелья в этот отвар?! Небось столько, что человек запросто мог бы заснуть и не проснуться...

Чьи-то руки подхватили меня, не давая упасть, а потом над ухом раздался приглушенный голос аватара:

– Еваника, поверь, это для твоего же блага. Тебе просто необходимо отдохнуть.

– В гробу... отдохну... – еле слышно пробормотала я, уже проваливаясь в сон.

Последняя мысль перед тем, как сознание окончательно заволочло пеленой дурмана, была о том, что утром мы можем опоздать...

Свеча на низенькой лавке уже сгорела до половины, украсив глиняную тарелку-подставку потеками ярко-желтого воска. Ставни были плотно закрыты, но я и так поняла, что на дворе ночь – слишком уж тихо, как за окном, так и внизу, в обеденном зале. Такая тишина бывает только в предрассветные часы, особенно в «волчий час», перед самым рассветом, когда ночь идет на убыль, но до третьих петухов еще минут сорок. Именно в «волчий час» нечисть наиболее активна, а не в полночь, как считают большинство людей. Незадолго до рассвета самый крепкий сон, часовым тяжелее всего не заснуть и выстоять смену. В «волчий час» волхвы проводят самые опасные обряды, а знахарки и гадалки получают наиболее точные предсказания на будущее.

Я с трудом села, протирая глаза. На удивление, голова почти не болела, несмотря на то что Ланнан опоила меня приличной дозой снотворного – кажется, я проспала целый день и половину ночи, а для того, чтобы уложить айранита спать так надолго, требуется мало того что сильнодействующий дурман, так и доза, раза в два превышающая нормальную для человека. Ну дриаде я спасибо еще отдельно скажу. Заодно объясню, почему нельзя опаивать друзей, пусть даже для их блага.

Лепесток пламени пугливо пригнулся к фитилю, почти затухая, словно по комнате прошелся легкий ветерок, но потом снова выпрямился, кое-как освещая лавку и цветастую плетеную дорожку на полу. А я задумчиво смотрела на небольшое зеркало, висящее на стене. Предсказание безыменья не давало покоя, осталось холодным камешком на сердце, и что с ним было делать, я не знала. Рассказать Данте? Возможно, аватар станет еще осторожнее, чем обычно, но вряд ли это поможет. Если не знать, откуда придет возможный удар, то ничего изменить или хотя бы смягчить не получится.

Кто предупрежден, тот вооружен, так?

За ставнями глухо завывал ветер, ветки старой яблони скреблись о побитые дождями и снегами потемневшие доски, а я задумчиво смотрела на овальное зеркало на стене. Самое опасное гадание зачастую самое верное и может дать правильный, а главное – точный ответ на мучающий меня вопрос. Если я только найду второе зеркало...

Я соскользнула с постели и, как была – в широкой мужской рубашке с обрезанными рукавами и длиной мне почти по колено, – босиком прошла к своей сумке и сунула в нее руку, одновременно шепча заклинание поиска. Если у меня где-то есть зеркальце, оно непременно найдется.

Искать пришлось минуты две, и я уже успела отчаяться, когда в ладонь мне ткнулось что-то гладкое и холодное. Так и есть – круглое зеркало в серебряной ажурной оправе и на длинной узорчатой ручке. Наверняка Мицарель положила, если бы сумку собирала Хэл, то зеркало было бы поменьше и попроще. Все же Верховная жрица гораздо лучше знает мои вкусы, чем личная фрейлина. Но сейчас то, что зеркало не карманного размера, только сыграет мне на руку – зеркальный «коридор» получится шире, значит, есть шанс разглядеть все в подробностях.

Я положила найденное зеркало на кровать и занялась тем, что побольше. Сняла его со стены с помощью левитации, поскольку не была уверена в том, что сумею осторожно отцепить зеркало от гвоздика одной здоровой рукой, и перенесла на лавку, положив рядом со свечой. Немного повозилась, прислоняя зеркало к стене так, чтобы оно отражало кровать и кусок стены у меня за спиной, а потом привязала второе зеркальце за ручку к спинке стула шнурком для волос, затянув узел так, чтобы при необходимости его можно было распустить за секунду. Своего рода подстраховка на тот случай, если я не успею окончить гаданий до того, как то, что ползет из зеркального «коридора», подберется слишком близко ко мне. В таком случае спасти нерасторопную гадалку может только укладывание зеркал отражающей поверхностью вниз. Ну или хотя бы одного из них. Главное – разрушить «коридор».

Пришлось повозиться, прежде чем я установила два зеркала друг против друга так,

чтобы они многократно отражали сами себя, в результате чего получался бесконечно длинный туннель со сводами-рамами. Я кое-как уселась на скомканное одеяло перед большим зеркалом, передвинула свечу так, чтобы она освещала мое лицо, но при этом не отражалась в «коридоре», и зашептала заклинание призыва.

Говорят, что при гадании с помощью зеркал в отражении появляется черт, принимающий облик суженого, на которого-то чаще всего гадают, или же просто какой-нибудь злобный дух, который может причинить вред гадающей. Верно и то и другое, все зависит от того, что хочет узнать человек у зеркала.

Я хочу узнать судьбу Данте. Не свою. Поэтому хочу попробовать обратиться непосредственно к Прядильнице Судеб, быть может, она откликнется на мой зов и покажет мне то, что сочтет нужным. Лишь бы это помогло мне понять, что делать дальше...

Зеркало отражало мое уставшее лицо с темными кругами под глазами и встрепанными рыжеватыми прядями в качестве обрамления довольно долго. Свеча успела подтаять и украсить тарелку новыми потеками воска, когда я заметила, что в глубине зеркального «коридора» что-то движется. И это не тени от зыбкого, постоянно колеблющегося пламени.

Фигурка медленно росла, словно человек шел из глубин зеркала, проходя через отражения серебряной и деревянной рам, как через вычурные арки, и с каждым его шагом поверхность зеркала передо мной мутнела. Мое отражение таяло, расплываясь в серебристой дымке, а из тумана начали всплывать картинки будущего.

*...Лужицы крови, растопившие свежесыпавший снег до самой земли, следы борьбы и множество отпечатков звериных лап – я словно смотрела себе под ноги, не решаясь поднять взгляд...*

Картина скользнула обратно в туман, и сразу же всплыла новая – снежный вал, несущийся в лицо, накатывающий, словно волна прибоя, низвергающийся будто лавина с гор, но откуда ей взяться в просеке посреди леса, в окружении деревьев, где ветру и развернуться-то особо негде? В завывании бури слышится собачий лай и топот конских копыт, а в бешеном танце снежинок то и дело проявляются очертания своры гончих, сильных, свирепых, берущих любой след и в состоянии загнать любую дичь – будь то зверь, человек или дракон. Страшная свита, мертвая свита, а таковая на всем свете только одна, и является она в ночь на полнолуние, на Изломе осени. Но ведь я ясно вижу, что снежинки летят в лицо при свете дня...

Новый взгляд – новая картина. Я успела заметить, что человеческая фигура, идущая ко мне из зеркального «коридора», значительно выросла: если бы не клубившаяся дымка, то я сумела бы разглядеть лицо, а так – только очертания. Еще немного, и наступит тот миг, когда надо разрывать связь и рушить «коридор», а не то проблем не оберешься – с миром духов шутки плохи, их волшебным огнем не отгонишь, да и заклинания не всегда срабатывают. А защитить себя кругом из заговоренной соли я позабыла...

*...Вой ветра в ушах, полупрозрачные призраки на конях, чьи глаза горят мертвенным зеленым огнем, их бешеная скачка под облаками. Впереди несутся призрачные гончие, а во главе этой свиты летит всадник на огромном черном коне. Его плащ стелется в воздухе рваным крылом, поля шляпы закрывают лицо от постороннего взгляда до самых губ, но встречный ветер не осмеливается коснуться ни единого волоска на его голове. Он оборачивается, и именно в этот момент я понимаю, кто он. Предводитель Дикой Охоты, позабытый древний бог, почти утративший свое могущество, потому что не осталось почитателей Дикого Гона на этой земле, некому помнить и возносить молитвы, некому верить и почитать... Он поднимает руку, перчатка на которой на миг словно расползается ветхими лохмотьями, и я вижу глубокий порез на запястье. Тонкий, будто только-только заживший шрам, но этой ране уже много веков...*

Серебристый туман рассеялся так стремительно, словно его развеял невесть откуда поднявшийся ветер, а зеркальная поверхность отразила мужчину, склонившегося над моим плечом. Я вздрогнула, но оторвать взгляда от зеркала не смогла.

Потому что из-за плеча на меня смотрел Данте.

Такого выражения лица у него я никогда не видела. Настолько теплой, обезоруживающей улыбки – тоже. Умом я понимала, что надо разрушить «коридор», пока не случилось беды, но я даже рукой пошевелить не могла, не говоря уж о том, чтобы положить зеркало отражающей поверхностью вниз.

Двойник Данте коснулся моего плеча в отражении зеркала, а потом вытащил из-за спины серебряное ожерелье. Настоящее произведение искусства – причудливо изогнутые филигранные перья складывались в нечто вроде прочной короткой цепочки, в середине которой висел небольшой сине-сиреневый камень в круглой оправе. Почти как моя корона истинной королевы... Но это было свадебное ожерелье. У айранитов не принято обмениваться кольцами, как у людей, или же браслетами, как заведено у эльфов и драконов. Закрепление брачного союза в Андарионе осуществляется с помощью обмена особыми ожерельями, замок на которых можно застегнуть лишь раз, после чего снять ожерелье уже нельзя, разве что порвать цепочку.

И именно такое ожерелье двойник Данте собирался надеть мне на шею...

Негромко хлопнула входная дверь, пламя свечи пугливо скакнуло, а последующий возглас окончательно привел меня в чувство.

Я успела повалить оба зеркала на пол буквально за секунду до того, как двойник набросил мне на шею ожерелье. Напряжение, витавшее в воздухе, моментально пропало, а я почти без сил облокотилась на лавку перед собой, едва удерживаясь от того, чтобы не свернуться клубком прямо на полу.

– Ева, чем ты тут только что занималась? – Голос Данте, настоящего, а не отраженного в зеркальном «коридоре», не был ласковым, да и хорошего он отнюдь не предвещал. Я с трудом подняла голову и посмотрела на него – свадебного ожерелья при нем, к сожалению, тоже не наблюдалось. – Ты бы себя видела!

– Уже... – Язык ворочался с трудом, да и вообще после этого гадания с зеркалом вопросов не уменьшилось, а напротив – прибавилось. Не-е-ет, больше я такими вещами заниматься не буду, себе дороже.

Данте шагнул ко мне и опустился передо мной на колени, внимательно вглядываясь в мое лицо.

– Похоже, тебя надо круглосуточно караулить. Только отойдешь на час вздремнуть, как ты уже колдуешь так, что у Ланнан волосы дыбом встают.

– А ты у Ланнан в комнате спал, что ли? – довольно вежливо поинтересовалась я, отворачиваясь и поднимаясь с пола. – Тогда бы задержался, что ли, минут на пять, она бы тебе объяснила подробнее, как именно я тут колдую. И вообще, то, чем я занимаюсь ночью в отведенной мне комнате, касается меня и только меня. И уж никак не аватара, который в магии смыслит ровно столько же, сколько я в кузнечном деле. А что, если в следующий раз ты мне помешаешь провести какой-нибудь важный ритуал? Нельзя же так врывать ко мне в комнату, равно как нельзя следить за мной круглые сутки.

Высказалась наконец-то. Полегчало. Но, как выяснилось, высказаться хотелось не только мне.

– Мне, как твоему личному телохранителю, вообще полагается от тебя ни на шаг не отходить. Но раз уж ты прогнала меня накануне, то все, что я мог сделать, это быть рядом, но так, чтобы не попадаться вам на глаза, ваше величество. – Он снова перешел на «вы». Так было всегда, когда он готов был вот-вот дать волю гневу или же другой сильной эмоции. И сейчас Данте, как мне казалось, едва сдерживался, чтобы не наорать на меня, наплевав с высокой колокольни на все правила и титулы. – Но я не могу защитить мою королеву от нее самой. Я не понимаю, почему вы проводите опасные ритуалы, не позволяете мне идти с вами изгонять призрака, который оказался опасной нежитью. Из-за собственной безалаберности

вы едва не лишились руки, а могли бы погибнуть...

Я только отмахнулась, поднимая зеркало с лавки и едва не роняя его на пол, потому что под зеркалом лежал обугленный на концах обрывок тонкой веревки. Наверное, я очень сильно побледнела, потому что Данте поднялся с колена одним резким движением и встал за моим плечом, готовясь в случае чего ловить меня, вознамерившуюся упасть в обморок.

– Моя королева, вам плохо?

– Да... Нет... Уже не знаю. – Я смотрела на кусок веревки так, будто это была ядовитая змея. Впервые я наблюдала вещественное доказательство реальной опасности зеркального гадания. В отражении эта веревка была свадебным ожерельем. То есть, если бы я не успела разрушить «коридор», двойник набросил бы веревку мне на шею и наверняка задушил. А я бы ничего не смогла сделать, и помочь мне было бы нельзя – потому что нельзя освободить от веревки, которую видно лишь в зеркале... – Данте, если я в следующий раз надумаю гадать на двух зеркалах, напомни мне про этот случай, ладно?

Он ответил не сразу, за это время я успела не только спалить проклятую веревку небольшим сгустком огня, но даже повесить зеркало обратно на стену с помощью левитации. И только когда я собралась менять повязку на руке, аватар решил заявить о себе.

– Ева, ответь, зачем это было нужно? Я не верю, что ты могла пойти на такой ритуал просто потому, что тебе приспичило побаловаться с судьбой. Ты знаешь что-то, о чем никому не говоришь, но это знание толкает тебя на сумасшедшие поступки. – Он подошел почти вплотную, глядя на меня сверху вниз, и очень мне этот взгляд не понравился. Теперь ведь точно не успокоится, пока все из меня не вытянет. – Почему ты так торопишься к своему наставнику? Ведь время у нас есть, но ты рвешься к себе домой так, будто за тобой по пятам кто-то гонится. Почему не даешь мне охранять себя, всеми правдами и неправдами отсылая, когда я тебе нужен? Учти, тогда, в лесу, я не стал настаивать на ответе, но сейчас тебе придется мне все объяснить.

– Как я понимаю, ответ «Так надо» тебя не устроит? – обреченно пробормотала я, отводя взгляд, но Данте довольно жестко сжал пальцами мой подбородок, разворачивая лицо так, чтобы я смотрела ему в глаза.

– Не устроит... ваше величество. И отослать на этот раз вам меня не удастся.

– Только потому, что на мне нет короны, я не могу отдавать тебе приказы?

– Нет, не поэтому. – Он покачал головой, не убирая пальцев от моего лица. – А потому, что я уже не принадлежу Андариону так, как раньше. Мой долг перед короной сменился долгом перед королевой. Я сознаю, что совершаю своего рода предательство, ставя одного-единственного айранита выше благополучия королевства, которое я клялся оберегать и защищать. Но я клялся и королеве. И сейчас, если понадобится, я предпочту оставить Андарион без истинной правительницы, но сохранить жизнь одной лесной ведунье...

Я прикрыла глаза, не желая, чтобы Данте прочитал в них всю ту бурю эмоций, которая не давала мне покоя в последние дни, и заговорила. С каждым словом мой голос наливался металлом, слова падали в тишину комнаты, как обломки серебряного клинка, но хуже всего было то, что, начав говорить, я уже не могла остановиться. Словно сейчас моими устами говорила сама Прядильщица, и от этого слова становились пророчеством, подозрения – судьбой, а страхи – предвестием беды...

Я уже не слышала того, что шептали мои губы, но картины грядущего, подсмотренные в зеркале, снова вставали перед моими глазами, только на этот раз связанные воедино, уже не обрывки видений, а полноценная картина пророчества. То, что началось в тот миг, когда я попросила безымянца показать обреченного, закончится в ночь Дикой Охоты. Не знаю, с каким результатом, но ночь Излома все расставит по местам, и не будет больше туманных пророчеств – по крайней мере, в той судьбе, о которой я рассказывала.

По щекам стекали обжигающе горячие капли, а я все говорила и говорила, словно читая написанное или пересказывая давно заученный, а потом по какой-то причине позабытый текст. Некоторые слова произносились легко, другие приходилось с усилием выталкивать из горла, как острые куски льда, неудивительно, что горло очень скоро начало саднить и жечь,

как огнем...

Я пришла в себя на полу. Данте прижимал меня к себе, но сам словно не решался пошевелиться, застыв наподобие статуи. Только сейчас я почувствовала, что пол на самом деле очень холодный, а ступни замерзли настолько, что наверняка ощущались двумя ледышками, но сильнее всего болело горло – как будто я пыталась проглотить что-то твердое с острыми, ранящими краями. Или, наоборот, извергнуть из себя. Слова, особенно составляющие пророчества, имеют свой вес, свою силу, а иногда срабатывают не хуже заклинания и могут причинить ощутимую боль.

– Все так плохо? – негромко поинтересовалась я, осторожно дотрагиваясь здоровой рукой до его щеки.

Он медленно покачал головой, словно не в силах был говорить, а потом просто коснулся губами моей ладони.

– Значит, еще хуже, – констатировала я, даже не пытаясь встать.

– И это ты носила в себе... – Он вздохнул, закрывая глаза, и осторожно потерся щекой о мою ладонь. – Оно тебе надо было, скрывать так долго?

– А еще из меня никудышная пророчица, хотя просветления могут случаться даже у деревенской бабки-знахарки, – попыталась как-то разрядить обстановку я.

Бесполезно – аватар даже не шелохнулся, думая о чем-то своем. Впрочем, встать с пола со мной на руках ему это не помешало, равно как и аккуратно опустить меня на развороченную постель.

– Данте, слушай, это же только предсказание, оно может быть неточным...

– То, что я слышал, было точным донельзя. – Он сел рядом со мной и взял меня за здоровую руку. – Как я понимаю, ты помнишь не все?

– Правильно понимаешь.

– Тогда это даже к лучшему. Ты не станешь рисковать понапрасну, пытаешься изменить то, что изменить не получится. – Он тепло улыбнулся и вдруг привлек меня к себе осторожно перебирая мои растрепанные волосы. – Потому что на этот раз все предельно ясно. Да, наверное, оно и к лучшему. Ты не представляешь, насколько я устал разрываться пополам, пытаюсь сложить две совершенно разные жизни в одну.

– Данте, по-моему, ты все еще слишком плохо меня знаешь... – Я положила ладонь ему на грудь, поверх сердца, и прикрыла глаза, ощущая биение кончиками пальцев. – Мы доберемся до Лексея Вестникова раньше, чем это случится, а уж с ним мы что-нибудь обязательно придумаем. Просто так сдаваться я не намерена.

Он ничего не ответил, только обнял меня еще крепче...

Телега со скрипом покатила по раскисшей от вчерашнего дождя дороге, причем, колеса с широкими ободами не застревали даже в глубоких колеях, наполненных стылой водой, кое-где затянутых тоненькой пленочкой льда. Я сидела в одной телеге вместе с Ветром, Ланнан – рядом с кучером, молодым смешливым парнем по имени Веселок с лицом, изрытым оспинками, а Данте выделили флегматичного серого в яблоках мерина, и сейчас аватар ехал во главе так называемого обоза, изредка перебрасываясь короткими фразами с торговцем Василичем. Время от времени телегу подбрасывало на очередном ухабе, и вот тогда я радовалась, что в Ижен Василич везет прошлогодние куны меха – по крайней мере, лежать было мягко и почти уютно. Правда, когда хозяин обоза увидел меня с рукой в «люльке», то скривился так, будто бы сжевал горсть недозрелой клюквы, а потом поинтересовался, что за калеку уважаемая Ланнан тащит с собой и где обещанный ведун.

Узнав, что ведун я, Василич едва не послал меня лесом, но после ненавязчивой демонстрации магических способностей, в результате которой на сырой дороге появился твердокаменный круг из обожженной глины, хозяин успокоился и предложил мне с мальчиком занять самое выгодное место – на мешках с мехами.

Ветер увлеченно читал записки наставника, напрочь игнорируя тряску, я же слушала байки о Маровой Лещине, изредка вставляя «веское» для попутчиков слово лесной ведуньи и

вступая в спор с дриадой. Спрашивается, кто из нас двоих, я или Ланнан, лучше разбирается в том, что творится в Маровой Лещине? Правильный ответ – обе не разбираемся, поскольку ни одна из нас там не была. Ну не совсем так. Я была как-то раз, проездом вместе с Алексеем Вестниковым по дороге в Серебряный Лес. Но с учетом того, что с наставником и поездка в Серое Урочище показалась мне всего лишь прогулкой по туманной долине, то переход через Марову Лещину может оказаться тем еще приключением, и не факт, что приятным.

Я плотнее запахнула куртку и постаралась поудобнее устроиться на мешке с мехом, временно выходя из спора с дриадой. Поживем – увидим. Самое главное, что на душе стало чуточку полегче, хотя совесть еще царапала нехорошая мысль о том, что все-таки надо было держать узnanное в секрете. Но когда твоими устами говорит сама Прядильщица Судеб, сопротивляться бесполезно.

Нам бы только успеть...

## ГЛАВА 6

Густой, белый как молоко туман заливал чахлый подлесок, превращая обычную, в общем-то, поездку по порядком разбитому телегами и торговыми подводами тракту в нечто таинственное и немного жутковатое. Лично мне сразу вспомнилось Серое Урочище с тамошним ядовитым туманом и рассадниками нежити на каждом тагу. А здесь просто осенний туман, совершенно безобидный, но тем не менее навязчивый донельзя и сырой. Он глушил все звуки, даже возница перестал пытаться заигрывать с Ланнан, замолчав и напряженно всматриваясь в размытую дорогу перед собой. И немудрено: в таком тумане отстанешь от своих – потеряешься как пить дать, особенно если где-то придется отклониться от тракта, чтобы срезать дорогу или объехать упавшее дерево.

Марова Лещина славилась на всю округу двумя вещами – превосходными лесными орехами и призрачными марами. Первые с торговыми обозами расходились по всем базарам Росского княжества, вторые же служили неиссякаемым источником разного рода баек и страшилок. Я самолично слышала байки из разряда, что-де был в Маровой Лещине, а ночью явилась прекрасная дева, естественно, обнаженная, и давай целоваться лезть. Дальше мнения обычно расходились. Кто-то утверждал, что, проведя с призрачной девой ночь, наутро просыпался обессиленный, «словно упырь всю ночь кровушку пил», а повсюду валялись лебединые перья. Другие говорили, что отрешивались от девы заговоренной солью, крестом, мечом и прочими подручными средствами, и тогда дева «оборачивалась страховидлой, наполовину птицей, наполовину бабой – тело птичье, голова и плечи – женские». Были еще и оригиналы, уверявшие, что никакой нечисти в Маровой Лещине нет и не было никогда, а все остальное – это выдумки после обильных возлияний. Честно говоря, я была согласна с последними, потому как, несмотря на все «ужасы проклятого места», людей в здешних лесах пропадало не больше, чем в любой другой чаше неподалеку от Стольна Града.

Без мелкой нечисти ни один лес в Росском княжестве не обходится, и, сказать по правде, я сомневалась, что в Маровой Лещине засело что-то страшное настолько, что нормальным людям надо обходить это место за три версты стороной. Если бы все было так плохо, то торговый люд не ездил бы здесь из года в год, жалуясь разве что на редких разбойников, разбитую дорогу да плохую погоду.

– Хм, что-то я Василича не вижу, – задумчиво произнес возница, рядом с которым сидела плетущая какое-то заклинание Ланнан. – С полверсты уже еду, а их впереди как нет, так и не было, да и сопровождающих не видно...

– То есть как? – Я кое-как уселась на мешках и обернулась, пытаюсь хоть что-то разглядеть за спиной возницы. Бесполезно – парень попался рослый и широкоплечий, с моего места можно было разглядеть лишь его стриженный затылок под коричневой суконной шапкой да нечто вроде телогрейки.

– Так ведь и позади нас подводы нету, – мрачно добавил Ветер, привставая на телеге и

вглядываясь в белесую пелену тумана, из которого выступали только чахлые осинки, уже давно уронившие листву, да две-три сажени изрытой колеями дороги.

– Веселок, придержи лошадь, может, подвода отстала просто? – попросила я, цепляясь за обрешетку телеги и кое-как поднимаясь на ноги.

Возница пробормотал что-то явно нецензурное, но каурюю лошадь все же остановил. Я прислушалась – тишина. Причем настолько глубокая, что на миг мне показалось, что я оглохла.

– Ой, госпожа... госпожи... ведуньи уважаемые, – вдруг зачастил Веселок, оборачиваясь и глядя на меня испуганными глазами. – Что же это вокруг творится, куда делись все?

– А чтоб я знала, – медленно проговорила я, складывая ладони лодочкой и шепча поисковое заклинание, которое скользнуло в туман и словно увязло там, медленно-медленно продвигаясь вперед. Как будто заклинанию приходилось протискиваться сквозь сети чужих чар, путаясь в ячейках, то и дело задевая прочные струны.

– Ев, тут глухо, – отозвалась дриада, которая, по-видимому, тоже пыталась колдовать, но наткнулась на то же препятствие. – Тут словно барьер какой стоит – внутри него колдовать можно, а за пределы пробиться никак.

– Ветер? – Я легонько тронула паренька за рукав куртки, и тот с трудом перевел на меня серьезный взгляд карих глаз. – Попробуй прощупать этот барьер. Мне кажется, это больше по твоей части, тут только ты воздушник.

– А я думал, что все айраниты так или иначе со стихией воздуха связаны, – пробурчал тот, встряхивая руками и начиная плести довольно сложное диагностическое заклинание.

Сколько ни пытался наставник обучить меня такому – не выходило. Просто потому, что не получалось у меня так же легко, как у Ветра, собрать воедино потоки магии из воздуха, сплести их в частую сеть и раскинуть над головой так, чтобы сетка доносила своему создателю информацию обо всем, что проходило сквозь ячейки. Как говорится, не мое это, и все тут, ничего не попишешь.

– Ты еще многого не знаешь, – вздохнула я, терпеливо ожидая, когда Ветер сообщит результат, но от ожидания меня неожиданно отвлек вопль Ланнан:

– Ты куда, ненормальный?!!

Я резко обернулась, но только для того, чтобы увидеть, как широкая спина Веселка скрывается в густом тумане. Возница с ходу дал такого стрекача, что я при всем желании не смогла бы его догнать, разве что на крыльях, но летать в таком тумане на низкой высоте чистой воды самоубийство. Вмажешься со всего разгона в одинокую елку – и привет давно почившим предкам.

– За ним! – Вот уж от кого не ожидала командного тона, так это от Ветра. Паренек шустро соскочил с телеги и так уверенно понесся следом за возницей, что у меня не было даже времени спросить, зачем оно надо.

Хотя, когда мне удалось догнать не в меру прыткого подростка и изловить его за полу куртки, задать вопрос все же получилось:

– Тебя куда понесло? Да еще в гордом одиночестве?

– Еваника, они по Зову идут, неужели ты не слышишь?

– Нет... – Я все же придержала Ветра, дожидаясь, пока дриада нас догонит. – Ланнан, наш юный подмастерье говорит, что мужская половина нашей компании смылась на Зов.

– Все может быть, – согласилась дриада, ускоряя шаг, но пока не стремясь перейти на бег. – Пусть даже я его не слышу, это еще не означает, что его нет. Может, он только на мужчин действует, вот они и рвутся в туман, очертя голову. А Ветер слишком молод, чтобы у него крыша поехала, но Зов он все равно слышит, ведь так?

Бывший ученик мага только кивнул, поминутно пытаясь ускорить шаг, но дриада пресекала эти попытки на корню, объясняя это нехитрой поговоркой «Тише едешь – дальше будешь». Я же взяла паренька за руку, чтобы не потерять его в тумане, который, казалось, сгустился еще сильнее, обволакивая со всех сторон плотным сырым одеялом. Ланнан

подхватила Ветра под другую руку, и вдвоем мы двинулись вперед, переступая через упавшие деревья и обходя валежники.

– Где-то... где-то здесь, тут Зов такой сильный, что у меня в ушах звенит, – пробормотал Ветер, цепляясь за мою руку, как утопающий за пресловутую соломинку, не особенно надеясь, что последняя выдержит.

– Ева, из нас ты молодой специалист по всякой нечисти, что это может быть? – поинтересовалась Ланнан, откидывая за спину длинную золотистую косу и напряженно всматриваясь в туман. – По-моему, там впереди что-то маячит. Я, конечно, могу ошибаться, но поисковик – вряд ли.

– Не знаю, какая-нибудь лесная сирена или подвид лесавок, – пожала плечами я, на всякий случай снимая цветной платок, исполнявший роль «плюльки» для поврежденной руки, и запихивая его в сумку. Рана тотчас стрельнула болью, и я, чертыхнувшись, наскоро наложила на нее обезболивающее заклинание. Минут пятнадцать продержится, а больше мне, надеюсь, и не понадобится. – С первыми можно попробовать договориться, вторых – только жечь или расправляться посредством клинка, лучше серебряного.

– Вопрос на засыпку: у кого-нибудь есть серебряный клинок? – поинтересовалась дриада, с хрустом разминая пальцы.

– Есть меч из темной гномьей стали, нежити от нее так же грустно, как и от серебра, – отозвалась я, посылая вперед один поисковик за другим.

В зеркальном предсказании кровь Данте пролилась на землю, припорошенную снегом, может, именно поэтому сейчас я была спокойна. Ну почти спокойна – мы шли по земле, укрытой толстым слоем опавших листьев, пропитанных влагой после недавно прошедшего дождя, значит, сейчас аватар не мог пострадать. По себе знаю – айраниты не так восприимчивы к гипнотизирующей магии, как люди, быть может, с ним вовсе ничего не случилось, и сейчас он ищет нас и ругает меня на чем свет стоит...

Ланнан не успела ничего ответить, потому что из тумана вдруг вынырнул Веселок и попытался с ходу нокаутировать дриаду. Та успела отпихнуть в сторону мальчишку, одновременно выстреливая в нашего возницу заклинанием, которое моментально опутало его с головы до ног частой сетью чуть светящихся зеленых побегов, способных удержать даже тролля, но Веселок продолжал рваться, словно какая-то сила твердила ему одно: убей. Я наклонилась, чтобы получше рассмотреть лицо парня с безумными, но при этом совершенно неживыми глазами.

– Ева?

– Им управляет кто-то. – Я коснулась его лба кончиками пальцев, пытаюсь прочувствовать управляющую магию. Что-то ледяное, холодное и сырое. С запахом плесени и привкусом тлена. Значит, нежить. Последней мыслью я успела поделиться с Ланнан и Ветром, когда почувствовала, что по затылку будто бы по затылку прошла струйка ледяного тумана. – И этот кто-то уже успел нас обнаружить...

– Тогда смысл скрываться, раз все, кому надо, уже о нас знают? – Ланнан выпрямилась и резко развела руки в стороны.

Яркими сполохами брызнуло от пальцев дочери Древа зеленое сияние, лозы-щупальца скользнули в туман, лавируя между деревьями, отыскивая тех, с кем мы сюда пришли. Туман отпрянул от колдующей дриады, как нежить от голубого огня, а потом вдруг разом отхлынул на несколько саженей, открыв нашим взглядам небольшую полянку, заросшую частоколом поникших осин.

Осины! Тонкие, трепещущие на ветру и высаженные кругом по краю поляны саженей в три-четыре в поперечнике, точнее из-за остатков тумана сказать было нельзя. Таким «забором» обычно ограждали могилу злой, сильной ведуньи, чтобы та не сумела восстать из мертвых. И это не народное поверье, а реальный обряд, надежно запирающий душу умершей в гробу, привязывая ее к мертвому телу настолько прочно, что восстать подлунной нежитью она уже не могла. Но если ведунья была сильна при жизни, а умирала с проклятием, не сумев никому передать свои знания, то она с большой долей вероятности становилась еретницей.

Еретницы могли выходить из могил только дважды в год – ранней весной, когда только-только стаивал снег с могилы, и поздней осенью, незадолго до того, как зима укрывает землю белым покрывалом. Сама ведунья на поверхность не поднималась – охранный круг из живых осин надежно сдерживал, но дух мог путешествовать по земле, впрочем, не удаляясь далеко от места захоронения, заманивая к себе проезжих. С кем-то просто играла – поморочит и отпустит, кого-то проклинала так, что через неделю-другую человек иссыхал и умирал, а некоторых забирала к себе в могилу сразу же.

Убить еретницу можно, только когда дух ее бродит рядом с местом захоронения, либо стальным мечом, либо тем же осиновым колом. Надо всего лишь отыскать гроб и пробить мертвой ведунье грудь, оставив в ране сталь или дерево, тем самым окончательно привязывая дух к телу. Хотя я всегда считала, что для подстраховки в таких случаях проще испепелить еретницу – тогда гарантированно не восстанет, поскольку восставать будет нечему. С уничтожением физической оболочки духу приходилось уходить за Грань, туда, откуда возвращаются только некроманты и создания, никогда не имевшие души.

Я уже раскрыла рот, чтобы поделиться своими догадками с дриадой и Ветром, но не успела – из тумана выступил Данте. Обнаженный двуручный меч в безвольно опущенной руке царапал плотный лиственный ковер, даже не вороша, а разрезая опавшие листья. В черных зеркалах глаз – бессмысленное, ненавидящее выражение. Пусть мне поначалу казалось, что глаза айранитов не могут ничего отражать – со временем я научилась читать эмоции даже по таким «зеркалам». Но сейчас лицо Данте в самом деле не выражало ничего – холодная, равнодушная маска.

Со стороны Ланнан метнулись прочные жгуты сковывающего заклинания, но они так и не коснулись Данте – рассыпались зеленоватыми отблесками, словно ударились о невидимый щит.

– Он же не маг!

– Разумеется, нет. – Я скинула с плеча сумку, внутренне холодея от того, что сейчас предстояло сделать. Меч, который я прятала в своей артефактной «авоське», тускло блеснул полированным лезвием, когда я вытаскивала его наружу. – Его прикрывает еретница, которая понимает, что сейчас она фактически беззащитна – она не может воздействовать на нас напрямую. Ищите могилу, она где-то здесь, в круге осин...

Данте одним движением скинул с себя куртку, и черные с синеватым отливом крылья вырвались из его спины, раскрывшись за плечами во всю свою немалую ширину. Туман резко сгустился – буквально за несколько секунд он скрыл все так, что ничего невозможно было увидеть дальше вытянутой руки. Куртка полетела на землю, жаркое пламя привычно окатило меня с головы до ног – и вот уже тяжелые крылья оттягивают плечи, небольшие когти чуть-чуть мешают удобно сжать рукоять меча, а глаза, ставшие черными зеркалами, вдруг оказались способны видеть несколько дальше, чем позволял поначалу разглядеть туман. Всего на сажень, но этого было достаточно, чтобы успеть оттолкнуть Ветра с пути Данте и подставить свой клинок для защиты.

Ы-ых!

Лезвие завибрировало, едва не вырвавшись из разом ослабевших рук, но все же выдержало удар. По левому рукаву светло-серой шерстяной рубашки моментально расплзлось кровавое пятно.

– Данте!

Он не услышал. Я не знаю, кого он видел на моем месте и почему напал с такой ледяной яростью, но я впервые за последние три года по-настоящему испугалась аватара. Я раньше гадала, каков он, Ведущий Крыла, когда не просто идет в бой, а всей душой стремится уничтожить ненавистного врага, и сейчас очень жалела о своем желании познать эту сторону Данте. Потому что никогда не предполагала, что мой защитник, мой аватар, мой... Что этим врагом для него стану я. Пусть это только магия еретницы, затуманившая ему разум настолько, что он не узнает никого вокруг себя, но аватар, отрывистыми, расчетливыми движениями загоняющий меня к осиновому частоколу, пугал до

предательской дрожи в коленях. Краем глаза я, кажется, видела, как Ветер за моей спиной ползает по лиственному ковру с какой-то палкой в руках, выискивая на пару с дриадой могилу еретницы, а Данте словно развлекался. Меч в его руках поднимался и опускался резко и отрывисто, он шел, нанося удары короткими замахами, но и такого могло бы с лихвой хватить, чтобы отсушить мне руку окончательно, если я еще хоть раз приму такой удар на клинок.

Резкий взмах меча сверху вниз, в очередной раз столкнувшийся с наспех выстроенной магической преградой, и сразу же короткий, жесткий удар кулаком по ребрам. Меч я задержала, а вот кулак пропустила.

Дыхание вышибло из легких почти сразу. Если бы я не сменила ипостась, то этот удар пробил бы мне грудную клетку, а так я отлетела на сажень, ощутило приложившись спиной о землю. Ланнан и Ветер пытались отвлечь Данте, но тот словно не замечал их – заклинания попросту развеивались в воздухе, не достигая цели, а я, лежа на стылой земле, вдруг ощутила, как откуда-то снизу льется ледяной поток магии, от которой у меня волосы на затылке встали дыбом. И источник его – почти подо мной, буквально в двух шагах в сторону...

Пережат, и пущенный под землю поисковый импульс подтвердил, что лежу я на старой могиле, почему-то неглубокой – всего с половину аршина, и именно оттуда сплошным потоком льется магия, приносящая с собой отвратительное ощущение сырого заброшенного склепа. Когда мой импульс коснулся того, что было еретницей, поток усилился почти вдвое...

Если еретницу убить, то она перестанет воздействовать на Данте.

Краем глаза я увидела, как аватар перехватывает меч, разворачивая острием вниз. Амулет выскользнул из-под выреза рубашки и еле заметно запульсировал зеленоватыми огоньками, а хитро скрученный корешок чуть дрогнул, слегка расправляясь, словно пальцы на сжатой в кулак руке. Данте моргнул, и глаза его из черных зеркал превратились в обычные, человеческие, и выражение их мне не понравилось еще сильнее.

– Ева... в сторону!

Я дернулась, убираясь из-под падающего вниз лезвия, и почти провалилась в «окошко» малого телепорта.

Скрип меча, глубоко входящего в землю, еле слышный треск дерева, и вслед за этим – вой нежити, доносящийся откуда-то снизу, из-под толстого лиственного ковра. Я же с удивлением осознала, что мало того что жива, так еще и невредима. Ветер, осторожно поддерживавший меня за плечи, прокомментировал:

– Я боялся, что не успею тебя телепортировать из-под меча... Если бы не Ланнан, точно опоздал бы...

– Ну вы... совсем ох... и на... так...! – Я помотала головой, понимая, что начисто позабыла все цензурные слова, но высказаться иначе, кроме как матом, я была попросту не в состоянии. Настолько велико было облегчение от того, что аватар с каменно-спокойным лицом больше не нападает, а просто держится за голову, явно пытаюсь понять, что с ним было. Если бы я уже не лежала на земле, поддерживаемая Ветром, точно прилегла бы отдохнуть. Потому что ноги отказывались служить совершенно.

– Ева, как ты со своим спасителем разговариваешь?! – шутливо возмутилась дриада, пытаюсь поднять меня на ноги, но ей это не удалось. И немудрено – безвольно обвисшие крылья распластались по земле, делая задачу «поставь Еву на ноги» практически неразрешимой.

– ...! – Пришлось замолчать и со второй попытки медленно выговорить, тщательно взвешивая каждое слово: – Как могу, так и... разговариваю. Ланнан, а можно, я тут еще немножечко полежу?

– Нельзя, – жестко отрубил дриада, игнорируя Данте, наблюдавшего весь этот театр мимики, жеста и матерного слова в состоянии «И это все я?!». – Думаю, что наши попутчики тоже пришли в себя, и лучше будет, если они увидят не айранита, а вполне себе человека.

Тебя это, кстати, тоже касается! – рывкнула она на аватара, который никак не мог решиться вытащить клинок, наполовину ушедший в землю.

– Ну нельзя так нельзя, – вздохнула я, с трудом садясь и возвращаясь в человеческий облик. Сразу же заныли ребра, а руки задрожали так, что, дай мне кто-нибудь сейчас кружку с водой, половина расплескалась бы мне на штаны. – Данте, не трожь пока меч, а то все по второму кругу начнется!

– Ева, не пугай меня так, – выдавил Ветер, все еще поддерживавший меня за плечи, не давая разлечься на стылой земле. – Между прочим, с твоей рукой что-то надо делать.

– Надо, – согласилась я. – Ты мою сумку куда дел?

– Там оставил, – неопределенно махнул рукой парнишка в сторону прогалинки, где туман уже практически истаял до легкой дымки. – Принести?

– Ты еще спрашиваешь... неси, конечно. Если еще мою куртку найдешь, буду тебе благодарна вдвойне. Все-таки жизнь ты мне спас, я твоя должница. – Я поежилась, с опаской глядя на кровавое пятно на рубашке и совершенно не имея желания смотреть, во что же превратилась рана. Кажется, свой резерв мужества на сегодня я исчерпала полностью.

– Ничего подобного. – Ветер набросил мне на плечи свой теплый плащ и выпрямился. – Ты меня спасла в Серебряном Лесу, я долг отдавал. Мы теперь в расчете.

– Не дай мне умереть от простуды и заражения крови, и все совсем хорошо будет.

– А я пока что пойду и разыщу наших горе-нанимателей, – вздохнула Ланнан, провожая скрывшегося в прогалине паренька взглядом. – Заодно выясню, есть ли у них лопата в обозе. Как я поняла, еретницу придется сначала выкапывать, а потом сжигать, так?

– Придется-придется, – зачастила я, не отрывая от Данте напряженного взгляда и плотнее закутываясь в Ветров плащ. – Если мы просто меч вытащим и уйдем, то есть вероятность, что весной эта мерзость опять оживет. Поэтому я хочу быть спокойна на этот счет. Копать вместе с вами не буду, и не надейтесь, но для того чтобы колдовать, у меня силы еще есть.

– Тогда сиди и жди тут, я скоро. – С этими словами дриада скрылась за деревьями.

Я вздохнула и прикрыла глаза, борясь с желанием прилечь прямо тут и больше не подниматься. Обезболивающее заклинание развеялось, и рука почти сразу разболелась так, что мне пришлось закусить ткань плаща, чтобы не взвыть в голос.

Что-то прошуршало рядом со мной, а потом в правую ладонь легла рукоять моего меча. Я подняла голову и вздрогнула, увидев Данте, опустившегося передо мной на колени и низко склонившего голову. Процесс смены ипостаси я пропустила, занятая по самые уши собственными проблемами, и поэтому сейчас смотрела на низко склоненную голову почти без страха.

Он поднял на меня глаза, черные, глубокие, с едва заметными серебристыми искорками на дне радужки. Как затаившиеся сокровища на дне подземного озера. Или же звезды на зимнем небе. Взгляд – острый, как осколки льда, и такой же холодный. Волосы, выбившиеся из длинного хвоста, сейчас тонкими прядками ниспадали на его лицо, словно рассекая загорелую кожу полузажившими царапинами с запекшейся кровью.

Я невольно вздрогнула, ощущая взгляд Данте на себе, как тонкую спицу, покалывающую виски. По спине пробежал холодок от осознания того, что здесь и сейчас он не носит ни одну из своих многочисленных масок, что вот он, Ведущий Крыла, – с колючим, зимним взглядом сеченьской<sup>5</sup> ночи.

– Еваника, я должен был. – Голос глухой и хриплый, словно слова с трудом продираются наружу. – Я не мог позволить той твари понять, что я не ее целиком и полностью, потому что... потому что у нее хватило бы сил, чтобы действительно заставить меня причинить тебе вред. – Колючий лед во взгляде стал крепче, льдинка приблизилась по прочности к закаленной стали. – Я чувствовал ее под землей, но понимал, что стоит ей

---

<sup>5</sup> Сечень – третий зимний месяц (росск.).

только это осознать – и я уже не смогу... оказывать должное сопротивление. Тот амулет, что ты мне дала... Ты знала, что он будет держать ее на расстоянии от меня?

Я только еле заметно качнула головой, не в силах ответить. Горло словно парализовало не то пережитым страхом, не то колючим зимним взглядом Данте. Только глаза жгло, будто в них попала дорожная пыль. Стало понятно, почему он загонял меня к месту упокоения еретницы, почему опрокинул на землю рядом с ее могилой, заранее зная, что его меч с легкостью сумеет достать мертвую ведунью даже под слоем земли и опавших листьев. И почему он сейчас стоит передо мной, как аватар перед своей королевой, не зная, пойму ли я эту необходимость или же затаю обиду.

Сколько у него лет за спиной? Около полутора веков – точнее я сказать не могла, так и не сумела узнать точную дату. И чего он может ожидать от меня – фактически девчонки, на плечи которой ни с того ни с сего свалилась королевская власть, едва не переломившая пополам?

Правильно. Ничего особенного.

Вряд ли он мог рассчитывать на понимание этой необходимости, ведь я по меркам айранитов – еще ребенок. Ну почти ребенок, в последние полтора года худо-бедно справлявшийся с внутренней политикой Андариона, и то в этом больше заслуга Верховной жрицы, Ведущего Крыла да Аранвейна, который не переставал учить меня уму-разуму. Так ненавязчиво и тонко, что я далеко не сразу осознала, что основы управления переняла от драконьего царя, неосознанно копируя его манеру говорить, держаться и даже отдавать приказы.

И поэтому сейчас Данте ждал своего приговора. За то, что нарушил клятву и поднял меч на свою королеву. Пусть даже стремясь ее не задеть, не покалечить и уж тем более – не убить. Что поднял на нее руку – пусть даже тот удар кулаком завтра не оставит о себе никаких воспоминаний. Что на минуту-другую показал себя не ее защитником, а врагом, на пути которого лучше не становиться.

Каким обычно бывает приговор за такое?

Изгнание.

Неважно, изгнание это из королевства, с должности или же просто с глаз долой, из сердца вон.

Я смотрела в черные, застывшие глаза, на миг разглядев за колючим льдом собранности еле заметный огонек страха. Что вот сейчас я открою рот и скажу: ты свободен. Не от Андариона или своего Крыла – он знал, что этого я не сделаю, слишком он ценен для айранитов, слишком небесное королевство ценно для него, – от меня.

Каюсь, на несколько секунд мне захотелось это сказать. Что я найду себе другого телохранителя, что наконец-то он может больше не беспокоиться за судьбу лесной ведуньи с короткой, почти мальчишечьей стрижкой, что наконец-то будет свободен от клятвы, данной мне лично. Дать ему ту свободу, которую, как мне казалось, он желал обрести давно.

Но я рассмотрела то самое непонятное выражение на дне его зрачков – и промолчала. Только коснулась замерзшими, уже почти ничего не чувствующими кончиками пальцев его напряженно застывшего лица. Прижала ладони к его щекам, которые показались мне горячими настолько, что к пальцам почти вернулась чувствительность.

– Это тебе следовало стать королем... – Голос у меня оказался тихим, то и дело норовившим прерваться.

Данте покачал головой, тронув мою ладонь губами так легко, что это было сложно назвать поцелуем.

– Никогда больше не говори так. Никогда.

Его дыхание, превращавшееся в пар на легком осеннем морозце, коснулось моего лица легким облачком. Колючий зимний взгляд сменился чуточку горестным, как последние теплые дни осени. Раньше я не думала о том, что от взгляда может быть нечто вроде послевкусия, отчего-то остающегося на корне языка. У взгляда Данте был привкус палых осенних листьев, сладковатый до дрожи, но при этом отдающий прелой горчинкой...

Тогда как у почти неощутимого поцелуя в губы – крови и почему-то хмельного меда...

– Ты сволочь, ты это знаешь? – тихо выдохнула я, хотя больше всего хотелось заорать ему в лицо. Впрочем, если бы где-то поблизости не бродил Ветер, я бы так и сделала.

– Нет, хуже. – Он усмехнулся, притягивая меня к себе так резко, что я охнула от неожиданности. – Намного хуже. Я клятвопреступник, моя королева. – Обращение это звучало из его уст непривычно издевательски-мягко. Так же, как и ощущение его следующего поцелуя, который отличался от предыдущего настолько же, насколько несильный порез от смертельной раны. – Просто я устал намного больше, чем ты. – Он легонечко мазнул губами по моей щеке, собирая коротко остриженные на затылке волосы в горсть и заставляя откинуть голову назад. Так чтобы я смотрела ему прямо в глаза. – Глупо утверждать, что мне проще жить только потому, что моя маска лучше твоей. – Он приблизил свое лицо к моему и перешел на шепот: – Так сложнее.

– И что там... под твоей маской? Ты хоть раз можешь ее снять... пусть даже ненадолго?

– А ты... так и не поняла? – Он еле заметно улыбнулся, склоняясь для поцелуя, но я в очередной раз умудрилась все испортить своим не в меру болтливым языком.

– С тобой я уже боюсь верить во что-то хорошее.

– Тогда поверь. Пока еще можешь. – Его губы скользнули по моей щеке, по виску, почти коснулись мочки уха. Я не думала, что голос Данте может быть настолько... проникновенным, таким, что щеки поневоле начинают алеть, и отнюдь не от легкого осеннего морозца. – В прошлый раз я решил за нас обоих... не спросив тебя и не дав возможности выбирать. Сейчас я исправляю эту ошибку, давая тебе право выбора. Только о том, чего ты действительно хочешь, придется сообщить прямо... Не трать драгоценного времени на намеки.

Тихо щелкнула сломанная ветка. Я вздрогнула, оборачиваясь, – Ветер стоял в нескольких шагах в стороне, сжимая в руках мою сумку и смущенно переминаясь с ноги на ногу. Встретив мой взгляд, он смутился еще сильнее, так что на бледных щеках проступили яркие пятна румянца.

– Я не хотел вам помешать... Простите. – Я уже открыла рот, чтобы успокоить паренька – вроде ничего криминального не случилось, так что не страшно, но взгляд Ветра посерьезнел. – Для вас ведь это было слишком... личное.

Похоже, на лице у меня в очередной раз все написано настолько явно, что даже тринадцатилетнему подростку ничего не стоит угадать, что творится в душе. Пора с этим что-то делать, а то королева с «говорящим» лицом – находка не только для шпиона, но и для тех высокопоставленных вельмож, которым не очень-то и нравится мое правление. Наивно было бы ожидать, чтобы меня приняли все министры в Совете Андариона, некоторые из них всерьез считают, что истинная королева – это только меч и щит небесного государства, айранит-талисман одноразового использования, а политика и власть должны в определенной мере делиться между членами Совета. И кое-кто был неприятно удивлен, когда я попыталась действительно править, а не просто наслаждаться роскошной жизнью, не глядя подписывая составленные Советом указы. Вот еще одна причина, по которой я не стремилась обратно в Снежный дворец: придется в очередной раз спорить с министрами, убеждая их в том, что неопытный правитель – тоже правитель. И хвала Всевышнему, что во время таких споров на моей стороне были Данте, Хэлириан, министр просвещения и начальник тайной службы за границей, без их поддержки у меня вряд ли что-нибудь вообще получилось бы.

Я глубоко вздохнула, отгоняя непрошенные мысли, а Данте отодвинулся, прислушиваясь к тишине, в которой уже угадывались отзвуки звонкого голоса дриады, ведущей наших спутников на «земляные работы».

– Ветер, помоги мне перевязать нашу героиню. А могилу той твари пусть «добровольцы» откапывают, – улыбнулся аватар.

Меня усадили на сложенный в несколько раз Ветров плащ, на плечи набросили куртку, подобранную бывшим учеником мага, после чего Данте принялся расшнуровывать туго

затянутый манжет левого рукава. Я же смиренно сидела, не вмешиваясь в процесс перевязки и наблюдая за тем, как хрупкая дриада «строит» простых деревенских мужичков с одной лопатой на всех, побуждая их к откапыванию гроба еретницы. В конце концов, выбор пал на Веселка, и тот, матерясь вперемешку с заговорами, принялся аккуратно разбрасывать с помощью лопаты ковер палой листвы, стараясь не трогать вбитого в землю меча.

– А вы тут как? – Ланнан подошла ближе, разглядывая мою руку, с которой Данте аккуратно срезал пропитавшиеся кровью бинты. – Ох ты...

Дриада негромко выругалась, Данте тихо что-то прошипел, а я старалась не смотреть на то, что получилось в результате моей стычки с аватаром. И так знала, что края раны разошлись и рука выглядит по меньшей мере нелицеприятно. Во всяком случае, Ветер, протягивавший Данте чистую полоску ткани и заживляющий бальзам, побледнел и отвернулся.

Похоже, и правда все настолько нерадостно.

– Госпожа ведунья, тут доски деревянные!

Я покосилась на бледных крестьян, которые разом шарахнулись от неглубокой ямы, крестясь и бормоча не то молитвы, не то заговоры. Ланнан затянула узел на свежей повязке и поднялась.

– Ну что, пошли посмотрим?

– Да на что там смотреть... – пробормотала я, поднимаясь на ноги с помощью Данте и, кое-как натянув куртку, подошла ближе к наполовину раскопанной могиле.

Веселок копал около лезвия меча, и там, где клинок из гномьей стали пробил гнилые доски, расплылось темное пятно, будто от крови. А на три вершка выше, там, где в доске гроба была небольшая дырка от выпавшего гнилого сучка, виднелся широко раскрытый, мутный глаз еретницы. Меня передернуло, к горлу подкатил неприятный ком.

– Надо эту тварь сжечь, – шумно выдохнула Ланнан, стараясь не подходить близко к могиле.

Я ее понимала. Она дитя Древа, ее магия – это магия природы, магия жизни. И на нежить она реагирует примерно так же, как я на разлагающийся труп, подсунутый под нос. То есть с трудом сдерживая омерзение и тошноту.

– Не вопрос, – на моей правой ладони разросся лепесток ярко-синего пламени, рассыпающий вокруг жгучие белые искры. – Данте, по моей команде выдергиваешь меч. Остальным сделать два шага назад.

Приятно, когда тебя слушаются беспрекословно.

Аватар взялся за оплетенную темной кожей рукоять меча и, когда я кивнула, выдернул его из полусгнившего гроба. Мутный глаз еретницы задергался, но синее пламя с моей ладони уже пролилось жгучим потоком в яму, заполняя ее, как вода заполняет чашу.

От визга еретницы заложило уши, ставшее белесым пламя взметнулось столбом в полтора моих роста, обдав жаром, и почти сразу же опало, оставив после себя лишь мелкий сероватый пепел на дне опустевшей могилы. Я стряхнула с ладони остатки заклинания и посмотрела в сторону бледных крестьян.

– Ну что встали – закапывайте, опасности больше нет. И поехали дальше. Надеюсь, что лошади вместе с телегами никуда не делись.

Ветер поднял с земли свой плащ, отряхнул от налипших на добротную шерсть листьев и улыбнулся:

– Поработать твоим оруженосцем?

Я посмотрела на свой меч, который паренек осторожно держал в руках, и кивнула. Пусть. Надеюсь, что он мне сегодня уже не понадобится.

Ученик мага осторожно вложил меч в ножны и, кое-как нацепив на себя, с донельзя гордым и довольным видом подошел и встал рядом, наблюдая за тем, как наши попутчики закидывают землей опустевшую могилу еретницы. Если Алексей Вестников возьмет Ветра к себе учеником, этот клинок я ему подарю. В конце концов, ведун без меча – что птица без хвоста. На первый взгляд ничего страшного, а как дойдет до драки, неизвестно, как дело

обернется...

Костер путника ярко горел, время от времени выстреливая в стылое осеннее небо снопы жгучих оранжевых искр. Осиновые дрова разгорались медленно и неохотно, огонь то и дело плевался мелкими угольками и недовольно потрескивал, распространяя вокруг неровный золотисто-оранжевый свет и столь необходимое холодной ночью тепло. Две телеги и подвода были поставлены кругом, лошади привязаны чуть поодаль... Тишина и почти идиллия, только от промозглого холода не спасают ни куртка, ни костер, ни мешки с мехами, хотя на них спать, разумеется, на порядок уютнее, чем на лапнике, покрытом одеялом. На мой взгляд, самое мерзкое время для путешествия – погода нестабильная, то дождь, то снег, оттепели чередуются с заморозками, а студеные ночи могут соседствовать с теплыми днями. Непонятно, на что рассчитывать, что брать с собой в дорогу – не то непромокаемый плащ, не то зимнюю куртку.

Я лежала в телеге на мешках с мехом, завернутая в одеяло, и безучастно смотрела в непроглядную черноту неба. Рядом со мной тихо посапывал мальчишка, зарывшийся в меха так, что оттуда выглядывала только его темноволосая голова, а ко мне сон не шел. Из головы никак не выходила оставшаяся в Серебряном Лесу Ревилиэль, душу грызла совесть из-за того, что я вместо разворачивания поиска проклявшего ее ведуна спешу к наставнику, чтобы узнать, как можно обойти судьбу. Попытки оправдать себя – ведь ведуна ищет еще и Ритан, а уж дракон-хранитель своего не упустит – раз за разом проваливались с треском. Что с того, что у Вильи время почти не ограничено, а у Данте его осталось только до первого снега? Что на руках у меня оказался ведун-недоучка не то тринадцати, не то пятнадцати лет от роду, которого необходимо пристроить к хорошему наставнику, поскольку потенциал у мальчишки неплохой, да и пойти ему больше пока некуда, а отдавать его в ученики кому попало не позволяет чувство собственного достоинства?

Казалось, будто прошлая жизнь утекает сквозь пальцы как песок, как вода, оставляя после себя лишь воспоминания и угрызения совести. Что сейчас я только играю роль лесной ведуньи, которой на самом деле уже нет. Я играла ее с того момента, когда впервые обрела крылья и потеряла право называться человеком, но упорно цеплялась за свою прошлую сущность. Как бабочка, только что вылезшая из кокона и пытающаяся ползать, как раньше, вместо того чтобы летать.

Все чаще я задавала себе вопрос – себя ли я вижу в зеркале или же незнакомую мне женщину с волосами цвета полярного неба и крыльями за плечами? Говорят, что человек жив до тех пор, пока существует память. Его собственная – о прошедших годах, людская – о том, каким он был и каким стал. И неважно, насколько он изменится, он останется собой, просто будет немного иным.

Ведь яркая бабочка – это та же гусеница...

Я тихонько слезла с телеги и подобралась поближе к ярко горящему костру. Кто-то совсем недавно подбросил в него очередную порцию дров – либо этот кто-то тоже мается бессонницей, либо дежурство все же было выставлено.

– Ев, не спится? – Из темноты шагнула дриада, подсаживаясь поближе к огню на небольшое бревнышко. Я только плечами пожала, следя за тем, чтобы на шерстяной плащ не попали тлеющие угольки, время от времени выскакивающие из костра. Вот и «сторожевой» пожаловал. То есть пожаловала. – Мне тоже...

– А тебе-то почему? – поинтересовалась я, не отрывая взгляда от пляшущих язычков пламени. Толстые ветки окутывались огнем постепенно – сначала сырая кора дымилась, потом на ней прорастали первые, робкие еще лепестки пламени, а затем ветка начинала трещать, словно в лютый мороз, раздвигая первое тепло протянутым к костру рукам.

– Да мысли покоя не дают, – отозвалась Ланнан. Я покосилась на нее – тени от костра сделали ее совершенно не похожей на человека. Резкие черты лица, обрисованные подрагивающими, зыбкими отблесками пламени, чересчур четко выраженные скулы, в глазницах залегли черные тени, в глубине которых поблескивали зеленые кошачьи глаза.

Жутковатое, непривычное зрелище. Дитя лесов, дочь Древа, но не человек. – Почему некоторые магически одаренные люди не желают обрести покой после смерти? Ведь та еретница при жизни была человеком, как получилось, что она стала той, кем... стала?

– Сложно сказать, у каждого или каждой свои причины. – Я вздохнула, протягивая озябшие пальцы к живительному пламени. – Самая распространенная причина – это насильственная смерть, после которой душа не может сразу обрести покой, а если к нежеланию умирать добавить еще и магическую силу, то как раз и получается подобная нежить.

– Странное дело, почему-то только люди не хотят уйти на тот свет, предварительно не отомстив всем обидчикам, – ухмыльнулась Ланнан, подбрасывая в ярко горящий костер небольшое суковатое поленце.

– Можно подумать, что среди нежити только человеческая раса и встречается, – попыталась возразить я, впрочем, недостаточно уверенно.

– Подавляющее большинство – да. – Дриада с неожиданной злостью забросила в костер что-то маленькое, похожее на матерчатый мешочек, отчего в небо взвился яркий сноп искр, а спустя пару секунд раздался негромкий хлопок, во все стороны брызнули жгучие угольки, и мне пришлось срочно тушить слегка задымившийся плащ. На мой немой вопрос дриада пожала плечами. – Это чтобы костер не погас раньше времени. Иди спать, ведунья. Завтрашняя дорога будет длинной...

Вот уж точно дельный совет.

Если повезет, то завтра вечером мы окажемся уже у стен Ижена, одного из самых известных городов во всем Росском княжестве, хотя бы потому, что такого количества мастеров-рукодельников больше нет нигде. Только в Ижене Кузнецкий квартал соседствует с улицей Золотых дел мастеров, переулком Камнерезов с Волховьей площадью, а пройдя ближе к замку, сложенному из голубовато-серого камня, можно увидеть лавки вышивальщиц и белошвеек.

Я была в Ижене всего лишь дважды, оба раза с Лексеем Вестниковым. Хорошие волхвы всегда приветствовались мастеровыми людьми, которые знали цену чужому ремеслу, но и исполнение должно было быть безупречным. Или как минимум на совесть. К сожалению, не все мастера считали, что отдать жизнь постижению тонкостей своего ремесла – главная цель, кого-то интересовали более приземленные, материальные блага. И случалось, что нечистый на руку мастер мог поджечь лавку неудобного соседа, подговорить ведуна наслать болезнь, да мало ли что... Вот и зачаровывали лавки и товары от пожара и порчи, а сами мастера частенько просили амулеты, защищающие от магического воздействия.

Ижен – город, открытый торговцам, странникам и заезжим магам, но не приведи Всевышний поселиться там. Честно говоря, меня в Ижен в качестве подмастерья волхва не заманить уже ни за какие деньги, а уж как самостоятельно практикующего мага – тем более. Не хочется вести каждодневную борьбу за свое место в квартале Ведунов, слишком много сил пришлось бы тратить, чтобы не потерять того, что уже имеешь, а уж за приобретение благ надо было драться почти до смерти.

Но кому-то такая жизнь по душе. Особенно магам, постигающим обратную сторону жизни. То есть черпающим силы в смерти. Таким в Ижене раздолье – всегда есть на ком опробовать новое проклятие, ритуал или попытаться украсть чужую силу. Люди, эльфы-изгнанники, оседлые Дриады... Говорят, даже орочьи шаманы, чьи ритуальные пляски с бубном не раз приводили к таким результатам, что даже опытные волхвы на миг забывали о своем атеизме и начинали призывать Всевышнего в свидетели подобного безобразия, а то и на подмогу.

Если бы сейчас было лето, то я на пушечный выстрел не приблизилась бы к этому городу, который внешне выглядит как прекрасная картина, написанная лучшим из человеческих художников, а на проверку оказывается змеиным гнездом, где нельзя шагу ступить, чтобы не отравить хвост какой-нибудь злобной гадюке. Но ночевать под открытым небом в начале грудня, когда непонятно, то ли пойдет дождь, то ли повалит снег, мне не

хотелось. Да и неизвестно, сколько придется ждать разумных волков – Серебряный обещал, что они придут как можно раньше и постараются сразу же связаться со мной, но как скоро это произойдет, не знал даже он сам. Может, придется обождать день-другой, и лучше, если ожидание это будет в теплой корчме, нежели у костра...

Я вернулась к телеге и, устроившись поудобнее на мешках с мехами, попыталась заснуть. Дриада еще немного посидела у костра, дым которого из горьковатого на несколько минут стал сладковатым, но поднявшийся ветер быстро разогнал эту странную дымку. Как ни странно, заснуть после этого оказалось намного легче...

## ГЛАВА 7

Ижен-град был виден издалека – замок из серо-голубого камня, стоящий на холме и окруженный высокой стеной с узкими прорезями бойниц, и город, выросший у его подножия. Поначалу замок использовался как один из форпостов на границе, но Русское княжество расширялось и росло, и постепенно мастеровые люди, те, кому по ряду причин не нашлось места в столице, перебрались через речку Тишинку и Орельскую протоку в низовьях Вельги-реки и начали обустраиваться вокруг замка. Выгодное расположение Ижена – рядом и лояльный к «людям искусства и ремесел» Серебряный Лес, и Вельга-река, по которой можно было наладить торговый путь, благо от Ижена до Орельской протоки всего ничего, верст пять-шесть по тракту. Да и защита неплохая – хозяин замка, пригравший мастеровых, оборонял их и от нежити, и от хищных зверей, и от разбойников. Постепенно город разрастался – ремесленники-строители помогли спроектировать и выстроить внешнюю городскую стену, прочную и высокую, а поток торговцев со всех концов Русского княжества все рос и рос. Стали появляться мастеровые кварталы, а когда князь русский официально присвоил Ижену статус города, в только что отстроенные дома начали прибывать маги. Сначала по одному, затем группами, и через десять лет после появления на картах города Ижена выяснилось, что маги заняли целый квартал и покидать обжитые места не собирались.

И все бы хорошо, но в городе мастеров в основном поселились отлученные ведуны, маги, занимающиеся опасными видами колдовства. Впрочем, управляющий Иженом установил жесткие ограничения на магические исследования – все, связанное с вызовом потусторонних сил и созданием нежити, было под запретом. И попавшихся нарушителей обычно устранили – иногда тихо, иногда в порядке устрашения всех остальных. Но сколько было непопавшихся, точно не знал никто. В остальном – хоть зелье невидимости из черных кошек вари, хоть некромансерские обряды проводи, хоть торгуй сглазом и порчей, только не забывай выплачивать налог в городскую казну. Тогда на мелкие нарушения запрета, скажем, на вызов духа-шпиона, власти закрывали глаза, но тайно создать у себя дома какую-нибудь особо хищную тварь никому бы не удалось – недаром волхвы на службе градоправителя опутали весь город сигнальными паутинками, ячейки которых пропускали незначительные заклинания, но реагировали на сильную волшебную.

Изнутри город походил на лакированную шкатулку – мы шли по кварталу резчиков по дереву, где каждая лавка была демонстрацией мастерства: тут были и узорчатые русские терема, и ажурные эльфийские беседки, и грубоватые, но на диво прочные лавки гномов. Ветер то и дело оглядывался по сторонам, подолгу останавливаясь у каждого дома – особенно его поразили резные наличники на одноэтажном теремке в русском стиле. Мальчишка так бы и простоял у лавки до самой ночи, но я подхватила его под локоть и почти силой увела дальше по улице, объясняя, что завтра у него будет целый день, чтобы насмотреться на местные чудеса рукотворного мастерства, а сейчас нам надо искать ночлег.

Разумные волки так и не отозвались на мой зов от стен Ижена – значит, посланцы Серебряного еще не прибыли, и нам тут сидеть лишний день, если не два. Не то чтобы я была сильно против – в Ижене есть на что посмотреть и чему подивиться, но я не чувствовала себя здесь в безопасности. Пусть волхвы из городской стражи не дают

развернуться местным ведунам в полную силу, но иногда многого и не нужно, существует масса заклинаний, небольших по затратам магического резерва и при этом эффективных, особенно если есть желание взять противника измором. Простейший сглаз, то бишь проклятие невезения, может сильно испортить жизнь, а иногда и привести к летальному исходу, если удача отворачивается в момент смертельной опасности. А уж если проклятие накладывает настоящий мастер своего дела, тогда вообще все из рук валится – у стрелка рвется тетива в момент решающего выстрела, воин напарывается на собственный клинок, а танцовщица может сломать ногу на ровном месте. Потому-то все, ладно, почти все, в этом городе были *очень* вежливы друг с другом, раскланивались при встрече и не гнушались извиняться, даже, если случайно толкнули кого-то на базарной площади. А все из-за того, что жители были прекрасно осведомлены о количестве населяющих Ижен приверженцев темных магических искусств, а также о том, что одноразовое мелкое проклятие, из-за которого даже к ведуну из городской стражи не побежишь, может как очень сильно подпортить мастерскую репутацию, так и отравить жизнь в целом.

Квартал резчиков по дереву остался позади, потянулась длинная, прямая как стрела улица Золотых дел мастеров. Богатые каменные дома, на первом этаже которых располагались торговые лавки ювелиров, ощущались словно запаянными в середину непроницаемого купола – настолько серьезной была защита от взлома, нападений и разного рода воришек. Я невольно задержалась у одной из витрин, рассматривая украшения, каждое из которых было настоящим произведением искусства. Вряд ли я когда-нибудь рискну надеть на себя что-то подобное, пусть даже в Снежном дворце, но кто мешает полюбоваться, восхититься мастерством того, кто сплетает из золотых нитей тончайшие, почти невесомые венцы, льет листья и цветы из серебра и украшает изящные паутинки-цепочки россыпью мелкой бриллиантовой крошки? Только мой личный телохранитель, застывший в двух шагах за моей спиной. Как бы выразился один из моих знакомых – «он очень громко и выразительно молчал», причем настолько выразительно, что уже через минуту-другую шедевры ювелирного искусства не вызывали душевного трепета и восхищения работой неизвестного мне мастера. Пришлось откладывать чисто женские эмоции на потом и следовать за аватаром, уже направившимся вниз по улице, за поворотом которой скрылись наши спутники.

Мы нагнали Ланнан и Ветра, ушедших далеко вперед к Торговой площади, на которой располагалось десятка два постоянных дворов – от самых дорогих, которые по карману только богатым купцам да князьям, до прибежищ для бедных путников. Впрочем, лично я предпочла бы подобному прибежищу ночевку под открытым небом или в шалаше. Там, по крайней мере, меня не сожрут заживо клопы, блохи и прочие малоприятные соседи по тюфяку на кровати. Дриада с интересом рассматривала вывеску на небольшом двухэтажном тереме в русском стиле, а Ветер крутился поблизости, словно стараясь оглядеть всю площадь, а по возможности заглянуть и в переулки. Я еле заметно улыбнулась: когда меня привезли сюда в первый раз, я была еще моложе Ветра, но реагировала на окружающую обстановку точно так же. Только меня интересовали не российские терема с резными наличниками и вычурными коньками на крышах, а изящные эльфийские дома, словно выращенные с помощью магии, а не построенные более традиционными способами.

– Ну что, остановимся в «Тихом омуте»? – поинтересовалась Ланнан, поднимаясь на широкое, чуть скрипнувшее под ее ногами крыльцо. – Вроде бы это не самый шикарный постоянный двор на этой площади, цены кусаться не должны.

– Главное, чтобы тут не кусалось что-то еще, – фыркнула я, закутываясь поплотнее в теплый дорожный плащ. – Насколько я помню, раньше в «Тихом омуте» останавливались в основном не-люди, не знаю, что тут сейчас.

– Значит, нам как раз сюда, – улыбнулась дриада, толкая расписную дубовую дверь. – Из людей у нас только Ветер, да и тот под вопросом.

Я оглянулась на мальчишку, который, казалось, позабыл обо всем, восхищенно разглядывая шикарный постоянный двор через два дома по соседству, – а посмотреть было на

что. Золоченые перила белоснежной лестницы, витые столбы, поддерживающие козырек крыши над крыльцом, двери из разноцветного горного хрусталя. К сожалению, рассмотреть мозаичный узор мне не удалось, потому что Данте легонько сжал мою ладонь, привлекая внимание.

– Что?

– Ев, посмотри на небо.

Я подняла голову, но ничего не увидела, кроме сплошной черноты. Впрочем, буквально через несколько секунд небеса прорезала ветвистая молния, на миг осветившая тяжелые тучи, клубившиеся над Иженом.

– Ничего себе. – словно подтверждая мои слова, в небесах грохотнуло, да так, что я невольно вздрогнула, с беспокойством поглядывая то наверх, то на мальчишку.

– Будет буря, и хорошо, если к утру она уляжется. Забирай Ветра и идем искать себе комнаты с самыми крепкими ставнями. Похоже, что ночь пройдет очень беспокойно. На город он насмотрится завтра.

Да уж, успеет. Если только с утра волки не окажутся у стен Ижена. Хотя если взглянуть на небо, то я на месте посланников Серебряного залезла бы в какую-нибудь нору и не вылезала оттуда до тех пор, пока не закончится эта катавасия в небесах.

Слабый северный ветер, только что трепавший полы моего плаща, внезапно стих, и на площадь опустилась густая, душная предгрозовая тишина. Ланнан, о чем-то негромко беседовавшая у двери не то с вышибалой, не то с корчмарем, осеклась на полуслове и с беспокойством уставилась на черное небо, уже пестревшее вспышками молний.

– Ой не нравится мне это, – пробормотала она, а потом возвысила голос, окликая бродившего неподалеку мальчишку: – Эй, Ветер, а ну бегом сюда, сейчас такой ливень будет, какого ты никогда в жизни не видел!

– И хорошо, если не будет града, – добавила я, подталкивая мальчишку к гостеприимно распахнутой двери «Тихого омута» и напоследок оглядываясь через плечо.

Краткое затишье перед бурей уже оканчивалось, и сейчас с севера на нас надвигался неравномерный гул, отдаленно напоминающий стук копыт бегущего по степи табуна диких коней. Редкие прохожие торопились в укрытия, гром гремел уже почти без перерыва, когда мы наконец-то оказались в тепле и гомоне обеденного зала. Снаружи неторопливо накатывал шум нешуточной осенней бури, а внезапно хлынувший ливень хлестал по плотно закрытым ставням с такой силой, что казалось, будто кто-то пытается вломиться в дом.

– Не самая лучшая погодка, не правда ли, госпожа? – услужливо улыбнулся корчмарь, то и дело промокавший уголком застиранного фартука покрасневшее лицо с мелкими бисеринками пота.

Я машинально кивнула, высматривая свободный столик и особо не вслушиваясь в болтовню невысокого, толстого, как колобок, хозяина «Тихого омута», зато Ланнан щебетала, как певчая птичка по весне, умудрившись всего за пять минут очаровать почти весь обслуживающий персонал корчмы. Благодаря дриаде нам живенько освободили от грязной посуды угловой столик на четверых, да и поздний ужин не заставил себя ждать, но радости у меня почему-то не было. На душе скребли кошки, а на плечи словно давила каменная плита – неприятное ощущение, похожее на чей-то тяжелый взгляд.

Настроение не улучшил дикий визг со стороны кухни кого-то из разносчиц, вслед за которым послышался звон разбитой посуды и чье-то глумливое хихиканье. Я подняла взгляд от тарелки с плохо прожаренным куриным бочком и с удивлением обнаружила пляшущего на стойке перед обомлевшим корчмарем анчутку. Дух сам по себе довольно безвредный, но на диво škodливый – способен запросто перебить посуду, испортить продукты и перевернуть все вверх дном, а изловить его сложно даже ведуну. Конечно, можно анчутку и прогнать, но дух затаит обиду и при первой возможности вернется, и тогда уж пощады не жди. Не успокоится, пока все в доме не перепортит, да и тогда не факт, что уйдет, а не заменит собой доброго домового. В таком случае проще бросить обжитый дом и строить новый.

Шальной дух еще корчил рожи и приплясывал, когда из-за столика у стены поднялся высокий мужчина в темно-зеленой одежде эльфийского покроя и громко, на весь зал, объявил:

– Могу убрать эту нечисть всего за золотую гривну.

– За сколько?! – возмущенно возопил корчмарь, на миг забыв о кривляющемся анчутке, который как раз перепрыгнул со стойки на подвесную люстру и принялся раскачиваться на ней как на качелях, роняя капли расплавленного воска на тех, кто имел несчастье оказаться внизу.

– Мое дело предложить. Но если вы будете долго думать, то ущерб не на один десяток золотых потянет. – Мужчина равнодушно пожал плечами, усаживаясь обратно, а анчутка выбрал именно этот момент, чтобы перепрыгнуть с люстры на стропила под потолком и начать грызть висящую связку дорогого иноземного перца.

Корчмарь схватился за голову, но тут уж я не усидела и, не обращая внимания на дергавшую меня за рукав Ланнан, звонко выкрикнула:

– Анчутку я и за пять серебрушек изловлю!

Хозяин уставился на меня как на неожиданное спасение, неизвестный маг обернулся в мою сторону, и его светло-сиреневые глаза едва заметно сощурились. Я нахально подмигнула в ответ, перебирая пальцами в воздухе и сплетая нечто вроде мерцающей по краям зеленоватой паутины, нацеливая ее на хихикающего анчутку.

– Ну что, хозяин, по рукам? – задорно поинтересовалась я, нехорошо улыбаясь в сторону резко присмирившего духа. Да уж, анчутки опутывающую магию чувствуют за пять саженей, потому и ловля их – занятие долгое и неблагодарное.

– Только учтите, за разгром заведения в процессе ловли точно никто не заплатит. – Улыбка незнакомца была вызывающей, но обращался он к хозяину.

Я же только плечами пожала, стряхивая с ладоней сверкающую паутину в сторону анчутки и наблюдая, как заклинание впустую облепило деревянный брус, промазав по самому духу, который, словно издеваясь, оказался прямо у нас над головами.

Не глядя, я цапнула со стола большую глиняную кружку и, когда следующая паутинка прошла мимо духа, выставила ее перед собой, шепча заклинание, которому меня когда-то давно научила Метара. Пожилая знахарка в свое время тесно общалась с миром лесных, водяных и домашних духов и знала массу интересных вещей об их природе. Редкое, но действенное заклинание против таких мелких вредителей когда-то сберегало ей кучу времени и нервов и вот сейчас помогло мне.

Дно кружки засияло ярким изумрудным пламенем, и тоненько верещавшего анчутку втянуло в глиняную посудину, как щепку в водоворот. Я быстренько накрыла кружку опустевшей тарелкой, для надежности приклеив тарелку заклинанием, чтобы не отскакивала, и довольно улыбнулась:

– Ну и где разгром?

Мужчина выразительно пожал плечами:

– О! Если вы не поторопитесь, то он будет ужасающим. Так всегда бывает, когда экономят на мелочах. Например, на качестве посуды... И ее прочности конечно же.

Словно в подтверждение кружка на столе подпрыгнула, раздался тоненький визг, от которого я поморщилась. Ланнан привстала и коснулась ладонью глиняной тюрьмы анчутки, отчего мятежный дух сразу же затих.

– Если очень хотите, могу отдать его вам бесплатно, – фыркнула я, внимательно рассматривая незнакомца мага.

Черты лица, которые можно было бы назвать благородными, холодные светло-сиреневые глаза – цвет, нередко встречающийся как у эльфов, так и у айранитов. Светло-русые, скорее песочного цвета волосы с проседью на висках, убранные в недлинный хвост на затылке. Взгляд, не предвещающий ничего хорошего, изящные, чуткие пальцы и ощущение могильного холода. Руку дам на отсечение, что либо чаровник, прибегающий к силе проклятий, либо некромант. То, что не стихийник, точно. У стихийников такого ледяного

взгляда обычно не бывает.

– Буду весьма благодарен. Согласен даже не претендовать на *ваш* гонорар. – Маг иронично улыбнулся, я только плечами пожала, усаживаясь обратно и выразительно глядя на суесящегося корчмаря, который негромко сетовал на причиненный ущерб.

– Эй, уважаемый, так что там насчет пяти серебряных?

– Каких таких серебряных? – На красном лице хозяина нарисовалось совершеннейшее недоумение.

Светловолосый маг взглянул на меня с усмешкой, я же нехорошо улыбнулась, поглаживая кружку кончиком пальца.

– Тогда я, пожалуй, сниму наложенные заклинания и поспешу уйти к себе в комнату до того, как обозлившийся анчутка начнет тут громить все подряд. Скупой, знаете ли, платит дважды.

– А, конечно, госпожа, вспомнил, как я мог забыть! – Корчмарь оказался у нашего столика почти моментально, и передо мной как по волшебству появились серебряные монетки.

Я кивнула, убирая руку от кружки:

– Забирайте. Кружка, равно как и тарелка, ваша собственность. На анчутку вроде как во-он тот господин претендовал, но я надеюсь, что вы с ним этот вопрос как-нибудь между собой уладите.

– Думаю, уладим. Хозяин, если вы дадите эту... – маг некоторое время подбирал слово, – емкость мне, то, быть может, успеете до того момента, когда разозленный дух вырвется на волю и вам придется платить один золотой, но уже мне... И до того момента, пока я не увеличу плату. – Он демонстративно сел обратно.

Корчмарь посмотрел на меня почти умоляюще.

– Да куда он не вырвется. Анчутки довольно безобидные духи, хоть и шkodливые сверх меры, – со вздохом пояснила я, стараясь не смотреть в сторону светловолосого мага. – Достаточно эту кружку закопать под корнями березы или дуба где-нибудь подальше от дома и присыпать ямку солью, и никого беспокоить он уже не будет.

– Ев, ты теперь подрабатываешь чтением лекций? – негромко поинтересовалась дриада, с сомнением поглядывая на утихомирившуюся посудину. – Так зачем везешь Ветра к Лексею Вестникову, стала бы ему сама наставником.

– Знала бы ты ее получше, не давала бы таких советов, – улыбнулся Данте. – К ней неприятности липнут, как перья к смоле, у нее талант находить себе проблемы почти на пустом месте. Хочешь, чтобы и Ветер таким стал?

– Э-э-э... госпожа ведунья, а может... вы это... сами анчутку прикопаете? – с надеждой обратился ко мне корчмарь. – Тогда ночлег за счет заведения будет.

Я покосилась на светловолосого мага. Возражений не поступило, но мне не понравилось, как он начал рассматривать Ветра, заинтересованно ощупывавшего с помощью какого-то заклинания посудину с мелким шkodником.

– Тогда будем считать, что договорились. – Я поднялась из-за стола и, забрав с собой кружку, положила ее вместе с приклеенной тарелкой в свою безразмерную сумку.

Главное, не забыть о том, что у меня среди вещей лежит усыпленный неизвестно насколько анчутка, а то с меня станется. Вот будет забавно, когда через несколько лет я буду перебирать вещи и наткнусь на эту «тюрьму»...

Дождь стучался в ставни с прежней силой, ветер завывал так, что сквозь сон мне чудилось, будто под окнами корчмы рядком сидят два десятка волков и старательно выводят свою тоскливую песню. Сознания, как легкая пушинка, коснулось чье-то незнакомое присутствие, во сне мелькнул образ темно-серого, почти черного волка с белой полосой вдоль хребта, и я, вздрогнув, проснулась.

Дриада тихонько посапывала на соседней кровати, отвернувшись лицом к стенке и с головой укутавшись в цветастое лоскутное одеяло, свеча на лавке давно уже погасла, а

частые капли дождя барабанили по крыше, напрочь отбивая всякое желание высовывать нос наружу. Я села на скрипнувшей кровати и несколько секунд ожесточенно терла глаза кулаками, пытаюсь сообразить, что же это было. Вряд ли это местные колдуны забавляются, значит, разумные волки все-таки добрались до Ижена даже раньше, чем я думала. А раз кто-то из них сумел меня дозваться, то ничего не поделаешь, надо идти наружу и встречать провожатых. Широко зевнув, я впотьмах начала натягивать штаны под длинную мужскую рубаху, доходящую мне почти до колена и с успехом заменяющую ночную сорочку. Кое-как подпоясалась длинной лентой, нашаренной в темноте на лавке, ничего, Ланнан до утра она вряд ли понадобится, – и, забрав сапоги и плащ, выскользнула из комнаты.

Вот так, в обнимку с обувью и длинным плащом, босая, в мужской рубахе, подпоясанной девичьей ярко-зеленой шелковой лентой, я и спустилась в безлюдный обеденный зал, в котором тускло горел один-единственный масляный фонарь, подвешенный на крюк над стойкой. Я уселась на нижнюю ступеньку лестницы и стала натягивать дриадские сапоги с высоким голенищем. Прохладно, ничего не скажешь, но хотя бы не промокну, а что-то мне подсказывает, что замерзнуть я не успею. Плащ я надела на ходу и, затащив потуже завязки капюшона, отодвинула дверной засов и выскользнула наружу.

Н-да-а-а. За те несколько часов, что шел дождь, площадь превратилась в озеро. Так, по крайней мере, мне показалось вначале, когда я, создав небольшой белесый светлячок, шагнула с крыльца на мостовую и почти сразу угодила в лужу, доходившую мне чуть выше щиколотки. Нет слов от радости, а те, которые есть, в список цензурных не входят.

Я шагнула вперед, заставляя подняться магический огонек повыше и осветить не только жалкую сажень пространства под ногами, но и здорового, насквозь промокшего темно-серого волка с черной полосой вдоль хребта, который забился под козырек крыши и укориженно смотрел на меня светло-зелеными глазами.

«Долго тебя ждать пришлось, ведунья. – Разумный волк встряхнулся и вышел из-под козырька крыши мне навстречу, под дождь. – Из-за стен этого города тебя было не дозваться».

– Подлунный? – недоверчиво спросила я, вглядываясь в слишком уж знакомую волчью морду и вспоминая радостно повизгивающего щенка, которого впервые увидела лет восемь назад, вместе с наставником навещая по весне стаю Серебряного.

Уже тогда он был самым крупным и шумным волчонком из всего молодняка и, разумеется, задирали всех вокруг тайком от старших. На меня он, как и прочие щенки, смотрел как на особо интересную двуногую дичь, но после того, как я вытащила его из волчьей ямы, выкопанной неизвестным охотником на тропе к водопою, мы даже подружились. Та ловушка была рассчитана на взрослого разумного волка, и угодивший в яму щенок только чудом не напоролся на острый кол на дне, но неловко подвернул заднюю лапу и, разумеется, не мог самостоятельно выбраться. Мать Подлунного, обнаружившая к вечеру сына, не смогла вытащить его, потому и направилась к избушке Лексея Вестникова в надежде, что человек, водящий дружбу со стаей, не откажет в помощи. Но наставник в тот день уехал в Столен Град, и в избушке осталась только я. Вытащить жалобно повизгивающего волчонка из ямы было делом нехитрым, гораздо дольше выздоравливала поврежденная лапа – вывих оказался серьезным. Подлунный еще с месяц хромал, но потом оправился и впоследствии частенько ошивался по ночам под окнами наставниковой избушки.

«А ты кого ожидала, а, ведунья? – Подлунный оскалил клыки в подобии улыбки и ткнулся мне в ладонь мокрым холодным носом, как огромная собака. – Разве я мог доверить тебя кому-то еще, раз уж Серебряный просил отправиться за тобой... добровольцев?»

– Ты удивительно вырос, – вздохнула я. – Или мне просто кажется?

«Тебе виднее, сестра. Хотя ты права – с тех пор как я был щенком, много воды утекло. Ты уехала, когда я не мог покинуть свою семью и не успел попрощаться с тобой. Но когда представилась возможность нам снова повстречаться, я решил ее не упускать. Со мной мои младшие братья, мы отвезем тебя во владения Серебряного, к жилищу старого волхва, как ты

и просила».

– Спасибо. – Я опустилась на одно колено и, не обращая внимания на то, что холодная дождевая вода пропитывает штанину, обняла волка за шею. – Не представляешь, насколько это для меня важно.

«Представляю, поэтому и вызвался помочь. У меня самого времени не очень много, Серебряный тебе говорил?»

– Да, до ночи Излома. – Я шагнула за ним следом, пригасив светлячок и вслушиваясь в шум дождя.

Да уж, более удачного времени Подлунный просто не мог выбрать – в такую погоду на улицу никто не высунется и уж тем более не разглядит в темноте здоровущего волка размером с теленка.

«В эту ночь Дикая Охота пройдет через наши земли, а наша стая – часть Дикого Гона. Свита будет мчаться по небу, а мы – по земле, и я и мои братья должны вступить на землю стаи до ночи Излома».

– Интересно почему? – пробормотала я, плотнее кутаясь в плащ и переступая с ноги на ногу. – Серебряный так ничего и не объяснил.

«Это сложно объяснить человеку. – Возможно, мне почудилось, но в мысленном голосе Подлунного я услышала нечто вроде снисхождения. – Нужно хотя бы раз побыть частью Дикого Гона, чтобы понять это. Но если коротко – то никто, оказавшийся на пути Темного Охотника со свитой, не сумеет сохранить нейтралитет. Он должен либо присоединиться к Дикому Гону, либо стать его Жертвой. Жертвой я быть не хочу, да и никому не пожелаю такой участи».

– Как я понимаю, это означает, что вы понесете нас самым коротким путем?

«Именно. До полнолуния еще восемь закатов, мы должны успеть. До встречи, сестра. Мы будем ждать».

Разумный волк скользнул в темноту, почти сразу исчезнув во мраке. Дождь потихоньку стихал, крупные капли все реже скатывались по капюшону моего плаща. Становилось холоднее, дыхание вырывалось изо рта облачком пара, едва заметным в тусклом белесом свете магического огонька. Я поежилась и пошла обратно к корчме, старясь обходить наиболее крупные лужи, не рискуя измерять их глубину. На фигуру в длинном, до пят, плаще с капюшоном я налетела случайно – в момент, когда пыталась перескочить через лужу в двух шагах от крыльца корчмы.

– Добрый вечер. Отвратительная погодка, не правда ли?

– И вам того же, и вас туда же, – мрачно буркнула я, понимая, что, несмотря на все усилия, плащ все-таки промок. Надо было обновить заклинания, сейчас не ощущала бы ледяную влагу на плечах и шее. Вести разговор с тем самым светловолосым магом, глаза которого едва заметно посверкивали в темноте сиреневыми отблесками, мне не хотелось. Хотелось спать, к тому же до рассвета остались считанные часы. – Так и будете на дороге стоять или все-таки подвинетесь?

– Разумеется. – Он все-таки сделал небольшой шаг в сторону. – Неужели после чудесной ночной прогулки вам внезапно захотелось оказаться под крышей? Странное желание, право слово.

– Вполне нормальное желание для человека, который мечтает выспаться, – фыркнула я; поднимаясь по ступенькам чуть поскрипывающего под моими шагами крыльца. – Вам оно, похоже, несвойственно.

– Мне скорее несвойственно желание гулять в плаще с рассеявшимся заклинанием под ливнем. Мокро, знаете ли. И...

Он осекся, я обернулась и в тусклом свете «фонарика» увидела, что лицо его побелело и застыло в странной пародии на белую глиняную маску, какими торгуют на ярмарках во время карнавалов.

Он медленно, словно с усилием, поднес руки к лицу, и изумление в сиреневых глазах сменилось страхом, а потом – безудержным ужасом. Я очутилась рядом с магом в два

прыжка и ухватила его за странно одеревеневшую руку, обтянутую тонкой кожаной перчаткой. Магический светлячок вспыхнул с удвоенной силой, и в этом ярком золотистом свете я увидела, как руки мага изменяются – перчатки треснули по швам, и из прорех показались изуродованные пальцы, кожа на которых стала напоминать древесную кору. Я тихо ахнула, впервые в жизни видя проклятие «живого древа» в действии. Ритуал из раздела природной магии, энергоемкий, но на удивление действенный и по-своему жестокий. Шутка ли – за считанные минуты обратить человека в дерево так, что проклятый продолжает все видеть и слышать, чувствовать и осознавать происходящее. Если ударить по такому «дереву» топором, то из зарубки брызнет не прозрачный древесный сок – алая кровь, а из сердцевины раздастся стон. Хуже всего, что после превращения «живому дереву» уже нельзя вернуть человеческий облик, как ты ни старайся. Но любое подобное проклятие можно отменить до того, как оно завершится, используя ритуал «поворота».

Рот мага искривился в беззвучном вопле, капюшон плаща свалился, открывая каплям осеннего дождя лицо, кожа на котором уже начала темнеть и покрываться сетью морщин, но глаза, наполненные ужасом, смотрели на меня с какой-то безумной надеждой.

Этого хватило, чтобы решиться.

Я стала лихорадочно ощупывать пояс мага в надежде найти нож, поскольку мой остался в сумке на втором этаже корчмы, а пока я сбегая туда-обратно, спасать будет уже некого. Лезвие ножа, найденного в скрытых ножнах на правом бедре, было тонким, причудливо изогнутым в форме рыбки, а острота – как у самой лучшей бритвы.

Секунда на то, чтобы полоснуть ножом по левой ладони, ощутить резкую боль и увидеть, как по лезвию ножа расплывается тоненькая пленочка крови. Еще столько же – чтобы осознать, что кожа на руках мага уже обратилась в кору, и пытаться ее сейчас прорезать – это потерять лишнее время.

Для обряда «поворота» нужна кровь обоих – проклятого и того, кто хочет попытаться отменить наложенное заклятие, повернуть его вспять, и если выполняющий обряд достаточно силен, то и обратить заклинание против создавшего. «Поворот» – обряд универсальный, неважно, какая стихия создала заклинание, успех ритуала зависит исключительно от силы того, кто его проводит. «Поворот» может выпить магию досуха, а если ее не хватит, то позаимствовать и часть жизненного срока, поэтому никогда не стоит «поворачивать» заклинание, если не уверен, что сумеешь оплатить ритуал на крови. Я не была уверена, но кровь истинной королевы чего-то стоит. Мне будет легче...

Я с силой провела лезвием по щеке мага, рядом с правым ухом, где кожа еще не успела затвердеть, и нож с еле слышным хрустом прорезал неглубокую ранку, пустив кровь, в свете магического огонька кажущуюся неестественно алой. Теперь – приложить свою кровотокающую ладонь к порезу на лице мага, прошептать заклинание и почувствовать, как сила выталкивается изнутри вместе с кровью, собираясь в багряные капли, которые не смывал даже частый, заново набирающий силу дождь. Паутина «поворота» начала проявляться в воздухе, едва заметно мерцающая красными нитями спирального узора, который достраивался с каждой новой ниточкой силы, протянутой из моего стремительно пустеющего резерва.

Во рту пересохло, стало настолько холодно, что капли дождя, стекающие по моей непокрытой голове, казались почти горячими, а перед глазами мерцал, наливаясь силой, узор «поворота». Наконец, когда мой резерв почти иссяк, спираль, составленная из хаотичного на первый взгляд переплетения алых нитей, начала медленно вращаться, с каждой секундой все быстрее и быстрее, пока я не почувствовала, что шершавая холодная кора под моей ладонью становится теплой кожей.

Спираль «поворота» замерла и осыпалась исчезающими в воздухе искрами, а я наконец-то смогла отнять заледеневшую ладонь от щеки мага. Машинально отступила назад, но, поскользнувшись на камнях мостовой, неловко взмахнула руками и упала навзничь в довольно глубокую лужу. Ледяная вода моментально пропитала одежду, но хотя бы головная боль поутихла.

– Спасибо... Я ваш... должник. – Голос мага звучал глухо и надломленно, словно он беспрерывно кричал все то время, пока я создавала «поворот». Он рассматривал свои руки в изодранных в клочья перчатках так, будто никак не мог поверить, что видит нормальные человеческие пальцы, а не длинные гибкие ветки, покрытые жесткой коричневой корой.

Я медленно села, держась за гудящую голову, после чего все же попыталась встать, но первая попытка не увенчалась успехом, и я во второй раз за последнюю минуту плюхнулась в лужу. Хотя какая разница, если и так мокрая с головы до ног?

– Держитесь. – Он сделал несколько неловкий шаг в мою сторону и протянул мне ладонь. – Лужа не ваша среда обитания.

Ох как я была с этим согласна! Проблема была только в том, что на ногах он, как оказалось, стоял не лучше меня, поэтому, вместо того чтобы вытащить из лужи меня, он потерял равновесие и «уютно» устроился по соседству. Честно говоря, мокнуть стало уже не настолько противно, я даже нашла в себе силы улыбнуться, глядя на отплеывающегося мага. Вот когда выражение «сесть в лужу» становится не просто поговоркой.

– И не ваша тоже. Но тем не менее вы в ней сидите.

– Ты тоже. – Он вымученно улыбнулся, как-то незаметно перейдя на «ты». – Надеюсь, что у нас на двоих сил вылезти отсюда хватит? Иначе все-таки придется сюда переселяться.

– Не-а, не придется. – С третьей попытки я покинула «полюбившуюся» мне лужу и, даже не пытаясь отряхнуться, посмотрела на медленно поднимающегося мага, с которого теперь, как и с меня, текло в семь ручьев. – Зато после сидения в одной луже появился повод для знакомства. Еваника.

– Да, теперь у нас есть общее, что останется с нами на всю жизнь, – мы из одной лужи вышли. Ладислав. – Маг протянул мне руку, и я осторожно ее пожала.

– Не скажу, что повод для знакомства был приятный, но хотя бы забавный. Желаю больше так не попадаться. – Я шмыгнула носом и, выпустив ладонь Ладислава, стала медленно подниматься по крыльцу корчмы. Плащ я после недолгой возни сняла, кое-как выжала и, перебросив через плечо, дернула за ручку двери, вваливаясь в прогретый зал корчмы, который после улицы показался мне благословением.

Ладислав вошел следом, после чего попытался продолжить начатый разговор:

– Про должника я говорил совершенно серьезно.

– А я не менее серьезно вымокла, устала и хочу спать. – Я повертела в руках плащ, больше всего напоминавший большую тряпку неопределенного цвета и, присев на нижнюю ступеньку лестницы, принялась стягивать сапоги. Надеюсь, что они до завтра хотя бы подсохнут. Или что у меня накопится достаточно сил, чтобы я сумела высушить их магией. – К тому же завтра я покидаю Ижен, поэтому можешь считать, что ты мне ничего не должен. Хотя, если тебе настолько принципиально, можешь высушить на мне одежду, и на этом будем считать вопрос закрытым.

– Я похож на сушилку для одежды? Не знал. – Маг вздохнул. – И куда ты намерена направиться дальше?

– Куда-куда... куда надо. По делам. – Я задумчиво рассматривала тонкий белый шрам на месте пореза на левой ладони. – Что же ты за маг такой, если даже одежду высушить не можешь? Ты-то в отличие от меня свой резерв на «поворот» не тратил.

– Вообще могу. Но предпочту попросить кого-нибудь как следует, чтобы он это сделал за меня. – Ладислав улыбнулся. Нехорошо. Настолько, что мне стало немного не по себе.

– Ты не похож на обычного ведуна. – Жаль, что сейчас мне недоступно даже самое простое магическое зрение, с помощью которого можно было бы точно распознать суть стоящего передо мной мага! Под его ногами уже натекла солидная лужа с мокрого плаща, который он даже не потрудился выжать.

– Мало ли на кого я могу быть похож? – Он улыбнулся, на этот раз почти мягко. – Ты тоже не похожа на простую странствующую ведунью.

– В таком случае – счастливо оставаться. – Я встала и, держа в одной руке сапоги, а в другой промокший плащ, пошлепала вверх по лестнице.

Черт с ними, с долгами, при заклинании «поворота» только некроманты не могут отмахнуться от «долга крови», для остальных достаточно слов об освобождении от этого весьма неприятного обязательства. Очень надеюсь, что Ладислав был чаровником, поскольку иметь в должниках некроманта для меня немногим лучше, чем быть в подобном долгу самой. Потому что нет ничего хуже некроманта, вынужденного выплачивать «долг крови» против собственной воли – жизнь станет настолько не в радость, что успеешь не один десяток раз пожалеть о благородном порыве спасти человека от неминуемой смерти с помощью ритуала «поворота».

Вслед мне донеслось банальное «счастливого пути». Его слова да богу б в уши...

Ладислав шел под вновь набирающим силу осенним дождем, стремясь как можно скорее оказаться в своем доме, который благодаря не только его личным усилиям, но и чарам нескольких ведунов был настоящей крепостью. Ледяные капли стекали по волосам, мерзкими пиявками заползали за воротник, а некромант даже не пытался набросить на голову плотный капюшон плаща.

Он уже давно не знал страха – все же общение с магией смерти отучает в первую очередь от этого позорного ощущения, – но сейчас ему было неуютно настолько, что острые коготки беспокойства, царапавшие его изнутри, заставили позабыть про дождь и промозглый холод. Его кто-то хотел обратить в «живое древо»! Его, Ладислава Войничу, прямого потомка весьма богатого и известного по Росскому княжеству и Приграничью рода. Хотели запереть в древесной оболочке, но оставить способность мыслить и рассуждать, чтобы он полностью проникся своим положением. Ни шевельнуться, ни закричать – только глухо скрипеть узловатыми ветками и еле слышно стонать от бессилия. О да, кого-то он слишком сильно достал в этом змеином гнезде, только по недоразумению прозванному городом мастеров, если на него рискнули наложить такое сложное и энергоемкое заклятие. Да и наверняка «отсрочку» добавили, иначе он сумел бы отбиться, а, как известно, несработавшее проклятие возвращается к своему создателю.

Ладислав остановился у большого двухэтажного дома и, поднявшись по резному крыльцу, коснулся ладонью едва заметно мерцающей дверной ручки, снимая запирающее заклинание. Дом узнал хозяина, и дверь гостеприимно распахнулась, впуская некроманта в хорошо прогретую прихожую – дом строился по эльфийскому образцу, и вместо обычных для русских теремов сеней здесь при входе имелась небольшая комнатка, где можно было оставить верхнюю одежду... или раз и навсегда «убрать» незваного гостя.

Некромант неторопливо, но вместе с тем чуточку брезгливо сбросил с плеч прямо на пол промокший после купания в луже плащ, сорвал с рук изодранные перчатки и с наслаждением размял окоченевшие пальцы. Да уж, если бы не та молоденькая ведунья, сдуру решившаяся на ритуал «поворота», не потребовав с него предварительно чего-нибудь эдакого, стоял бы он сейчас у крыльца постоянного двора весьма оригинальным деревцем, которое срубили бы в ближайшее время.

Услужливый дух, один из прирученных и выполняющий обязанности горничной, выскользнул из стены и, едва заметно мерцая в полумраке прихожей, поклонился, ожидая приказа.

– Горячую ванну на втором этаже, смену одежды и подогретого красного вина. Потом соберешь походную суму.

Призрак немедленно скрылся в стене, а в комнатах зажегся мягкий зеленоватый свет, показавшийся чересчур ярким для привыкших к темноте глаз. Ладислав еле заметно поморщился, и свет моментально потускнел. Дом подстраивался под малейшее желание своего хозяина – все же не зря на него было потрачено столько усилий и средств, и нигде больше некромант не ощущал себя настолько спокойно. Особенно сейчас, когда от одного воспоминания о том, как тело застыло под ударом проклятия «живого древа» и он был абсолютно беспомощен, остатки его так называемой души сжимались от страха. Участь, которая хуже смерти...

Горячая вода с ароматными маслами расслабила чересчур напряженное тело, согрела,

но выгнать ледяной холод изнутри так и не смогла. Ладислав пил подогретое вино кубок за кубком, не пьянея и практически не ощущая вкуса. Жесткий, шершавый шрам чуть ниже правого уха напоминал о себе ноющей болью, ни на минуту не давая забыть о долге крови – и кому! Девчонке-ведунье, к тому же воспитаннице Лексея Вестникова, который когда-то давно отказался взять Ладислава в ученики.

Некромант нервно усмехнулся, сжимая кубок в руке до еле слышного скрипа мягкого металла. Дух-прислужник, принявший традиционный для омовения хозяина облик прекрасной обнаженной девы, пусть и несколько полупрозрачной, испуганно шарахнулся в сторону, не решаясь приблизиться. Ладислав недовольно перевел взгляд на духа, и тот, моментально перелетев к нему поближе, начал разминать плечи некроманта холодными, но сильными «пальцами». Стало чуточку легче, но не намного.

Если бы лет тридцать назад Лексей Вестников не отказал ему, тогда еще десятилетнему пареньку, к ногам которого родители были готовы бросить весь мир, то его судьба, возможно, сложилась бы несколько иначе. У него были способности к стихийной магии, отец хотел, чтобы его сын Ладислав стал лучшим волхвом Росского княжества, а для этого нужно было найти наставника. Лексей Вестников отказался брать Ладислава в ученики, едва взглянув на него, не объясняя причин и не давая себе труд повторять дважды. Что ж, он тогда уже мог себе это позволить – подобную... избирательность. В результате родители увезли сына в Ижен, и там он, на свою беду, согласился пойти в ученики к некроманту.

Магия смерти оказалась увлекательной, она обещала власть, большую власть и силу. То, что за это все придется платить немалую цену, Ладислав узнал уже потом. Годы ушли на то, чтобы научиться контролировать себя, сдерживаться и не зачерпнуть из щедрого источника больше чем нужно, чтобы потом не расплачиваться годами жизни и кусочками собственной души за перебор. Сейчас, на пороге сорокалетия, он уже был уверен, что не попадет в ловушки, подобные долгу крови, но, как оказалось, ошибся. Некроманты учатся всю жизнь, говорят, что даже после смерти они не находят покоя, а продолжают поглощать знания, учиться управлять потоками силы. Забвение после смерти некромант может найти только в том случае, если передаст накопленные знания и силу кому-нибудь, кто окажется рядом. Неважно, будет ли это его ученик или же просто «случайный человек», зашедший в дом...

Сложный голубоватый символ, нарисованный на полу в самом дальнем углу обширной спальни, засиял фиолетовым светом, и в четко очерченном кругу медленно соткалась из мрака обнаженная женская фигура. Ладислав недовольно поморщился, глядя на чертовку, соблазнительно улыбающуюся ему изнутри запирающего символа – пока он не позволит, она не переступит тонкую черту. И какой бес нашептал ему на ухо с полгода назад, что стоит призвать к себе для развлечений это... существо? Конечно, любовные забавы с чертовкой были выше всяких похвал, пусть выстраивание запирающего и обережного кругов в сочетании с символом «двери» обошлось ему в немалую сумму – удовольствие того стоило. Правда, красотку нужно было иногда подкармливать, и отнюдь не животными, но пока в этом городе есть неугодные градоначальнику воры, бандиты и убийцы, переполняющие местные тюрьмы, недостатка в жертвах не будет.

Чертовка улыбнулась шире и, встав на четвереньки, соблазнительно потянулась, словно огромная кошка. На миг из-под густой копны черных волос показались небольшие острые рожки, а тонкий, гибкий хвост с шелковистой кисточкой на конце игриво обмахнул прекрасно очерченное стройное бедро.

– Что, мой дорогой Ладислав сегодня не настроен на наши чудесные... игры? – поинтересовалась она, поднимаясь во весь рост и в нетерпении пританцовывая у границы голубоватого круга. – Ты чем-то обеспокоен? Ты же знаешь, я могу легко поднять тебе... не только настроение.

– Да-да, а так же оставить меня обессиленным и беспомощным до завтрашнего вечера, – усмехнулся маг, в который раз за последние полчаса проводя кончиками пальцев по жесткому шраму у правого уха. Похоже, скоро это станет привычкой, машинальным жестом,

от которого будет очень сложно избавиться. – Нет уж, спасибо, мне уезжать поутру.

– И это дело не может подождать? – Чертовка капризно надула очаровательные губки и начала вертеться у границы круга то так, то сяк, демонстрируя себя во всей красе. Н-да, если бы та девчушка не обронила, что уезжать ей рано утром, то он бы не сомневался, стоит ли пустить чертовку к себе в постель на остаток ночи. – Я так голодна, мой обожаемый господин. Так голодна, и дело не только в той пище, которую ты мне поставляешь. А ты уезжаешь... Надолго ли?

– Как получится. – Кувшин на небольшом столике около деревянной бадьи давно опустел, и дух успел заменить его новым, наполненным почти до краев. Ладислав медленно поднес к губам кубок, но, передумав, аккуратно поставил его обратно на столик. Конечно, напиться до бесчувственного состояния – мысль хорошая, но он может упустить девчонку и тогда не раз пожалеет, что не остался «живым деревом».

К сожалению для него, долг крови – довольно жесткое, если не сказать жестокое обязательство, которое требует от должника непрестанно находиться рядом с благодетелем и непременно отплатить ему той же монетой, тем же «поворотом». Не больше, но и не меньше. И ускользнуть от этого обязательства не получится – некроманта постоянно будут преследовать не очень-то и приятные ситуации, и с каждым разом все хуже и хуже, и так до тех пор, пока он не отдаст долг крови или хотя бы не станет сопровождать своего благодетеля повсюду. Сложность еще в том, что если та девчонка по глупости своей или бесшабашности осмелится умереть до того, как он, Ладислав, освободит себя от этого треклятого долга, то его участи не позавидует даже нежить на кладбищах.

Право слово, он уже готов был пожалеть о собственном спасении.

Некромант кое-как выбрался из деревянной бадьи и, завернувшись в полотенце, ушел в соседнюю спальню, игнорируя разочарованные вопли чертовки с той стороны бережного круга. Ничего, перебесится и успокоится, все равно вряд ли кто-нибудь еще будет столь сытно кормить ее ненужными городу узниками. Шрам у правого уха ныл и горел, как от несильного ожога, но даже это несомненно неприятное ощущение не мешало Ладиславу заснуть, едва его голова коснулась подушки.

## ГЛАВА 8

Остаток ночи я почти не спала – то и дело вставала с кровати, смотрела в щелочку ставней и, удостоверившись, что рассвет еще не наступил, падала обратно, забываясь недолгим, беспокойным сном. Снилось паутина «поворота», роняющая кровавые капли на грудь Ладислава, сиреневые огоньки в пустых глазницах, и снова – паутина, затягивающаяся вокруг меня все туже. Я просыпалась, долго смотрела перед собой и опять ложилась, с головой заворачиваясь в теплое лоскутное одеяло, пахнущее душистым сеном, и пытаюсь расслабиться лишь для того, чтобы погрузиться в очередной бредовый сон. К утру я, измученная бессонницей, с резервом, за остаток ночи заполнившимся едва на треть, и с гудящей головой, решила, что заснуть нормально все равно не удастся, и принялась одеваться, надеясь, что за день я хотя бы успокоюсь настолько, чтобы к вечеру упасть спать безо всяких сновидений.

Обувь, из которой после ночного купания в луже пришлось выливать воду, так и не просохла, а одежда на ощупь оказалась сырой и холодной. Плащ я трогать не стала – и так знала, во что он превратился. Пришлось на ощупь выискивать в сумке запасные штаны, уже порядком полинявшие, но от этого не менее теплые и удобные, почти новую рубашку, мужской кафтан и к нему широкий пояс, который можно было обернуть вокруг моей талии как минимум трижды.

– Ева, ты что опять возишься? – Сонный голос дриады в тишине комнаты показался особенно громким. – Всю ночь спать не давала и утром тоже?

– Провожатые прибыли, – вздохнула я, завязывая пояс штанов и надевая почти новые запасные сапоги, лежавшие в бездонной «авоське» аж с прошлого года. – Разумные волки

уже ждут у стен Ижена, так что осмотр местных достопримечательностей откладывается на неопределенный срок.

– Seriously? – Над кроватью Ланнан затрепетал зеленоватый огонек, и дриада, лениво потягиваясь, села, потирая глаза и являя собой живую иллюстрацию к жизнеописанию прекрасных древесных дев.

Хотелось бы мне так выглядеть с утра – свежей и несколько томной, а не заспанной и встрепанной девкой, которую встретишь в полутемном коридоре – испугаешься и начнешь вспоминать такую-то мать. Впрочем, холодная вода из кувшина для умывания меня несколько взбодрила, но головная боль, к сожалению, никуда не делась. И не денется, пока не проснусь окончательно, а до этого счастливого момента еще дожить надо.

– Серьезней некуда, – вздохнула я, растирая лицо жестким льняным полотенцем. – Одевайся пока, а я пойду будить наших спутников.

Ланнан в ответ пробурчала что-то невнятное и принялась разбирать ворох одежды, валяющейся на стуле рядом с кроватью. Я же перебрала сумку через плечо и вышла в коридор, намереваясь обрадовать Данте и Ветра незапланированной побудкой на рассвете и последующим путешествием под холодным морозящим дождем.

– Нам уже пора? – Дверь перед моим носом приоткрылась, и на пороге нарисовался уже полностью одетый аватар с мечом в наспинных ножнах. Я не поняла, у моего телохранителя что, выросли слишком большие эльфийские уши или же он попросту следил за мной ночью?

– Ага, – согласилась я. – Только когда в следующий раз соберешься за мной шпионить, предупреждай заранее. А еще лучше – жди с теплым одеялом в одной руке и кружкой травяного отвара в другой.

– Слушаю и повинуюсь. – Данте несколько карикатурно поклонился, едва не задев дверной косяк ногами, и усмехнулся. – Как прикажет моя... повелительница. Горячую ванну и согревание в постели под одним одеялом в этот список включать?

– Ты издеваешься?

– А тебе какой вариант больше нравится? – поинтересовался Данте, складывая руки на груди. Хм, а я уж размышляла о лохани с горячей водой. Жаль, было бы неплохо. Хотя если вспомнить его... так сказать, предложение в Маровой Лещине, то боюсь, что он всерьез. – Прошу прощения, но то, как ты выбиралась из комнаты, не услышал бы только глухой или же вусмерть уставший человек. Я ни тем, ни другим не являюсь и поэтому не мог не заинтересоваться, куда тебя понесло ночью, да еще и в ливень.

– Может, у меня свидание было, – пробурчала я, украдкой одергивая на себе теплый кафтан и пытаясь заглянуть за широкую спину аватара. Бесполезно, разве что в прыжке. Но Ветра-то тоже будить надо.

– Тогда я действительно предложил бы твоему воздыхателю выбирать место и время для свидания более тщательно, – серьезно посоветовал мне аватар с таким видом, будто бы действительно поверил в эту байку с романтическим свиданием. Если он действительно наблюдал за мной, то вряд ли мог перепутать ритуал «поворота» с приворотным заклинанием. Можно сказать «ха». Целых три раза.

Я не стала спорить или оправдываться – просто проскользнула в комнату в узенький проем между дверным косяком и плечом аватара и уселась на краешек кровати тихо посапывающего мальчишки. Ветер с головой завернулся в одеяло, словно яркие лоскутки могли защитить его от окружающего мира, и не реагировал на попытки его разбудить. Наконец мне удалось нащупать краешек одеяла и кое-как распутать тугий ком для того, чтобы увидеть заспанное, чуточку злое лицо Ветра.

– Ну чего от меня на этот раз понадобилось? – недобро буркнул он, пытаясь снова спрятаться под одеяло.

– Ветер, вставать пора. – Я ухватила за обтрепанный цветастый край. – Нас волки ждут за стенами Ижена.

– Ну и пусть себе ждут дальше. От меня-то что надо? Я никуда не поеду, мне здесь

нравится.

О как. Я беспомощно взглянула на стоявшего у двери Данте, но тот лишь плечами пожал. Да уж, не хватало мне только с утра пораньше заниматься воспитанием подростка.

– Ветер, нам к Алексею Вестникову надо, вставай, поехали.

– Это тебе к нему надо, потому что сама справиться не можешь. – Ветер сел на кровати, ожесточенно растирая лицо ладонями. – Тебе есть к кому за советом бежать, а я тебе не нужен, обуза только. Да и ты мне не нужна со своим наставником. Я и здесь себе применение найду, тут целый город мастеров.

– Ветер... – Я попыталась коснуться плеча мальчишки, но тот отдернулся, будто я к нему пылающую головню протягивала, а не руку.

– Не трожь меня! Я на этом свете никому не нужен, только мой наставник обо мне заботился... и хотя бы не притворялся добреньким и хорошим. Ты же лишь о себе печешься, а больше ни о ком думать не хочешь, зато за тобой все хвостиками бегают, даже он. – Подросток беззастенчиво ткнул пальцем в сторону неподвижно застывшего в полумраке комнаты аватара. – Тебе хорошо рассуждать, с тобой и айранит нянчится, и дракон опекает, и разумный волк ждет за стенами, как будто он собачка какая-то. Родители небось тоже души не чаяли, пока в ведуньи не подалась, так?

Несколько секунд Ветер зло смотрел на меня, а потом с головой накрылся одеялом и затих. Да уж, умеет же ребенок так вот запросто выпалить в лицо все, что сам о себе думаешь, да только мысли некрасивые отогнать надолго не получается. Хотя кое в чем он ошибается.

– Ветер, знаешь, я родилась поздней осенью. Наставник рассказывал, что в тот год лето было дождливым, урожая было мало. А зима пришла рано, нагрянула аккурат на Изломе осени, в начале грудена. И сразу снег выпал, холода пришли. Год выдался голодный... страшный, как наставник рассказывал. Селяне новорожденных младенцев почти сразу после разрешения матерей от бремени уносили в лес да подальше и оставляли на забаву лесным духам и зверью. Я не знаю, кем была моя мать, сколько у меня старших братьев и сестер, но знаю, что в тот год я оказалась слишком большой обузой. Если бы Алексей Вестников не подобрал меня в сугробе под елью, куда меня отнес кто-то из крестьян, то мой «дом» был бы на том свете... или среди лесавок. Может, мать меня и любила, но голод эту любовь пересилил. Я ее за это винить не могу, у крестьян обычно по шесть-десять детей в семье... И далеко не всегда удастся их прокормить. А уж в голодный год и подавно. Тебе повезло хотя бы в том, что твои родители не выбросили тебя за дверь, как ненужную обузу, а растили, пока была возможность.

Скомканное одеяло зашевелилось, и Ветер, кое-как выпутавшись из него, подсел ко мне поближе. Я протянула ему немного потрепанную, но все равно теплую круглую шапку.

– Слушай, я на тебя давить не собираюсь. Просто хочу, чтобы ты, прежде чем принимать окончательное решение, поговорил с Алексеем Вестниковым. Если ты надумаешь вернуться в Ижен, чтобы найти в нем себе дело по душе, вряд ли тебя кто-то станет удерживать. Просто не торопись с принятием такого решения, ладно? Подумай пока, времени у тебя предостаточно. А в Ижен я тебя еще раз обязательно привезу, хоть зимой, если у Алексея Вестникова не приглянется, или же весной, когда потеплеет, если решишь остаться. – Я улыбнулась и прикрыла рот ладонью, пытаюсь замаскировать зевок. – А то я тоже не выспалась, а решать что-то важное в таком состоянии, это в первую очередь себе во вред.

Ветер улыбнулся в ответ, кивнул и, забрав из моих рук шапку, принялся собираться в дорогу. Вот и славно. Не думаю, что спросонья я смогла бы еще с полчаса убеждать парнишку в том, что не стоит пороть горячку раньше времени, да и не факт еще, что он стал бы меня слушать. А так... Поживем – увидим. Хотя есть у меня подозрение, с какого перепуга Ветер вдруг огрызаться начал – Ижен и не таких соблазнял к красивой, полной приключений и ярких переживаний жизни, а понять, что город этот по сути одна большая мышеловка, зачастую удавалось слишком поздно...

Сырой, промозглый осенний туман плотным облаком накрывал луга с пожухлой травой, раскинувшиеся у иженских стен вдоль торгового тракта, пробираясь под кафтан, холодными капельками оседал на волосах и одежде. Честно говоря, перебираясь через огромные лужи на дороге перед воротами, я жалела, что надела вместо теплой зимней куртки плотный шерстяной кафтан, но очень уж не хотелось портить хорошую вещь под дождем, поскольку плащ я с утра, разумеется, не зачаровала заново. Посему сейчас я довольствовалась мужской одеждой и смешной, чуточку кособокой стрелецкой шапкой, пошитой из хорошо выделанной кожи. От дождя и ветра шапка спасала замечательно, но слишком уж часто капли скатывались по ней мне за шиворот. Ну да ничего, поднять ворот кафтана повыше – и сойдет.

Я остановилась, отойдя от ворот с два десятка сажень, и прислушалась к вязкому мареву, расстелившемуся над лугом. Туман приглушает все звуки, искажает очертания предметов, настораживает и одновременно рассеивает внимание. Где искать провожатых, если нельзя разглядеть дорогу уже в сажени перед собой? Остается только надеяться, что Подлунный сам меня найдет. Его-то уж точно не собьет с пути призрачное покрывало Марены – так называют туман народы восточной окраины Росского княжества. Беззвучный мысленный зов полетел от меня в сторону невидимого в молочно-белой пелене леса – не думаю, что волки залегли в ожидании нас слишком далеко от дороги, значит, Подлунный ощутит мое присутствие и явится со своими братьями.

Левая рука болезненно заныла, и я невольно поморщилась, касаясь больного места. Магия Ланнан и травяные снадобья из моей сумки хорошо помогли – перед въездом в Ижен я смогла снять «люльку», но вчерашняя прогулка под холодным ливнем и сегодняшний промозглый туман разбередили рану так, что сейчас боль коротко, зло стреляла от предплечья до кончиков пальцев, и унять ее не могло даже обезболивающее заклинание, которое я тайком прошептала. Данте, неслышно подошедший вплотную, привычно замер за моим правым плечом, не говоря ни слова, но я знала, что, если продолжу хвататься за руку, излишних вопросов, а то и «люльки», которая будет только мешаться в дороге, не избежать.

Боль снова вгрызлась чуть пониже локтя, но на этот раз так просто не отпустила, скрючивая пальцы судорогой, делая их застывшими и непослушными, словно оголенные веточки ивы на сеченьском ветру. Очень не к месту всплыли воспоминания о руках Ладислава, которые у меня на глазах обрастали коричневой дубовой корой – магу наверняка достались ощущения гораздо хуже, чем мне сейчас, но это не мешало ему язвить, сидя вместе со мной в одной луже.

– Ева? – Голос Данте пробился-таки через вязкую пелену боли, залепившую уши, словно воском, и я, выпрямившись, сквозь зубы пробормотала обезболивающее заклинание на порядок сильнее предыдущего.

Боль неохотно отступила, словно водяной змей спустился на дно омута, пальцы несколько расслабились, но чувствительность к ним все равно не вернулась. Будто моя рука одновременно и чья-то чужая, онемелая, уже не чувствующая окружающего холода, но хоть повинуется, и ладно. Ланнан, когда перебинтовывала руку накануне, нерадостно сообщила, что болеть уже почти закрывшаяся рана будет еще с месяц, а напоминать о себе может не один год, особенно в холодную и сырую погоду. И ускоренная регенерация тут ни при чем – зубы подмышка задела нервы у локтевой впадины, а восстанавливаются они медленно и неохотно, зато напоминают о себе гораздо чаще, чем хотелось бы.

– Данте, я в порядке. – Я вымученно улыбнулась и в доказательство подняла пораненную руку, медленно сжимая пальцы в кулак и так же медленно распрямляя. – Сам знаешь, как иногда ноют в такую мерзкую погоду только что залеченные раны.

О том, что ниже локтя левую руку я почти не чувствовала, пришлось умолчать.

Аватар нахмурился, но вынырнувший на дорогу из клочьев тумана здоровущий волк с черной полосой вдоль хребта удержал Данте от лишних расспросов. Подлунный обвел попятившихся Ветра и Ланнан насмешливым взглядом, обнажил впечатляющие клыки в

оскале, означающем у разумных волков улыбку, и склонил голову.

«Что, испугал я твоих друзей, сестра? Ты бы хоть предупредила, кто их до логова волхва повезет лесными тропами. – Подлунный шагнул ко мне, потерялся сырой от густого осеннего тумана мордой о мою ладонь, негромко взрыкнул. – От тебя пахнет кровью и болью. Кто обидел тебя, сестра?»

«Ты же знаешь, вечно я себе приключений на загривок ищу. – Я присела на корточки, крепко обнимая своего названного брата за шею, пряча лицо в густой темно-серой шерсти, резко пахнувшей лесным зверем и прелой листвой. С души словно скатился тяжелый камень – только сейчас я по-настоящему осознала, насколько соскучилась по дому, по тому, что привыкла считать родным, по разумным волкам, стая которых когда-то была неотъемлемой частью моей жизни. – Не ищи обидчика, я с ним уже разобралась. Нежить... она ведунов не шибко-то и любит».

– Ева, это что, наш... транспорт? – чуть подрагивающим голосом робко осведомилась дриада у меня за спиной.

Я отстранилась от Подлунного, который лизнул меня в щеку, и отступил назад. Коротко взвыл, подзывая сородичей.

– А ты против?

Вот уж странно. Ланнан – дитя Древа, по идее дриады не боятся зверей и птиц, какими бы пугающими они ни выглядели. Рассказы о юных девах, которые гуляют по лесу, положив тонкую, хрупкую руку на загривок лесного царя – матерого бурого медведя, отнюдь не выдумки. Дриады с легкостью находят общий язык со всеми лесными жителями, но сейчас я имела сомнительное удовольствие наблюдать за тем, как Ланнан пугливо отодвигается от Подлунного, холка которого приходилась мне несколько выше пояса.

Ответить дриада не успела, потому что на размытой осенними дождями дороге возникли еще три волка. То есть два волка и светло-серая, почти белая волчица. Подлунный коротко рыкнул, и его собратья медленно подошли к моим спутникам, тщательно обнюхивая каждого, словно подбирая себе седока. Наконец волк покрупнее с надорванным правым ухом лизнул руку Данте и, вильнув хвостом, повернулся боком к аватару, словно приглашая садиться. Я, прислушавшись к Подлунному, улыбнулась и объявила:

– Мой побратим сказал, что эти волки еще достаточно юны и не овладели даром связной мысленной речи, но будьте уверены, что они все понимают. При необходимости они могут передать образ или отдельные слова, но особой разговорчивости по пути от них не ожидайте. Волка, который согласился везти Данте, зовут Ранним, волчицу, которая крутится вокруг Ветра, – Снежной, а того, что сидит чуть в стороне от Ланнан, – Озерный.

Подлунный негромко заворчал и, ухватив зубами подол моего кафтана, несильно потянул меня к себе. Я кивнула и взгромоздилась на широкую волчью спину, крепко вцепившись в отсыревшую шерсть на загривке.

– Дамы и господа, поторапливайтесь, а то у ворот возня какая-то началась. Предлагаю убираться отсюда побыстрее, пока не прибежали всякие любопытные смотреть, что за странные «кони» у нас такие.

Данте забрался на волка так же спокойно и уверенно, будто бы садился в седло Белогривого, Ветер оказался на спине Снежной почти сразу, с мальчишеским восторгом приобнимая волчицу за шею, тогда как Ланнан и Озерный смотрели друг на друга с недоверием и каким-то подозрением. И смотрели бы дальше, если бы Подлунный не рывкнул, разворачиваясь к лесу и припуская во всю прыть по едва заметной в тумане вытопанной среди пожелтевшей луговой травы тропке. Я успела увидеть, как Озерный рывком забрасывает себе на спину дриаду, когда их скрыли клубы седого тумана, а Подлунный ускорил бег, врываясь в лес по толстому ковру опавшей листвы. За спиной один за другим послышались три коротких разноголосых воя.

«Не волнуйся, ведунья. Мои братья и сестра следуют за нами с твоими друзьями. Надеюсь, они догадаются пригнуться как можно ниже, когда мы понесем вас сквозь лес к реке».

«Если не догадаются сразу – то очень скоро поймут, почему это необходимо». – Я почти распласталась на широкой звериной спине, крепко сжимая пушистые бока коленями и кое-как умудрившись надвинуть шапку на лоб, чтобы та не слетела по дороге. Возвращаться из-за такой мелочи, как уроненная шапка, разумные волки точно не будут, особенно когда их подгоняет с каждой минутой приближающийся Излом осени.

В лесу густой туман превратился в легкую дымку, клубящуюся у корней деревьев, кое-где уже полностью облетевших и теперь тянущихся к небу голыми ветвями. Тишину нарушали лишь поскрипывающие на ветру макушки вековых елей да редкие потрескивания ломаемых сучьев под волчьими лапами. Редкая изморось, кое-как накрапывающая с самого утра, превратилась в мелкий противный дождь. Холодные капли стекали по лицу и одежде, частым бисером покрывали волчью шерсть.

Владычица Осень давно вступила в свои права в Росском княжестве, и не за горами тот день, когда яркий венец из золотых листьев клена и березы, меж которых проглядывают тяжелые кисти спелой рябины, сменит величественная корона Зимы, выкованная из серебристого речного льда и щедро разукрашенная снежными бриллиантами. Ох, закружит поземкой белое одеяние, ляжет на землю ее теплое, пушистое одеяло, сберегая от лютых морозов и корни деревьев, и зверей в норах.

Я подняла глаза, силясь разглядеть сквозь зыбкую пелену дождя тоненькие веточки рябины, невесть как оказавшейся в лесу меж стройных белоствольных берез и мрачных елей. Так и есть –гнулись к земле под тяжестью гроздей тонкие, гибкие ветки. Значит, и зима придет суровая, с лютыми морозами, частыми метелями и глубоким снегом. Нелегко придется Подлунному со своей стаей, тяжело волкам в студеные зимы, а уж разумным – и того пуще. Голод, конечно, не тетка, но и людей обворовывать стая Серебряного не любит, да иногда хочешь не хочешь, а приходится.

«Река уже совсем рядом, сестра. – Подлунный сбавил бег, переходя на быстрый шаг, так что я наконец-то смогла выпрямиться, оглядываясь на своих спутников и силясь разглядеть их за частыми деревьями. – Далее проходит людская тропа, где лес уже не укроет нас от чужих глаз».

– Морок наводить я еще не разучилась. Как подъедем к тракту, так и наведу. – Я сдвинула назад съехавшую на самые глаза шапку, кое-как пригладила вылезшие из-под нее волосы, которые по сырости уже успели завиться забавными кудряшками в разные стороны, и вновь обернулась.

Данте верхом на Раннем первым показался на узкой, едва заметной тропке, за ним выбежала волчица с Ветром на спине. Мальчишка кое-как удерживался на Снежной, крепко обнимая ее за шею и пригибаясь настолько низко, что казалось, будто едет он лежа. Впрочем, такую «посадку» хорошо объясняла свежая ссадина на щеке парнишки – наверное, не сразу сообразил пригнуться пониже, когда волки ныряли в непроходимую для конного человека чащу. А вот дриады не было видно. Впрочем, не успела я забеспокоиться, как на тропу вынырнул Озерный, будто бы едва удержавшийся от того, чтобы не стряхнуть бледную Ланнан на мягкий ковер из палой листвы, пропитанный дождем. Не поладили, что ли?

Подлунный коротко рыкнул, Озерный в ответ негромко заворчал, как угрюмый, но верный пес, которого хозяин оставил охранять что-то важное для себя, но совершенно бесполезное для самого пса. Тоскливая, не приносящая радости обязанность.

«Странная у тебя подруга, сестра. Она чего-то боится, но старается не показывать виду. Но волчье чутье этим не обманешь». – Подлунный неторопливо пошел по тропе к просвету между деревьями, туда, где проходил малый орельский тракт – наезженная узкая дорога, петлявшая среди леса и соединяющая Ижен с Орельской протокой, срединным рукавом Вельги-реки, тем самым, что заканчивался где-то в чащобах Серебряного Леса, не то распадаясь на множество ниточек-ручeyков, не то образуя небольшое озеро.

Я не ответила, сосредотачиваясь на волшебстве и накладывая на разумных волков морок, который получился довольно неплохим – теперь со стороны казалось, будто бы едем мы на

низеньких мохнатых коньках с густой, но короткой, словно щетка, гривой и недлинным жестким хвостом. Таких лошадей выводят в северных районах Росского княжества, где лето короткое и прохладное, а зимы долгие и суровые. Им не страшны метели, а широкие копыта позволяют не погружаться по самое брюхо в слипшийся, колкий снег, идти по заметенным тропам, как по мощеной дороге, и передвигаться по хорошо смерзшемуся насту не проваливаясь. Думаю, что такие лошади вызовут гораздо меньше неуместного любопытства, чем породистые скакуны, да и по высоте в холке северные коньки и разумные волки не сильно разнились. Надеюсь только, что никто не будет приглядываться слишком внимательно, не то заметит, как на раскисшей после дождей дороге остается не отпечаток подковы, а волчий след, накрыть который сможет разве что ладонь взрослого мужчины.

Переправа, возникшая там, где малый орельский тракт обрывался на берегу довольно широкой протоки, казалась донельзя угрюмой и неприветливой. Куда ей до шумного, красочного Вельгского порта и даже более скромной Беловежской пристани – здесь были только один паром, с полдюжину груженных парусных лодок, два добротных амбара и небольшая корчма, наверняка служившая еще и домом для паромщиков. Подлунный направился сразу к полупустому парому, где собрались несколько охотников, которые, судя по объемным торбам за плечами, промышляли на этой стороне протоки. У кого-то из них в берестяных тулах почти не осталось стрел с ярким разноцветным оперением, у других, напротив, тул был почти полон. Охотничья удача – дева капризная, сегодня она улыбается тебе в лицо, а завтра оборачивает свой прекрасный лик к кому-то еще, а у вчерашнего любимца и дело не спорится, руки опускаются.

Данте спешил и, держа руку на холке своего «коня», подошел поближе к рослому бородатому мужику, заправлявшему переправой. О чем они разговаривали, я не стала прислушиваться, поскольку, как выяснилось, Ветер, простудившийся, скорее всего, во время последней ночевки под открытым небом, сейчас со страдальческим выражением лица хлюпал носом, украдкой сморкаясь в почти чистый носовой платок. Совсем я парнишку загоняла – ему бы сейчас в тепле отсиживаться, а не таскаться за мной следом сквозь ледяной осенний туман по лесам и полям.

– Ты как, живой? – поинтересовалась я, кладя ладонь на плечо мальчишки.

Тот только шмыгнул носом и отвернулся. Ну вот потом скажет, что я опять во всем виновата.

Пришлось лезть в сумку и там на ощупь отыскивать небольшой коричневый мешочек из крашеного льна с непонятной закорючкой, сделанной рукой наставника. Что за слово было написано на мешочке, я не могла разобрать до сих пор, но пометка означала «лекарство от простуды», которым Алексей Вестников потчевал меня всякий раз, когда я имела глупость заболеть. Гадость редкостная, но действенная. Я кое-как развязала мешочек и, не говоря ни слова, сунула его под нос Ветру.

Ой, что началось...

Мальчишка машинально вдохнул порошок, от которого у него моментально засвербело в носу, а из глаз потекли слезы, и Ветер, вероятно, решив, что я надумала его отравить, метнул в меня маленькую шаровую молнию, которая с треском прокатилась по моей шапке и пропала с негромким хлопком. Теперь в воздухе пахло не только сыростью и прелыми листьями, но и слегка подпаленными волосами.

– Ветер, ты, часом, не свихнулся? – поинтересовалась я у непрерывно чихающего парнишки, ощупывая свою голову и приходя к выводу, что раз шапка на мне целая, то и волосы должны были остаться в неприкосновенности. То, что они сейчас торчат из-под стрелецкой шапки, как прутьики из растрепанного вороньего гнезда, не беда.

– А ты?! – Паренек наконец-то прочихался, шумно высморкался и посмотрел на меня совсем уж неласково. – Я думал, у меня все мозги через нос вылезут от твоего зелья!

– Зато теперь ты хотя бы можешь нормально дышать, а не утирать сопلي каждую минуту, – улыбнулась я, пытаюсь запихнуть вставшие дыбом волосы под шапку. Получалось

не очень хорошо – отдельные прядки постоянно вылезали, делая меня похожей на огородное пугало.

Ветер же сначала недоверчиво шмыгнул носом, а потом вздохнул полной грудью. Виновато улыбнулся:

– Не могла сразу предупредить?

– По-моему, объяснения заняли бы гораздо больше времени. Ничего, переберемся через протоку, а там и до Бобруйских Хаток недалеко. Там я тебе заварю хорошее питье, и к утру будешь совсем здоров.

– Опять такую же гадость? – поинтересовался Ветер, пряча платок в карман куртки и поглядывая в сторону Данте, увлеченно обсуждающего что-то с паромщиком, пока Ланнан пыталась завести на паром Раннего и Озерного. Волки не упирались, но шли неохотно, постоянно оглядываясь на Подлунного и стараясь держаться от дриады подальше. – Интересно, чего они ее сторонятся?

– Не знаю, может, чуют чего-то, – пожала плечами я, радуясь, что можно уйти от темы лекарства. Оно и в самом деле на вкус было горьким и немного приторным. – Кто знает, какими амулетами она обвешана. Это мы можем не почувствовать, а разумные волки неплохо чуют магию.

– Что, правда? – недоверчиво переспросил Ветер, покосившись на Снежную.

Волчица только ухом дернула, но в светло-зеленых глазах мерцала несколько самодовольная искорка.

– Вроде того. – Я улыбнулась и погладила Подлунного по загривку. – Насколько я знаю, у них это похоже на человеческое предчувствие. Как будто ощущаешь чей-то тяжелый взгляд на затылке.

«Горазда ты объяснять, сестра, – усмехнулся волк, устремляясь к парому следом за братьями. – Глядишь, и впрямь научится чему. Пока он еще как волчонок, только-только прозревший, и сейчас выясняет, так ли велик мир за пределами родной норы».

«Ну ежели что, приглядишь за ним? Если Лексей Вестников возьмет его в ученики?» – поинтересовалась я, осторожно ступая по мокрой, угрожающе потрескивающей доске, соединяющей паром с берегом. Дождалась, пока Ветер со Снежной переберется на чуть покачивающийся под ногами деревянный настил поверх бревенчатого плота, и только тогда вздохнула поспокойнее.

«Отчего ж не приглядеть? – Разумный волк потерся мордой о мою руку, лизнул ладонь влажным, шершавым языком. – Если сама не останешься его учить».

– Это вряд ли, – тихонько пробормотала я, наблюдая за тем, как паромщики втаскивают на плот доску-трап, как отталкиваются от берега длинными, крепкими шестами, как медленно разрастается полоса темной воды, покрытой мелкой рябью, между бортом парома и землей.

Туман, до того расстеленный над стылой водой, как девичья кисея, поредел и почти пропал. Свинцово-серые тучи над головой наконец-то разродились мелким, плотным, как крупа, снегом, который посыпался на наши головы как из прохудившегося мешка. Сердце болезненно кольнуло тупой иглой, когда перед глазами всплыл обрывок видения... капли крови на свежавывавшем снегу – как горсть спелой рябины...

Левую руку вновь пронзила резкая, колющая боль. К пальцам вернулась чувствительность, но только для того, чтобы напомнить – погода действительно мерзкая, а значит, рана будет болеть еще долго. Жаль, что сейчас попросту нет возможности сделать себе горячий компресс с травяным отваром, унимающим боль в уже заживающих ранах, это было бы очень кстати. А так пришлось обойтись еще одним обезболивающим заклинанием, лишившим руку какой-либо чувствительности.

– Ев, тебе плохо?

Я подняла взгляд и увидела перед собой обеспокоенное лицо мальчишки. Он осторожно, самыми кончиками пальцев, коснулся левого рукава моего кафтана как раз поверх раны и вопросительно приподнял брови. Я улыбнулась и качнула головой.

– Не волнуйся, Ветерок. Со мной все в порядке.

Жгучая боль в виске, невольно наталкивающая на мысли о раскаленном пруте, разбудит кого угодно, и Ладислав не стал исключением. Он медленно сел, прижимая холодную рукоять кинжала к пульсирующему болью виску, и обвел спальню тяжелым взглядом человека, страдающего жестоким недосыпом. За окном, если судить по звукам, давно наступило утро, по крайней мере, булочники уже вовсю зазывали покупателей к своим лоткам.

Рано, слишком рано. Особенно для того, кто привык ложиться спать на рассвете, бодрствуя ночью, когда нормальные люди смотрят свои сладкие или же беспокойные сны.

Тонкий шрам на правом виске ныл и горел, как недавний ожог, и Ладислав, одним движением убрав кинжал в ножны на поясе, вскочил с кровати, поморщившись от очередного приступа головной боли. Девчонка-ведунья собиралась уезжать на рассвете, а он, умаявшись вчера до безумия, разумеется, проспал это знаменательное событие. И вот сейчас расплачивается за это – долг крови не делает скидок на усталость и не дарит поблажек должнику. Одна надежда, что шрам так болит не из-за того, что благодетельница успела найти приключения на свою чрезмерно шуструю и вертлявую задницу, а просто из-за перемены погоды, недосыпа и серьезной выкладки сил накануне.

Некромант улыбнулся уголком рта. Когда это его, так называемые, надежды сбывались? Хочется верить, что ведунья останется в живых и будет пребывать на этом свете хотя бы до того момента, как он сможет вернуть ей долг крови. После этого – пусть хоть к черту на рога лезет, не его дело. Но пока он ходит у девчонки в должниках, в его же интересах, чтобы с головы благодетельницы даже волос не упал без лишней на то необходимости. А для этого придется таскаться за ней, как привязанному. Да уж, ни одному привороту не сравниться по своей подлости с долгом крови, поскольку в его случае – хочешь жить, следуй за своим благодетелем, следи, чтобы не умер, не пострадал. И жди, пока не подвернется шанс спасти от беды ритуалом «поворота».

Жесткий шрам болезненно заныл, заколол сотнями острых иголок, да так сильно, что Ладислав намертво стиснул зубы, ожидая, пока пройдет приступ. Темные боги, если слышите, сделайте так, чтобы эта дура не умерла прямо сейчас, потому что очень не хочется отправляться следом за ней на тот свет только для того, чтобы выяснить, что меня не пускают даже в преисподнюю, чего уж говорить о небесном саде.

Словно в ответ, боль в виске поутихла. Шрам все еще ощутимо покалывало, но по сравнению с тем, что было, это казалось мелочью. Некромант выпрямился и принялся наскоро собираться в дорогу. Дух-прислужник, разумеется, уложил еще со вчерашнего вечера походную сумку, но кое-что необходимо подобрать самому. К примеру, надеть под куртку широкий кожаный пояс с множеством петелек, кармашков и крючков, на котором он обычно носил зелья, порошки в непромокаемых мешочках из провощенной кожи и кое-какие инструменты, зачастую необходимые для ремесла некроманта. В отдельный футляр поместить два пера, чернильницу с плотно закупориваемой пробкой и несколько небольших свитков чистого пергамента. Интересные мысли и не менее занимательные результаты случайных опытов лучше записывать, чтобы потом попытаться воспроизвести или хотя бы не забыть.

Рассовав кое-какие мелочи по карманам куртки, Ладислав подошел к ящичку, подвешенному над рабочим столом, и оттуда выудил нечто вроде короткого, всего в локоть с четвертью, меча с очень широким, чуть изогнутым лезвием, которое вполне могло служить заменой небольшой лопате, а с учетом зазубрин на внешней стороне – то и пилой. Необычный клинок, сделанный на заказ у уважаемого мастера-гнома – не очень тяжелый, но при этом невероятно прочный. Ладислав усмехнулся, вспоминая лицо мастера-кузнеца, когда он выложил перед ним на стол чертеж желаемого клинка. Наверняка решил, что таким мечом клиент собирается отрубать головы, отпиливать руки и ноги у несчастных, а потом закапывать останки, не утруждая себя поисками топора, пилы и лопаты.

И ведь почти не ошибся...

Дух-работник весьма не вовремя просочился сквозь стену, неосторожно задев низенькую полочку, на которую некромант выставил ряд бутылочек, раздумывая, пригодятся ли подобные... составы в дороге или врагов лучше травить в ставшем почти родным Ижене. Стекланные пузырьки без этикеток жалобно звякнули и едва не посыпались на пол, но устояли. Дух боязливо сжался, но все же объяснил с помощью жестов, что господина ожидают внизу. Посетитель. Очень важный. Опасный...

— Ну кого еще принесло в это проклятое утро? — выдохнул Ладислав, торопливо рассовывая плотно закупоренные плоские бутылочки по кармашкам на поясе и, на ходу запахивая куртку, почти сбежал по едва скрипнувшим ступеням на первый этаж.

Там, в полумраке прихожей, его дожидался тот, кого он меньше всего хотел бы сегодня видеть. В идеале — не видеть никогда, но похоже, что на сегодня судьба еще не исчерпала свои неприятные сюрпризы.

Глава Каменного Круга волхв Милорад смотрел на него неприятно выпцветшими светло-серыми глазами, холодными, спокойными. Тускло поблескивал алый камень серебряного перстня на правой руке, серые свободные одежды делали волхва похожим на призрака, того и гляди забренчит полупрозрачными цепями, заговорит, проклиная на веки вечные... Милорад действительно заговорил, и, судя по тому, как начинался разговор, неприятности Ладиславу все-таки светили, причем довольно ярко.

— Ты не серчай, Ладиславушка, что в такую рань к тебе постучался, но сам понимаешь, иногда служба не терпит отлагательств, — волхв едва заметно улыбнулся, окидывая молодого некроманта взглядом, и ненавязчиво коснулся кончиками пальцев мерцающего камня в перстне. — Хотя, смотрю, ты куда-то из города собрался. Это правильное, ох какое правильное решение.

— О! — Ладислав вежливо поклонился. — И на сколько времени это решение будет самым лучшим, если не думать о хорошо прожаренном мясе и прочей гастрономии?

— Да вот хорошо б успеть до того, как стражники на северных воротах караул сменят. — Волхв улыбнулся чуточку шире и виновато развел руками. Мол, что я могу сделать, приказ есть приказ. Ничего, в следующей жизни, внуки-отступнички, будете вести себя лучше и благоразумнее. — А до того времени чуть меньше часа осталось, если, конечно, начальник стражи не решит, что время обеда пришло, и не сменит караул раньше назначенного.

Ладислав склонил голову, принимая информацию к сведению. Рот наполнился тягучей кислой слюной.

— Давненько я хотел в поле выйти... Поразматься, подышать свежим воздухом... Для легких полезно опять же. Вот только думаю, недельки две на оздоровление хватит? Или лучше подальше путешествовать?..

— Да зачем так близко, Ладиславушка? Ты, почитай, всю округу знаешь, как свои пять пальцев. Лучше в Оголен Град наведайся, знаю, родня там у тебя есть. Ты их навести, поживи с месяцок, чай, дома будешь, не у чужих людей. А ежели закрутит зима суровая, то к чему тащиться сюда через снега и ледяные переправы? Поживи в столице, пока не потеплеет, там всяко зима мягче, чем у нас. А весной возвращайся, тебе тут все рады будут, слова плохого поперек не скажут, уж я об этом позабочусь.

— Да... Давненько я родных не видал. Жалко, дом мой до весны выстудится небось... — покачал головой некромант, поднимая с низкого табурета туго набитую дорожную сумку и набрасывая на плечи плотный, подбитый мехом плащ. Дух-работник все сделал, как следовало — можно было не сомневаться, что оседланная лошадь с притороченными к седлу сумками с провиантом уже дожидается его в конюшне. Жаль, что выдвигаться придется без завтрака, но ничего, уж это как-нибудь позже уладить удастся.

— Не волнуйся, Ладиславушка, — улыбнулся Милорад, широко распахивая дверь и выходя на слегка припорошенный первым снегом порог. — Послежу я за твоим домом. Ничего не пропадет, не выстудится, в запустение не придет. Будь спокоен. Вернешься — будет все так, словно и не уезжал вовсе.

Волхв на прощание легонько хлопнул Ладислава по плечу и ушел не оборачиваясь по людной улице. Некромант криво усмехнулся – вот уж выставили так выставили. С одной стороны, он все равно уезжать собирался, но с другой... Кто знает, сколько ему придется хвостиком таскаться за той весьма невезучей ведуньей? Хорошо, если всего-то недели две, а если месяц? Полгода? Вот уж незадача, хоть ее весной тогда в Ижен сманивай, чтобы под присмотром постоянно была. Так ведь не согласится, коза упрямая. У нее небось в голове пока что только дороги да работа «для души». Таких силком в город не заманишь, разве что за «высокими чувствами» и прочими сомнительными радостями.

Ладислав подошел к небольшому стойлу, где нетерпеливо бил копытом смолянисто-черный жеребец с коротко остриженной гривой, в самом деле уже оседланный и готовый к дороге, неважно, насколько долгой она будет.

Шрам на виске занял с новой силой. Некромант чертыхнулся и поспешно вывел коня из стойла. Время не терпит, а расстояние между ним и благодетельницей, судя по всему, увеличивается с каждой минутой. Придется поторопиться, чтобы проблемы, и так разрастающиеся, как снежный ком, пущенный с горы, не похоронили его под собой. К счастью, метка на виске не даст ему заблудиться поведет, как магический компас.

По крайней мере, Ладиславу очень хотелось на это надеяться...

## ГЛАВА 9

Деревенька Бобруйские Хатки, очертания которой уже можно было разглядеть в извечной туманной дымке Болотной Окраины, славилась на все Русское княжество тем, что являлось наиболее популярным местом, куда посылали всех доставших, неугодных и просто занудствующих. Впрочем, на традиционный посыл типа «В Бобруйские Хатки бы тебя, нечисть» обижались только инородцы, люди обычно пропускали подобное пожелание мимо ушей. И уж конечно для тех несчастных, которых вышестоящее начальство посылало в Бобруйские Хатки на полном серьезе – неважно, с какой целью, – эта деревня становилась воистину проклятым местом.

Дело в том, что расположена эта деревня на сухом островке посреди болот и мелких озер, и, когда бы ты ни приехал в это место, всегда встречает тебя одно и то же – густой туман, исчезающий лишь на лютom морозе. Летом от влажных болотных испарений нечем дышать, наглые комары размером чуть поменьше овода кусают даже сквозь плотную крутку, а осенью и весной единственную дорогу размывает так, что она становится похожа на болотные тропы, которых в округе немерено. И забыл бы русский князь Владимир про Бобруйские Хатки, если бы не росла в здешних топях особая ягода, прозванная местными белой клюквой. Настойка этих ягод; как следует очищенная, обладала столь мягким вкусом, что далеко не сразу можно было распознать – крепость у напитка такая, что гореть он мог синим пламенем прямо в кубке. Насколько я знаю, белая клюква нигде больше не росла в таких количествах, как на Болотной Окраине, вот местные и жили на доходы с продаж этой ягоды в более благополучные районы Руси.

Волки при подходе к деревне перешли почти на шаг, огибая особенно глубокие лужи с осклизлыми краями – в такую раз прыгнешь, и оба, как всадник, так и волк, по уши будут в брызгах грязной воды, а подобный поворот дел никого не обрадует. Я сдвинула стрелецкую шапку на затылок и присмотрелась к потемневшим от сырости и непогоды воротам деревни – доски казались прогнившими насквозь, пни ногой посильнее, и развалятся. Так зачем, спрашивается, забор, который не убережет жителей от беды?

«Да какая у них тут беда может быть, сестра? Комары разве что, но от них за забором не укроешься, – усмехнулся Подлунный, подслушав мою последнюю мысль, которую я, по-видимому, думала слишком „громко“. – Сама ж говорила, что хищного зверья тут нет совсем, нечисти тоже, а кто из двуногих в здравом уме сунется сюда? Не дойдут, пожалуй, в болотах сгинут».

– Вот уж точно, – пробормотала я, с беспокойством оглядываясь на Ветра.

Мальчишка понуро ехал на волчице, то и дело слишком сильно наклоняясь вперед. Похоже, после переправы он совсем разболелся, но помочь здесь и сейчас я ему ничем не могла. Его бы в прогретый дом, на печь, напоить горячим отваром от простуды и дать как следует выспаться.

– Интересно, а постоянный двор тут есть? – поинтересовалась Ланнан, почти поравнявшись со мной на Озерном и оглядывая обветшалый забор перед деревней.

Я усмехнулась, машинально погладив Подлунного по загривку, шерсть на котором встала почти дыбом.

– Я бы на твоём месте не стала на это рассчитывать. Надеюсь, что тут найдется достаточно сердобольный хозяин, который пустит нас на постой на пару дней.

– На пару дней?! – Дриада посмотрела на поросшие мхом крыши кривоватых изб за забором уже с тихим ужасом в глазах. Ну да, это вам не Серебряный Лес, это Болотная Окраина, тут шикарного обслуживания днем с огнем не отыщешь. – А что так надолго?

– Ты на Ветра посмотри, – нахмурилась я, слезая с Подлунного и вплотную подходя к слегка покосившимся воротам. – Если мы его с утра потащим дальше к Тишинке, то он совсем разболеется, и к наставнику мы привезем насквозь простуженного мальчишку в горячечном бреду. Я лучше здесь задержусь ненадолго, чем буду рисковать здоровьем Ветра всерьез.

Дриада ничего не ответила, а я, для порядку пару раз стукнув в ворота и убедившись, что никто нам открывать не собирается, с помощью нехитрого заклинания отодвинула засов, да так удачно, что тяжелый деревянный брус, выскользнув из кованых пазов, смачно плюхнулся в лужу с той стороны ворот. Тотчас из-за забора послышалась заковыристая, хоть и на диво однообразная ругань, а потом ворота распахнулись, и в проеме показался здоровый, с выпирающим над поясом добротного кафтана животом мужик, обвешанный амулетами в виде сушеных птичьих лапок, какими-то мешочками с пахучими травами и прочей малополезной ерундой. В руке мужик держал внушительный посох, больше напоминающий тайком выломанный из чужого забора дрын, а глубоко посаженные карие глаза на забрызганном свежей грязью лице смотрели на меня настолько неприветливо, что я невольно попятилась. Такой зашибет раньше, чем успеешь пискнуть «мама» или запустить заклинанием помощнее.

– А ну кто тут волшебку неправильную, незаметную творит? – прогудел он глухим, простуженным голосом, обводя нас тяжелым взглядом.

Ланнан отпрянула от ворот от греха подальше, опасливо косясь на нервно подрагивающий верхний кончик «посоха», видимо, тоже опознав в нем хороший дрын, которым если приложить нежити между глаз – выйдет не хуже, чем боевым заклинанием. Если не лучше.

– Чем неправильная? – невольно удивилась я, на свою беду привлекая внимание странного мужика.

Тот уставился на меня в упор, а потом вдруг обвиняюще указал на меня перстом с тускло блеснувшим серебряным кольцом ведуна, окончившего обучение в Белозерском Круге. Я мысленно застонала – так вот кого в качестве местного лекаря отправили в Бобруйские Хатки. Жаль, а я надеялась на помощь адекватного знахаря.

– Ритуал призыва духов воздуха – где?! Обережный круг – где?! – вдруг заорал он так, что я, шарахнувшись назад, едва не навернулась в грязную лужу на дороге – спасибо Данте, оказавшемуся у меня за спиной и успевшему подхватить у самой земли, не давая познакомиться вплотную с жидкой грязью.

Мамочки, теперь я понимаю, за что его сослали в Бобруйские Хатки. За фанатизм и самовольное искажение книжных истин. Бедные местные жители...

– Для простейшего заклинания? – Это уже Ланнан изумилась донельзя, пытаясь проследить ход мыслей странного ведуна. Зря она так, без хороших галлюциногенов эту логику не понять.

– Да что вы, девки неразумные, в волшеббе великой понимаете?! – напустился мужик уже

на нас обеих, потрясая «посохом», но наткнулся на суровый взгляд Данте, не обещавший ничего хорошего тому, кто рискнет сделать еще хотя бы шаг в мою сторону.

Одна радость, что с оценкой потенциального противника у мужика было все в порядке – его взгляд скользнул по аватару, на несколько секунд задержавшись на выступающей над правым плечом рукояти двуручного меча, после чего ведун, бормоча себе под нос что-то вроде «руки о вас марасть неохота», удалился за забор, оставив ворота открытыми.

– Что это было? – ошарашенно пробормотала дриада, глядя на меня круглыми от удивления глазами. – Это что, У людей все маги такие?!

– Упаси Всевышний, – покачала головой я. – Впервые в жизни такой экземпляр вижу. Надеюсь больше не увидеть.

– Это ты зря, – улыбнулся Данте, раскрывая ворота пошире, чтобы волкам не пришлось протискиваться в слишком узкий проем, оставшийся после того, как ведун покинул «место боя», попытавшись «хлопнуть дверью». – Деревня не очень большая, думаю, вы еще пересечетесь.

– Каркал бы ты поменьше, – вздохнула я, помогая Ветру слезть со Снежной и ненавязчиво поддерживая мальчишку под локоть.

Как я и опасалась, у него начался жар, а если судить по тому, как его ощутимо шатало при ходьбе, то еще и головокружение. Надеюсь, что в Бобруйских Хатках есть толковый лекарь, а не только этот «дипломированный ведун» со странными представлениями о магии и нестабильным характером. Впрочем, если бы местных жителей лечил только он, тут бы полдеревни зимой вымерло от простейшей простуды, а все из-за методов лечения. Но раз они еще живут и благополучно здравствуют, а ведун тихохонько не притопил в болоте, то адекватный знахарь или травник тут попросту обязан быть. А раз так – то избу его нам первый встречный и укажет.

– Ветерок, потерпи еще чуть-чуть, скоро сможем отдохнуть, – пробормотала я, препоручая паренька заботам Данте и окликаая дородную женщину с коромыслом, на концах которого мерно покачивались полные ведра колодезной воды.

Та обернулась, окидывая меня несколько снисходительным взглядом, и низким, грудным голосом поинтересовалась:

– Чего тебе, пигалица, надобно?

– Лекарь очень нужен. – Я махнула рукой в сторону Ветра, с трудом стоящего на ногах. – Брат мой младший болен, простыл по дороге, вот и заехали к вам в надежде на лекаря. Так как? Есть в деревне знахарь?

Женщина хмыкнула да указала рукой на ровный ряд слегка покосившихся и потемневших от сырости и непогоды изб.

– Четвертый двор с петушком на крыше – там знахарка живет. Хорошая баба, хоть и чудная слегка, к ней постучитесь. А коли будет мужик с дрыном к себе зазывать, не ходите. Анисимка это, юродивый наш местный. Вроде ж ведун откуда-то из города, как приехал – кольцо чаровника показывал, а все одно дурной такой, что сил нет. – Она усмехнулась, поудобнее устраивая коромысло на плечах. – Так что к Элии идите, она поможет, а Анисимка только смешно попрыгает вокруг, потрясет перьями у носа, скороговорку какую-то прочитает и объявит, что уже здоров. Наши к нему ходят, чтобы бесплатно представление посмотреть, а то своих скоморохов-то у нас нет.

– А что не выгоните-то? – поинтересовалась дриада, высматривая в указанном направлении домик с петушком на крыше.

– Да кому он нужен, выгонять-то? – беззлобно отмахнулась женщина. – Пусть живет в деревне, покуда не пакостит всерьез – всяко веселее.

Дриада еще что-то выпрашивала у местной жительницы, когда я взбежала по едва скрипнувшим ступенькам знахаркиного дома и нетерпеливо постучала в дверь небольшим деревянным молоточком, висящим на прочной цепочке.

– Открой, хозяйюшка!

За дверью что-то негромко хлопнуло, потом послышались легкие шаги, и наконец на

пороге показалась местная знахарка, кутающаяся в теплую шерстяную шаль, наброшенную поверх расшитого традиционного сарафана. Не старая, но уже и не молодая статная женщина лет сорока с правильными чертами лица, пронзительными серыми глазами и шикарной темно-русой косой почти до колен, в которой явственно проглядывали нити седины. Она окинула нас цепким, внимательным взглядом и скомандовала, указывая пальцем на Данте:

– Ты. Заводи мальчика в дом и клади на застеленную лавку возле печи. А вы, девушки, побыстрее отведите своих волков в пристройку за домом, чтобы они не маячили посреди двора. Покормим их чуть позже, думаю, они сами прекрасно понимают, что про них не забудут. Сейчас я займусь больным, а потом мы с вами сядем и поговорим о том, что вас сюда привело.

Знахарка Элия скрылась в доме так же быстро, как и появилась, следом за ней в сени зашел Данте, уже почти несший Ветра, а мы с Ланнан словно приросли к порогу, беспомощно глядя то друг на друга, то на разумных волков, все еще надежно укрытых мороком. И стояли бы так, наверное, еще долго, если бы Подлунный не толкнул меня мордой под колено, напоминая о себе.

«Сестра, тебе же велели отвести нас в тепло и уют. Так веди, мы тоже продрогли в этой сырости не меньше вас. И нам тоже нужен отдых».

«Прости. – Я сбежала по ступенькам, держа Ланнан за руку. – Мной просто слишком давно... не командовали так уверенно».

«Ты отвыкла подчиняться. – Подлунный потерял мордой о мою ладонь и уверенно направился к низкому просторному сараю, покатав крыша которого виднелась из-за донельзя разросшихся яблоневых деревьев. – Но это не всегда к добру. Даже вожак должен иногда подчиняться словам мудрой волчицы».

«Вожак вообще много чего должен, – вздохнула я, подходя к сараю, и, дернув за кованое кольцо, с трудом открыла разбухшую от сырости дверь. – Плохо то, что ему часто приходится забывать о себе».

«Чем сильнее вожак, тем чаще ему приходится защищать свою стаю. – Подлунный лизнул мою ладонь, наблюдая за тем, как его братья и сестра по одному спокойно проходят в довольно теплый сарай и устраиваются на охапках соломы, наваленных на земляной пол. – Мы позаботимся о себе, а тебе надо идти к своему подкидышу».

«Ветер бы тебе ухо оторвал, если бы услышал, как ты его называешь», – улыбнулась я, присаживаясь на корточки рядом с волком и обнимая его за шею.

Подлунный довольно заворчал, лизнул меня напоследок в щеку и скрылся за дверью сарая, которую Ланнан почти сразу прикрыла и, как мне показалось, с трудом удержалась, чтобы не подпереть ее тяжелым дубовым брусом, прислоненным к потемневшей от времени бревенчатой стене.

Под моим задумчивым взглядом дриада поплотнее запахнулась в плащ и пробурчала что-то насчет того, что стоило бы побыстрее оказаться в тепле, если я не хочу, чтобы количество больных удвоилось. Спорить я не стала – только ускорила шаг, идя через оголившийся по осени яблоневый сад к широкому крыльцу знахаркиного дома.

Элия действительно оказалась знахаркой опытной и довольно сноровистой – пока мы с Ланнан устраивали волков на постой, женщина уже успела уложить Ветра в постель в дальней комнате и сейчас кипятила воду в небольшом котелке над огнем. Увидев меня, она улыбнулась, откладывая в сторону только что перебранный травяной сбор.

– Вовремя вы ко мне пришли, деточка. Еще немного, и вконец бы братишка твой расхворался, тогда надолго бы слег. А так через пару дней будет здоров и весел.

– Да уж, простудиться поздней осенью – дело нехитрое. – Я под села на лавку поближе к Элии, принимая из рук знахарки горячий мятный отвар с кленовым сахаром.

– И чего вас понесло путешествовать в такую погоду? – Женщина улыбнулась, пододвигая ко мне блюдо с пирожками.

Я взяла один – оказался с брусничным вареньем, свежий, еще даже остыть толком не

успел.

– К наставнику моему едем.

– Видать, очень дело срочное, раз ринулись в самую непогоду, – покачала головой Элия, прихлебывая из глиняной узорчатой кружки мятный отвар. – Нет бы Излома осени дождались, когда уже все уляжется, тогда бы первым заморозками и по дорогам ехать легче – по ледку да снегу лучше, чем по раскисшей грязи...

– Именно что, – вздохнула я, грея озябшие ладони о глиняные стенки кружки. – Элия, а скажи, пожалуйста, что тут за странный мужик по деревне шатается, с посохом? Здоровый такой...

– Это который на шею амулеты из птичьих перьев и лягушачьих черепушек вешает? – вдруг звонко рассмеялась знахарка, едва не выронив недоеденный пирожок с земляничным вареньем. – Только не говори, что он и вам по пути встретился!

– Нет, хуже. – Я улыбнулась. – Мы с ним у ворот столкнулись. Кажется, я, когда отодвигала брус, уронила его в лужу рядом с ним. По крайней мере, ругался он громко и поучать еще пытался.

– Поучать-то он умеет, – усмехнулась Элия. – Только не зря у нас Анисима-ведуна Юродивым кличут. Посмотрела бы ты на его «рецепты», которые он выдает местным умеющим читать и писать крестьянам. Их мне поначалу приносили – удостовериться, действительно ли надо такую глупость делать, чтобы вылечиться или получить желаемое, а я себе на память оставляла. Не знаю, где он такие «рецепты» набрал, подозреваю, что сам придумал... или нашел книгу о суевериях и решил, что это пособие по врачеванию.

Тихонько скрипнула дверь, ведущая в небольшую комнатку, которую Элия отвела нам с Ланнан, и в горнице показалась дриада, заинтересованно прислушивающаяся к рассказу знахарки. Ту, впрочем, увеличение числа слушателей нимало не смутило – она только улыбнулась и зачем-то подошла к небольшой книжной полке, выуживая запиханную между потрепанными книжками довольно пухлую пачку пергаментных листков отвратительного качества.

– Моя коллекция, – усмехнулась Элия, кладя листки на столешницу передо мной. – Если интересно, ознакомься. Некоторые рекомендации просто поражают в самое сердце своей, так сказать, оригинальностью.

Дриада под села ко мне поближе, и мы с ней вместе стали перебирать желтоватые листки, исписанные неровным, корявым почерком, пытаюсь разобрать написанное. Честно говоря, когда я осмыслила текст, накарябанный на выуженном наугад из пачки пергаменте, меня разобрал нервный смех, плавно перетекающий в почти истерический хохот. На первый взгляд казалось – простенький заговор, вроде бы кое-где даже распространенный, но то, что Анисимом приписывалось как обязательное к исполнению, вызывало один-единственный вопрос: неужто это кто-то соблюдал?!

Ланнан заглянула в листок, который я едва удерживала в подрагивающих от смеха руках, и довольно присвистнула:

– Экий Анисим затейник-то оказался! Заговор – ерунда ерундой, но вот обряд, который следовало бы пройти... Интересно, сам придумал или списал у кого? – Дриада вытащила из моих пальцев пергамент и принялась зачитывать вслух. Н-да, ей бы указы государя озвучивать. – Итак, первая рекомендация: «О, безвинно страдающая...» Хм, становится понятно, для чего это все придумывалось.

– Подтверждаю, последнюю дырку в женской бане еще летом закрыли тяжелой доской. – Элия сняла с огня котелок и отставила в сторонку, давая мятному отвару подостыть и настояться. – Бабы жаловались, что дует, да и жара меньше становится.

– Вот и результат – рекомендация номер раз. «Выйти на ранней заре во чисто поле нагишом»...

– Да-да, так и рисуется мирная картина. – Знахарка под села к нам поближе, расплетая длинную с проседью косу. – Раннее утро, птицы еще спят, над единственным на всю деревню ржаным полем медленно и величаво стелется прохладный туман...

– Тогда уж ледяной – дело-то и осенью может быть, и ранней весной, – вставила я.

– Не принципиально, – отмахнулась Элия, продолжая вдохновенно расписывать красоты местного края. – Так вот, в поле тишь да гладь... ни одной дуры не видать – и тут появляется одна такая. Голая, воровато оглядывающаяся по сторонам и сжимающая в руках заветную бумажку с «ключом к исцелению». Ланнан, что там дальше надо сделать?

– Три раза на овсе перекувырнуться, – охотно подсказала едва сдерживающая смех дриада. Мне-то что, я и так уже полулежала на столешнице, представляя себе эту мирную картину в Бобруйских Хатках.

– А, тогда баба еще и охапкой овса прикрывается, поскольку на ржаном поле взять овес неоткуда, кроме как с собой принести. Будем считать, что кое-как она эту скромную охапку расстелила как-нибудь, и ей предстоит следующая задача – три раза перекувырнуться через голову так, чтобы попасть на разложенный овес, – знахарка выудила простенький деревянный гребень из кармашка на переднике и принялась расчесывать длинные пряди. – Будем считать, что ей это удалось и никто не пострадал, за исключением вытопанной ржи в середине поля. Дальше-то чего?

– Сорвать охапку примятых овсяных колосьев... – хихикнула Ланнан.

Я попыталась понять логику человека, предлагавшего рвать овес на ржаном поле, но вскоре оставила это безнадежное занятие. Быть может, он надеялся на то, что где-нибудь ближе к краю кто-то случайно просыпал немного овса на хорошо удобренную землю.

– На ржаном поле. Прелестно. И?

– Обтереться ими полностью и подвесить на дереве.

– Автора рецепта? – все-таки не удержалась я.

Ланнан с преувеличенной серьезностью пробежалась взглядом по кривоватым строчкам.

– Если бы. По тексту выходит, что вешать на дереве надо овес, сорванный на ржаном поле.

– Элия, а у вас поблизости делянки с дурман-травой точно не водятся? А то похоже, что Анисим туда регулярно наведывается... Фантазию неумную подпитывает. – Я наконец-то отсмеялась, отодвигая стопку «шедевров» и выпрямляясь на лавке.

– Хочешь сходить туда же? – хмыкнула знахарка, начиная переплетать косу заново. У меня на это ушло бы полчаса, а Элия плела пушистые, вьющиеся волосы не глядя – и коса выходила ровная, аккуратная, как пшеничный колосок.

– Не-е, пусть он эту болотную траву сам курит. Главное, чтобы ни с кем ею не делился, а то жить страшно будет...

– И не говори, – улыбнулась Ланнан, аккуратно складывая разъехавшуюся в который раз стопочку «рецептов» и пододвинула ее поближе к Элии. – Как вы с Анисимом этим уживаетесь в одной деревне? Небось возмущается, что ты у него болящих отваживаешь?

– Первое время пробовал, но потом понял, что лучше не пытаться стать самой большой лягушкой на этом маленьком болоте, потому как отвечать в случае чего придется в полной мере. Да и муж мой в тот год меня навещать приезжал... а с ним даже Дикой Охоте считаться приходится, – вздохнула Элия, поднимаясь с лавки и убирая «рецепты» на книжную полку.

– Твой муж такой сильный волхв? – удивилась дриада, беря с глиняного блюда пирожок. – Тогда почему ты живешь здесь?

– Он не совсем волхв. – Женщина тепло улыбнулась, глядя на пляшущее в печи пламя и доставая с верхней полки огарок свечи. – Он тот, кто защищает, вот и все. Наши дети уже давно выросли и бродят по свету, как и их отец когда-то в молодости, а мне захотелось пожить в тихом месте... подумать... отдохнуть наконец. В надежде дожидаться того дня, когда мой муж перестанет принадлежать всему миру... и останется только моим.

Элия подошла к окну, единственному во всем доме, которое закрывали не ставни, а тонкие пластинки прозрачного горного хрусталя, и поставила зажженную свечу на широкий подоконник. Погладила кончиками пальцев холодное стекло.

– Каждый вечер я жду его возвращения... и оставляю для него горящую свечу на подоконнике, чтобы было легче найти дорогу домой. Чтобы он знал – здесь его по-прежнему любят и ждут. Как и много лет назад... Я надеюсь, что он все-таки вспомнит обо мне, когда его долг перед миром будет выполнен, а до тех пор я буду жить здесь. Он всегда возвращается, и какая разница, что иногда между встречами пролетают годы – я знаю, что когда-нибудь он вернется, чтобы больше не уходить.

– А если... если ты его не дождешься? – тихонько спросила я, забыв о глиняной кружке, почти обжигающей ладонь. – Или он вернется слишком поздно?

Немолодая знахарка только улыбнулась, внимательно глядя мне в глаза, и я поняла – дождется. И муж ее вернется, несмотря ни на что. Даже если это произойдет тогда, когда оба будут уже стариками, но смерть они встретят вместе... так, будто бы никогда и не разлучались. Потому что птица не летает с одним крылом – их обязательно должно быть два.

Невольно я подумала – а стала бы я ждать Данте, если бы случилось так, что мир требовал бы от него большего внимания, чем собственная жена и дети? Если бы мне пришлось коротать годы в затерянной посреди леса избушке, каждый вечер зажигать свечу у окна, с трепетом ожидая – не застучат ли по утоптанной тропе конские копыта? Не заскрипят ли доски на старом, добротном крыльце, не стукнет ли входная дверь, впуская в домашнее тепло столь давно ожидаемого хозяина? Сумела бы я сохранить такую же беззаветную веру в его возвращение, как Элия?

Не знаю.

Но не могу сказать, что не попыталась бы. Пока есть ради чего бороться, есть кого ждать у окна...

Есть кого любить.

Мои размышления прервал резкий, отрывистый стук в дверь. Мы с Элией одновременно вздрогнули, когда стук повторился и послышался приглушенный, подозрительно знакомый мне мужской голос, в котором командные нотки непостижимым образом смешивались с просительными интонациями:

– Хозяюшка,пусти усталого путника! Тут снег с дождем, да и холодно, сжался, сделай милость.

– И кого еще принесло в такую погоду? – вздохнула знахарка, исчезая в сенях.

Я встала с лавки, направляясь следом, и почти не удивилась, когда на пороге обнаружился Ладислав, отряхивающий присыпанный быстро тающим снегом добротный плащ.

Значит... не ошиблась.

Жаль.

Сиреневые глаза некроманта нехорошо блеснули, когда он увидел меня, и Ладислав слегка поклонился, убирая с лица намокшие пряди волос так, чтобы в неярком свете небольшого фонаря в сенях я могла разглядеть белесый шрам на виске.

– Долг платежом красен, не так ли, ведунья? А уж долг крови тем более. – Он склонил голову, прижимая правую руку к груди. – Принимай должника, ведунья Еваника. – Некромант поднял на меня усталые, покрасневшие от недосыпа глаза и неприятно улыбнулся. – Теперь мне за тобой следовать до выполнения обязательства или смерти. Похоже, в моих же интересах надеяться, чтобы тебя побыстрее прокляли.

– Не переживай, – усмехнулась я в ответ. – Судя по всему, убьют меня гораздо раньше.

– Даже не надейся. – Я обернулась и увидела Данте, сидящего на нижней ступеньке лестницы как раз напротив сеней. Аватар задумчиво подпирал подбородок ладонью и оценивающе рассматривал незваного гостя, все еще стоявшего в дверях. – Сначала им придется обойти меня.

– Или меня. – Ладислав шагнул ко мне, обведя ладонью контуры моей головы, словно ощупывая что-то. Запоминает мой магический «след», чтобы следовать за мной, если я не приму его в нашу компанию. Значит, справедливо оценивает свои шансы. – Я не знаю, что удерживает рядом с Еваникой такого... – он замялся, словно подбирая слово, – человека, как

ты. Но по какой бы причине ты ни пытался защищать ее, я сделаю это лучше. Хотя бы потому, что моя жизнь и существование в посмертии напрямую зависят от ее жизни. К сожалению.

– Настолько уверен? – Выражение лица Данте не изменилось, но белки глаз едва заметно потемнели. Не могу не согласиться – некромант в компании меня тоже не особенно радует, а «долг крови» вообще вещь малоприятная для обеих сторон этого магического «договора».

– Бросать слова на ветер – удел низших созданий.

Вот и пообщались. Надеюсь, что хотя бы не подерутся.

– Молодой человек, – вздохнула Элия, подхватывая Ладислава под локоток и ловко разворачивая его лицом к выходу, – кров вы сможете найти в доме старосты, это через два дома на соседней улице, особенно если присовокупите к вежливым просьбам серебряную монетку, но у меня вам делать нечего. Поэтому без обид, но вам лучше уйти. За вашей... хм... за Еваникой я присмотрю. Да и не я одна.

Не подерутся. Отдельное спасибо знахарке.

Некромант, как ни странно, послушно распахнул дверь, впуская в нагретые сени холодный ветер и промозглую сырость, и, уже стоя на пороге, обернулся, внимательно разглядывая Элию чуть светящимися сиреневыми глазами.

– На вас великолепная защита. И очень серьезная «подпись». – Перевел взгляд на меня, едва заметно улыбнулся. – Держись поближе к этой женщине, пока ты здесь, и я буду почти спокоен за твою... сохранность.

Ладислав даже дверью не хлопнул, исчезая в сумерках последнего дня листопада месяца, а я только криво улыбнулась в ответ на вопросительный взгляд Элии. Ну что я могла сказать?

– Мне надо спрашивать, когда именно ты успела оказать настолько серьезную услугу некроманту, что он увязался за тобой от самого Ижена, или сама расскажешь? – негромко поинтересовался Данте, машинально теребя кончиками пальцев витой корешок на прочной зеленоватой веревочке.

Я невольно проследила взглядом за его рукой, за тем, как он поглаживал амулет – и покраснела, наткнувшись на его понимающий взгляд. Похоже, это мне напоминание о предоставленном выборе. Так и хочется завопить – ну почему сейчас?! Не в Андарионе, не в Серебряном Лесу, а сейчас, когда и времени в обрез, и с обстоятельствами не очень-то везет?!

– По-моему, ты и так все прекрасно знаешь.

– Может, и знаю, но всегда приятнее, когда ты сама рассказываешь. Кстати, ты просила нашу хозяйшку осмотреть твою руку? – Он поднялся одним плавным движением и подошел ко мне. – Так я и знал, что забыла. Уважаемая Элия, не посмотрите ли?

– Ну-ка подойди к свету.

Знахарка цепко ухватила меня за рукав шерстяной рубашки и подтащила обратно к столу, где Ланнан, успевшая сдвинуть в сторону блюдо с пирожками, помогла расшнуровать тесемки на рукаве. Я щелкнула пальцами, и над моей головой закружился белесый огонек, по размерам и поведению напоминающий светлячка, случайно угодившего в кувшин с брагой – он почему-то не желал спокойно висеть на месте, а плавно перемещался над моей головой, то затухая почти полностью, то разгораясь так, что глазам больно делалось.

– Ев, ты меня беспокоишь, – вздохнула дриада, создавая более спокойного светлячка бледно-золотистого цвета, который неподвижно завис над столом. Мой почти сразу же пропал; оно и к лучшему. – Отдыхать надо больше и чаще, а не раз в неделю по большому одолжению.

– Жизнь такая, что теперь поделать, – вздохнула я, наблюдая, как Элия разматывает чисто символическую повязку, пропитанную заживляющим снадобьем.

Знахарка осторожно ощупала едва-едва затянувшийся шрам, резко выделяющийся на бледной коже багровым пятном, и вздохнула:

– Головы бы вам, магам, поотрывать. За то, что лечите непонятно как, а в результате имеем вот такое.

– Как умели, так и лечили, – обиженно пробормотала Ланнан. – Хуже, по крайней мере, не стало.

– Оно и заметно, что никак не умели. – Элия оставила в покое мою руку и принялась перебирать расставленные на широком подоконнике берестяные коробочки. – Я теперь разве что могу попробовать шрам свести, ну еще дать снадобье, которое поможет уменьшить боль. Ведь болит от сырости и холода?

Я только кивнула. Знахарка вздохнула, вытаскивая из стоящей на широком подоконнике берестяной шкатулки маленькую плетеную коробочку, в которой оказалась странная зеленовато-желтая мазь с горьковатым полынным запахом.

– Вот. Будешь смазывать след от раны каждый вечер. Не обещаю, что шрам сойдет совсем, но незаметнее станет. Если будет сильно ныть, намазывай погуще и укутывай потеплее. – Элия покачала головой, осторожными движениями смазывая стянутую кожу на месте укуса подмышки, след от которого до сих пор выглядел воспаленно-красным и, чуть что, так и норовил разойтись.

Когда травяная мазь густым слоем легла на грубый полузаживший шрам, руку от локтя до кончиков пальцев прострелило резкой болью, да так, что я не удержалась и зашипела, дернула плечом и неосознанно попыталась стереть жгучее снадобье о край столешницы. Хорошо, что Данте, оказавшийся рядом и удержавший мою руку словно тисками, не дал это сделать, а то растравила бы рану до крови.

– Тише, деточка, тише, – бормотала Элия, рассматривая пульсирующий, подергивающийся шрам. – Похоже, укус был глубокий, но заживает он неплохо. Могло быть гораздо хуже. Кто тебя так?

– Подмышку, – выдохнула я, все еще кривясь от медленно проходящей боли, которая сменялась приятной прохладой, а не обычным оцепенением, наступающим после магического обезболивания. – Не сошлись во мнениях.

– Думаю, что эту историю ты мне расскажешь завтра, а сейчас иди-ка ты спать, утро вечера мудренее. На сегодня с тебя уже достаточно, и так глаза слипаются.

Знахарка сноровисто наложила повязку, заставила меня выпить какой-то горьковатый, вяжущий настой и отправила спать. Дриада увязалась за мной следом, помогая аккуратно снять лоскутное покрывало с узкой кровати и разыскать в сумке теплую рубашку.

– Ев, прости. – Ланнан провела ладонью над рубашкой, согревая ее волшебством. – Если бы я не полагалась настолько на свою магию, то сейчас рука у тебя была бы гораздо лучше. Ведь ты айранит, у тебя регенерация такая, что ты могла бы сама заживить эту рану за неделю-другую.

– Не путай меня с Данте, – вздохнула я, переодеваясь в нагретую сорочку и стараясь лишний раз не задевать горящую огнем руку. – Это он подобные раны заживает за считанные дни, мне такой фокус пока что не удастся. И вряд ли удастся.

– Между вами такая разница? – изумленно пробормотала дриада, складывая мои вещи на стуле у изголовья кровати и садясь на лавку напротив. – Я почему-то думала, что айранитам медицинская помощь требуется лишь в крайних случаях, обычно их тело справляется с подобными ранениями само, и зачастую бесследно.

– Полукровки есть везде, – улыбнулась я, забираясь под одеяло и прикрывая глаза в надежде, что снотворное, которое дала мне Элия, все-таки подействует и я хотя бы смогу забыться до утра.

Ох если бы...

Заснуть у меня так толком и не вышло. Крутились в голове совершенно ненужные мысли, как белки в колесе, не останавливаясь ни на минуту. Я лежала лицом к стене, сетовала на чересчур слабое зелье знахарки и злилась. На себя за то, что не усмотрела за не в меру шустрым Ветром, да и на самого паренька тоже – за то, что не обратился за помощью раньше, занимаясь самолечением. Дриаде досталось за то, что сует нос не в свое дело и

вообще непонятно зачем навязалась, Ладиславу – за наглость и прилипчивость. Но традиционно больше всех перепало Данте, который не мог раньше дать мне возможность выбирать, особенно сейчас, когда времени в обрез, а уединения в пути, почитай, никакого нет. А когда есть – то уже сил никаких не остается. До кровати бы добраться и рухнуть на матрас, забываясь сном без сновидений. А сейчас даже заснуть не получается.

Интересно, он сейчас тоже не спит и смотрит в потолок, думает, решусь ли я сделать первый шаг навстречу ему, или же видит свои странные сны, в которых по большей части – небо и свобода от оков долга?

Я не выдержала – откинула одеяло и, спустив босые ноги на прохладные доски пола, бесшумно прокралась к двери спальни, надеясь, что крепко спящая дриада не станет поднимать шум на весь дом, внезапно проснувшись посреди ночи и не обнаружив меня в кровати. Вроде обошлось, по крайней мере, дриада не стала интересоваться, куда я направилась, а большего мне и не требовалось.

По узкой скрипучей лесенке, ведущей на второй этаж, куда Элия отправила на ночлег Данте, я поднималась, едва дыша и заранее зная, что чуткий слух аватара уже уловил мои тихие шаги. Ведущий Крыла еще толком не проснулся, но наверняка насторожился, и хорошо, если не станет вставать и разбираться, кого же принесло к нему поздней ночью. Я тихонечко приоткрыла незапертую дверь и заглянула в небольшую, насквозь пропахшую душистыми травами темную комнатку.

– И почему тебе на этот раз не спится?

От негромкого, спокойного голоса Данте я вздрогнула и едва не попятилась, но потом вспомнила, зачем я сюда вообще пришла... и шагнула в комнату, плотно прикрывая за собой дверь.

Стук огнива, крошечный лепесток пламени свечи, стоящей рядом с набитым душистыми травами матрасом, служившим аватару постелью, обрисовал зыбкими оранжевыми отблесками руку на рукояти меча, плечо и пряди длинных волос, почти занавесивших лицо. Все остальное скрывалось в густом сумраке комнаты. Данте убрал ладонь с клинка и медленно приподнялся, опираясь на локоть.

– Ты сделала свой выбор? – Его глаза искорками сверкали из-за волос, и нельзя было сказать, человеческие ли они сейчас.

Я глубоко вздохнула, с трудом припоминая какие-то правильные в таких случаях слова, но... краткость – сестра таланта, поэтому я просто ответила:

– Да.

Вот так все просто – сделать несколько неуверенных шагов к его ложу, чтобы зыбкий золотисто-оранжевый свет свечи выхватил из темноты край моей короткой мужской рубашки и оголенные, порядком замерзшие от стояния на холодном полу ноги.

Данте поднялся с кровати одним плавным движением, откладывая меч куда-то в сторону. На какое-то мгновение мне показалось, что он встанет передо мной на колени, как делал всегда, признавая свою вину... или давая клятву, но аватар заключил меня в объятия, едва ощутимо скользя кончиками пальцев по ткани сорочки.

– И будь что будет... – Он все-таки склонился передо мной в поклоне, и мне послышалось «моя королева», но тут Данте прижал меня к себе, резко, порывисто, зарываясь лицом в мои коротко стриженные волосы.

Время для слов осталось где-то позади, все-таки когда-то мы говорили слишком много и сказали достаточно лишнего и ненужного, а вот сделать – не решались. Да и зачем нужны слова, если хватает всего лишь взгляда, чтобы все осознать и уже не стремиться сделать шаг назад.

Он прав. Будь что будет... думать, решать проблемы и сожалеть я стану завтра. Хотя нет... сожаление осталось где-то позади. В какой-то другой жизни, где я для него – лишь королева, а он мой Ведущий Крыла, мой щит и меч, мой палач и обережник.

Я первая потянулась к нему в поцелуй, а он подхватил меня на руки, бережно укладывая на приятно пахнущий сушеными травами и почему-то сосновой хвоей матрас.

Данте улыбнулся, и в его глазах дважды отразился зыбкий язычок пламени свечи.

– Я больше не хочу тебя отпускать...

Можно подумать, я хочу.

Аватар скользнул кончиками пальцев вдоль моего тела, и я невольно сжалась, попыталась перехватить его руку, а Данте только мягко улыбнулся, поднося мою ладонь к губам.

– Ты меня боишься. – Не вопрос, а утверждение. Я даже спорить не стала – к чему, спрашивается, если он знает меня лучше, чем кто-либо еще, за исключением разве что Лексея Вестникова. – Не нужно меня бояться. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

– Знаю...

– Но не веришь. – Он улыбнулся чуть шире, скользнул губами по моему запястью. – Надо тебе помочь-поверить в меня. И в тот шаг, который ты сделала.

Я незаметно щелкнула пальцами, и лепесток пламени пугливо пригнулся к фитилю порядком оплившей свечи, а потом и вовсе погас, оставив нас с Данте в густом сумраке небольшой комнатки под самой крышей. Снаружи капли дождя мерно барабанили по наглухо закрытым ставням, ветер то и дело принимался завывать в печной трубе... а я лежала на матрасе, расслабляясь под прикосновениями аватара, то едва ощутимыми, то почти жесткими. В какой-то момент моя рубашка очутилась где-то на полу, а Данте навис надо мной, щекоча мне лицо и шею длинными прядями распущенных волос...

Хлопнула входная дверь на первом этаже, чей-то срывающийся голос что-то быстро говорил Элии, а она в ответ коротко задавала вопросы. Застучали горшочки на подоконнике – наверняка Элия искала какое-то снадобье... или же собирала свою знахарскую сумку, чтобы идти помогать тяжелобольному. Данте тяжело вздохнул, утыкаясь лицом мне в шею, и тихо пробормотал: «Только бы тебя это не касалось», как мы услышали скрип ступенек – кто-то торопливо поднимался на второй этаж. Я успела простонать что-то вроде: «Ну почему именно сейчас?!», когда дверь в комнату распахнулась и на пороге возникла встрепанная Ланнан.

– Данте, ты не знаешь, где Ева? Элии нужна ее помощь, причем срочно!

– Он знает, – мрачно отозвалась я, садясь на матрасе и нашаривая в темноте отброшенную на пол сорочку.

Дриада приглушенно ойкнула, а аватар, закрывший меня собой от взгляда Ланнан, спокойно поинтересовался:

– Без Еваники Элия точно обойтись не может?

– Не уверена, – смущенно пробормотала девушка. – Она очень просила ее разыскать. Ев, там у молодой женщины с соседней улицы родовые схватки начались. Элия боится, что она сама разродиться не сможет – муж у нее кузнец, здоровый такой, крупный мужчина, женщина худенькая совсем, а ребенок, похоже, пошел в отца. Ты лучше меня кровь затворяешь, если что-то не так пойдет, я же мало чего понимаю в том, как лечить людей! А может понадобится магия, ведь травы Элии не всеильны.

– Как и мое колдовство. – Я на миг уткнулась лбом в обнаженное плечо аватара, мазнула губами по его щеке и, поднявшись с матраса, направилась к выходу.

У нас еще есть время. Не только эта ночь... но и следующая. Честное слово, я уже жалела, что не заперла дверь на магический засов, но, видимо, нам с Данте придется подождать еще немного.

Не страшно.

В следующий раз я заставлю подождать весь мир вокруг нас.

## ГЛАВА 10

Когда мы вместе с Ланнан в сопровождении мальчишки, прибежавшего за Элией, добрались до бани, куда перенесли роженицу, то застали странную картину – мощная, дородная баба устрашающих размеров с поддержкой в лице ведуна Анисима не давали

знахарке пройти к женщине, приглушенные стоны которой слышались из-за приоткрытой двери. Хорошо поставленный голос бабищи почти полностью перекрывал все прочие звуки, да так успешно, что часть ее вдохновенного монолога я услышала, находясь на другом конце улицы.

– Сколько повторять тебе, глупая женщина, не верующая в покровительство богини Рожаны! Естественное материнство – это самое главное, и никакой твоей помощи будущей матери не требуется! Своим знахарским вмешательством в процесс родов ты нарушаешь тонкую связь, возникающую между матерью и ребенком! Та женщина сама должна произвести ребенка на свет, а я помогу ей в этом деле! – Тетка явно повторяла заученные слова. Ничем другим объяснить столь правильно построенную «проповедь» я не могла.

– Да она ж вовсе не разродится, с таким-то подходом! – рывкнула Элия, пытаясь оттолкнуть дородную тетку, грудью вставшую на защиту «естественного материнства». Всевышний... И откуда только такие «лекарки» берутся? Из ближайшего города, что ли, приехала? Или, что еще хуже, обучалась у какой-то образованной, но стукнутой на голову повивальной бабки, иначе откуда взялась бы «проповедь», призванная повергать в трепет малограмотных крестьян и запугивать молодых матерей?

– Не тебе судить, – вмешался в спор Анисим, оттесняя знахарку за порог, но не торопясь выбираться на промозглый холод из хорошо натопленного предбанника. – Сказано тебе – иди своей дорогой, тут и без тебя есть кому помочь.

Элия выругалась сквозь зубы, из бани раздался полный боли женский крик, а тетка, проповедующая культ богини Рожаны, обернулась через плечо.

– Веруй в Рожану, и дитя легко покинет твое чрево! – отозвалась она, после чего собралась продолжить дискуссию с приютившей нас знахаркой, когда дриада дернула меня за рукав.

– Ев, надо что-то делать, иначе будет плохо.

– Надо, а что? – Я подошла ближе к спорщикам. – Не боевыми ж заклинаниями их разгонять, право слово.

– А может, и стоило бы, – хмыкнула Ланнан и, повысив голос, обратилась к заслоняющим вход в баню «лекарям»: – Уважаемые-е-е! А не могли бы вы немного помолчать и отойти в сторонку, раз помогать ничем не хотите?

«Лекари» на несколько секунд удивленно замолчали, видимо не ожидая такой наглости от прохожих, но потом Анисим, присмотревшись, торжествующе завопил, указывая на нас слегка подрагивающим перстом:

– Я так и знал, что вы заодно с ней! Недоучки! Вам тут вообще делать нечего! Идите своей дорогой, да и женщину эту бесноватую прихватите!

– Это ту, что орет про культ Рожаны? – поинтересовалась я, зажигая в ладонях плотный золотисто-зеленый клубок, плюющийся яркими хвостатыми искрами в направлении оппонентов. – Так это мы мигом. Вы бы, коллега, посторонились, а то задену ненароком.

Анисим попятился, а дородная тетка на пороге взвыла хуже, чем разбуженная посреди бела дня нежить, когда все мигом прекратилось. Служительница Рожаны замолчала, безмолвно раскрывая и закрывая рот, как выброшенная на берег рыба, и хватаясь обеими руками за стремительно распухающее, багровеющее на глазах горло, а ведун кубарем скатился с порога на размытую дождем дорогу, держась за живот.

– Теперь тут хотя бы потише будет, – раздался у меня за спиной спокойный голос Ладислава, и некромант, появившийся неведь откуда, неторопливо прошел к порогу бани, отталкивая с крыльца едва дышащую дородную тетку. Обернулся к нам: – А вы что стоите? Вас помогать звали, а не меня.

Первой опомнилась Элия. Она скользнула в прогретую баню к непрерывно кричащей женщине, а Ладислав терпеливо ждал нас в предбаннике, не торопясь закрывать дверь.

– Чего стоим? Кого ждем?

Я вздрогнула и устремилась за Элией, обходя тихонько постанывающего Анисима, пытающегося уползти в хилый бурьян в сторонке, и тупо держащуюся за горло

служительницу.

– Ладислав, что ты с ними сделал?

Маг посмотрел на меня с таким непередаваемым выражением лица, что я уже пожалела, что спросила.

– То, что следовало бы сделать тебе. Убрал с дороги.

– Но с ними... все будет в порядке?

– Зная твоё чистоплюйство... – Ладислав вздохнул, буквально за шиворот втаскивая меня в темный предбанник, куда уже зашла Ланнан, и захлопывая дверь. – Истеричка помучается с сильнейшим воспалением голосовых связок пару недель, зато потом орать так громко и уверенно уже никогда не сможет. А так называемый «ведун», – некромант поморщился и потянул меня за собой в баню, – посидит в отхожем месте... не очень долго. Если хватит ума, то больше к вам цепляться не будет. Не хватит – объясню еще раз, просто и доступно, почему этого делать не стоит. Но мое второе предупреждение не всякий дурак переживет, так что...

Ладислав немного хищно улыбнулся, сверкнув в полумраке сиреневыми отблесками в глубине зрачков, и почти втолкнул меня туда, где Элия и дриада уже хлопотали вокруг лежащей на широкой банной полке худенькой женщины с кажущимся огромным животом.

Я никогда не принимала роды, но даже моих довольно скудных познаний в этой области хватало, чтобы понять – дела идут плохо. Элия в спешке доставала из знахарской сумки какие-то настои, мази, Ланнан сидела у ног роженицы со стопкой чистых полотенец, осторожно оглаживая ее огромный живот едва-едва светящейся ладонью, отчего красное, потное лицо женщины, искаженное болью, немного расслабилось и перестало отражать муку, невольно навевавшую мысль об убийстве из сострадания.

– Ну чего ты встала? – Ладислав подтолкнул меня к роженице и сам подошел ближе, обращаясь к Элии: – Насколько я понимаю, все хуже некуда, так?

Знахарка на миг отвлеклась, продолжая капать в чашку с водой содержимое темно-зеленой бутылочки, но выяснять, что забыл некромант рядом с рожаящей женщиной, не стала.

– Ребенок слишком крупный. Либо он выживет сам, но убьет свою мать появлением на свет, либо выживет только женщина. Я не сумею спасти обоих...

– Я сумею, – спокойно сказал Ладислав, отстраняя Ланнан и ощупывая напряженный живот роженицы чуткими, тонкими пальцами. – Конечно, если мне не будут мешать. Еваника, иди сюда.

Я подошла на подрагивающих ногах, не в силах оторвать взгляда от быстро набухающего кровью полотенца, подложенного под рожаящую женщину. Да чтобы я... так же... да ни за что...

– Еваника, на меня смотри! – вдруг рывкнул некромант, встряхивая меня за шиворот. Кажется, рубашка слегка треснула, зато я немного пришла в себя. – Мне нужна твоя магия. Если можешь быть полезной, оставайся, нет – проваливай отсюда. Но в последнем случае я вряд ли сумею помочь этой женщине, и ее смерть будет на твоей совести. Поняла меня?

Я кивнула.

– Не слышу тебя!

– Да поняла я, поняла!

– Вот уже лучше, – мягко улыбнулся Ладислав, кладя ладонь на потный лоб женщины. Повеяло холодом, а роженица вдруг бессильно обмякла на лавке.

– Ты что сделал?! – ахнула Элия, машинально хватаясь за безвольную тонкую руку женщины, словно ища пульс.

– Она без сознания. Или ты бы предпочла, чтобы она и дальше чувствовала боль?

Некромант откинул полу куртки и, пробежавшись ладонью по широкому кожаному поясу, достал длинный тонкий нож, каким с одинаковым успехом можно как бриться, так и снимать кожу, и небольшую плоскую бутылочку с плотно закрывающейся пробкой.

– Ева, засучивай рукава и подставляй ладони, – скомандовал он, вытаскивая пробку

зубами.

Я послушалась, сбросила кафтан на пол и, быстро подвернув длинные рукава рубашки, подставила ладони, сложенные лодочкой, под тоненькую струйку густой янтарной жидкости, пахнувшей прелой листвой. Ладислав капнул еще несколько капель на лезвие ножа и, отдав бутылочку Элии, сплюнул пробку на пол и передал нож Ланнан. – Как только жидкость растечется по лезвию, вернешь обратно. Еваника, растирай побыстрее эту гадость по ее животу и нашим рукам. А то начнет жечь.

Раньше не мог сказать?!

Я принялась размазывать едкую субстанцию, от испарений которой уже слезились глаза, по животу роженицы, стараясь не обращать внимания на бесстыдно задранный, с пятнами крови и еще чего-то подол, чувствуя, что еще немного – и я свалюсь в обморок.

– Еваника, про меня не забудь!

Нет, не свалюсь. Ладислав не позволит. Он не будет деликатно хлопать меня по щекам – сразу на ноги поднимет какой-нибудь дрянью, да так, чтобы даже мысли не возникало о повторном «уходе от темы».

Я поспешила обтереть его руки, мимоходом отметив, что дорогая куртка некроманта уже валяется на полу рядом с моим кафтаном, а рукава тонкой шерстяной рубашки небрежно закатаны. Быстро он. Такое ощущение, что не впервой роды принимает. Или?..

– Знахарка, будешь помогать доставать ребенка, а то от этих девиц толку почти никакого.

С этими словами Ладислав взял нож из рук Ланнан и одним движением вскрыл чрево роженицы. Я отвернулась, не в силах наблюдать за этим и чувствуя себя абсолютно беспомощной. За моей спиной слышалась какая-то возня, некромант спокойным голосом давал какие-то указания, но для меня все было, как в тумане...

До тех пор, пока я не услышала плач ребенка, больше похожий на какой-то срывающийся писк, после чего Ладиславу пришлось рывкнуть на меня, чтобы я срочно заживляла рану. Я машинально обернулась, кладя руки по обе стороны от глубокого разреза на животе женщины, прикрывая глаза и начиная нараспев читать заклинание исцеления. Ладони горели огнем – не то от снадобья некроманта, не то от волшбы, а я старалась полностью сосредоточиться на заживлении глубокой раны, медленно сращивая ткани, мышцы, тратя гораздо больше сил, чем нужно было бы, не просто «склеивая» с помощью магии края разреза, а действительно исцеляя. Так что когда я наконец-то сумела отнять ладони, на животе спавшей глубоким сном женщины лишь багровел тонкий рубец, который непременно пропадет со временем.

Голова закружилась, мне вдруг стало нечем дышать в хорошо протопленной, пропахшей палой листвой и кровью бане, и я, бросив мимолетный взгляд на что-то фиолетовое, пищащее на руках у Элии, выскочила за дверь. Стылый осенний воздух, после прогретой бани показавшийся мне ледяным, взбодрил гораздо лучше, чем ведро холодной колодезной воды, вылитой на голову. Я почти без сил опустилась на крыльцо, прислоняясь гудящим затылком к прохладному дверному косяку и стараясь не касаться ничего липкими, окровавленными руками.

– Тяжело быть ведуньей, да? – Ладислав тоже вышел за порог, вытирая мокрый от пота лоб о не замаранное кровью предплечье. – А ведь хороший маг должен уметь делать все. И лечить, и калечить. Нападать и защищаться. И в случае необходимости поступать жестоко или подло.

– Даже спрашивать не хочу, где ты научился такому способу помощи женщине разрешиться от бремени, – пробормотала я, не открывая глаз и чувствуя, как промозглый холод пробирается под тонкую рубашку, ледяными пальцами оглаживая вспотевшую спину.

– Я могу ответить, если захочешь. – Ладислав присел рядом со мной, и я ощутила на щеке его горячее, как облачко пара, дыхание. – Только вот ответ тебе вряд ли понравится.

– Тогда лучше не говори. – Я открыла глаза и увидела стоящего буквально в двух шагах от порога бани Данте. Когда аватар тут объявился, понятия не имею, ведь поначалу

его тут и в помине не было. Только если он хотел, чтобы его не увидели...

– Надеюсь, вы ей все-таки помогли, – спокойно произнес Данте, подходя ближе и, расстегнув застежку на плотном плаще, набросил его мне на плечи. Вовремя, а то меня уже начинало трясти мелкой дрожью.

– Нет, добились, чтоб не мучалась, – хмыкнул некромант, поднимаясь и протягивая мне липкую от крови руку. – Еваника, да не смотри на меня так, у тебя самой сейчас руки не чище, так что хуже уже не будет.

Я только плечами пожала, цепляясь за его ладонь и кое-как вставая с холодного, сырого порога. Маг едва заметно улыбнулся и потянул меня обратно в баню – там хотя бы недостатка в горячей воде нет, можно отмыть руки от уже подсыхающей крови, да и Элии с Ланнан наверняка понадобится помощь.

– Телохранитель, – Ладислав обернулся к Данте, пошире распахивая дверь, – идем с нами, поможешь отнести женщину домой. Все-таки я свою часть дела сделал и еще надеюсь лечь спать хотя бы до рассвета.

По правде говоря, я надеялась на то же самое, но как только мы, кое-как приведшие себя в порядок, вышли на улицу, то обнаружили новый сюрприз. Анисим, несмотря на заверения Ладислава пришедший в себя гораздо раньше обозначенного срока – видимо, неспроста перстень ведуна носил и что-то все-таки умел, – поджидал нас за дверями бани в компании рослого мужика. Судя по кожаному фартуку, прожженному в нескольких местах, – деревенского кузнеца.

Завидев Данте с укутанной в одеяло роженицей на руках, Анисим завопил как резаный, и Элия, выносившая из бани ребенка, вздрогнула, невольно попятившись.

– А, что я говорил! Умучали они, Вавила, женушку твою своими обрядами чернокнижными! И дите не спасли, и хозяйки по дому тебя лишили! Али не видишь, что несут они ее на кладбище?

– Да замолкни ты, – негромко огрызнулась Элия, покачивая новорожденного на руках. – Ребенка разбудишь своими воплями. Что орешь, как кликуша бесноватая? Живы и мать, и младенец.

– Докажи! – Анисим подался вперед, заглядывая в бледное, измученное лицо спящей глубоким сном женщины. – Да не она это, нежить какая-то!

– А ну посторонись, – вдруг прогудел доселе молчавший кузнец, подходя к Данте и принимая из его рук женщину, кажущуюся невероятно хрупкой по сравнению со своим мужем. Несколько секунд Вавила вглядывался в лицо жены, а потом облегченно выдохнул, заулыбался. – Она это, Маруська моя.

– Кто бы сомневался. – Элия с ребенком на руках подошла поближе к кузнецу и что-то негромко стала говорить ему на ухо, отодвигая уголок одеяльца так, чтобы можно было рассмотреть лицо новорожденного мальчика.

Я отвернулась и, закутавшись поплотнее в плащ Данте, побрела к дому знахарки. Здесь мое присутствие больше не требовалось, и сейчас мне больше всего хотелось упасть на кровать и забыться сном. Так, чтобы не надо было никуда торопиться поутру, чтобы никому срочно не понадобилась ведунья Еваника. Где-то в уголке сознания маячила мысль о том, что больше всего мне сейчас хотелось бы впасть в долгую спячку до самой весны, а то и на несколько лет, и чтобы по пробуждении все встало на свои места, более-менее утряслось – и уже не тревожило душу и сердце.

Но в доме Элии ждет меня заболевший Ветер, в теплом амбаре – разумные волки, где-то в Серебряном Лесу – Ревилиэль, а еще дальше, за горной цепью Гномьего Кряжа – крылатый город-государство Андарион, за которым сейчас ненавязчиво присматривают драконы. Нет, не дадут мне спать до весны. Добудятся, чтобы огоршить с ходу очередной новостью. А жаль.

Уже около самого порога приютившего нас дома меня догнала уставшая, встрепанная дриада, то и дело оглядывающаяся через плечо. На мой немой вопрос она пожала плечами и сказала:

– Анисим этот, Юродивый который, попытался прицепиться к Элии, потом зачем-то тебя нехорошим словом помянул... Как мне кажется, огребет он по самые уши от твоего ручного некроманта, если раньше Данте ему язык не отрежет.

– Данте может, но вряд ли станет. Он другой способ найдет, – вздохнула я, поднимаясь по едва слышно поскрипывающему крыльцу и заходя в теплые, хорошо прогретые сени.

Поскорей бы покинуть эти Бобруйские Хатки. Я не пробыла здесь и дня, а уже хотелось оказаться подальше от извечного холодного тумана, сырости и придурковатого ведуна, считающего себя самой крупной рыбой в этом мелком пруду. Да и время поджимало – до Излома осени меньше недели срока осталась, не опоздать бы. А если к тому времени землю успеет покрыть первый снег, то я вовсе покой потеряю.

Я верю в силу сказанного Слова, иначе не была бы я ведуньей, не призывала бы в ладони свои пламя с помощью заклинания. Но есть Слова, влияющие на мир вокруг нас, те, которые слышит пронизывающая этот мир магия, и иногда случается так, что сказанное в запале, с чувством или просто глубокой верой влияет на происходящее вокруг. Что-то сместилось в окружающем меня мире, когда я по глупости своей потянулась к опасному гаданию, подразнила великую Прядильщицу Судеб – и она вложила в меня Слова о грядущем, те самые, которые невозможно удержать в себе, но, вырвавшись наружу, Слова эти начинают менять мир. Выстраивают цепочку событий, неизменно приводящих к известному результату.

Видимо, я слишком устала, раз думаю, что все то, что я сейчас делаю, бесполезно, что все равно случайности приведут к тому будущему, которого я всеми силами старалась избежать. Будто бы я бегу по тропинкам, сворачивая то вправо, то влево, меняя направление пути, но все равно все эти тропки выведут меня к одной-единственной дороге, с которой мне уже не удастся свернуть.

Или же на меня попросту снизошло просветление откуда-то свыше.

Как бы то ни было... но ощущение жуткой предопределенности ушло, почти позабылось, оставив по себе лишь неприятное покалывание в груди, смутное беспокойство, как после не слишком хорошего сна, который пытаешься вспомнить поутру, и никак не выходит.

Только предчувствие приближающейся беды...

Ладислав проводил взглядом фигурку своей так называемой благодетельницы и едва заметно улыбнулся. Девчонка, конечно, слабенькая еще, но при должной тренировке из нее вышла бы магичка уровня самого Ладислава, если не лучше. Только вот избавиться бы ей от излишней мягкотелости и нежелания причинить ненужный вред ближнему своему. Похоже, что Алексей Вестников хорошо натаскал ее только против нечисти, с людьми-то и прочими разумными созданиями ей явно сложнее. Пока решится кого-нибудь хотя бы пальцем тронуть, ей голову с плеч снесут или глотку перережут.

Может, оно и лучше, что когда-то великий волхв Росского княжества не пожелал взять его, Ладислава, в ученики? Страшно подумать, каким он бы сейчас был – наверняка как эта молодая ведунья, десять раз думал бы перед тем, как действовать, да и на одиннадцатый сомневался бы, и всю жизнь прожил в угоду никому не нужной морали.

Некромант покачал головой, машинально поправляя манжеты на добротной, хорошо выделанной куртке, и с легким удивлением обнаружил, что местный ведун, крупный лысоватый мужчина с кучей дурацких и бесполезных амулетов, не пожелал уходить своей дорогой, несмотря на внятное предупреждение. Видимо, решил, что ничего страшнее несварения желудка с ним не произойдет, а к этой неприятности он уже успел привыкнуть. И откуда возникают такие наглецы, уверенные, что все им сойдет с рук?

Устав препираться со знахаркой Элией, которая попросту игнорировала его попытки доказать, что не стоит ей вообще заниматься целительской практикой, ведун... Анисим, кажется?... решил избрать другую мишень для своей доморощенной критики: Ладислава, как раз собиравшегося вернуться в столь теплый и уютный дом старосты, пустившего его на ночлег, и, возможно, воспользоваться недвусмысленным предложением весьма

привлекательной старостиной дочери.

– А ты думаешь, великий маг, раз сумел проклясть? – Ведун, доведенный до белого каления игнорированием предыдущих участников «дискуссии», решил попытаться взять реванш. Пусть даже с целью всего лишь повысить собственную самооценку.

Ладислав покосился на дорожного мужчину, который был выше его почти на полголовы, и, не размениваясь на споры, спокойно обошел местного юродивого, направляясь к дому старосты, когда брошенная в спину фраза заставила его остановиться:

– Ну покажи, какой ты великий маг на самом деле! Пустышка!

Некромант еле заметно улыбнулся и вздохнул даже с каким-то облегчением. Этот дурак сам решил свою судьбу. Теперь даже своей избавительнице можно будет совершенно честно объяснить, что это «чудо» napросилось само, бросив ему, Ладиславу, вызов на магический поединок, от которого он под угрозой потери своего славного имени совершенно не мог отказаться. Но это придется рассказывать, только если Еваника поинтересуется, куда же делся местный ведун. Но с чего ей подобным интересоваться именно у него, Ладислава? Можно считать, что он оказывает огромную услугу этой деревушке, причем совершенно бесплатно.

Туман вокруг некроманта начал сгущаться, то скручиваясь в тугие спирали, то выпуская в сторону опешившего от такого «представления» Анисима тонкие жгуты щупалец. Призыв духа, питающегося страхом, может быть весьма опасен для новичка, не умеющего владеть собой, поскольку с момента воплощения призываемого существа и до указания конкретной цели каждый, кто испытывает хотя бы толику страха, жертва. Нередки случаи, когда в пути собственных страхов попадал и сам заклинатель, но для Ладислава такие времена остались далеко позади.

Мертвенным, темно-сиреневым огнем брызнуло из глаз некроманта, когда он резко развернулся в сторону бормочущего какие-то малополезные заговоры Анисима и указал на него рукой, вокруг которой туман стремительно уплотнялся. Заблестели в темноте две яркие алые точки, и тварь, поначалу казавшаяся полупрозрачной, медленно двинулась на побелевшего от страха ведуна, все еще надеявшегося на свои амулеты.

И куда же этого юродивого погонит собственный страх?

Дух когда-то умершего почуял легкую добычу и двинулся на нее, опутывая тонкими щупальцами, которые с каждой секундой становились все плотнее, все осязаемее. Правда, только для жертвы – и заклинателя, который может наблюдать со стороны. Некромант даже не шелохнулся, когда Анисим с воплем пробежал мимо него и понесся по улице, размахивая руками и крича что-то об inferнальной твари, вылезшей из преисподней.

Так забавно было наблюдать, как селяне поначалу выбегают из домов или высовываются из окон – полуодетые, сонные, но, не увидев никого, кроме явно спятившего в конце концов ведуна, они бормотали под нос ругательства и убирались с осеннего промозглого холода обратно в теплые и уютные постели. И, разумеется, никто не обратил внимания на человека в темном плаще с глубоким капюшоном, неторопливо идущего в том же направлении, куда убежал Анисим Юродивый.

Возможно, дух не оставляет после себя видимых следов, но для заклинателя отследить его путь так же легко, как если бы от призрака тянулась тонкая, прочная нить, безошибочно позволявшая узнать направление. Вскоре Ладислав вышел из деревни и неторопливо побрел по влажной, скользкой от грязи дорожке, которая буквально через полсотни шагов уперлась в болото, различимое даже в темноте благодаря слегка флуоресцирующим растениям на кочках, ярким, выкрашенным в красный и белый цвета покосившимся вешкам и редким болотным огонькам, разноцветными светлячками кружащимся в воздухе немного в стороне от отмеченной вешками тропы. Некромант слегка поморщился, ступая на осклизлую дорожку, и медленно шел вперед до тех пор, пока его сверкающие в предрассветном осеннем сумраке глаза не рассмотрели барахтающегося в болотной трясине человека, над которым устроили радостный хоровод разноцветные огоньки.

Чего и следовало ожидать.

Ладислав молча смотрел на человека, пытающегося с помощью своего посоха как-то удержаться на поверхности, но даже на неопытный взгляд становилось понятно, что все бесполезно. Слишком уж Анисима нервировало присутствие ставшего совсем жутким призрака, кружившего рядом и рывающего на ведуна каждый раз, как тот пытался выбраться на сухое место. Трясина беспощадно засасывала свою жертву, а некромант спокойно стоял в стороне, наблюдая за происходящим. В какой-то момент глаза Анисима прояснились, он увидел на тропе фигуру в темном плаще, из-под капюшона которого посверкивали две сиреневые точки, и даже попытался позвать на помощь...

Ну да, как же.

Покойся с миром – этого обычно желают уходящим, ведь так?

Когда гнилая, воняющая тинной и перегноем вода сомкнулась над головой ведуна, Ладислав развернулся и пошел обратно в деревню. Вызванный призрак вернется за Грань небытия, как только его жертва умрет, присутствие некроманта здесь совершенно необязательно.

Маг поплотнее закутался в плащ и ускорил шаг. У него все еще оставалась надежда на заслуженный отдых после небедной на события ночи.

– Ева-а-а-а! Ну Ева! Просни-и-ись!

Я попыталась закопаться в простыню, натягивая одеяло на голову и категорически отказываясь не то что вставать – даже глаза разлепить, пока кто-то излишне шустрый, как пчелой ужаленный в хвост щенок, продолжал носиться рядом с моей кроватью, пытаясь меня растормошить. А вот и не получится!

– Ев, ну встава-а-а-ай!

От исполнения «ритуальных шаманских плясок» неизвестный, но подозрительно знакомый будильник решил перейти к активным действиям, пытаясь стянуть с меня одеяло. Я сопротивлялась, как могла, но силы, по-видимому, были неравными, поскольку одеяло в конце концов все-таки отобрали, оставив меня обниматься с подушкой.

– Ну сколько спать можно, уже полдень!

– И что с того-о-о-о? – простонала я голосом мертвяка, выползающего из могилы с душераздирающим воем: «Мозги-и-и-и-и».

Кажется, получилось очень натурально, потому что будильник замолчал на целых полминуты, наполненные блаженной тишиной. Никак раздумывал, а жива ли я на самом деле или нелегкая судьба ведуньи уже отправила меня в мир иной, не дав красиво умереть на руках родных и близких, предварительно прокляв всех врагов поименно.

В комнате что-то зашуршало, потом пару раз грохнуло, а в конце концов в бок мне начало неловко тыкаться что-то холодное и твердое. Такого надругательства над собой я уже не стерпела и, лениво открыв один глаз, увидела слегка озадаченного Ветра, легонько тыкающего меня уже куда-то в область филейной части тела ножами от моего же меча.

– Палочку, что ли, найти не мог? Зачем сразу ножами-то?

– Палочки поблизости не оказалось, а пальцем было боязно, – усмехнулся паренек, убирая и меч, и ножны от меня подальше и усаживаясь на краешек кровати с явным намерением отобрать еще и подушку. – Вдруг откусишь.

– Нет, я тебя целиком съем, – широко зевнула я, демонстрируя Ветру характерный для айранитов прикус с тремя парами клыков.

Тот невольно отшатнулся, а потом несколько нервно хихикнул:

– Это у вас шуточки такие, да?

– Нет, это у нас реакция на раннюю побудку.

– Тогда в следующий раз пошлю Данте тебя будить, – попытался неуверенно пригрозить подросток.

– Присылай. Я его с собой уложу... спать, – вздохнула я, все еще обнимаясь с подушкой и не имея никакого желания вставать.

– Не, вас обоих я точно не подниму, да и неловко будет, – с притворным сокрушением

покачал головой Ветер, поднимаясь и направляясь куда-то в сторону двери.

Зря я понадеялась на то, что ушлый мальчишка решил оставить меня в покое.

Вылитая на затылок холодная вода заставила меня кубарем скатиться с кровати, встряхиваясь, как кошка, которую «добрые» дети как бы случайно уронили в ведро с колодезной водой. Я тихонечко зарычала, Ветер шарахнулся к двери, обнимаясь с пузатым глиняным кувшином для умывания и, как мне показалось, на всякий случай вспоминая какое-нибудь не слишком убойное, но эффективное заклинание, когда дверь распахнулась и на пороге появилась Элия. Знахарка окинула взглядом разворошенную постель, Ветра, замершего у дверного косяка в обнимку с пустым кувшином, посмотрела на меня, пытающуюся спросонья вытереть мокрые волосы о подушку... И звонко рассмеялась.

– Ветерок, у тебя только-только лихорадка прошла, а ты уже безобразничаешь. Я попросила тебя разбудить Еванику, а не искупать ее.

– Можно подумать, я не пытался, – буркнул подросток, сгружая кувшин на лавку так, что я невольно подумала, что несчастная посудаина доживает свои последние минуты.

– Можно считать, что у тебя получилось, – вздохнула я, возвращая подушку на кровать и поднимаясь с пола. – А поскольку заодно ты оказал мне услугу и дал умыться, то не мог бы ты быть столь добр, чтобы свалить из комнаты, пока я буду переодеваться?

– Было бы на что смотреть, – тихонько пробормотал себе под нос подросток и тотчас шмыгнул за дверь, уворачиваясь от метко пущенного в его сторону сапога, стукнувшегося каблуком о прочный дубовый косяк и отскочившего под ноги знахарке.

Элия усмехнулась, подбирая обувь с пола и подходя ко мне.

– Кажется, тебе уже лучше. По крайней мере, в твоих глазах уже не гнездится тоска, которой там явно не место.

– Проснуться еще толком не успела, – улыбнулась я, одеваясь. – Ветру, как я понимаю, тоже лучше?

– А то не заметно? На мастерство я в отличие от Анисимки Юродивого не жалуюсь. – Элия подала мне высушенный и приятно пахнущий травами дорожный кафтан. – Если не будете устраивать ночлег на сквозняках и не пожалеете пареньку лишнего одеяла, то можете уже сегодня отправляться в дорогу. Не знаю, что тебя гонит вперед, но это дело явно не терпит отлагательств.

– Это точно. – Я приняла из рук знахарки свою приведенную в порядок верхнюю одежду, мимоходом заметив, что сегодня затянувшаяся рана и не болит вовсе, напоминая о себе лишь едва ощутимой стянутостью кожи на месте свежего шрама. – Элия... не представляешь, насколько я тебе благодарна.

– Почему же... могу представить, еще как. – Женщина коснулась моих встрепанных после сна волос ласковым, почти материнским жестом. – Я тебе тоже. Если бы не ты и твой... должник... то сегодня в семье кузнеца не праздновали бы рождение первенца, а готовили двойные похороны. Уже одно это доказывает, что и столь не любимые мной некроманты способны на добрые поступки. Пусть даже совершают они их такими методами, что лучше и не знать.

– Вот уж точно. – Я обулась и, подхватив свою сумку с лавки, шагнула к выходу вслед за Элией. – Надо будет все ж таки предупредить Ладислава, что мы уезжаем.

Холода совсем близко. Поутру, если верить Элии, на желтовато-бурой пожухлой траве уже появлялся белесый иней, вода в выставленном у входной двери ведре покрылась тоненькой пленочкой льда, а сейчас на крыльцо знахаркиной избы и небольшой двор ложились быстро тающие пушинки снега. Я стояла на самой нижней ступеньке, запрокинув голову к тускло-серому небу, и снег медленно и плавно падал на мое лицо, холодя щеки и лоб, пропадал с темно-коричневой шерсти походного кафтана.

Вот и зима...

Это ощущение было повсюду – в стылом, морозном воздухе, наполненном уже не осенним сладковатым ароматом прелой листвы, а какой-то царапающей легкие свежестью первого снега, – и именно оно согнало меня с крыльца к амбару, где отдыхали разумные

волки.

Кажется, редко когда сборы были настолько торопливыми, разве что в тот памятный день, когда мыс Вилькой обнаружили на ступеньках наставниковой избушки продрогшую темноволосую девушку. И прошло-то всего года три, а кажется – целая жизнь. Тогда мы тоже собирались так, будто бы сама смерть наступала нам на пятки, ледяным порывом ветра дышала в затылок. Впрочем, в каком-то смысле так оно и было, недаром Крыло аватаров в народе звали вестниками гибели. Их боялись всегда, боятся и сейчас.

Но теперь я думаю, что тогда было легче. Угрозу можно было увидеть, почувствовать, вступить с ней в бой и отстоять свое право на жизнь и свободу, а как быть сейчас, когда все, что есть, – это пророчество, большую часть которого я не помню, видения в зеркале и предсказание безыменья? Когда приходится убегать не от аватаров, а от нагаданной судьбы? Право слово, я устала от этого.

Надеюсь, что эта гонка со временем закончится на пороге дома Лексея Вестникова...

Спустя всего час в небольшом дворике Элии царил хаос в миниатюре. Разумные волки, на которых я вновь наложила иллюзию низкорослых северных коньков, сновали перед домом, всячески путаясь под ногами, но тем не менее почему-то желая все проверить лично, тщательно обнюхать каждую сумку и каждый сверток, забираемый в дорогу. Я металась от крыльца в дом и обратно, дважды позабыв в горнице шапку и один раз – коробочку с мазью, которую Элия дала мне для заживающей руки.

Кстати о птичках. Шрам чесался немилосердно с самого утра, но поделаться с этим ничего не могли ни мои заклинания, ни снадобья знахарки. Элия, перепробовав все возможные варианты, в конце концов махнула рукой, заявив, что так, судя по всему, и должно быть: воспаления нет, инфекции тоже, скорее всего, у меня просто индивидуальная реакция на ускоренное заживление. Я в ответ только хмыкнула – знала бы Элия, насколько ускоренное...

Мы уже почти были в дверях, когда Ветер, неловко проходя мимо, случайно зацепил ногой за длинный ремень моей сумки, стоящей раскрытой на низкой лавке – я как раз собиралась уложить туда мазь и свежие бинты на всякий случай, который, как известно, бывает разным. Сумка, естественно, рухнула на пол, подтвердив бытующее в народе мнение о том, что хлеб всегда падает маслом вниз, а торба – дном вверх!

Вначале раздался негромкий хлопок, потом скрежет и лязг – и всего через несколько секунд на полу возвышалась куча разного барахла, доходившая мне немногим выше колена. Наверху этой куча-мала скромно примостились опустевшая сумка и потрепанное, слегка облезшее чучелко сиреневой птички с непомерно длинным клювом и довольно широкими крыльями, гнездившееся у меня в сумке последние лет пять точно.

Вот только начни вспоминать о птицах – непременно это чучело вылезает. Я уже всерьез заподозрила, что сиреневое недоразумение на самом деле та самая птица обломинго, которую никто не видел, но о которой все знают. Избавиться бы от нее, так, на всякий случай, только вот спихнуть этот надоевший и никому не нужный хлам мне так и не удалось, несмотря на все попытки.

– Ев, – севшим голосом пробормотала Элия, глядя на бардак посреди бывшей когда-то чистенькой и прибранной горницы, – я все понимаю – снадобья, книги, одежда... Я даже драный плащ понять могу... Но зачем... Всевышнего ради, зачем тебе таскать повсюду с собой облезлое чучело?!

– Не поверишь, – выдохнула я, – выбросить который год забываю.

– Вот в это я как раз почему-то верю... – Знахарка оглянулась и дернула за рукав столбом застывшего у дверей Ветра. Мальчишка поминутно краснел, бледнел и пытался выдавить из себя какие-то извинения, но поблескивающий, словно рыба чешуя, рукав кольчуги притянул его взгляд, как заклинанием. Кстати... Кто положил кольчугу в мою сумку?! – Ветерок, ты помочь исправить содеянное не хочешь?

– Хочет, – вздохнула я, беря в руки сумку и перекладывая на стол чучело лет...цать назад замученной птички. – Вот только пока он в себя придет, мы с тобой, похоже, успеем

собраться.

Впрочем, взывание к совести помогло, Ветерок перестал изображать из себя парализованную жертву малого василиска, и мы в шесть рук принялись закидывать вывалившиеся вещи обратно в сумку. В середине процесса упихивания свернутого в трубку мехового одеяла в относительно небольшую знахарскую «авоську» в горницу зашел Данте – поинтересоваться, что у нас случилось и почему мы так долго. Увидев, чем мы втроем занимаемся – Элия держит сумку максимально раскрытой, а мы с Ветром едва ли не кулаками утрамбовываем в нее одеяло, – он рассмеялся и спросил, нужна ли нам помощь в этом тяжком труде.

– Да какие ж мы ведуны, – пропыхтела я, заталкивая одеяло в бездонный артефакт, – если не сможем впихнуть невпихуемое?!

– Судя по тому, что задача успешно выполнена, – Данте подошел ближе, разбирая стремительно уменьшающуюся кучу вещей и только успевая подавать нам с Ветром свертки с едой, кое-как сложенную одежду и прочий нужный и не очень хлам, – ведуны вы хорошие.

– Это как сказать, – раздался от дверей голос Ладислава. Некромант был сонный, невыспавшийся и потому отличался повышенной раздражительностью и едкостью. – Я думал, что это моя специализация – за смертью ходить, но вы, юные дарования, заставляете меня поразмыслить о смене профессии. Между прочим, если бы я знал, что вы еще настолько не собраны в путь, я бы еще полчаса поспал.

Вещи наконец-то оказались на своем законном месте, то есть упрятанными где-то в недрах бездонной сумы, а я взяла со стола выуженное чучелко и, подойдя к Ладиславу, посмотрела на него как можно более честными глазами.

– Ну как ты мог обо мне так плохо подумать! Я вот целую сумку перевернула вверх дном, чтобы найти это для тебя! – С этими словами я торжественно впихнула в руки некроманта то самое чучелко, выкинуть которое у меня рука не поднималась уже несколько лет.

– И что мне, по-твоему, с *этим* делать? – Ладислав с брезгливо-удивленным выражением лица поднял чучелко за лапку, критически рассматривая подношение.

Я пожала плечами, посторонившись и пропуская в сени похрюкивающего от сдавленного смеха Ветра.

– Можешь торжественно похоронить ее в ближайшем болоте по дороге к Тишинке. Ты некромант, у тебя это лучше получится, – широко и абсолютно искренне улыбнулась я, радуясь, что наконец-то нашла кому сплавить так и не опознанное никем чучело.

– Ну с-с-спасибо, Евочка, – прошипел Ладислав, по-прежнему держа птичку за лапку на вытянутой руке, но почему-то не торопясь отправлять несчастное чучелко в свободный полет напрямик в печь. – Но, пожалуй, воздержусь. И так из местного болота, судя по всему, неплохое кладбище выходит.

Он на секунду задумался, а потом вдруг ослепительно улыбнулся, приобнимая меня за плечи и ненавязчиво увлекая за собой к выходу.

– Я тебе еще отдарюсь, красавица. Вот увидишь. И я в долгу не буду, и себя обделенной не почувствуешь. Только удели мне немного своего драгоценного времечка. Желательно наедине, хотя в моих силах сделать так, чтобы нам совершенно *никто* не мешал.

Я дернулась, высвобождаясь, и стрелой вылетела во двор, где меня уже поджидали нетерпеливо переминающиеся с лапы на лапу волки и хихикающий Ветер. На Ладислава я больше не оглядывалась, ощущая, как горят заалевшие щеки, но знала, что некромант довольно ухмыляется. Ладно, счет равный. Вот уж точно, отдалил за шутку с чучелком.

Мы уже выезжали из Бобруйских Хаток, когда нам с Ветром пришлось посторониться, пропуская в деревню всадника на приметном белом скакуне. Острый взгляд ярко-синих глаз скользнул по моему лицу – ощутимый, словно и впрямь кто провел по щеке незаточенной стороной лезвия ножа. Я вздрогнула, а всадник уже въехал в ворота Бобруйских Хаток, направляясь... Куда?

Ладислав еле слышно зашипел, потирая ладонью разом заслезившиеся глаза.

– Так вот кто нашу знахарку оберегает... тогда неудивительно, что...

Я резко обернулась, наблюдая, как медленно, со скрипом закрываются створки ворот за спиной немолодого уже, седовласого мужчины. Так это и есть тот, для кого Элия каждый вечер зажигает свечу у окна, тот, кого она ждет домой. Ее муж, отец ее детей... тот, кто ее *защищает*. Даже на расстоянии. Странное дело, но магии, как таковой, я в нем не почувствовала, словно и не волхв он, но взгляд у него был... Подобный я встречала у старых драконов, таких, как Аранвейн, но драконом встреченный всадник не был. Исконных обитателей Алатырской горы я уже научилась распознавать по мимолетной встрече, это не так уж и трудно, если точно знаешь, куда и как смотреть, но...

Ладислав тронул меня за плечо, привлекая мое внимание, и еле заметно покачал головой. Как ни странно, но на этот раз я поняла некроманта без слов. Не стоит выяснять, кто или что это было. У нас есть своя дорога... и, как мне кажется, с существами, подобными мужу Элии, нам лучше не пересекаться. По разным причинам...

Я кивнула и легонько сжала коленями бока Подлунного. Разумный волк слегка пригнулся, коротко рыкнул и неторопливо побежал по подмерзшей со вчерашнего дня дороге. Холодало, северный ветер ударялся о плотную зимнюю куртку и все норовил сорвать с головы шапку, заставляя меня все ниже пригибаться к спине Подлунного. Впереди небольшая речка, пересечь которую кое-где можно даже вброд, а за ней уже лежит огромный лес. Мы вступим на землю, которую оберегает Серебряный, вожак разумных волков, и, быть может, там моя тревога несколько поутихнет.

По крайней мере, я на это надеюсь.

## ГЛАВА 11

Через два дня пути по довольно оживленному торговому тракту, по которому даже в столь мерзкую погоду в обе стороны проезжали тяжело груженные телеги, мы оказались у перекрестка дорог. В этом месте Западный тракт разветвлялся – одна, более широкая и наезженная, дорога вела к Стольну Граду и по сути являлась основным торговым путем между столицей Росского княжества и южной границей Серебряного Леса, а другая, почти нехоженная и узкая, к заброшенным капищам, в народе прозванным Вещими. Говорят, что по дороге этой, ныне почти заросшей травой и кустарником, можно выйти к древнему святилищу давно позабытых богов.

Лексей Вестников рассказывал о Вещих Капищах, даже как-то раз привозил меня туда, когда мне было лет пятнадцать, показать каменных идолов, странным образом собирающих и хранящих магию, каменное кольцо из невысоких валунов, сплошь изрезанных рунами, прочесть которые не удалось даже моему наставнику, выглаженный временем и тысячами прикосновений небольшой алтарь в центре. Я до сих пор помню ощущение дремлющей, накопленной за столетия силы, прячущейся в этом алтаре, в угрюмых лицах забытых богов, в валунах каменного круга.

Наставник говорил, что этот круг – самая надежная крепость от нечисти во всем Росском княжестве, что остатки былой мощи этих камней не просто удержат на границе подлунных тварей, но и отвадят так, что человеку, искавшему убежища у алтаря древних богов, в дальнейшем уже можно не бояться ни призраков, ни нежити. Если провести ночь у каменного алтаря, то можно увидеть вещий сон, который определит твою дальнейшую судьбу, поможет осознать то, что раньше понять не получалось. Потому и зовут Капища Вещими – почти все, кто решался встать на путь ведуна в зрелом возрасте, приходили сюда, чтобы получить ответ на вопрос «А достоин ли?». Только не всех пропускает каменный круг, далеко не каждый может прийти и попросить благословения у забытых богов. Не все помнят, как оказывать почтение, но как же просто разгневать спящие в камнях силы...

Я слушала Лексея Вестникова вполуха, зато с интересом рассматривала искусно вырезанные каменные статуи. И пусть лица богов почти стерлись от зимнего ветра, осенних

ливней и прошедшего времени – все равно они притягивали к себе, манили силой, столь близкой, что ее, казалось, можно было зачерпнуть, как воду из источника. Если бы не наставник, наверное, я бы попыталась. И, скорее всего, поплатилась бы за свою глупость...

– Еваника, скажи честно, сколько раз мне тебя звать? – раздалось над ухом, после чего жесткая рука ощутимо сдавила мое плечо. Я ойкнула и посмотрела на Ладислава, который, как мне показалось, едва сдерживался, чтобы не наорать на меня. – Долго мы еще будем разглядывать этот перекресток? Сама же говорила, что мы торопимся, а теперь словно в землю вросла. Кстати, я так понял, что ты направлялась из Серебряного Леса в Стелен Град, так какого... – Некромант запнулся, проглатывая бранное слово. – Короче, почему ты не поехала по Западному тракту, а решила прокатиться по всему Росскому княжеству?

– Хотя бы потому, что Серебряный Лес большой, а Западный тракт ведет только к южной его границе, к торговому городу эльфов. А я была на севере, ближе к Полуденке. Может, ты и не в курсе, но пробираться через весь Серебряный Лес – это потратить раза в два больше времени, – отмахнулась я, поглаживая еле слышно заворчавшего Подлунного и направляя его по заброшенной дороге к Вещим Капищам.

– Ты куда? – выдохнул некромант, спешиваясь и подходя ко мне на расстояние вытянутой руки.

– Туда. – Я кивнула в сторону Капищ. – Там через лес дорога короткая, до избы Лексея Вестникова всего-то дня полтора-два быстрой езды. Тем более на разумных волках – здесь они, как у себя дома. По звериным тропам всяко быстрее.

– А по тракту все пять, и чего? – Ладислав нахмурился. – Или ты просто настолько суеверна, что хочешь на ночь Излома оказаться в хорошо защищенной избушке своего наставника? Еваника, я тебе точно говорю: ничего страшного в эту ночь не случается. Сколько раз я на Излом под открытым небом свои... хм... чары строил – и ни разу ничего не случилось.

– Быть может, потому, что свою силу ты из смерти черпаешь? – хмыкнула подъехавшая поближе дриада. – Тогда, конечно, чего тебе бояться ночи Излома и разгула подлунной нежити. Они тебя небось за своего примут, обидеть даже и не подумают, напротив, глядишь, еще и оберегать начнут.

– Думай, о чем говоришь, дочь леса, – негромко произнес Ладислав, одаряя Ланнан холодным, чуточку презрительным взглядом.

Я вздохнула, тронув некроманта за рукав:

– Мы поедем через Вещие Капища. Ты с нами?

– Нет, конечно!

Я воззрилась на него с неподдельным изумлением, тогда как Ладислав смотрел на меня, как на юродивую, словно не понимал, всерьез я спрашиваю или издеваюсь.

– Деточка, тебя Лексей Вестников хоть чему-то помимо ритуала «поворота» и шалостей со светлячками обучил? Или он тебя все-таки выгнал за неуспеваемость? Не могу я ехать через Вещие Капища, не могу! Местное, так сказать, население меня там с потрохами сожрет и не поперхнется! – Он было потянулся ко мне, чтобы схватить за шиворот и как следует встряхнуть для повышения понятливости, но предупреждающее ворчание Подлунного его остановило. – Я некромант, я черпаю силы оттуда, откуда ведуны-природники вроде тебя брезгают и морщат носы, но при этом не перестают завидовать. Как же, они трудятся, копят силу, углубляют свой «колодец магии», а нам все достается почти задаром. Не задаром, конечно, но это уже лирика. И одно из этих «не задаром» – невозможность пройти по земле, отвращающей нежить. Потому что эта треклятая, благословенная для прочих обывателей земля для меня как разинутая пасть, которая захлопнется сразу же, как только я в ней окажусь. Теперь понятно?

– Значит, встретимся у Лексея Вестникова, – кивнула я, надвигая шапку поглубже, чтобы не слетела во время скачки по бурелому. – Расстояние между нами будет не очень большое, думаю, что неприятных ощущений, помимо легкой головной боли, у тебя не прибавится.

– Ах какая забота, я тронут, – нарочито ласковым голосом протянул Ладислав, складывая руки на груди. – И чего тебе стоило поехать прямо, а не направо?

– Целых три дня пути, – пожала плечами я.

Подлунный, которому явно надоело это «переминание с лапы на лапу», попросту коротко рыкнул и побежал по заброшенной дороге, огибающей деревья и пропадающей где-то в лесу. Я слышала, как Ладислав что-то негромко пробормотал себе под нос, но не придавала этому никакого значения – впереди дорогу преграждал валежник, и Подлунный явно вознамерился обходить его через заросли орешника, невзирая на возмущение седока.

«Ты поаккуратней не можешь?» – мысленно поинтересовалась я у скачущего по едва заметной под слоем опавшей листвы тропке разумного волка, почти распластавшись на его широкой темно-серой спине, дабы не получить по лицу низко растущей веткой.

«Куда уж аккуратней? Мы и так кусты почти все обходим». – Подлунный перепрыгнул через небольшой овражек, дно которого было залито жидкой грязью, и, почти остановившись, оглянулся, дожидаясь слегка поотставших собратьев.

Озерный, показавшийся первым из-за деревьев, настолько неуклюже перемахнул через овраг, что мне поначалу показалось, что он хотел стряхнуть с себя дрияду в грязный ручеек, но в последний момент передумал, решив, что чем короче задержка в пути, тем быстрее он избавится от ненужной ноши.

«Подлунный, ты не знаешь, с чего твой собрат так Ланнан невзлюбил? Она его вроде ничем не обидела».

«Он и сам толком не понимает, я спрашивал. Говорит, что просто неприятно ему – и все тут. Вроде и обнюхивал ее не раз, и присматривает за ней постоянно, но все равно не может относиться к ней дружелюбно, хоть ничего плохого она и не сделала, – отозвался разумный, дожидаясь, пока Ранний и Снежная не перемахнут через овражек, и наклоняя голову к самой земле. – Сестра, здесь начинается земля, пропитанная старой волшбой. Я чую запах железа и высохшей крови. Впереди заброшенные жилища и старые камни».

– Значит, мы уже почти на месте, – улыбнулась я, легонько поглаживая Подлунного по затылку и спешиваясь. – От Вещих Капищ до Лексея Вестникова – день волчьим скоком, если погода не испортится. Только вот по этой земле нам лучше идти своими ногами, а не ехать верхом.

– Это еще почему? – Ветер, не желавший расставаться со своей волчицей, только сильнее обнял ее за шею. – Или там на волках не проехать?

– Проехать, еще как. Только вот у тамошней силы весьма специфическое чувство юмора. В каменный круг-то ты въедешь человеком, а выехать можешь, скажем, блохой, – усмехнулась я. – Оно тебе надо?

– Так не бывает, – затряс головой Ветер, едва не уронив шапку на мерзлую землю, укрытую толстым слоем палой листвы. – Нельзя превратить человека в блоху, потому что...

– Да-да, потому что размеры не соизмеримы, – перебила его я, поправляя сумку, висющую через плечо, и одергивая кафтан. – Только вот у дракона и человека размеры тоже не совпадают, но при этом ты присутствовал на свадьбе Ритана и Вильки, а ведь Ритан – дракон самый что ни на есть настоящий.

– Это другое.

– Другое. – Я улыбнулась и, положив ладонь на загривок разумного волка, неторопливо направилась к Вещим Капищам по едва ощутимой под подошвами сапог твердой, хорошо утоптанной тропинке. Оглянулась на Данте, безоговорочно следующего за мной. – Но у силы, скрытой в тамошнем каменном круге, свои правила. Правда, одно из них все равно остается неизменным – не буди лиха, пока оно тихо. То есть не колдовать без острой необходимости и вообще постараться там не задерживаться.

Ветер предпочел отмолчаться, а я только плечами пожала, ускоряя шаг. Подлунный негромко заворчал, и Озерный с Ранним метнулись вперед, низко пригибая головы к земле, то и дело оглядываясь по сторонам, пока не скрылись в густом подлеске.

– На разведку отправились, – задумчиво пробормотала я. – Или проголодались.

Мой побратим только укоризненно покосился в мою сторону, но ничего не сказал. И на том спасибо, а то с него бы случилось. Я вздохнула и почувствовала, как кто-то взял меня за руку, обтянутую теплой кожаной перчаткой. Мне даже поднимать взгляд не потребовалось, чтобы понять, кто именно.

С того дня... вернее вечера, когда я послала к черту на рога все правила и запреты, долгое время не дававшие нам с Данте пойти навстречу друг другу так, как нам этого действительно хотелось, мы с ним старались наверстать упущенное. Со стороны это, наверное, казалось смешным – то, как мы подобно юной парочке держались за руки при каждой подвернувшейся возможности, а на привалах удалялись на уединенную прогулку. В конце концов Ладислав не выдержал и на полном серьезе посоветовал нам хотя бы раз захватить «на гулянье» одно из одеял и не возвращаться в течение часа. Звукоизоляцию вокруг стоянки он, так и быть, поставит. Мне идея показалась здоровой, но в этом я бы не призналась даже Данте, не то что саркастически настроенному некроманту. Честно говоря, я даже обрадовалась, когда узнала, что Ладислав не может идти через Вещие Капища – хоть немного отдохну от его подколов и профессионального «покойничьего» юмора. И, похоже, не я одна – Ланнан тоже вздохнула посвободнее, как только мы разошлись с некромантом на развилке дорог.

За спиной раздалось деликатное покашливание. Мы с Данте обернулись, по-прежнему не разжимая рук, и посмотрели на раскрасневшуюся от холода Ланнан, кутающуюся в теплый осенний плащ поверх зимней куртки.

– Простите, если помешала, но, по-моему, мы уже пришли... – С этими словами она указала куда-то в сторону от тропы – туда, где из толстого ковра палой листвы выглядывал глубоко вросший в землю замшелый валун, сплошь изрезанный полустертыми письменами.

Я высвободила свою руку из ладони Данте и, подойдя к камню, присела перед ним на корточки, стягивая перчатку и касаясь выбитой в камне рунной вязи кончиками пальцев. Ладонь почти сразу же закололо теплыми, едва ощутимыми иголочками. Вверх по руке тоненькими ниточками устремилась сладкая, тягучая, будто мед, сила. Она манила к себе, давая распробовать, предлагая себя просто так – только зачерпнуть, и вот она. Живая, чистая, незамутненная ничьим чужим прикосновением. Свежая и одновременно пьянящая, как хмельной мед.

Шрам, оставленный на моей ладони ритуалом «поворота», неожиданно заныл и зачесался, а в памяти всплыл серьезный, сосредоточенный взгляд сиреневых глаз Ладислава. Сила, ласково щекочущая мне пальцы, вдруг обожгла, как будто я сунула руку в заросли крапивы, потянулась ко мне склизким облаком, противно обволакивающим ладонь. Я охнула и с трудом отняла руку от камня, бессознательно вытирая ее о полу кафтана и почти виновато глядя на своих спутников.

– Ловушка для жадных и не в меру одаренных гостей, – вздохнула я, поднимаясь и надевая перчатку. Пальцы все еще ощутимо покалывало, словно я действительно обожгла их крапивой, но вроде бы ничего страшного не случилось. Не успело случиться.

Я поздоровалась с накопленной в камне силой, а она в свою очередь поздоровалась со мной.

Надеюсь, на этом наше краткое знакомство и закончится.

– Ветер, Ланнан, не трогайте валуны в каменном круге, а к алтарю лучше вообще не приближайтесь. Так, на всякий случай. – Я почти силой увела любопытного мальчишку по тропе от «приветствующего» камня.

Как в сказке. Предупреждение для незваных гостей. Только вот куда повернуть, чтобы и живым остаться, и друзей не потерять? Эх, жаль, что не прочесть уже, что на валуне том написано, но, быть может, оно и к лучшему.

Иногда легче идти наудачу, чем из двух зол выбрать меньшее.

Подлунный еле слышно зарычал. Я оглянулась.

Дриада сидела на корточках у заговоренного камня и внимательно рассматривала полустершиеся письмена...

Издалека каменный круг напоминал берег горной реки, с той лишь разницей, что валуны, в кажущемся беспорядке разбросанные по поляне, были выглажены временем и непогодой, и на каждом из них был выбит текст на забытом ныне языке. Завитки, черточки, спирали — поначалу все это складывалось в малопонятные строчки. Я имела глупость задержать взгляд на одном из камней, установленном в первом круге, и чем больше я всматривалась в бессмысленный на первый взгляд текст, тем четче он становился, пока символы не поплыли по поверхности камня, складываясь в более привычные буквы русского алфавита. Всего несколько слов...

*...и те, кого Он ведет за собой...*

— Ев, ты чего на этот камень так уставилась? — Ветер возник передо мной, загораживая собой надпись. Я моргнула и перевела на него слегка расфокусированный, задумчивый взгляд. — Прочитать пробуешь? Тут даже Ланнан не справляется — говорит, такая мешанина, что ничего толком не поймешь.

— Вот уж точно. — Дриада прошла внутрь круга, оглядываясь по сторонам. — Вроде бы некоторые символы кажутся знакомыми, но при этом смысла в них я никакого не вижу, а жаль.

— Может, камни просто не каждому отзываются? — негромко предположила я, следуя за Ланнан и рассматривая суровые лица забытых ныне богов.

Каменные идолы — восемь штук — стояли вокруг низкого каменного алтаря, более всего напоминающего узкое вычурное ложе, водруженное на невысокий, в две ступени, постамент. Алтарь я обошла, стараясь к нему даже не приближаться, неизвестно еще, какие дары приносили на этом «ложе». Быть может, всего лишь плоды и зерно, но с таким же успехом жертвы могли быть и человеческими. Лексей Вестников рассказывал о временах, когда в Русском княжестве ежегодно было принято топить в Вельге-реке красивую девушку, — якобы это могло умиловить речного бога, и тогда он не позволял реке разливаться по весне и затапливать прибрежные поля. Сейчас-то уже так не делают, но когда-то люди действительно верили, что человеческая жертва помогает вымолить богатый урожай, прекратить засуху или принести долгожданное тепло после суровой зимы, а то и победу в битве.

Глупо и жестоко. Зачем, спрашивается, богам человеческие жертвы? Что они с ними будут делать? Ладислав на моем месте наверняка бы объяснил, зачем может понадобиться чья-то добровольная смерть и какую силу может извлечь из этого жрец, но... Платить подобную цену я бы не стала.

Невольно я задумалась о том, а что было бы, если бы мне предстояло стать добровольной жертвой. Во имя чего-то, что для меня важнее всего. Задумалась бы я тогда, лечь под ритуальный нож или нет? Кто знает...

Я посмотрела на Данте, сосредоточенно осматривающего каменный круг вместе с Ранним. Разумный волк крутился рядом с аватаром, не отходя от того и на полшага, обнюхивая каждый камень и основание каждого идола, беспокойно ворча и поминутно оглядываясь. Похоже, ему тут тоже не нравилось. Впрочем, как и мне.

— Не знаю, как вы, но лично я не стал бы делать привал именно здесь, — наконец глухо произнес Данте, подходя почти вплотную ко мне. — Не люблю заброшенные капища.

— А за что их любить? — в тон ему отозвалась я, поправляя лямку сумки на плече. — Насколько я помню, тут где-то поблизости есть могильные курганы, правда, они так заросли травой и кустарником, что, пока на один из них не наступишь, и не поймешь, что к чему. Каюсь, если бы мне Лексей Вестников не сказал, ни за что не догадалась бы, что низкие пологие холмики рядом с каменным кругом — это могилы.

— Тогда странно, почему Ладислав отказался тут пройти, — нехорошо усмехнулся аватар, кладя ладонь мне на плечо. — Он бы тут был как на излюбленном рабочем месте.

— Данте, мне тоже не очень нравится Ладислав, но тащить его сюда... Знаешь, гораздо милосерднее отрубить голову сразу. Мучиться будет меньше, — серьезно ответила я,

заглядывая в черные с серебряными искрами глаза Ведущего Крыла. – Те, кто создали этот круг, знали, как защитить себя и после смерти. Некроманту тут – как человеку в Небесном колодце. Возможно, что-то ты и приобретешь, но, скорее всего, скончаешься в страшных муках.

– Тогда не будем о грустном. – Данте улыбнулся и, приобняв меня за плечи, повел за пределы каменного круга. – Лучше тебя не оставлять наедине с этим... святилищем. Во избежание.

– Во избежание чего? – поинтересовалась я, глядя на аватара.

Тот неопределенно пожал плечами:

– Знаешь, я уже один раз сдуру подпустил тебя к реликтовому святилищу, которое у айранитов называют Небесным колодцем, и, поверь, до сих пор жалею об этом опрометчивом поступке. – Аватар вывел меня с поляны и оглянулся. Ветер с неохотой покидал заброшенное святилище, да и то благодаря не собственному благоразумию, а тому, что Снежная цапнула мальчишку за полу плаща и решительно увела подальше от испещренных надписями валунов. – В любом случае, во второй раз я такую непростительную ошибку не совершу.

– Не зарекайся, – невесело улыбнулась я, прижимаясь щекой к холодной коже Дантовой куртки и наблюдая за тем, как разумные волки, недовольно ворча, с низко опущенными хвостами, удаляются по едва заметной тропке подальше от каменного круга, к тому, что осталось от землянок местных жителей.

– Я просто даю слово.

Вот так все просто. Его слово – и мне сразу становится спокойнее на душе, что бы ни творилось вокруг. Если Ведущий Крыла дает слово, что все будет хорошо, что он не позволит мне попасть в беду, что он будет со мной во что бы то ни стало – то я ему безоговорочно верю. Слепо, безрассудно...

– Верю... Даже не представляешь насколько... – вздохнула я, обнимая аватара за талию и пряча лицо на его груди.

Он скользнул ладонью по мужской стрелецкой шапке, его пальцы в тонкой кожаной перчатке погладили мой затылок, бережно легли на плечо.

– Да, не представляю. Знаю.

Вопль Ветра «Ева, помоги костер запалить, а то у нас не выходит!» заставил нас с неохотой прервать поцелуй и идти разбираться, что же на этот раз стряслось. А оказалось – проще некуда. Дриада на пару с ведуним-недоучкой решили, что время обеда как раз пришло, и сейчас пытались запалить костер из невесть как натасканного в кратчайшие сроки валежника. Но то ли ветки были совсем уж сырые, то ли опыта не доставало – так или иначе, костер и не думал разгораться. Единственное, чего добились «горе-поджигатели», – это жиденькой струйки дыма откуда-то из середины небольшой кучки мелких веток. Завидев меня, мальчишка радостно ухватился обеими руками за идею запалить костер с моей помощью, но я уничтожила эту наивную детскую мечту на самом интересном месте.

– Вообще-то я в Вещих Капищах разводить костры не буду и вам не советую, – «виновато» развела руками я, Усаживаясь на ближайшую корягу и доставая из сумки плотную скатерть, зачарованную от влаги.

– Почему это? – поинтересовался Ветер, тем не менее помогая мне вытаскивать продукты из «бездонной» сумы и раскладывая их на скатерти.

– На всякий случай, – пожала плечами я, принимая из рук Ланнан остро отточенный нож и начиная нарезать жестковатое, хорошо провяленное мясо тонкими ломтиками. – Понимаешь, Ветерок, Вещие Капища – место древних ритуалов и дремлющей силы, и неизвестно, на что эта самая силаотреагирует не самым лучшим образом. Мой наставник рассказывал, что подобные места, отпугивающие подлунную нежить, могут таить в себе нечто такое, отчего ты сам с радостью сбежишь в распахнутые объятия преследовавшей тебя твари.

– Глупости это все, – фыркнула дриада, помогая Ветру с продуктами. – Я тебе как дочь

Древа говорю: сила здесь дремлет уже давно, и она похожа на издыхающего от старости зверя. Сомневаюсь, что она может всерьез навредить нам только за то, что мы тут разведем костер, чтобы обогреться.

– Ты за свои слова поручиться можешь? – вкрадчивым, удивительно мягким голосом поинтересовался аватар у Ланнан, усаживаясь напротив нее на сложенное вчетверо одеяло, выуженное из моей сумки. – Что нам *действительно* ничто не грозит здесь?

Дриада не ответила, только плечами пожала и потянулась за флягой с согревающим медовым напитком, но тут не то кто-то из крутившихся поблизости волков все-таки толкнул ее, не то девушка просто равновесия не удержала – так или иначе, Ланнан неловко взмахнула руками, пытаясь не рухнуть грудью на разложенные на скатерти продукты. И, разумеется, ударила меня под локоть как раз в тот момент, когда я пыталась отрезать очередной ломоть от куска вяленого мяса.

Нож соскользнул, полоснув меня по основанию большого пальца, да так, что кровь моментально окрасила широкое стальное лезвие. Я сдавленно зашипела от боли, Ланнан ойкнула и моментально отобрала у меня нож, закрывая порез чистым лоскутом ткани, выуженным из кармана.

– Ев, прости, я не нарочно!!! Дай-ка гляну. – Девушка отняла от моей ладони платок, на котором уже расплывались алыми цветами пятна крови. – Ничего себе... у тебя порез уже затягивается...

– А ты чего ждала? – хмыкнула я, наблюдая за тем, как дриада осторожно стирает выступившую кровь, разглядывая ярко-розовый, на глазах заживающий порез. Н-да, все бы раны заживали так, как нанесенные простой сталью.

– Впервые я у тебя такую хорошую регенерацию вижу, – покачала головой дриада, отпуская мою руку и обтирая окровавленный нож о платок. – Ну вот, теперь отстирывать...

– Приедем к Лексею Вестникову, там в бане все сразу и отстираешь, – отмахнулась я, протягивая руку за ножом. – Давай обратно.

– Ну уж нет, нам не хватало только, чтоб ты себе палец окончательно отрезала, – фыркнула Ланнан, со вздохом комкая платок в руке и небрежно запихивая его в один из карманов куртки. – Сиди уж, я сама доделаю.

– Как хочешь. – Я взяла несколько кусочков мяса и пересела поближе к Данте, прислоняясь к плечу аватара и вяло наблюдая за тем, как мальчишка выхватывает тонкие ломтики ветчины практически из-под ножа дриады.

– Порежется ведь.

– Перестань за него беспокоиться, ничего с этим шустриком не станется. – Аватар приобнял меня за плечи, легонько целуя в щеку. – Я такой же был в его возрасте, разве что колдовать не дано было, и, как видишь, живой и здоровый.

– А давай я не буду спрашивать тебя о том, сколько раз ты балансировал на грани, а ты не будешь мне говорить подобную ерунду. – Я шаловливо щелкнула Данте по носу, в ответ получила тихий смешок и поцелуй.

– Ладно, постараюсь воздержаться... от подобной ерунды.

Он обнял меня крепче, и я почти счастливо улыбнулась, прикрывая глаза и теснее прижимаясь к аватару, согреваясь в его объятиях. Порывы стылого ветра потихоньку улеглись, успокоились, и наконец-то наступила тишина. Та самая, которая бывает только в лесу глубокой осенью, когда все лесные духи уже ушли под землю до весны, перелетные птицы улетели на юг, а звери лишний раз стараются не высовываться из своих теплых и уютных нор. Пахло прелой листвой, сыростью и еще почему-то зимой...

– Простите, что отвлекаю, но вам не кажется, что стало холоднее? – подал голос мальчишка, оторвавшийся от наспех пережевываемого ломтика ветчины с хлебом и растерянно глядя вначале на нас, а потом переводя взгляд в сторону каменного круга, откуда волнами изливался могильный холод.

Данте вскочил, поднимая меня с насиженного места и машинально загораживая собой, разумные волки, только что спокойно лежавшие на земле, ошетинились, скаля

внушительные клыки и глухо рыча, как перед схваткой.

– Куда Ланнан делась? – тихо спросила я у бледного как полотно, мальчишки, который обеими руками вцепился в крестовину отданного ему на сохранение меча.

– В кусты пошла, – еле слышно отозвался он. – Вон туда.

Тонкий палец Ветра указал туда, где нерушимой крепостью стоял величественное святилище.

– Она рехнулась? – пробормотала я, кожей ощущая уходящую в никуда силу, пропитавшую это место насквозь. В пустое, бесконечное *никуда*, где мне почудилось нечто яростное, только и ждущее своего часа. Чтобы сорваться с цепи и...

Что-то заскрипело за старыми истуканами древних божеств, словно оголенные стволы деревьев терзало нешуточной бурей. Ледяной ветер, дующий со стороны каменного круга, пропал так резко, будто его никогда и не было, а потом навалилась тишина, столь плотная и ощутимая, что я беспомощно оглянулась на застывших столбами Данте и Ветра, пытаюсь понять, только ли мне чудится в этой тишине нехорошее предзнаменование.

Оказалось, не только.

Разумные волки жалобно заскулили, отползая с облюбованной нами полянки куда-то за полуразрушенные остовы землянок. Боль в левой руке, уже почти позабытая, снова вгрызлась в нервы чуть ниже локтя, да так, что я взвыла, невольно хватаясь за поврежденное место и чувствуя, как по озябшей коже ползут обжигающе-горячие капли.

– Еваника, что?.. – Данте шагнул ко мне, но застыл на полпути, потому что он, как и я, услышал глухой, далекий вой, от которого по спине продрал мороз, а душа ушла в пятки, словно стремясь спрятаться от этого жуткого звука, пробуждающего первобытный ужас человека перед зверем.

Я напряженно всматривалась в лесную чащу в глубине Вещих Капищ, всматривалась со страхом и вместе с тем завороженная зрелищем. Словно кто-то со свистом и треском ломился сквозь густой валежник, не тратя лишних сил на то, чтобы обойти его стороной. В лицо ударило сильным, морозным ветром, полетели первые снежинки, а я впервые в жизни увидела *такое*.

Несущуюся прямо в лицо злою сеченьскую метель, просачивающуюся сквозь частокол оголенных по осени Деревьев, как вода сквозь пальцы, не задерживающуюся ни на миг и летящую мне навстречу из сердца Вещих Капищ. Я очнулась, только когда лицо мне обожгла хлесткая пощечина, а на правом запястье стальными клещами сомкнулась ладонь аватара.

Данте дернул меня за собой, заставляя бежать изо всех сил так, словно мы могли обогнать метель, уйти от колкого снега, стелющегося над землей, как стая гончих. Ледяной ветер подталкивал в спину, сорвал шапку у меня с головы, и теперь короткие волосы нещадно стегали по лицу при каждом порыве, но аватар не останавливался ни на секунду, заставляя меня бежать еще быстрее, хотя в этом уже не было нужды. Уже не его рука тянула меня за собой по узкой, подмерзшей дорожке куда-то вперед, и не ветер гнал меня из леса.

Гнал дикий, животный страх. Тот, что не оставляет времени на раздумья. Тот, что пробуждает инстинкты, доставшиеся человеку от природы, и в первую очередь инстинкт самосохранения, когда в голове остается одна-единственная мысль: убежать, спрятаться, скрыться.

– Ева, беги!!! Не смей останавливаться!

Останавливаться? Да я бы уже и не смогла, даже если б захотела!

Справа и слева от меня мелькнули силуэты, кое-как обрисованные бешено кружащимися снежинками, выхваченные тенями от голых остовов деревьев. Я обернулась – и сердце на миг пропустило удар, а я, споткнувшись о выступающий из земли корень, едва не упала: по моим пятам неслась стая призрачных, едва видимых в тусклом свете пасмурного дня и снежной круговерти, здоровущих остромордых псов.

Если бы не Данте, рывком вздернувший меня на ноги и потащивший за собой, я бы осталась там. На этой тропе, воющая от ужаса, окруженная сворой призрачных гончих, чьи

зеленоватые глаза особенно ярко вспыхивали каждый раз, когда на них падала неясная тень от древесного ствола.

Метель закрутила так, что я бежала уже почти вслепую, ветер прибывал к земле с такой силой, что пожелай я сейчас отрастить крылья, чтобы улететь от этого кошмара, то у меня не получилось бы приподняться над землей даже на сажень.

Да когда же... это... кончится?!

Что-то скользнуло совсем рядом со мной, я не столько услышала, сколько почувствовала, как развевающиеся полы кафтана с треском разъезжаются полосами под невидимыми, но вполне ощутимыми когтями призрачной гончей. Я закричала, но почти сразу же захлебнулась ветром и метелью. Снег хлестнул по глазам, ослепив на мгновение, а когда я проморгалась, то увидела острую морду призрачной гончей, плавно скользящей рядом на расстоянии вытянутой руки.

Блеснули зеленые глаза, когда на них упала блеклая тень, снежинки на миг обрисовали гибкое, поджарое тело...

Крик застыл в горле, когда гончая, по размерам превосходящая даже разумного волка, мягко прыгнула на меня... сквозь меня... Словно грудь мне разодрали острыми когтями, набили легкие кусочками стекла, как следует сжали пугливо бьющееся сердце, и так работающее на пределе возможностей... и отпустили, позволив пожить еще немного. Совсем чуть-чуть – ровно до того момента, когда гончим надоест игра с захлебывающейся собственным ужасом жертвой.

Ноги моментально перестали повиноваться, я упала, и Данте протащил меня сажень-другую за собой по подмерзающей земле, кое-как прикрытой снежным покровом, а потом я почувствовала, что его ладонь уже не сжимает мою руку мертвой хваткой. Мне отчаянно не хватало воздуха, я глотала ледяной ветер мелкими порциями, слишком часто, слишком жадно, отчего перед глазами у меня ощутимо потемнело, и я уже почти перестала слышать завывания вьюги – только низкое, басовитое рычание смыкающей вокруг меня кольцо своры призрачных гончих, наконец-то загнавших добычу.

– Ева! Ева, ты меня слышишь?!

Голос аватара, неестественно спокойный, пробился через залепившую мое сознание липкую, выматывающую до тошноты пелену страха. Я вздрогнула и посмотрела на него отсутствующим, почти невидящим взглядом и одновременно с безумной надеждой на то, что он, мой защитник, мой Ведущий Крыла... что он каким-то образом прекратит этот ужас.

Невероятная, нерушимая вера в чудо...

Данте обхватил меня за плечи, поставил на колени и положил мои руки на что-то холодное, жесткое, обтянутое потертой кожей. Рукоять его меча, вбитого в землю почти наполовину.

– Держись за нее, забудь обо всем, что вокруг! – Он вдруг оказался напротив меня стоящим на одном колене, как рыцарь, принимающий присягу, так, что нас теперь разделяло лезвие меча... и вдруг улыбнулся.

Как будто не было низкого ворчания призрачных гончих, медленно сжимающих кольцо. Не было выматывающего душу первобытного ужаса, не было этой гонки. Данте накрыл горячей ладонью мои заледеневшие, намертво стиснувшиеся на рукояти меча пальцы и улыбнулся еще шире.

– Закрой глаза, детка... И ничего не бойся.

Я же только смотрела на него не мигая, и ему пришлось закрыть мои веки ладонью.

«Как мертвой», – мелькнула непрошенная мысль и сразу же пропала.

Потому что руки Данте исчезли, а рычание гончих скатилось на залиvistый лай, плавно переходящий в вой, от которого у меня кровь застыла в жилах, а затем...

Все закончилось.

Метель почти сразу же улеглась, и наступила тишина. Не мертвая и зловещая, пугающая до судорог, – обычная тишина зимнего леса. Страх, до того давивший камнем на грудь, не дающий дышать, куда-то пропал, и я рискнула открыть глаза...

И на миг позабыла обо всем на свете.

Потому что передо мной расстилалась ровная, светлая просека, засыпанная первым снегом, на нетронутом покрывале которого не было никого. И ничего, – только неровная цепочка кровавых капель. Их частая россыпь растянулась шагов на десять – и попросту обрывалась. Ни тела, ни следов.

Ничего.

Только окровавленный серебряный кинжал в шаге от меня, наполовину занесенный первым снегом...

– Где... где... – Я медленно обвела взглядом просеку, ища аватара... и не находя его. – Да-а-а-а-анте-е-е-е!!!

Мой крик эхом отозвался где-то в вершинах деревьев, а в ответ раздался только быстро приближающийся тоскливый волчий вой. Подлунный выскочил на просеку раньше, чем я успела испугаться, и подбежал ко мне, тыкаясь носом в лицо, слизывая градом катящиеся по щекам горячие слезы.

«Сестра... мы думали... уже все».

– Еваника! – Ко мне подбежал Ветер плюхнулся на колени в снег и попытался отцепить намертво сжавшиеся на рукояти Дантова меча пальцы. – Я думал, все... конец. От гончих Дикой Охоты уйти... ну... это вообще... – Голос паренька дрожал и то и дело прерывался, у него никак не получалось разжать мои пальцы, пока на рукоять меча не легли тонкие руки дриады с обломанными ногтями.

По пальцам внешней водой потекло живительное тепло, я наконец-то сумела отнять ладони от меча и безвольной куклой осела на снег. Ветер поспешил поддержать меня за плечи, осторожно прижимая к себе, бледная как полотно дриада медленно уселась рядом, опустив голову и машинально теребя кончик длинной золотистой косы. Подлунный неторопливо прошелся вдоль цепочки кровавых капель на снегу и, дойдя до конца, поднял голову, глядя на меня.

«Сестра... твоего спутника... забрала Свора».

В грудь словно со всего размаха ударило кузнечным молотом. Сердце пропустило удар, а я медленно подняла взгляд на Подлунного, не веря, отказываясь верить...

И одновременно читая в светло-зеленых волчьих глазах приговор.

– Ев, я твою сумку захватил, – невпопад сказал Ветер, и плотину мнимого спокойствия внутри меня наконец-то прорвало.

Я нервно хихикнула. Волки обеспокоенно посмотрели на меня, но я уже не могла остановиться. Хихиканье стремительно переросло в громкий истерический смех пополам со слезами. Я хохотала и рыдала взахлеб одновременно, откинувшись на белый саван первого снега, не замечая ничего вокруг, отталкивая от себя руки Ветра и Ланнан, безуспешно пытавшихся меня успокоить.

Я смеялась и плакала, пока мои друзья хлопали меня по щекам, встряхивали, между делом умудряясь влить в рот приторное зелье, которым меня и вырвало на снег почти сразу. Слезы закончились, а истерика нет.

Кажется, сознание я потеряла еще до того, как мои спутники устали со мной возиться...

## ГЛАВА 12

День сменился ночью, следом за ним наступило новое утро. Которое по счету? Сложно сказать, я потеряла счет времени. Мысли были похожи на комковатое прокисшее тесто – нечто густое, противное, от чего я всеми силами старалась отгородиться. Я ела то, что давали, правда, кому-то из моих спутников постоянно приходилось мне напоминать – ложку надо не просто держать в руках, но иногда и подносить ко рту. Ложились спать, когда меня укладывали на расстеленное на земле одеяло, но забыться позволяла себе далеко не сразу. Ведь только во сне я вспоминала...

Бешеная гонка по оголившемуся в преддверии зимы лесу. Скользящая тропа под ногами,

метель, залепляющая глаза, и самое главное – горячая ладонь Данте, держащая меня за руку. С этого места каждый раз начинался один и тот же кошмар – я теряла своего аватара, позволяла себе выпустить его ладонь... Иногда в моих снах Данте обращался в меч. В тот самый, с которым я теперь не расставалась ни днем, ни ночью. Кажется, когда Ланнан попыталась забрать у меня клинок, я попросту ударила ее шаровой молнией. Без какого-либо предупреждения – просто сгенерировала заклинание не задумываясь. Хорошо хоть, что не особенно мощное, но с тех пор дриада сторонилась меня, как чумную. Или сумасшедшую, что более вероятно...

Впрочем, винить я ее за это не могла.

Мальчишка не отходил от меня ни на шаг. Он заботливо укутал осиротевший двуручный меч в один из запасных плащей, перетянул тонким плетеным пояском и оставил клинок на мое попечение. Право слово, я была ему за это благодарна. И еще Подлунный, все время находившийся рядом.

Разумный волк пытался достучаться до моего разума, я ощущала его попытки, будто бы собака скреблась в наглухо запертую дверь, скулила и повизгивала, словно прося впустить внутрь, в дом, но...

Не сейчас...

*Твоего спутника забрала Свора...*

Жестокие слова, после которых мне расхотелось жить.

Что я знаю о призрачной своре, неотступно преследующей выбранную Черным Охотником, предводителем Дикой Охоты, жертву? Да почти и ничего. Кроме того, что убивает жертву в первую очередь ее собственный страх. Именно он питает гончую, посланную по следам. Ужас прибавляет ей сил настолько, что гончая становится не просто пугающим призраком – она обретает плоть. По крайней мере, ее зубы уже могут рвать, а когти одним взмахом распороть жертве живот.

Тогда почему Данте?! Почему не я?

Почему Свора забрала *его*, если приходила за мной?

Чем я прогневила богов Вещего Капища, если мне навстречу были посланы призрачные гончие? Свора, которая может выходить в мир живых лишь в ночь Излома, да и то лишь по приказу Черного Охотника?

Не знаю... Не понимаю...

Что-то крутилось на грани сознания, какая-то догадка, но я никак не могла уловить ее, понять, осознать. Распутать этот клубок из острых, причиняющих боль нитей. В голове все словно перемешалось, когда всплыла фраза сказанная мне когда-то давно. Спокойным, хорошо поставленным голосом моего наставника.

*Фраза о том, что иногда можно вернуть похищенного Дикой Охотой.*

Эти слова, всплывшие откуда-то из глубин моей памяти, заставили меня подскочить на месте, встряхнуться и наконец-то очнуться. Что-то горячее упало мне на штанину, и я машинально стянула это нечто, оказавшееся походной кашей, на припорошенную снегом землю.

Я медленно подняла взгляд на уставившихся в мою сторону Ветра и Ланнан, посмотрела на уже темнеющее небо, затянутое низкими облаками, наконец-то почувствовала, как снежные пушинки мягко ложатся на озябшее лицо, и глубоко вздохнула. Едва заметно улыбнулась.

– Что уставились, как неродные?

– Евка, очнулась! – Ветер с радостным воплем подскочил ко мне, крепко обнимая за шею и выбивая из моих рук миску с кашей. Та плюхнулась доньшком вверх на снег, и хорошо, что не мне на ноги. – Я уж думал, все – рехнулась с концами! Два дня сидела, как помешанная, а сейчас очнулась! Как же я рад, не представляешь! Мы тебя даже до Лексея Вестникова довести не могли, ты все норовила свалиться с Подлунного...

– Представляю. – Я улыбнулась, приобнимая мальчишку за плечи, свободной рукой взъерошив ему волосы. – Тебе ж со мной возиться пришлось.

– Ну не только мне. – Ветер смутился, отодвигаясь назад и давая возможность Подлунному подобраться поближе и положить голову ко мне на колени.

«С возвращением, сестра».

– И это все, что ты можешь сказать, братишка? – усмехнулась я, принимаясь чесать разумного волка за ухом. – Складывается ощущение, что ты не очень-то и рад моему... возвращению.

«Рад. Даже очень. Но я вижу, как блестят твои глаза. Ты что-то задумала? Предупреждаю заранее, ночь Излома уже на подходе, до нее еще один закат и восход, и нам следует поторопиться».

«Это хорошо, что ночь Излома близко. Ты сказал, что Данте забрала Свора. – Я перешла на мысленную речь – что-то не давало мне покоя, и мне не хотелось говорить вслух о своей догадке. Во избежание... – Пояснить не хочешь?»

«Не уверен. Возможно, это сумеет объяснить седой волхв, к которому мы направлялись. Но я знаю, что Свора не растерзала твоего мужчину, она забрала его живым».

«Значит, у меня есть шанс». – Я выпрямилась и обвела взглядом наш небольшой лагерь.

«Я не совсем понимаю, что ты задумала, сестра, но если я чем-то могу тебе помочь – можешь на меня рассчитывать. И еще... – Подлунный поднялся и встряхнулся. – От дриады пахло кровью, когда она вернулась и забрала твоего... ученика с пути Своры. И это был запах твоей крови, Еваника».

«У нее в кармане был платок с моей кровью, но... я поняла. Можешь попросить своих собратьев ненавязчиво... приглядывать за ней, пока мы не попадем к Лексею Вестникову? Сейчас у меня совершенно иные планы, нежели разбираться с дочерью Древа, которая, скорее всего, попыталась зачерпнуть силы из валунов святилища. В любом случае, если она каким-то образом вызвала Свору, неважно, случайно или намеренно, то мы очень скоро об этом узнаем». – Я нехорошо улыбнулась, глядя куда-то в сторону, а Ветер, помогавший собирать остатки провизии в сумку, уловил эту улыбку, больше похожую на оскал, и едва заметно вздрогнул.

«Ты не станешь наказывать ее, сестра? Если это она натравила на тебя Свору...»

«То расплата за это придет очень и очень скоро. И поверь мне – как бы мы ни наказали ее сейчас, Свора за столь неслыханную наглость накажет ее гораздо страшнее. Если Ланнан ни в чем не виновата, ей ничто не грозит. Но если это она... Что ж, призрачные гончие умеют наказывать тех, кто посмел приказать им явиться до срока».

«Да будет так. Мы присмотрим за дочерью Древа, пока не окажемся у седого волхва. И если она виновна, то наказание придет не от нас».

«Именно».

– Ну что, мальчики и девочки, едем к моему наставнику? – нарочито бодро возвала я, поднимаясь на ноги и поплотнее закутываясь в теплую зимнюю куртку, стараясь не задумываться, куда делся разодранный кафтан. Сейчас это значения не имеет. Совершенно.

– Да мы едем, едем, – широко улыбнулся Ветер, шустро складывая одеяла и запихивая их в мою сумку, пока дриада молча забрасывала снегом тлеющие уголья.

– Ланнан, а ты что молчишь, словно воды в рот набрала? – ласково поинтересовалась я, сгибая и разгибая левую руку и с удивлением осознавая, что боль, мучившая меня в последнее время, пропала бесследно.

– Да не трожь ты ее, она всю ночь с тобой пробыла, ни на шаг не отходила. Не знаю, спала ли вообще, – встрял неугомонный мальчишка, подавая мне сумку. – Зато я тебе повязки на руке менял. Представляешь, у тебя рана открылась, кровила, словно только нанесенная, а к вечеру уже сама затянулась, я только пару раз успел повязку с мазью Элии сменить. Хорошее она снадобье дала, правда ведь?

– Правда, Ветерок. Правда. Всю ночь не спала, говоришь?

Похоже, все наконец-то становится на свои места. И если дриада действительно как-то повлияла на появление призрачной своры в Вещих Капищах за несколько дней до ночи

Излома, то я могу только посочувствовать Ланнан.

Но не стану.

До избушки Лексея Вестникова осталось всего ничего – к вечеру уже будем на месте, только если разумные волки немного подсуеются, а мне почему-то кажется, что они сами стремятся как можно быстрее оказаться дома.

Я уселась на Подлунного, и разумный волк длинно завыл, подняв морду к пасмурному небу. «Песню» эту подхватили и его собраты, волчий вой раскатился по гулкому зимнему лесу, эхом мечась посреди оголенных стволов, и оборвался так же неожиданно, как и начался.

Мы возвращались домой.

Ранний, оставшийся без седока, понуро опустил голову к земле, укрытой снежным одеялом, и у меня болезненно кольнуло сердце. Потом, все потом. Пока что у меня есть надежда. Пусть она хрупкая и зыбкая, как снежинка на ладони, но это лучше, чем совсем ничего.

Я пригнулась к спине Подлунного, одной рукой удерживаясь за загривок разумного волка, а другой прижимая к себе завернутый в плащ длинный двуручный меч Данте. Уникальные, на заказ сделанные и раскрывающиеся на две трети наподобие раковины ножны пропали вместе с аватаром, и как Ведущий Крыла будет таскать свой меч, пока не изготовят новые, понятия не имею... Хочу верить, что у меня будет еще возможность это узнать...

Предсказание безыменья все-таки сбылось, пусть я и не нашла в себе мужества, чтобы увидеть его до конца. Но теперь у нас с Данте есть шанс. Всего один шанс на возвращение, и я намерена его использовать.

Мне пришлось покрепче сжать колени, чтобы не свалиться со спины бегущего по заснеженному лесу разумного волка. Непривычно было держаться только одной рукой, одновременно пытаюсь поудобнее пристроить длинный клинок вдоль бока Подлунного. Ничего, потерплю.

Немного осталось.

Невысокая, слегка покосившаяся и потемневшая от времени и сырости калитка отчетливо виднелась в темноте благодаря снегу, ровным слоем запорошившего и маленький дворик, и широкую поляну перед забором. Я соскользнула со спины Подлунного и, удерживая в руках кажущийся легким длинный меч Данте, шагнула к калитке.

Здесь ничего не изменилось за те три года, что меня не было дома. Все та же резная калитка, кажущийся хлипким забор, который на самом деле оплетен защитными заклинаниями покрепче княжеского терема, и низенькая, словно вжимающаяся в землю избушка волхва с покатой крышей. Я полной грудью вдохнула стылый морозный воздух и медленно выдохнула, впуская в себя ощущение того, что я наконец-то вернулась. Словно стоит сделать еще одно усилие, всего шаг вперед, и калитка медленно, с едва слышным скрипом распахнется, и навстречу выйдет Лексей Вестников со ставшим привычным в последние годы посохом. Годы пригибали его к земле все сильнее и увереннее, но глаза наставника оставались такими же молодыми, как и во времена моего детства.

На миг видение стало таким явным, столь цепляющим за душу, что я невольно качнулась вперед, словно желая проверить догадку. Почудилось, что если прямо сейчас обернуться, то за спиной окажется веселая рыжекудрая полуэльфийка с любимым кинжалом на поясе, восседающая на темно-сером привередливом коне; у калитки будет прижиматься к сырым, холодным доскам большеглазая хрупкая девчонка в белом платице, и где-то над головой захлопают черные крылья, рассекающие воздух...

Я сжала пальцы на мече, обмотанном запасным плащом. Нет, не случится чуда. Нельзя вернуться в прошлое, как бы сильно этого ни хотелось. Но пока есть надежда... нужно смотреть в будущее без страха.

*...Ведь прошлое и будущее – это всего лишь круги на воде...*

– Еваника, что-то не так? – Ветер соскользнул со спины Снежной и подошел ко мне, настороженно глядя на оставленный без присмотра дом. – Твой наставник куда-то ушел?

– Да. Но судя по всему – недалеко и ненадолго, – улыбнулась я, машинально погладив мальчишку по голове. – Видишь, калитка закрыта на веревочку, а не на кованый крюк. Значит, Лексей вернется еще до ночи.

– Точно? А перепутать он не мог?

– Точно. На веревочке и крюке разные охранные заклятия, – пожала плечами я, оборачиваясь к Подлунному, и, опустившись на одно колено перед разумным волком, положила меч Данте на пушистое снежное покрывало.

«Спасибо за помощь, братишка. Без вас все сложилось бы намного хуже. До ночи Излома еще почти сутки, мы успели...»

«Успеть-то успели, да вот только сдается мне, все сложилось далеко не так, как ты хотела, сестра. – Подлунный сделал шаг навстречу и положил голову мне на плечо. Я не удержалась и крепко обняла разумного волка за шею. – Не торопись прощаться, сестренка. Я тебе еще пригожусь, вот увидишь. Ночь Излома впереди, и, как мне кажется, ты не будешь укрываться за крепкими стенами».

«Правильно кажется». – Я глубоко вздохнула и отстранилась, заглядывая в светлые волчьи глаза, едва-едва светящиеся в подступивших сумерках бледно-зеленым.

«Тогда – до скорой встречи, сестра».

Подлунный лизнул меня в щеку и, взмахнув хвостом, умчался по пышному снежному одеялу в лес, а следом за ним – и его сородичи, исполнившие обещание Серебряного о помощи. Я медленно поднялась и, подхватив меч, подошла к калитке, по-простому скидывая зачарованное кольцо-веревку с резного столбика. Заклинание, наложенное на веревку, узнало меня и позволило мне беспрепятственно войти во двор.

– Ветер, Ланнан, прошу вас, входите.

– А нас точно ничем не шарахнет? – опасливо поинтересовалась доселе молчавшая дриада, недоверчиво посматривая на еле слышно поскрипывающую на студеном ветру калитку.

– Можешь остаться на улице, – пожала плечами я, уже поднимаясь по добротному крыльцу.

Как я и предполагала, ночевать во дворе никто не пожелал.

Защитное заклятие на входе оплело мою ладонь холодной змеей, но все же признало и сгустками слабо светящегося тумана убралось обратно, впитываясь в дверную ручку, пропуская и меня, и моих спутников. Когда-то Лексей Вестников сказал, что я всегда буду желанной гостьей в этом доме.

Гостьей...

Я прошла сквозь темные, холодные сени, зажигая магический светлячок над головой, и очутилась в прохладной горнице. Похоже, что печь не растапливали со вчерашнего вечера, вот и вполз в комнату холод, а вместе с ним и осенняя сырость. Я бережно положила меч на узкую лавку у стола и, подойдя к печи, открыла заслонку, почти сразу же обнаружив в кучке подернувшегося белесым пеплом угля едва заметно мерцающие красные точки-глаза.

– Ну здравствуй, проказница, – улыбнулась я сжавшейся от холода и оттого почти погасшей саламандре. Огненная ящерка не замедлила показать мне длинный ярко-красный язычок и поглубже зарылась в пепел. – А я думала печку затопить. Помочь не хочешь?

Саламандра даже не шевельнулась. Ну еще бы...

– Ветерок, подай-ка пару полешек помельче, они в углу за печкой лежат, – попросила я.

Паренек, до того с интересом оглядывающийся по сторонам, наконец-то сгрузил на пол свою походную сумку и, небрежно бросив шапку на стол, стал принимать посильное участие в растопке печи.

– Ев, а ты с кем только что разговаривала? С домовым, что ли?

– Чудо в перьях, где ты домового в печке видел? – улыбнулась я, кладя по одному мелкие полешки в печь, немного потеснив недовольно заверещавшую ящерку. – Там

саламандра живет.

– Ящерица эта? – с сомнением протянул Ветер, заглядывая в печь и пытаясь подсветить себе крошечным белесым огоньком. – Что-то она невзрачная совсем, может, больная?

– Не, она просто замерзла. Сейчас огонь разведем, увидишь, какой красавицей станет. Только не смей ее трогать – без пальцев останешься. Она как-то раз по Вилькиному ножу побегала, так потом ту оплавленную железяку только выбросить оставалось.

– С характером зверушка, – усмехнулся паренек, возясь с застежкой наспинных ножен и снимая «выданный на сохранение» клинок.

– Не представляешь с каким. Из-за нее печку без присмотра оставлять нельзя – вылезет, и тогда по всему полу опять будут выжженные отпечатки лапок. – Я зажгла в ладони небольшой комок ярко-рыжего огня и осторожно закинула его в печное чрево.

Раздался негромкий хлопок, и почти сразу же в печке загудело ровное, сильное пламя. Саламандра, до того честно сидевшая в дальнем уголке печи, теперь забралась на сложенные горкой поленья и блаженно замерла. Ее чешуя, до того казавшаяся черной и тусклой, сейчас наливалась багровым сиянием. Еще немного – и опять эта мелкая зараза будет сиять, как пылающее сосновое полено, и хорошо, если не вздумает устроить диверсию и немного размяться, бегая по полу.

Ветер восторженно ахнул, наблюдая за стремительно меняющей цвет ящеркой, не забывая, впрочем, снимать с себя теплую зимнюю куртку и сапоги, а я оглядывала горницу, словно впервые ее увидев.

Наверное, такое же чувство было у каждого, кто покидал родной дом с намерением обзавестись своим собственным. Конечно, для тебя тут всегда будут распахнуты двери, ты всегда будешь желанным гостем, но именно гостем. Ты уже не сможешь переступить порог и, как когда-то давно, на всю горницу крикнуть «Я дома!». Просто потому, что это больше не твой дом. Вроде бы все осталось таким, каким было, но все же...

Не хватало каких-то мелочей, показывавших, что здесь живу я. Моя коллекция минералов, привезенная из поездки к Гномью Кряжу, исчезла с подоконника – я не забрала ее с собой, потому что сборы проходили в спешке, а вернуться за ней как-то не получилось. Не думаю, что наставник ее выбросил, скорее всего, она покоится в одном сундуке с моим лоскутным одеялом, зимней одеждой, а также пергаментами, где я оставляла записи об изученных заклинаниях. Широкая лавка в углу рядом с печью, на которой я спала, когда начинало холодать, уже не была завалена книгами и вещами, а оказалась застеленной новеньким покрывалом. Там, где обычно стояли мои поделки из древесных корней, теперь ютились плотно закрытые берестяные туески не то с лечебными мазями, не то просто с вареньем или медом.

Это больше не мой дом, и от осознания этого стало как-то слишком уж грустно. Как будто в прошлое ушло что-то очень важное в моей жизни. Ощущение защищенности. Ощущение того, что у тебя есть дом, где тебя ждут.

Говорят, что дом там, где твое сердце. Эта избушка в лесах неподалеку от Стольна Града была моим домом почти двадцать лет. А теперь я и сама не знала, где мой дом, потому что так и не нашла места, которому бы я могла отдать свое сердце...

За окном тихо заскрипела калитка, а полминуты спустя я услышала, как постукивает по добротному крыльцу дубовый посох. Хлопнула входная дверь, и я не удержалась – выбежала из горницы в сени, чтобы увидеть, как седой, с длинной окладистой бородой старик, покряхтывая, сгружает на пол потемневший от времени плетеный кузовок. Теплые карие глаза Лексея Вестникова задорно блеснули в мягком свете золотисто-рыжего магического светлячка, что вился над плечом моего наставника.

– А я-то думаю, кто у меня в избушке хозяйничает. Ну здравствуй, Ванечка. Надолго ль старика навестить собралась?

Я ничего не ответила – только метнулась к нему и, по-детски обнимая наставника за пояс и тихонечко всхлипывая, уткнулась лицом в пушистую, пахнущую травами и душистой древесной смолой бороду. Лексей неловко огладил меня по коротко остриженным волосам,

оставив в сторону дубовый посох.

– Ванька... Случилось чего? – негромко спросил он, легонько сжав мое плечо. Я выпрямилась и, утерев лицо рукавом, кивнула. – Раз такое дело, то давай я самовар поставлю, заварю кой-каких травок, а ты в кузовке моем порыскай – там пироги свежие, с вязигой, да и утка печеная есть. Сегодня только в Столен Граде на базаре у знакомой хозяйки выкупил. И ты мне расскажешь...

Наставник на миг запнулся, глядя куда-то поверх моей головы. Я обернулась и увидела Ветра, смущенно комкавшего в руках подол длинной шерстяной рубахи. Поняв, что на него наконец-то обратили внимание, мальчишка пригладил вихры и в пояс поклонился Лексею Вестникову.

– А это что за птенец залетный? Вань, твой ученик, что ли?

– Если бы, – вздохнула я, откидывая крышку кузовка и доставая оттуда завернутую в холстину давно остывшую печеную утку и узелок с пирожками. – Вообще-то история это долгая... Очень.

– Ну время у нас есть. – Лексей снял с себя запорошенный снегом теплый кафтан и, встряхнув его, повесил на вбитый в стену гвоздик. Присмотрелся ко мне. – Али нет совсем?

– Если и есть, то очень мало. – Я вручила продукты Ветру, и тот сразу же скрылся в горнице. – Наставник, со мной еще одна гостя... дочь Древа.

– Тогда идем, будешь знакомить. – Лексей тепло улыбнулся и зашагал к печке. – А потом ты мне расскажешь, как случилось так, что твой... хм... защитник отпустил тебя одну.

В сердце словно вонзилась тупая игла.

– А он... и не отпускал, – еле слышно шепнула я, с трудом удерживаясь, чтобы снова не расплакаться. – Лексей... мне жизненно необходим ваш совет...

– Значит, ты его получишь. – Он провел ладонью по моей голове, приглаживая встрепанные волосы, и обратился к Ветру: – Так, паренек, давай-ка ты мне поможешь самовар раздуть, пока Ванька с подружкой своей на стол соберут. Заодно покажу, как уговорить нашу огненную ящерку помочь по хозяйству.

Я окликнула Ланнан, отрешенно сидящую на лавке и невидящим взглядом уставившуюся на пляшущее в печке пламя. Дриада медленно подняла на меня усталый, словно больной взгляд, и поднялась с места, поначалу неловко помогая мне перекладывать пироги на деревянное блюдо, но понемногу приходя в себя и даже делая попытки поддержать разговор. Словно это не по мою, а по ее душу приходила призрачная свора.

Закипела вода в старинном пузатом самоваре, водруженном на стол наставником с помощью Ветра. Сильно запахло душистыми травами и лесной земляникой, спелой, только-только собранной с маленького кустика, с капельками росы на красных бочках. Откуда-то возник на столе плотно прикрытый туесок, в котором оказались пчелиные соты, полные тягучего, темного меда. Гречишный, похоже. Мой любимый.

Я невольно улыбнулась, наблюдая за тем, как наставник ставит на стол четыре расписные глиняные кружки, в том числе и мою – с ярко-красными лошадами и отколотым кусочком с краю. До сих пор помню, как в возрасте лет десяти слезно умоляла Лексея купить эту самую кружку на какой-то ярмарке в гончарной лавке. И сколько счастья мне было, когда наставник эту самую кружку мне все-таки подарил, несмотря на явно завышенную цену, названную продавцом.

За плотно прикрытыми ставнями завывал суровый северный ветер, бились в оконное стекло из горного хрусталя колкие снежинки, а я сидела, потягивая пряный травяной настой из надколотой глиняной кружки, и впервые за долгое время ощущала себя совершенно спокойно.

Как в краткое затишье перед бурей...

Долгим был этот разговор, ох каким долгим. Поначалу мы сидели вчетвером за одним столом – мы с Ветром рассказывали о наших приключениях, то и дело перебивая друг друга, а Лексей Вестников слушал, время от времени уточняя интересующие его подробности.

Чему учили Ветра, пока он был у эльфов? Какая стихия послушней всего его воле? Впрочем, об уже изученных заклинаниях наставник не спрашивал, искоса поглядывая в сторону притихшей дриады, а я не торопилась поведать ни о призрачных гончих, ни о Данте.

Время для этой темы настало уже после того, как Лексей отвел ключющего носом Ветра в мою «детскую» комнату, а я разместила Ланнан на втором этаже, где и раньше-то хранилось много чего интересного, а сейчас получился практически склад неизвестно чего. Пока я разбирала место на полу, до того заставленном не шибко легкими плетеными коробами, дважды натыкалась на побитый жизнью, сломанный пополам посох с обугленным навершием. Почему Лексей его не выбросил – понятия не имею. Даже на мой «дилетантский» взгляд вещь была безнадежно испорчена и восстановлению не подлежала, но зачем-то ведь наставник хранил ее на втором этаже, бережно завернутую в мешковину. Мало ли с какими событиями связан у него этот поломанный посох, который я когда-то давно видела в руках старого волхва.

Кончиками пальцев я скользнула по гладко отполированному ясеню – дерево почему-то было странно теплым на ощупь, словно сохранилась в нем еще какая-то непонятная мне сила. Искусная резьба сплеталась в причудливые завитки, старинные руны, вырезанные на светлом ясене, казались всплывающими из естественных прожилок в дереве – столь тонко они были нанесены на посох. Я водила по ним ладонью и на какой-то миг осознала, что это такое. Охранное заклинание, вплетенное в предмет, сросшееся с ним настолько тесно, что, когда оно было сломано, посох разрушился. Глубокая трещина разделила вычурную рунную вязь, разломила ясень наискось.

– Интересно, кем надо было быть, чтобы сломать столь мощный оберег? – поинтересовалась дриада, выглянувшая из-за моего плеча и с интересом рассматривая посох у меня на коленях.

– Не знаю. Надеюсь только, что с этим кем-то мы никогда не столкнемся, – пожала плечами я, бережно заворачивая обломки обратно в мешковину и перевязывая сверток найденным в кармане штанов шнурком для волос.

– Ев, я бы предложила попробовать во-он те короба поставить на сундук, а то, боюсь, нам места в этом хранилище может не хватить, – улыбнулась Ланнан.

Я только кивнула, откладывая отслуживший свое артефакт в сторонку, рядом с высоким берестяным тусом, крышка которого была залита воском.

С грехом пополам после долгих переключиваний и перестановок нам с дриадой все же удалось разместить на полу два набитых душистыми сушеными травами тюфяка вместе с подушками и одеялами. Я оставила на крышке сундука зажженную свечу и уже собиралась уходить, как меня окликнула Ланнан.

Я обернулась, и на миг мне показалось, будто бы причудливая тень на стене дрогнула, принимая очертания оскаленной звериной морды. Вытянутой такой, с провалами глазниц.

Мельком виденной во время бешеной гонки по Вещим Капищам.

– Да?

– Просто... спасибо за все. – Дриада поспешно загасила свечу и принялась раздеваться в почти полной темноте.

Я еще немного постояла в дверях, а потом вышла. Значит, я все-таки была права...

Наставник терпеливо дожидался меня в горнице, устало облокотившись на полированную столешницу. Я смотрела на него и осознала, насколько же он постарел за то время, что мы с ним не виделись. И длинная борода, и аккуратно убранные в хвост волосы окончательно поседели, словно их присыпал не тающий в домашнем тепле снег, загорелое лицо, исчерченное морщинами, похудело, скулы заострились, и лишь глаза мягко блестели в зыбком свете свечей, как молодые. Длинные, изящные пальцы волхва машинально оглаживали поверхность стола, рисуя невидимые узоры, а старинный серебряный перстень с золотисто-рыжим янтарем на мизинце правой руки выглядел каким-то тусклым, утратившим свое обычное сияние. Крошечные золотые искорки, мерцавшие в глубине камня, сейчас почти пропали, да и само кольцо потемнело, хотя раньше блестело так, будто бы его

ежедневно чистили песком и мелом.

– Стар я уже стал, Ванька, на покой пора, – мягко улыбнулся наставник, пододвигая ко мне кружку с горячим, исходящим паром медвяным настоем.

– Вы еще меня переживете, – невесело усмехнулась я, присаживаясь на лавку и берясь обеими руками за предложенную кружку, согревая холодные ладони.

– Это мы еще посмотрим. – Наставник машинально огладил пышную бороду. – А теперь, Еваника, рассказывай о том, куда подевала своего аватара, меч которого ты притащила отдельно от владельца ко мне в дом, и почему водишь с собой дриаду, отмеченную Дикой Охотой. Ты ведь не ее спасти пожелала, спрятав тут, ведь так?

– Не ее. – Я подняла взгляд на Лексея Вестникова, впервые ощущая себя не просто его ученицей, а коллегой, самостоятельной ведуньей, пришедшей не под теплое и надежное крылышко наставника, а испросить совета, как у старшего волхва. – История долгая, но если кратко – Данте забрала призрачная свора, но я намерена его вернуть. Во что бы то ни стало.

– Ванька, а ты ведь не только за себя теперь отвечаешь, – покачал головой Лексей, подпирая щеку кулаком. – Ты королева и не можешь просто так отмахнуться от этой ответственности, и уж тем более – не можешь рисковать собой попусту. От тебя зависит твой народ...

– Наставник, вы уж извините меня за резкость... – я невольно сдвинула кружку в руках так, что та едва не треснула, – но я и так слишком многим пожертвовала ради этой ответственности, которая мне и даром-то нужна не была. Данте каким-то образом отвел от меня призрачных гончих. Не знаю, как он это сделал, как отвел погоню от меня, как добился всего за несколько секунд того, чтобы гончие бросили свою жертву и устремились за ним... Но я знаю, что он еще жив, и я хочу его вернуть.

– Он действительно любил тебя, девонька, – вздохнул наставник, а у меня захолонуло сердце. – Или же настолько оказался тебе предан, что принес себя в добровольную жертву Дикой Охоте. По собственной воле ушел в свиту ныне забытого бога войны и доблести на поле битвы. Возможно, твой аватар когда-то поклонялся этому богу или же просто очень хорошо знал те обычаи. Потому что доблестный воин мог загородить собою своего короля даже от Дикой Охоты, отдавая свою жизнь и душу в служение Черному Охотнику, что скачет в ночь Излома во главе призрачной свиты. И только в таком случае Свора щадит свою жертву, оставаясь голодной. А защитившего забирают с собой... После Излома осени, после первого своего Дикого Гона, Данте уже никогда не вернется в мир живых, навсегда став частью призрачной свиты.

– Я помню, что когда-то вы говорили, что человека можно вернуть, выдернуть из Дикой Охоты. Я хочу знать, как это сделать. Вот и все. Мне нужно только знание. Помощь... помощь мне уже не потребуется.

– Она тебе не потребуется, если ты сунешься к призрачной свите очертя голову, – нахмурился наставник, барабанил пальцами по столешнице. – По-хорошему, я должен тебе сказать, что такого способа не существует, тогда ты хотя бы успокоилась. А со временем и смирилась бы.

– Не смирюсь, и вы это знаете.

– Потому я с тобой сейчас и разговариваю. – Лексей Вестников отхлебнул из кружкипряного настоя и задумчиво уставился на пляшущее в печке пламя. – Ты ведь все равно попытаешься на Излом осени встать на пути Дикой Охоты. Она тебя сомнет, переломит, отбросит со своей дороги, как иссушенную солнцем былинку, и в этом будет частично моя вина. И я не смогу простить себе, что отправил тебя на смерть, даже не подготовив к тому, с чем ты наверняка столкнешься. Мой долг отговорить тебя от этой затеи, и если бы я знал тебя чуточку хуже, то непременно так и сделал бы. Ты королева, у тебя есть обязательства перед народом айранитов. – Тут он протянул руку и взял меня за ладонь, на которой белела тонкая полоска. – А еще у тебя есть обязательство перед тем, из-за кого у тебя остался этот шрам, который обязан был зажить, если бы не являлся символом договора. Как я понимаю, это не мальчик и не дриада?

- Правильно понимаете.
- Что это был за ритуал?
- «Поворот», выполняемый мной.

– Значит, над тем человеком висит «долг крови», иначе от шрама не осталось бы и следа на следующее утро. Еваника, ты хоть отдаешь себе отчет в том, что произойдет с твоим должником, если ты погибнешь, став на пути Дикой Охоты? – Наставник сжал мою ладонь, заглядывая мне в глаза. – Он не выживет, в этом даже не сомневайся. Более того, он не сможет даже до конца умереть, обреченный скитаться по Грани. У некромантов суровые условия «долга крови», настолько же суровые, как и их существование между жизнью и смертью. Его жизнь... более того, его смерть, зависит от тебя. Ты уверена, что готова рискнуть не только собой, но и им, а в случае неудачи утянуть его вслед за собой на тот свет, в безвременье без права перерождения или покоя?

– Наставник... По-моему, вы не понимаете... – Я нахмурилась, ощущая, как мир вокруг стал невероятно четким и ясным, как мелкие детали становятся ярче и заметнее. Значит, опять мои глаза затянуло черной блестящей пленкой, превратив их в холодные зеркала айранита. – Без Данте мне не нужен этот мир. Мне не нужно ни королевство, ни собственная жизнь. И уж тем более – не нужен некромант, который решил пойти своим путем, поскольку побоялся идти со мной через Вещие Капища. Если я не сумею вытащить Данте, то мне уже все равно, что будет с Андарионом. В конце концов, айраниты найдут себе нового короля, жили же они как-то без меня. И дальше проживут, в этом я не сомневаюсь. Мне все равно, что станет с Ладиславом, для меня все закончилось еще в Капищах, когда Данте забрали. Я согласна умереть без него, но жить в его отсутствие – это для меня уже слишком. Можете считать меня сколь угодно безрассудной и эгоистичной, но помогите советом, если можете. В противном случае я все равно встану на пути Дикой Охоты в ночь Излома, и остановить меня не получится. Об одном прошу – о Ветре позаботьтесь, мальчику очень нужен хороший наставник.

– Знаешь... почему-то другого я от тебя и не ждал. – Лексей грустно улыбнулся и потечески погладил меня по голове. – Я постараюсь тебе помочь... и отправлюсь с тобой на Излом осени. Все равно Серебряный обещал еще разок покатать на себе во время Дикого Гона. Прослежу, чтобы все удалось, быть может, помогу чем, но все равно... самое трудное достанется тебе. Я не знаю точно, что тебя ждет, но запомни одно: не смей сдаваться. Как только ты окажешься в призрачной свите, пути назад уже не будет – только вперед, к поставленной цели. Как бы ни было больно или страшно, если ты повернешь назад, хотя бы на миг усомнишься в себе – ты погибла. Дикая Охота не терпит малодушия, а Черный Охотник не простит тебе слабости. Поэтому подумай еще раз, прежде чем решиться. Сила истинной королевы тебе не поможет, магия – тоже. Только твое упорство в достижении цели, готовность выкладываться до конца... и твое почти ослиное упрямство, которое в детстве частенько тебя подводило. – Наставник вздохнул и отставил в сторону недопитую кружку с отваром. – Переложил я меда, теперь до утра не засну, – почему-то пожаловался он, а мне, как ни странно, стало чуточку легче. Хотя что-то в этом мире оставалось неизменным, и это вселяло определенную надежду.

– Данте не побоялся защитить меня. Значит, я не имею права повернуть назад.

– Излом осени завтрашней ночью. – Лексей Вестников с трудом поднялся с лавки и положил ладонь мне на плечо. Осторожно сжал. – Советую тебе отдохнуть как следует и крепко подумать. Хотя, как мне кажется, ты уже не отступишься. Не знаю, скорбеть ли мне о том, что ученица выросла настолько упрямой, или же гордиться твоей целеустремленностью.

– А вот наутро после ночи Излома и определитесь, – улыбнулась я, возвращая своим глазам нормальный, человеческий вид.

– Непременно. А теперь... Иди-ка ты спать, Ванька. Утро вечера мудренее.

– Вы правы. Впрочем, как всегда. – Я поднялась из-за стола, машинально заправляя за ухо прядь волос. – Я в последнее время и вправду плохо спала.

– Я бы сказал – отвратительно. В зеркало-то давно смотрелась последний раз? –

усмехнулся Алексей, задувая свечу, стоящую на столе. – Похоже, завтра придется тебя поднять с утра пораньше да в баньку загнать. Авось не стыдно будет предстать перед Дикой Охотой.

– Может, стоит вас послушаться? – Очередной зевот пришлось сглатывать в кулак. – Вдруг будет мне такое счастье, что, увидев меня, страшную, невымытую-нечесаную, Черный Охотник сам выдаст мне требуемое.

– Ванька, – с укоризной проговорил наставник, ненавязчиво подталкивая меня в сторону лестницы, ведущей на второй этаж, – охотник душу насквозь видит, что ему до телесной оболочки, как бы она ни выглядела? Самые лучшие алмазы зачастую скрываются в весьма непритязательной с виду глыбе каменного угля.

В ответ я только руками развела, торопясь подняться на второй этаж по узкой скрипучей лестнице. Как там говорится в мудром изречении – «будет день, будет пища». Мне действительно нужно отдохнуть, а там...

Как судьба паутину сплетет...

## ГЛАВА 13

Наставник в кои-то веки не стал исполнять угрозу о пробудке с утра пораньше и честно дал мне выспаться. В эту ночь меня не донимали ни кошмары, ни воспоминания – я попросту отключилась, стоило мне только улечься на тюфяк, набитый душистыми травами. Остаток ночи и большую часть утра словно лешавка помелом смахнула – когда я открыла глаза, в окно лился тусклый свет пасмурного зимнего дня.

С наступлением сумерек нужно ждать Дикую Охоту, а до того...

Я вскочила с лежанки, начиная одеваться прямо на ходу. Пока я прыгала на одной ноге, пытаясь попасть второй в штанину, дверь открылась и на пороге возник Ветер с глиняным кувшином и полотенцем, перекинутым через плечо.

– Ев, ты что, зарядкой с утра пораньше занимаешься? – улыбнулся тот, наблюдая за моими прыжками.

Я налетела бедром на угол сундука, чертыхнулась и едва не упала, но одеться у меня все же получилось.

– Ветер, скажи честно, тебе понравилось меня будить?

– Можно подумать, ты этим не занималась на протяжении всего пути.

– Это еще не значит, что тебе тоже можно! – возмутилась я, обуваясь и подходя к мальчишке, с подозрением глядя на содержимое кувшина. – Это что, вода?

– Ну да, а разве не похоже? – невинно захлопал ресничками паренек, почему-то отступая на шаг назад.

– И зачем? – Я задумчиво улыбнулась, переводя взгляд с кувшина на Ветерка.

Тот сдернул с плеча полотенце и, размахивая им, как флагом, отступил еще на пару шагов к двери.

– Как зачем? Умываться!

– Без таза? Ну если ты называешь выливание воды мне на голову умыванием... – Я с хрустом размяла пальцы и создала в ладонях парочку миниатюрных шаровых молний.

– Эй-эй, я же ничего не сдела-а-а-ал! – взвыл Ветер, шустро разворачиваясь на пятках и выбегая в дверь.

– Но собирался! – радостно расхохоталась я, устремляясь следом за мальчишкой.

Тот, не будь дурак, не стал даже пробовать пробежаться по узкой лесенке, рискуя оступиться и свернуть себе шею, а попросту скакнул вперед, активируя левитационное заклинание и аккуратно приземляясь на нижней ступеньке.

Хорошо хоть, что в свое время Алексей Вестников оплел свое жилище обережными заклинаниями так, что сотворить в доме что-то мало-мальски серьезное не получится – в силе только бытовые заклинания, левитация и баловство вроде почти безболезненных шаровых молний. Правда, такую защиту в доме наставник создал только после того, как я по

младости лет едва не спалила свою комнату, возжелав потренироваться с зажиганием свечи с помощью магии. Переборщила, и вместо фитилька свечи загорелась крышка сундука, на которой та стояла. Крику бы-ы-ыло... зато с тех пор Лексей и озабочился зачаровыванием дома не только снаружи, но изнутри. Результаты впечатляли, да...

Я не стала повторять действия Ветра, попросту метнула в него одну из миниатюрных шаровых молний, которая пролетела через половину горницы и уже почти угодила мальчишке чуть пониже спины, как вдруг замерла и с тихим хлопком пропала.

– Ванька, я не понял, ты мне ученика привела или сама решила им заниматься? – раздался от дверей голос Лексея Вестникова.

Я ойкнула и попятилась, устыдившись своего помятого вида, никоим образом не соответствующего ни самостоятельной ведунье, ни тем более королеве Андариона, пусть и путешествующей инкогнито.

– Пока еще не определилась, а что?

– Не слушайте ее, – улыбнулся Ветер. – Я вот ей боевой дух с утра пораньше поднять хотел, а она разозлилась и сразу молниями швыряться! Не ценит она моих усилий, ой не ценит, – «горестно» запричитал мальчишка, аккуратно ставя кувшин с водой на столешницу и вытирая мокрые руки о подол длинной шерстяной рубашки, подпоясанной невесть где выкопанным узорчатым поясом, в котором я, как ни странно, признала свой первый собственноручно сделанный оберег «на удачу».

– Почему не ценю? – улыбнулась я, спускаясь по лестнице и отнимая у Ветра полотенце. – Боевой дух-то поднялся. К тому же я не всерьез разозлилась.

– А когда всерьез разозлишься, совсем убьешь? – не то с надеждой, не то с опаской поинтересовался паренек, с готовностью пододвигая ко мне по лавке умывальный тазик.

– Не, голову снять с плеч прикажу, – усмехнулась я. – Полей воды на руки, а?

– Тоже мне королева нашлась... – Ветер щелкнул пальцами, и глиняный кувшин приподнялся над столом, перелетел поближе ко мне и слегка наклонился так, чтобы тоненькая струйка воды лилась мне на подставленные ладони.

Пока я умывалась и приглаживала волосы, Лексей выставил на стол горшок с гречневой кашей, пару расписных мисок и резные деревянные ложки, а сам уселся на лавку, наблюдая за тем, как мы с Ветром завтракаем.

Странное дело, но я ощущала спокойное умиротворение, пускай и до ночи осеннего Излома оставалось всего лишь несколько часов. Словно весь страх остался где-то позади – не то на заснеженной просеке, не то в Вещих Капищах, не знаю, но сейчас я уже не боялась. Если мне суждено пережить эту ночь, скорее всего, я еще вспомню об этом выматывающем чувстве. Или же позабуду навсегда. Как повезет, что называется.

Насколько я знала, Данте никогда и ничего не боялся. Только последнюю пару лет в его глазах иногда мелькали искорки страха, но уже не за себя. Знал бы Ведущий Крыла, сколько раз я завидовала его спокойствию и уверенности, которых мне так часто не хватало. Восхищалась его талантом найти нужные слова даже там, где слов, как мне казалось, найти было нельзя. Или же промолчать тогда, когда я бы уже рвала и метала. Неужели он когда-то давно действительно оказался на пути Дикой Охоты – и остался жив? Или на его родине помнили и почитали предводителя призрачной свиты? Откуда он знал, как можно меня защитить от вырвавшейся на свободу прежде срока призрачной своры?

Почему-то я никогда не спрашивала Данте, во что он верит, хотя наверняка получила бы ответ на свой вопрос. Наверное, потому, что считала веру Данте в себя и свой клинок единственно правильной. И, скорее всего, ошиблась. Душа Ведущего Крыла оказалась еще большими потемками, чем тайные коридоры Темного Крова, где я как-то раз побывала. До сих пор с содроганием вспоминаю величественные, с высокими потолками галереи, в нишах стен которых при моем приближении зажигались зеленоватые магические светильники. Они же гасли у Меня за спиной, стоило только отойти на полтора-два десятка шагов. Из всех звуков – только шум крови в ушах Да отголоски собственных шагов. Ведущий Крыла, устроивший мне эту небольшую экскурсию, двигался совершенно бесшумно и мягко, словно

призрак, но если бы не он, я даже не рискнула бы сунуться в этот запутанный лабиринт. Побоялась бы заблудиться и остаться там навсегда.

Впрочем, когда мы уже возвращались из подземелья, я заметила тоненький лучик золотистого солнечного света за углом одного из боковых ответвлений коридора и, не удержавшись, направилась посмотреть, что там.

Данте перехватил меня за руку, силой оттаскивая обратно от самого входа в залитое светом помещение, но я успела увидеть поражающий красотой округлый зал с невысоким трехступенчатым постаментом идеально круглой формы, сплошь изрезанным какими-то письменами. Небольшая площадка в центре зала была выложена драгоценными камнями, на них падал узкий луч солнечного света из небольшого отверстия в потолке, и отблески камней «рисовали» на золотистых стенах изображение широко распахнутых крыльев. Что такого страшного было в этом зале, от которого просто-таки веяло теплом, я так и не поняла, а Данте отказался хоть что-то объяснить. Он просто увел меня из этого коридора, не реагируя ни на просьбы, ни на прямые приказы, не давая себе труда проронить хотя бы слово, но глаза его еще долго сохраняли вид черных непроницаемых зеркал.

Что испугало или обеспокоило Ведущего Крыла, я не знаю до сих пор, а выяснить так и не удалось. Но чудесный зал, округлые стены которого были словно затянуты золотистой переливчатой пленкой, раз и навсегда отпечатались в моей памяти. Как и ощущение, пришедшее от Небесного Хрусталя в короне, – здесь, в этом месте, сокрыто *наше предназначение...*

– Ев, а мы тебе баню затопили! – В горницу вошла непривычно бодрая, раскрасневшаяся после парилки дриада, завернутая в какой-то немыслимых размеров кафтан и в валенках на босу ногу. Длинные, достигающие колен, распущенные волосы она кое-как подобрала, но все равно часть прядей болталась в воздухе, роняя на пол капельки воды. – Привела б себя хоть в порядок, а то страшно смотреть.

– То ли еще завтра будет, – невесело усмехнулась я, откладывая ложку и поднимаясь из-за стола. – Наставник, надеюсь, мои старые вещи вы так и не выбросили? А то жалко мне хорошую куртку на такое гиблое дело.

– Не выбросил, не переживай. – Лексей улыбнулся, и камень в его перстне едва заметно сверкнул золотистым огоньком. – На чердаке все в большом сундуке лежит, никуда не делось. Я же знал, что ты еще непременно вернешься.

– Да куда б я делась-то, в самом деле... Но все равно – спасибо.

Я обогнула Ланнан, подсевшую поближе к печи, чтобы просушить волосы, и почти бегом устремилась наверх. Надо бы разыскать в сундуке кафтан или куртку попроще – все равно в ночь Излома я буду в ипостаси айранита, а отращивать крылья в хорошей зимней куртке неудобно. Рубашка с прорезями на спине у меня есть, но не щеголять же в такой перед Ветром и Ланнан. Хотя если перед мальчишкой еще можно, то вот дриада в последнее время вызывает у меня все больше обоснованных подозрений. Настолько, что я уже, по правде говоря, опасаясь оставлять ее на Излом с Ветром в одном доме. Конечно, колдовать ничего нехорошего она не сможет – пытаться чаровать в ночь Дикой Охоты это надо совсем головы не иметь, волшба привлекает призрачную свиту так же верно, как свежая кровь охотничью стаю, да и дом Лексея Вестникова своего рода зачарованная крепость, как снаружи, так и изнутри, но...

Чем черт не шутит, а шутки у представителей этой подземной нечисти те еще.

В любом случае, я успела заметить сегодня утром на мальчишке еще один весьма качественный охранный оберег – на его поясе теперь красовалась небольшая узорчатая застежка-фибула с капелькой янтаря на головке булавки. Помню я эту фибулу, сама когда-то носила ее в пору ученичества, а зачем она в свое время понадобилась наставнику, понятия не имею. Но застежка отражает магию, направленную на своего владельца, причем, не позволяя и носящему ее колдовать в полную силу. Для мальчишки такое ограничение даже на пользу – пока он будет у наставника, страшнее Ланнан тут никто не объявится, а если дриада захочет совершить очередную глупость... что ж, я могу ей только посочувствовать.

Только я не думаю, что сегодня ночью кто-то отважится выбраться из дома и рискнуть попасться на пути Дикой Охоты. Ведь если ты не можешь присоединиться к Гоню – ты жертва, кем бы ни был. Хотя и это правило срабатывает не для всех, всегда есть исключения.

Я наконец-то вытащила из сундука несколько мятый серый шерстяной кафтан с темно-синим узором на рукавах и груди и, критически осмотрев и найдя на подоле пару дырок, проеденных молью, отложила в сторону рядом с убитыми жизнью шерстяными штанами. Думаю, я не сильно выросла из этих вещей, а даже если и так – ничего страшного. Все равно поутру я их выброшу... или же меня в них похоронят, но мне в таком случае разницы никакой уже не будет.

С этими мыслями я закрыла крышку сундука, подхватила заранее выуженное широкое полотенце, длинную теплую сорочку и частый гребень и направилась к двери. Валенки позаимствую у Ланнан, все равно я никогда не принадлежала к тем сумасшедшим, которые зимой из бани в дом бегут босиком по свежевывавшему снегу. Для этого я всегда была чересчур мерзлява, а попытки наставника заставить меня закаляться путем пробежек зимой в одной рубашке и летних штанах провалились после того, как я пару раз всерьез простыла и Лексею Вестникову приходилось по полмесяца меня выхаживать. Подозреваю, что сейчас, когда я обрела вторую ипостась, вряд ли я свалюсь с горячкой после подобной пробежки, но проверять это без острой на то необходимости не возникало ни малейшего желания.

Во дворе оказалось холодно, промозгло и очень сыро. Северный ветер гнал по небу тяжелые свинцовые тучи, из которых сыпался мелкий, колкий, будто бы крупа, снег. Я поежилась, плотнее закутываясь в снятый с гвоздика в сенях теплый кафтан, принадлежавший Лексею, а в последнее время приспособленный под «банное одеяние», и, перебросив через плечо полотенце, побежала к построенной в двух десятках шагов от крыльца неказистой на первый взгляд баньке.

Лес, утонувший в ранних густых сумерках, казался безжизненным и каким-то вымершим. Тишина, заполнившая знакомый с детства лес и обычно приносящая умиротворение и спокойствие, сейчас казалась какой-то жутковатой, вязкой, забивающей уши и окутывающей холодным саваном. Изредка только под ногами с тихим треском ломались тонкие сухие веточки, как будто я шла по оголенным птичьим костям. Даже воздух в лесу утратил свою живительную силу и сейчас с трудом проталкивался в легкие, то и дело окатывая лицо и шею холодным, вязким потоком.

Я шла за Лексеем Вестниковым по узкой звериной тропе, не зажигая магического светлячка. Но если я видела все довольно четко благодаря зрению айранита – и черные стволы деревьев, и нагромождения темно-серых веток валежника на припорошенных белым снегом полянах, – то как здесь ориентировался мой наставник, оставалось только гадать.

С наступлением сумерек мы со старым волхвом покинули надежное убежище, крепко-накрепко наказав Ветру не сметь даже носа высовывать за порог дома. Я лично проверила, заперты ли все ставни в избушке, а для надежности – еще и зачаровала их так, чтобы открывались не с первого раза. На всякий случай. А еще оставила мальчишке на сохранение меч Данте и свою знахарскую сумку со словами, что, если я не вернусь, артефактную торбу и все, что в ней, он сможет считать подарком себе для наилучшего начинания самостоятельного жизненного пути. Правда, в ответ вместо благодарности получила мрачное: «Только попробуй не вернуться – с того света достану». Надеюсь, Ветер это не всерьез и не пойдет по стопам Ладислава, лишь бы исполнить свою угрозу.

Ланнан, вышедшая провожать нас, так и не рискнула с наступлением темноты переступить порог избушки – держалась на свету зеленоватого волшебного светлячка, тени от которого ложились на лицо дриады, превращая его в жутковатую маску. Я ничего не стала ей говорить – вот если я встречу рассвет и вернусь... Тогда и поговорим. И о том, почему нельзя пытаться зачерпнуть «дармовой» силушки из древних камней наперекор предупреждениям и запретам, а также отчего не стоит скрываться за камнями Круга, надеясь, что ненароком вызванная раньше времени призрачная свора обойдет ее стороной – и ринется

на ту, от которой пахнет свежeproлитой кровью.

И для дриады будет лучше, если случившееся в Вещих Капищах просто череда неудачных совпадений...

Ледяной ветер скользнул по лицу, залез под воротник старенького кафтана, надетого поверх айранитской рубашки с прорезями на спине. Где-то довольно громко хрустнул валежник, а потом вновь стало тихо. Алексей Вестников остановился, тяжело опираясь на отполированный посох и вглядываясь в темноту, не разгоняемую даже поднявшейся над лесом серебристо-белой луной, щедро разливающей свой зыбкий, прохладный свет в бархатисто-черном небе.

Вдалеке послышался долгий, протяжный, до костей пробирающий волчий вой, в котором воедино слились и непомерное одиночество, и жажда единства со стаей. Я невольно подобралась, шагнула ближе к наставнику, оглядываясь вокруг. Может, оно и к лучшему, что мы не зажигали волшебных светляков – тогда почти невозможно было бы определить, где тень, отбрасывая кустом или деревом, а где лесной зверь.

Волчья песня вторично разнеслась над испуганно притихшим лесом – и на этот раз была подхвачена десятками других «голосов». Гулкий, басовитый вой изредка перекликался со звонким, твякающим, но и он не перекрывал чистой, протяжной «лунной песни» вожака разумных волков. Серебряный собирал свою стаю, свой народ, всех тех, кто мог и хотел принимать участие в Диком Гоне, который пронесется по земле вслед за призрачной свитой, что скачет в небесах под лунным светом, и его вой был как звук охотничьего рожка для собачьей своры.

Алексей Вестников молчал, все так же опираясь на посох, вот только выпрямился и не напоминал уже древнего, согбенного пронесшимися над головой годами и грузом знаний старика. В неясных сумерках мой наставник показался мне таким же, каким я помнила его в детстве – сильным, уверенным в себе человеком, для которого посох в руках всего лишь удобная палка, а не жизненная необходимость. Я шагнула вперед, чтобы заглянуть ему в лицо, – да, так и есть. В глазах наставника едва заметно мерцали золотистые огоньки, перекликаясь с искорками пламени в старинном перстне с янтарем. Алексей помолодел на глазах – или же просто раньше он *хотел* казаться стариком, а сейчас перестал притворяться.

– Ну Ванька, готовься. Скоро Серебряный со стаей тут будет. Страшно, да? – Наставник посмотрел на меня и широко улыбнулся. – Ты не бойся, доченька. Главное, когда будешь *там*, не бояться. Запомни раз и навсегда: если ты не можешь стать частью Дикого Гона, то становишься жертвой. И Черный Охотник не посмотрит на то, королева ты или просто залетная ведьма на помеле.

Волчья песнь оборвалась на самой высокой ноте – и все стихло.

– Допел Серебряный, – вздохнул наставник, кладя ладонь мне на плечо и крепко сдавливая. Рука не по-старчески сильная и жесткая. – Значит, сейчас по этой тропе поведет свою стаю. Останавливаться они не станут, разве что сбавят чуток шаг, чтобы взять пассажиров, то есть нас с тобой. Твое дело взобраться на спину одному из волков, а там от нас, почитай, и не зависит ничего. Серебряный сам выведет стаю к Дикой Охоте, а дальше... Дальше ты весьма обрадуешься, что у тебя есть крылья, доченька. Или же проклянешь свою затею.

Я лишь кивнула в ответ, до рези в глазах всматриваясь в холодный сумрак, откуда уже слышались короткие «перекликания» разумных волков. Не прошлой минуты, как на тропе перед нами показался здоровущий белоснежный волк с ярко горящими в темноте светло-зелеными точками зрачков. Он даже не поздоровался, только приостановился на несколько секунд, поравнявшись с Лексеем, и почти сразу же умчался вперед, унося на своей спине моего наставника. Я же осталась стоять на тропе, а мимо меня скользили серые тела волков, не задерживающихся для того, чтобы взять на свою спину человека, они только недовольно огрызались или ворчали, когда им приходилось огибать столбом застывшую лесную ведунью.

Не до меня им сейчас – в их крови играет еле слышно рог Черного Охотника, лунный

свет, едва-едва проникающий сквозь лесную чащу, высвечивает серебром их зимние шубы, а неумолимо надвигающийся Излом осени подгоняет, как кнутом. Быстрее, еще быстрее...

Я уже готова была перекинуться и лететь над стаей, не дожидаясь, пока волки скроются за деревьями, когда рядом со мной на тропе будто бы из-под земли вырос здоровущий волк с черной полосой вдоль хребта. Вспышкой молнии мелькнула в мозгу чужая мысль, произнесенная странным, рокоचущим, но до боли знакомым «голосом»: «Садись, сестра! Время уходит».

На спину Подлунного я взобралась в мгновение ока – и сразу же обняла его шею руками, почти уткнувшись лицом в густой зимний подшерсток разумного волка, прячась от колкого морозного ветра, пробирающегося под одежду, и ругая себя за то, что не догадалась надеть перчатки. Пальцы почти сразу заоченели, и я постаралась спрятать их в роскошной шубе названного брата. Помогло, но слабо.

А стая неслась в ночь.

В едином порыве волки бежали по тонкому слою свежеевыпавшего снега, огибали черные стволы деревьев, перепрыгивали через нагромождения валежника или же проскальзывали сквозь густой кустарник. Луна то показывалась в просветы между деревьями, то снова пропадала, когда Подлунный со мной на спине нырял в густую чащу.

Куда вел нас Серебряный, я могла только догадываться, но вскоре деревья расступились, и мы очутились на большой поляне, залитой зыбким лунным светом. Пушистый, лишь сегодня выпавший снег мягким саваном замаскировал изломанные, пожухлые травяные стебельки, спрятал под теплым одеялом уснувшую до весны землю. Ветер гулял над этой поляной, то и дело поднимая в воздух сверкающую алмазами снежную пыль, то закручивая ее поземкой, то отпуская, позволяя мягко осыпаться на зимнее покрывало.

Здесь Серебряный коротко взвыл и остановился, позволяя Лексею слезть, а затем и вовсе ложась на снег. Стая его поступила точно так же – волки устраивались поудобнее, но тем не менее было видно, что при первом же сигнале вожака они вскочат и сорвутся со своих мест туда, куда поведет их Дикий Гон.

Я соскользнула со спины Подлунного, и он тотчас улегся на снег у моих ног, не отрывая взгляда от темного неба и бледного глаза луны, нависшего над кромкой деревьев. Упавшая, как молот на наковальню, тишина стала предвестником вот-вот грозившей разразиться бури.

Казалось, весь мир замер в ожидании. Я стояла на ледяном груденском ветру, который нес мне в лицо мелкие колкие снежинки. За моей спиной безмолвными тенями застыла волчья стая. Неслышные и почти невидимые призраки, если бы не снег, укрывший землю тонким слоем, их невозможно было бы различить. Луна почти поднялась в зенит, озаряя нас тусклым, бледным светом и изредка прячась за рваными клочьями облаков, гонимых по небу северным ветром.

Ждать осталось совсем недолго.

Вот теплая рука наставника легонько тронула мое плечо, привлекая внимание к разливающемуся вокруг диска луны зеленоватому сиянию, которое с каждой минутой становилось все ярче. Разумные волки заволновались поднимаясь с земли и стряхивая с пышных зимних шуб налипший снег, а я почувствовала, как Подлунный ощутимо толкнул меня мордой под колено, напоминая о том, что уже пора. Еще немного – и Зов Черного Охотника поманит за собой волчью стаю Серебряного, присоединит к Дикому Гону, что идет по земле, а сам предводитель поскачет по небу дальше, во главе призрачной свиты, в которой нашлось место и великим героям прошлого, и мертвым рыцарям, до последнего вздоха выполнявших свой долг, и тем, кто стал частью Дикой Охоты во время прошлых ночей Излома.

А также тем, кто уже не жив, но еще и не умер.

Я почувствовала Зов каждой клеточкой своего тела – низкий, вибрирующий звук, пробирающийся до самых костей, как удар колокола, как песню охотничьего рога, в ночь

Излома осени делящего мир на охотников и жертв. На миг почудилось, будто мои ноги приросли к земле, я ощутила такой ужас, словно все мои страхи вдруг обрели форму, плоть и встали за спиной, глядя в затылок десятками призрачных глаз, от которых не удастся скрыться ни на земле, ни под землей, ни в воздухе. И никакие замки и запоры не удержат их. Если бы не наставник, с силой толкнувший меня на спину нетерпеливо рычащего Подлунного, я бы потеряла разум и бросилась в ночь, став жертвой для собственных ужасов и своры призрачных гончих из Дикой Охоты. Кто не охотник, тот жертва – таково правило ночи Излома. И никто из повстречавшихся на пути призрачной свите не сможет сохранить нейтралитет и остаться в стороне. Им всего лишь дается выбор – убегать от своих страхов или же попытаться взглянуть им в лицо.

Как ни странно, но волчий вой привел меня в чувство, и едва я успела ухватиться за пышную шерсть на загривке Подлунного, как стая Серебряного сорвалась в ночь, словно вибрирующий звук рога, все еще отдающийся дрожью в моих руках, гнал их куда-то через лес, заставляя презирать овраги и валежники. Тонкая ветка с силой хлестнула по щеке чуть пониже правого глаза, я запоздало чертыхнулась, почти распластавшись на спине Подлунного, но по лицу уже потекла остро пахнущая железом кровь.

Рог звучал все громче, а я боялась лишний раз поднять голову – так часто моему названому брату приходилось нырять сквозь кустарник по едва заметной звериной тропе, но вскоре лес кончился, и волчья стая понеслась по огромному, залитому призрачным лунным светом заснеженному полю. Тогда-то я и рискнула посмотреть вверх – и ахнула.

Надо мной, высоко в небе, прямо в воздухе мчалась Дикая Охота. Призрачная свита, оставлявшая за собой медленно тающий зеленоватый след, неслась куда-то вдаль, и это зрелище на несколько секунд заставило меня позабыть обо всем – ведь когда еще в этой жизни я смогу увидеть скачущих по воздуху всадников на черных лошадях, от подков которых во все стороны разлетаются ярко-зеленые искры. Реяли флаги разных времен и народов – я узнавала и узкие, похожие на языки пламени, эльфийские знамена, и широкие прямоугольные стяги русских витязей, а были и такие, которые я не смогла определить при всем желании. Были знамена новые, все еще сохранявшие на себе вышитые гербы и знаки, но большей частью на древках полоскались полуистлевшие тряпки. Мелькали измятые в боях латы, дымкой стлались по ветру изодранные, опаленные в битвах плащи, лица были скрыты забралами шлемов, полотняными масками наемных убийц или терялись за призрачным зеленоватым сиянием, но того единственного, ради кого я затеяла эту сумасшедшую гонку, я не могла разглядеть. Как найти того, чье лицо наверняка скрыто за кованым забралом? Кто еще не умер, но уже не жив? Как мне отыскать в этой свите чернокрылого аватара и вернуть его из безвременья Дикой Охоты в мир живых?

Стая Серебряного неслась по полю, почти поравнявшись с черными гончими, мчавшимися над нами в лунном свете, который, как мне показалось, огибал их стройные, поджарые тела так, что я, как ни силилась, не могла разглядеть в этой ожившей тьме что-то, помимо жутковатых зеленых глаз.

Если и пытаться, то сейчас.

Крылья вырвались из спины с едва слышным шорохом, расправились, блеснув белизной маховых перьев в лунном свете, и я взмыла со спины Подлунного прямо к призрачной свите, высматривая среди павших героев Данте. Северный ветер ударил в лицо, словно холодной ладонью, невыносимо зацепило глубокую ссадину на щеке, и я вновь почувствовала, как по замерзшей коже стекают обжигающе горячие капли.

Те из призрачной свиты, что скакали с краю, разом повернули ко мне пустые, ничего не выражающие лица. В зеленоватых глазах отражался страшный, выматывающий голод. Все правильно, кровь – это жизнь, и найти лучшего способа привлечь к себе внимание Дикой Охоты я попросту не могла.

Я поднялась выше, сражаясь с потоками ледяного ветра, пронизывающего, казалось, насквозь через тонкую шерстяную рубашку и старенький кафтан, а потом все же разглядела в длинной череде светящихся призраков одно-единственное темное пятно. Почти в самом

центре Дикой Охоты находился кто-то, еще не перешедший тонкую, зыбкую Грань...

Не живой и не мертвый. Рыцарь, исполнивший свой долг до конца.

Данте...

*...Одна душа, заключенная в двух телах. Осознание неразделимости и права на... на воссоединение. Даже древний, позабытый людьми бог, возглавляющий ныне череду неупокоенных душ, – и он сейчас не может воспрепятствовать нам. Связь, которая не рвется даже Гранью... или призрачной свитой...*

Сердце заняло так сильно, что казалось, еще немного – и оно перестанет биться. Я сложила крылья и камнем упала вниз, кожей ощущая на себе чей-то тяжелый, настолько тяжелый, что был почти осязаем, и, как мне почудилось, слегка заинтересованный взгляд. А потом я угодила в стремительно несущуюся череду призраков, и меня смело этим беснующимся потоком.

Меня окутало ледяным одеялом, сдавило со всех сторон и куда-то понесло. Затем нахлынули чужие воспоминания, настолько яркие и реальные, что я заорала во весь голос, чувствуя, как с меня в буквальном смысле сдирают кожу. Запах крови, паленого мяса и железа забил ноздри, боль стала невыносимой, и я умерла...

Только для того, чтобы касание другого призрака бросило меня на жесткие доски эшафота с переломанными после пыток пальцами и раздробленными коленными чашечками. Боль затмила глаза, но сильнее боли была жгучая, испепеляющая душу ярость искалеченного, но так и не побежденного человека...

Эльф, умирающий со стрелой в горле...

Убийца, попавшийся после неудачного покушения...

Рыцарь, чудом выживший в битве, но потерявший сюзерена, искавший и нашедший свою смерть в очередном бессмысленном, жестоком и беспощадном бою...

Кажется, я все-таки сорвала голос, потому что при очередном касании призрака с истлевшим до грязных обрывков стягом я уже не могла кричать – только захлебывалась чем-то средним между безнадежным воем и плачем. Очередное воспоминание швырнуло меня в гущу боя, где медленно и почти величаво падала горящая остроконечная башня с оплавленным шпилем, а под ногами раскинулся белый когда-то город, укрытый клубами густого дыма... И только острый серебряный флюгер на самой высокой башне Снежного дворца и не думал покоряться атаке драконов. За миг до того, как меня окутала выворачивающая наизнанку боль от летящего прямо в лицо рубиново-алого клуба огня, я узнала Андарион...

Это видение словно вернуло меня к жизни, я сумела кое-как разлепить веки, почти ничего не видя перед собой, расправила крылья и рванулась вперед, увязая в гуще призраков, словно в болотной жиже. Цепляясь за протянутые руки витязей и убийц, стражников и наемников, получая за свою наглость одуряюще яркие воспоминания о моменте смерти – и право на то, чтобы продвинуться вперед еще на аршин, еще на шаг. Туда, где темнели широкие черные крылья, где занимал свое место в свите Дикой Охоты Данте, отдавший за меня все, что имел, – и не попросивший взамен ничего. Мне казалось, что крылья мои уже сломаны, что я не могу никуда лететь, а руки, хватающиеся за призраков, изрезаны до костей, да и сами кости уже поломаны в мелкое крошево. Что от меня уже ничего не осталось, будто бы каждое прикосновение отсекало кусочек моей жизни и души.

Но впереди, как далекий маяк, были видны крылья Данте, и я звала его сорванным голосом, зная заранее, что он не услышит меня сквозь шум ветра и лай призрачных гончих Черного Охотника. Знала, но все равно звала, уже безропотно принимая на себя страх, ярость и боль последнего мига, умирая десятки раз – и возрождаясь для того, чтобы сделать очередной шаг вперед.

Без него моя жизнь не имеет смысла, и если я отдам все, что у меня осталось, если здесь и сейчас стану всего лишь пищей для призрачной свиты – пусть. Если такова цена за

то, чтобы Данте вернулся в мир живых, то это даже не слишком много.

Услышь меня... Ну услышь, пожалуйста...

Внезапно ветер, бьющий в лицо и отталкивающий назад, пропал, а мертвые рыцари, за руки которых я хваталась, чтобы сделать очередной шаг, вдруг расступились, да так неожиданно, что я упала на колени, не осознавая, как же я могу вот так просто находиться в воздухе безо всякой опоры, и чувствуя, что еще немного – и я сдамся. Если не встану сейчас – не поднимусь уже никогда, и все сделанное окажется напрасным.

Я кое-как поднялась, чувствуя себя не то старухой, не то безнадежно больной, не то уже умирающей. Крылья за спиной стали невыносимо тяжелым грузом, обвисли и волочились за мной, как безвольные, изломанные, никому не нужные отростки. Я шла к Данте, и каждый шаг отмечался синим или белым пером, падающим вниз, к земле, и сразу же подхватываемым северным ветром.

Но холод его латной перчатки был настоящим, ощутимым, а сама рука – реальной до невозможности...

По моему лицу скользнул все тот же тяжелый взгляд, но на этот раз я чувствовала себя вправе на него ответить. Я медленно подняла глаза и столкнулась с пустотой, прячущейся в тени под широкополой шляпой почти забытого бога войны и сражений, а ныне – предводителя Дикой Охоты. Эта пустота, эта Бездна на месте его глаз внимательно всматривалась в меня, а потом Он поднял левую руку, с которой на миг туманным облаком стояла черная перчатка, и я увидела длинный порез на запястье. Только-только заживший, кое-как зарубцевавшийся – но таким он был уже много веков...

*...Частая цепочка темных капель крови стекала по бледному запястью, падая в неглубокую, идеальной формы каменную чашу в сердце горы, которую люди потом назовут Рассветным ником, заливая дно тонкой маслянистой пленочкой, и там, где кровь касалась камня, расплзлось пятно сапфирово-синей «воды». Колодец становился все глубже, питаясь от божественной крови и силы самой земли, вбирая мощь созидания и разрушения, а тот, кого сейчас называют Черным Охотником, все не торопился зажимать кровавую рану на запястье, даря Колодцу власть изменять и оставлять прежним, ломать оковы случайностей и высвободить истинную сущность.*

*Бог войны усмехнулся, выпрямляясь и отводя в сторону руку, на которой теперь красовался свежий шрам. Последний перед уходом подарок Созданным, способный перевернуть мир – конечно, если найдутся достойные, те, кто смогут выдержать прикосновение божественной крови...*

Меня зашатало, и я вцепилась в такую живую, такую ощутимую руку Данте, чтобы удержаться, ухватить ускользающую из пальцев реальность, когда его черные доспехи начали таять под моими пальцами, как слишком тонкий лед, расплзаясь в туманную дымку. Словно теплая, живая кожа избавлялась от укрывающей ее стали, как земля от снега по весне.

Я успела только изо всех сил обнять Данте, когда нечто, удерживающее нас в воздухе, вдруг пропало, и это было похоже на то, что земля вдруг ушла из-под ног. Мы очутились в воздухе, ветер засвистел в ушах, а я раскрыла онемевшие, ставшие безвольными крылья, пытаясь удержать нас обоих в полете, однако добилась только того, что нас мотнуло в сторону и падение, хоть и замедлилось, но не остановилось. Где-то справа мелькнули верхушки деревьев, нас закружило, а потом чувствительно приложило о заснеженную землю.

В момент удара что-то еле слышно хрустнуло, правое крыло прострелило резкой болью, которая по сравнению со всем пережитым показалась каплей в море. Вероятно, я что-то себе сломала, но какой же этой мелочью казалось по сравнению с тем, что сейчас на моей груди лежал живой и дышащий Данте, и его тепло, согревающее даже через распахнувшийся, кое-где порванный кафтан и тонкую рубашку, наполнило меня

невыразимым облегчением, словно с души сорвался огромный камень.

Ночь прорезала белая вспышка, за ней еще одна, и я как-то отстраненно подумала, что если наставник не найдет нас в ближайшее время, то сама я никуда сегодня уже не дойду, будто бы долгожданный отдых на мерзлой земле, покрытой снегом, оказался пределом того, к чему я стремилась в этой жизни. Но если Данте замерзнет вместе со мной, то этого я себе не смогу простить и на том свете.

Сил мне хватило еще на одну-единственную сигнальную вспышку, после которой сознание уплыло в беспроглядную темноту, взирающую на меня с легким удивлением и, кажется, примесью гордости...

## ГЛАВА 14

Тусклый серый рассвет застиг Ладислава всего в версте от Стольна Града. Некромант пошевелился и с трудом приподнялся на локте, мутным взглядом обозревая заснеженную обочину дороги. Ночь Излома вспоминалась какими-то обрывками – последнее четкое воспоминание было о том, как он сорвался из города, ощущая, как висок словно раздирает жгучей, жалящей болью, как в груди растет осознание чего-то неминуемого, надвигающегося с неотвратимостью прорвавшего плотину горного потока. Ладислав успел покинуть столь уютный постоялый двор и кинуться в ночь, нещадно подгоняя коня и чувствуя, как он опаздывает. Непростительно, невозможно опаздывает...

На него накатило, когда до избушки Лексея Вестникова оставалось всего ничего – с полверсты пролеском, не больше. Приступ головной боли скрутил некроманта, да так, что тот упал с лошади на обочину дороги, в снег, смешанный с комьями подмерзшей за ночь грязи. Он еще успел подумать о том, что зря отпустил девку одну к наставнику, зря оставил эту дурынду в ночь Дикой Охоты, а потом провалился на Грань...

Не зря говорят, что у некромантов самые жестокие условия колдовства и существования. Сила управлять ушедшими из мира живых дается путем долгих, зачастую болезненных тренировок, и она несет с собой лишь два, нет, три закона. Не бояться, не брать лишнего и не ходить в должниках.

Последнее правило было нарушено, и в ночь Излома осени Ладислав на своей шкуре испытал, что значит умирать вслед за своим благодетелем, то есть благодетельницей. Миг страха за себя и почему-то за нее, а затем ощущение, будто бы с него заживо спустили шкуру. Ослепляющая боль сменилась туманной прохладой безвременья на Грани, где слабо ощущалось присутствие Еваники. Мысль о том, как же он не уследил за этой девчонкой, что она все-таки умудрилась умереть, несмотря на своего сурового защитника, очень быстро сменилась удивлением, когда Ладислав понял, что Грань не просто отпускает его *обратно* следом за ведуньей – она будто играет с некромантом, то призывая его к туманным озерам, в глубинах которых зачастую таится такое, о чем даже самому Ладиславу знать не хотелось, то возвращая в телесную оболочку, и так измученную до предела, только для того, чтобы он успел хлебнуть новую порцию выкручивающей конечности боли.

Право слово, когда Ладислав в очередной раз пришел в себя, лежа лицом вверх на снегу, задыхающийся от крови, стекающей в горло, он ощутил в себе некий «научный интерес». Почему Грань отпускает его раз за разом, не разрывая связи души с телом, и что же, в конце концов, происходит с Еваникой, если его самого вот так мотает из мира живых в потустороннюю мглу? Некромант усмехнулся сухими, потрескавшимися губами, глядя сквозь жгущую глаза тонкую пленочку слез в черное небо, где сиял окутанный зеленоватым облаком глаз луны.

Если он выживет и сможет встретить рассвет, то ему уже точно нечего будет бояться. Да и некого, если подумать. А еще – он сможет наконец-то добраться до этой чокнутой ведуньи, которая никак не могла определиться, жить ей или все-таки умереть, и только поэтому пропустила его через мясорубку «феерических» ощущений перехода на Грань.

После такого проще убить ее собственноручно – вряд ли что-то может быть хуже этой

ночки...

Ладислав с трудом сел, сплевывая на покрывало свежавывавшего снега сгусток крови. Десны распухли и болели, нос оказался забит подсохшей кровью так, что дышать поначалу было попросту невозможно. Горло саднило, будто бы он успел наораться на всю оставшуюся жизнь, а уж во что превратилась одежда – сказать страшно. Такую даже и отчистить можно не пытаться – только сжечь, да побыстрее. Грязь с обочины дороги смешалась с кровью и чем-то совершенно малоаппетитным. Если учитывать то, как его корежило, – неудивительно. Некромант кое-как поднялся, медленно стягивая с плеч выпачканный плащ и бросая его на землю, кое-где щедро окропленную кровью. Стянул с себя куртку и рубашку, рассматривая их. Рубашка однозначно погибла, куртку еще можно пытаться восстановить, но не здесь – слишком много полезных вещей в карманах, а перекладывать долгое занятие.

Некромант медленно опустился на колени и, взяв в горсть относительно чистый снег, кое-как обтер им лицо – ровно настолько, чтобы не пугать встречающих, если таковые будут. Огляделся, выискивая взглядом коня, который, к счастью, не покинул хозяина – как стоял поодаль, так там и остался. Подозвать свистом животину не удалось, поэтому Ладислав, тихо ругаясь себе под нос, поднялся на ноги и, пошатываясь, кое-как доковылял на негнущихся ногах до коня сам. Слабый морозец пощипывал обнаженный торс, пока некромант на ощупь отыскивал в седельной сумке запасную рубашку, а когда оделся – как-то отстраненно подумал, что сильная простуда ему гарантирована. Пусть даже ранее он зимними ночами торчал на кладбищах, не запалив костра, но ночь Излома устанавливает свои правила.

Раньше бы он сказал, что ста смертям не бывать, только после случившегося с ним в эту ночь Ладислав уже не был настолько уверен в справедливости этой поговорки. Шрам на виске все еще ныл, но по сравнению с общим состоянием эта боль казалась такой несущественной ерундой, что некромант предпочел лишний раз не обращать на нее внимания.

Ладислав вернулся к кучке сброшенных вещей и, плеснув на них жидкостью из бутылочки на поясе, вполголоса пробормотал заклинание, отчего испорченная одежда почти сразу же истлела, обратившись в мелкий сероватый прах, в пыль. Вот теперь можно и ехать.

На коня некроманту удалось забраться только с третьей попытки, и то благодаря тому, что умная скотина, явно чувствуя состояние хозяина, стояла спокойно, не шевелясь. Вздумалось бы ей взбрыкнуть хоть раз – осталась бы у обочины дороги кормить падальщиков вроде воронов и волков.

Ладислав кое-как уселся в седле и пустил коня шагом по хорошо утоптанной дороге, убегающей в оголившийся по зиме подлесок. На память некромант никогда не жаловался, а уж дорога к избе Лексея Вестникова словно каленым железом впечаталась в его воспоминания почти тридцатилетней давности. Наверное, лишь благодаря этому примерно через полчаса он выехал на большую поляну, на которой и стояла малость покосившаяся избушка окруженная забором, ветхим с виду, но защищавшим дом старого волхва лучше, чем каменная стена княжеский терем.

Калитка была приоткрыта, словно кто-то слишком торопился войти во двор и потому забыл закрыть ее на кованый крюк, а неподалеку от крыльца валялись наспех сделанные волокуши, покрытые еловыми ветками. Раненого тут, что ли, тащили из лесу? Впрочем, раз из печной трубы идет дым, значит, хоть кто-то живой там остался.

Ладислав кое-как слез с коня и, заведя его во двор, ровное снежное покрывало которого было истоптано как следами человека, так и отпечатками волчьих лап, поднялся по скрипучему крыльцу в три ступени и от души стукнул в дверь рукоятью ножа.

– Дома есть кто? – негромко спросил он хриплым, сорванным голосом, не особенно надеясь, что его услышат. Но раз охранные заклинания за столько лет никуда не делись – разглядеть рыжеватое сияние вокруг дверной ручки не сумел бы лишь обыватель, не наделенный способностью видеть и ощущать магию, – то и ломиться нет смысла. Без приглашения в этот дом войти не получится даже у него.

Добротная дубовая дверь скрипнула, и на пороге возникла невысокая женщина с

серебристыми нитками седины в каштановых, коротко стриженных волосах. Первые несколько секунд Ладислав потрясенно смотрел в лицо Еваники, которая сейчас выглядела его ровесницей, но потом все же выдавил:

– Мне можно войти?

Резкий, отрывистый кивок, и девушка отступила на шаг назад, глухо пробормотав:

– Заходи, раз пришел. Гостем будешь. – И, скользнув по нему взглядом, криво улыбнулась. – Отвратительно выглядишь.

– Ты не лучше. В зеркало-то на себя смотрела али нет еще?

– Не вижу смысла. Я и так догадываюсь, что кажусь гораздо старше, чем должна была бы. Ничего, полагаю, что это пройдет... чуть позже, когда у меня будут силы на то, чтобы этим заняться.

– Да что ты говоришь...

Ладислав шагнул в тепло сеней, аккуратно прикрыв за собой дверь и рассматривая Еванику с каким-то злорадным интересом. После чего коротко замахнулся и от души отвесил ей оплеуху так, что девчонка кубарем полетела на пол, не устояв на ногах и сбив пустое деревянное ведро, которое с грохотом ударилось о выскобленные доски, покрытые плетеной дорожкой.

Тоненькой, остро пахнущей железом струйкой потекла кровь из разбитого носа. Плеснула жарким огнем злость, залившая чернотой глаза, из горла вырвалось едва слышное рычание. Я резко вскинула голову, глядя на Ладислава, всего лишь на одно долгое мгновение ощущая порыв убить. Смять это хрупкое человеческое тело, уничтожить, поломать... так, чтобы фонтан крови из порванных ударом когтей артерий до низкого потолка сеней.

Всего на миг кровавая пелена ненависти закрыла глаза и почти сразу же пропала, когда еле слышно скрипнула половица под весом шагнувшего назад Ладислава. В слипшихся от пота и грязи волосах некроманта проглядывала пегая седина, но сейчас я не могла вспомнить, была ли она раньше или появилась за тот краткий срок, что мы не виделись. Его лицо, осунувшееся, побледневшее, было кое-где заляпано кровяными разводами, неловко, неумело обтертое не то намочшей полый плаща, не то снежным комом, сиреневые глаза стали светлее, будто радужка умудрилась слегка выцвести, и в них поселилось ранее не заметное выражение. Словно на некроманта то и дело накатывало полнейшее безразличие к тому, что может с ним рано или поздно случиться. Правда, вспоминая о своей ночи...

Меня передернуло, на корне языка появился привкус желчи.

– Не нападу, не волнуйся... – Я кое-как села, машинально вытерла кровь с лица рукавом рубахи. – Просто... я совершенно... вымоталась.

– По тебе заметно, поверь. Невооруженным глазом, между прочим. – Некромант нетвердым шагом подошел ко мне, но, вместо того чтобы протянуть руку и помочь мне встать, сам уселся на пол рядом со мной, приобняв за плечи так, что я уткнулась щекой в его пропахшую кровью и еще почему-то гарью куртку. – Я знаю, куда тебя унесло этой ночью. Даже могу сказать, сколько раз, потому что я каждый раз отправлялся следом за тобой. А вот теперь расскажи мне, подруга, на кой черт тебя понесло в такие дали? Мы теперь с тобой даже ближе, чем самые преданные любовники. Почти близнецы в каком-то смысле. И повязаны теперь накрепко не только долгом крови, но еще и Гранью. – Ладислав нахмурился, и его тонкие, изящные пальцы с обломанными, грязными ногтями жестко впились в мое плечо. – И вот поэтому в связи с изменением статуса наших взаимоотношений... – Некромант приблизил сухие, потрескавшиеся губы к моему уху и прошептал почти интимным тоном: – Ты обязана мне объяснить все, от и до. Как такое получилось, и почему мы с тобой до сих пор живы. Хотя бы потому, что под конец мое постоянное мелькание туда-сюда нежелательным для меня образом заинтересовало тварей с той стороны Грани.

Пальцы Ладислава на моем плече слегка расслабились – теперь они не вдавливались в тело, а лишь сжимали с некой долей аккуратности. В сенях было тихо, да и откуда взяться

шуму, если Ветер сейчас спешно растапливает баню, Данте и наставник отсыплются в гордом одиночестве и максимально комфортных условиях, а дриада до сих пор пребывает в том странном состоянии оцепенения, в котором мы с Ветром обнаружили ее поутру...

Наверное, мне остается только гадать, как я пришла в себя настолько быстро после Дикой Охоты – уже в человеческой ипостаси и, что удивительно, почти невредимой. Только спину ломило, как у старой бабки, а острая боль меж лопаток то и дело заставляла замирать в какой-нибудь особо занимательной позе, ожидая, пока пройдет приступ. Но живая, относительно здоровая – и ладно. Наставник, возвратившийся на рассвете белым как лунь стариком с трясущимися руками, только глянул на меня, как посоветовал пару дней отдохнуть, а потом сменить ипостась. Забранные Дикой Охотой годы, конечно, не вернуться, но хотя бы на лице оно не будет так заметно.

Я сидела, прислонившись к теплему боку Ладислава, и до сих пор не могла поверить, что Охота меня отпустила. Да не одну, вместе с Данте. Отпустила – почти не потрепав, не выдрав из меня большую часть жизненного срока, как это должно было случиться. Странное дело, но сейчас я ощущала себя легкой, словно пушинка или птичье перышко...

– Так чего молчишь? – Голос Ладислава вернул меня к действительности, и я медленно повернула голову, заглядывая в светло-сиреневые глаза некроманта.

– А о чем тут говорить? На пути Дикой Охоты я встала, вот и весь сказ.

Рука некроманта, до того легонько поглаживающая мое плечо, замерла, а сам Ладислав невольно подался назад, разглядывая меня с каким-то недоверием и изумлением. По-моему, он с трудом удерживался, чтобы не произнести над моей головой какой-нибудь экзорцизм, дабы удостовериться, живой я человек или слишком уж реальный призрак. Не думаю, что это могло бы мне хоть как-то повредить, но с учетом того, что очнулась я с полностью истощенным магическим резервом, ответить было бы нечем.

– Ладисла-а-ав. – Я помахала перед глазами некроманта раскрытой ладонью, потом сжала ее в кулак, оттопырив указательный палец. – Сколько пальцев видишь? Неприличное усматривается?

Он окинул меня не менее внимательным взглядом, но, похоже, его все-таки отпустило.

– Неприличное у тебя одеждой скрыто. Лучше ты мне скажи... Ты с ума сошла?!!

– Показанный палец является для тебя признаком слабоумия? – нарочито удивленным тоном поинтересовалась я, приподнимая левую бровь. Действительно отпустило. Особенно если он сейчас ругаться начнет. Я бы на его месте начала, причем как можно более раскованно и непринужденно, совершенно не стесняясь в выражениях.

– Ты могла найти менее болезненный и долгий способ самоубийства! – Некроманта слегка трясло. – Знаешь... Две палочки в нос и головой об стол. Со всей дури, которой, кажется, хватает! – Ладислав со скрипом стиснул зубы. Вдохнул. Выдохнул. – Ев... И кто ты после этого?..

Я б тебе сказала... Но предпочту не уходить от темы.

– После того как меня за несколько дней до Излома едва не сожрала стая призрачных гончих, мне было уже все равно, веришь? – Я пожалала плечами и отвернулась. – Я просто захотела забрать *свое*. То, что принадлежит мне и этому миру. И если та тварь, которую люди называют Черным Охотником, отпустил меня, значит, я действительно была *в своем праве*. А вот кто я после этого... Да все равно. Как ни назови, суть не изменится.

– Мне интересно, какой косточкой ты в итоге подавишься. – Ладислав принялся демонстративно осматривать меня со всех сторон, будто бы снимая мерку для гроба. – Такое везение... оно не может продолжаться вечно.

– Какой бы ни подавилась, ты узнаешь об этом первым, поверь мне, – невесело усмехнулась я. – Впрочем, раз уж призрачные гончие не сожрали меня даже после наводки на пролитую кровь... – Я многозначительно развела руками. – Кстати, тебе бы переодеться стоило... И помыться. Выглядишь как бродяга.

– Бродяги выглядят или много лучше, или много хуже. Поверь мне на слово. – Ладислав чуть-чуть отстранился. – Но да, переодеться стоит. А заодно ты мне расскажешь,

кто именно *нас* так удачно... почти удачно подставил. И особенно мне не нравится, когда подобными шалостями занимаются неумехи.

– Расскажу непременно... – Я кое-как встала, опираясь на стенку. Посмотрела на сидящего на полу некроманта. – Никуда она уже не денется. Пойдем к бане, Ветерок наверняка уже все приготовил. Заодно попрошу его найти для тебя чистую одежду.

Некромант с видимым трудом поднялся, сперва – на четвереньки, затем, пошатываясь, встал на ноги, держась, как и я, за стену сеней.

– Буду благодарен. Ева, ты снова делаешь меня своим должником.

– Не стоит благодарности. – Я шагнула к двери, ведущей во двор. – Когда я собиралась встать на пути Дикой Охоты, я знала, что в случае неудачи утяну тебя за собой. Но тогда это не имело ровным счетом никакого значения. Ты еще хочешь благодарить меня, Ладислав?

– А у меня есть выбор? – Он прищурился. – То-то и оно, что нету, Евушка. То-то и оно.

– Я не была бы столь уверенной. – Я невольно улыбнулась и, подхватив некроманта под руку, вышла вместе с ним во двор. По крайней мере, пока мы друг друга поддерживали, нас не очень-то и шатало. – Дикая Охота научила меня, что выбор есть всегда. Как и выход. Другое дело, что он может не устраивать ни тебя, ни меня.

Забегавшийся, взмыленный Ветер повстречался нам как раз у входа в баню. Мальчишка раскраснелся от пребывания во влажном банном жару, он то и дело утирал лицо рукавом добротной рубашки, сохранившейся в одном из сундуков с того времени, когда я еще ходила в ученицах у Лексея Вестникова. Конечно, Ветерок и повыше меня тогдашней был, и в плечах пошире, но и рубашки на мне чаще всего мешком висели...

Паренек взглянул на нас с Ладиславом, неторопливо пересекающих двор, как закадычные друзья по пьяной лавочке поутру, и только тяжело вздохнул. Да уж, нелегко ему с нами приходится, правда, помощь от него была действительно бесценной и необходимой. Это ведь он, не побоявшись Дикой Охоты, прошлой ночью тайком выбрался из надежного укрытия наставниковой избушки, рискуя попасться на пути стаи Серебряного и стать жертвой ночи Излома. Умудрился найти Снежную, ту самую волчицу, с которой успел сдружиться во время путешествия, а потом, когда Дикая Охота повернула на север, с ее помощью нашел и нас с Данте. Как они со Снежной дотащили нас обоих через лес на волокушах – не знаю. Из памяти словно выпал кусок мозаики, последнее, что я помнила перед тем, как очнуться на лавке у печи, уже в человеческой ипостаси, это то, как я падаю вместе с аватаром на ровное покрывало заснеженного поля. Дальше – провал...

– И Ладислав к нам добрался, – вздохнул Ветер, выбираясь из бани и прикрывая за собой дверь, из-за которой уже успело вырваться облачко пара. – Правда, глядя на вас двоих, непонятно, кому досталось больше прошлой ночью.

– Ветерок, ты лучше нашему гостю одежду найди, – вяло попросила я, ежась от холодного зимнего ветра и мечтая о том, чтобы поскорее нырнуть в банное тепло.

– Могла бы этого и не говорить, и так заметно, – невесело усмехнулся паренек, уворачиваясь от неловкой оплеухи некроманта. – Тогда старую одежду в предбаннике сбросьте на пол, я ее сожгу чуть позже, это всяко проще, чем пытаться ее отстирать.

– Мальчик, не наглей, – вежливо попросил Ладислав, поднимаясь по низким ступеням и скрываясь в хорошо протопленном предбаннике, оставив нас с Ветром мерзнуть на холоде.

– Ев, вы там как, сами-то справитесь? А то на вас смотреть больно. Шатаетесь, как после жестокой лихоманки. Ковшами-то орудовать сможете? А то я воды из колодца натаскал, да только ты лучше меня знаешь, какие там шайки размером. Не всякий здоровый подымет.

– Ничего, как-нибудь вдвоем управимся. – Я легонько потрепала паренька по вихрастому затылку, улыбнулась. – Спасибо, Ветерок. Без тебя... совсем тяжело было бы.

– Пропала б со своим крылатым молодцем, – серьезно кивнул мальчишка и тотчас задорно улыбнулся. – Расскажешь потом, как сумела вокруг пальца обвести Охоту-то?

– Я не обвела, Ветер. Она просто забрала у меня, что положено, вернув то, что принадлежало мне по праву, вот и все. Ты на меня посмотри, разве не заметно? Без платы

Черный Охотник не остался, да и свита его поживиться успела.

Паренек пожал плечами и, открыв дверь предбанника, почти втокнул меня во влажный, пахнувший еловой хвоей и горьковатым дымком пар.

– Лекцию потом читать будешь, сперва в себя приди. Вещи для твоего должника я принесу и в предбаннике оставлю, заодно и тебе подыщу чего. Вроде бы я видел в сундуке с одеждой такой замечательный червлёный сарафан с вышивкой...

– Не посме-е-е-ешь! – протянула я, готовясь отвесить Ветру подзатыльник.

Тот только улыбнулся и плотно прикрыл за мной дверь.

И вот так всегда.

– Было бы забавно посмотреть на тебя в девичьем сарафанчике, вышитой сорочке и красных сапожках, – раздался из угла предбанника голос Ладислава, который как раз успел стащить с себя куртку и широкий пояс и сейчас, кряхтя, стягивал добротные сапоги. – Еще бы ленту в косу да кокошник жемчужовый на голову, но вот беда, – он поднял на меня усталый взгляд, – косу ты отрезала, да и кокошника наверняка в твоём сундуке с приданным днём с огнём не отыщешь.

– Мож, ещё корону в том сундуке поискать, а? – вздохнула я, снимая через голову теплую шерстяную рубашку и принимаясь разуваться. Благо сделать мне это оказалось гораздо проще, чем Ладиславу – на ногах были не промокшие сапоги, а малость потертые, залатанные на голенищах валенки. В сочетании с мужскими стегаными штанами и мужской же рубашкой получалось зрелище на редкость неприглядное, но до красоты ли сейчас?

– Корону тоже можно. – Ладислав с трудом поднялся со скамейки, стягивая нижнюю рубашку через голову. – Она бы отменно подошла к твоему костюму. И чем дороже – тем лучше, при взгляде на такое любой скоморох от зависти взвояет.

Я не то засмеялась, не то закашлялась, представив себя с венцом из «черного серебра» и разодетой в подобные крестьянские вещи. Снежный дворец за полчаса вымер бы не то от ужаса, не от смеха, если бы королева вздумала прогуляться в таком виде. Кстати, не такая уж плохая мысль – надо будет по возвращении купить на торговой площади валенки. Мужской рабочий костюм я, так и быть, где-нибудь отыщу. Да хоть у одного из слуг выпрошу...

– Может, и правда стоит иногда скоморохом подрабатывать, особенно когда вместо денег в кармане дырка от бублика, а колдовать по ряду причин не удастся? – задумчиво протянула я, отводя взгляд от Ладислава и стягивая с себя штаны. Нижнюю сорочку сниму в бане – все равно её стирать, а там на полках помимо веничков и шаек должны и полотенца льняные быть.

– Ну скоморохом тебя не факт, что пропустят – там у них конкуренция бешеная, если мне память не изменяет. И нищим на паперти тоже... Так что можешь это увлечением сделать. Для свободного времени и полного безденежья. Авось и сработает... – протянул некромант, продолжая неторопливо раздеваться.

Досматривать, что последует за ненавязчивой демонстрацией нижнего белья, я не стала, подхватив одно из чистых полотенец, лежащих на скамеечке, и скрываясь в заполненной влажным, душистым паром баньке.

Похоже, Ветерок не пожалел найденного в подполе избушки хлебного кваса – рядом с печью стоял на треть пустой распечатанный кувшинчик. Не дожидаясь, пока хлопнет входная дверь, закрываясь за Ладиславом, я набрала воды в шайку, плеснула в нее ковш крутого кипятку из чугунного котла и, взяв под мышку березовый веничек и небольшую мочалку, удалилась к одному из полков. Сквозь густой пар и видно-то толком ничего не было, а о том, что некромант все же приступил к помывочным процедурам, я поняла благодаря негромкому стуку и еле слышному матерку – похоже, Ладиславу пришлось похуже, чем мне. Я хотя бы наполненную водой шайку из рук не выронила.

– Эй, там, у печи, помощь требуется? – поинтересовалась я, понемногу расслабляясь на выскобленном добела полке.

– Пока нет... Просто не представлял, до какой степени я замерз и изгваздался, – раздался сиплый голос некроманта, – и еще отвык от хорошей парной бани. Нет, я надеюсь,

что помощь мне понадобится лишь после того счастливого момента, как я прогреюсь.

– Да-а-а-а, а я вот сейчас сижу и чувствую нехорошую такую зависть к виновнику того торжества, что у нас вчера случилось. Потому что он-то как раз в отличие от нас с тобой не отмораживал себе ничего важного и ценного под открытым небом, а сидел в тепле и уюте, – почти весело откликнулась я, чувствуя, как усталость, накопившаяся в теле, незаметно уходит. Все же баня – великое изобретение человечества, после нее ощущаешь себя заново родившейся. – Правда, не сказала б, что ей это сильно помогло...

– О, так она сейчас зде-е-есь... – протянул Ладислав с ощутимым предвкушением. – Ты не будешь против, если я с ним... то есть с ней немножечко потолкую? По-свойски, это практически профессиональный интерес, понимаешь?

– Знаешь, если б мы догадались потолковать с Ланнан до того, как забрались в Вещие Капища, не согласишься, скольких неповторимых ощущений мы б с тобой избежали, – вздохнула я, начиная процесс помывки. – А сейчас, как мне кажется, это уже бесполезно. Ее, судя по всему, призрачные гончие умудрились навестить даже в наглухо зачарованном доме. Пробраться не пробрались, конечно, но напугали так, что дриада наша умом все же тронулась.

– Так тем лучше! – Голос некроманта прямо-таки излучал оптимизм. – Если ум куда-то поехал, тем легче будет ухватить с него все нужные нам знания и проводить его верной дорогой к обрыву. Если очень захочется, можно даже обрыв... повеселее сделать. Как ты там? – вдруг ни с того ни с сего спросил Ладислав. – В порядке?

– Честно говоря, не уверена, – вздохнула я, окатывая себя из шайки водой и встряхивая головой, чтобы откинуть назад прилипшую к лицу челку. – Не Ланнан заставила меня встать на пути Дикой Охоты, это была моя инициатива. И я, к сожалению, до сих пор не уверена, что призрачных гончих дриада вызвала не случайно. Проверить это, к сожалению, я сразу не смогла, а потом уже не до того было. Хотя... у меня поутру, до того как я ее увидела, было одно желание – выгнать к нечистой матери из дома на все четыре стороны, и пусть в лесу разбирается с кошмарами, которые сама призвала.

– Ну... Проверить, так оно или нет, я могу... Как и помочь тебе потереть спинку или помыть голову... – Фигура Ладислава с расплывчатыми из-за густого пара очертаниями немного приблизилась. – Кстати, в этой бане веники есть?

– Все есть. Посмотри у котла с горячей водой, они в бадейке с кипятком отмокают.

Я встала и, кое-как завернувшись в тонкое банное полотенце, подошла поближе к некроманту и, поманив его за собой, торжественно вручила пышный березовый веник, старательно отводя взгляд от многочисленных отметин на груди Ладислава. Откуда могли взяться тонкие белесые шрамы, подобные тому, что красовался у меня на ладони, я еще могла понять, но вот выяснять происхождение ожога идеально круглой формы или же вырезанной невесть чем отметины чуть ниже грудины в виде сломанного клинка мне совершенно не хотелось. Впрочем, у самой-то тыльные стороны ладоней выглядят немного жутко – белесые пятна от ожогов, а на правой руке и вовсе бугристые валики заживших рубцов. В Снежном дворце их частенько приходилось прятать под перчатками или искусно наведенной Мицарель иллюзией, я уже вроде бы привыкла к ним, но вот сейчас словно заново заметила.

– Держи уж, собрат по несчастью, – буркнула я, отворачиваясь, чтобы наполнить шайку водой еще раз.

– Как я понял, ваше шутовское величество хочет отведать веничка первой? – Ладислав сделал пару пробных взмахов, со свистом рассекая воздух. – Я за, и дюже за. Вот только насколько сильно?

– Не, я уж как-нибудь сама... – невесело усмехнулась я, одним махом переставляя шайку с горячей водой на ближайший полоч. – Но вот если ты мне поможешь волосы промыть, скажу отдельное спасибо и выдам по возвращении в избу горячий травяной отвар с медом. Тогда никакая простуда страшна не будет.

– Помогу, чего уж там. Как не помочь столь великой воительнице, которая не только

рискует сразиться с Дикой Охотой, но и вырывает у нее из лапок... Что именно? Живучая ты моя?

*...Руки мертвецов, зеленоватые, холодные. Хватающие со всех сторон, забирающие себе по кусочку жизни. Тяжелый взгляд, который давит на плечи, как невидимая ладонь. Тонко звенящая струна панического страха, лопнувшая в тот момент, когда одним из видений стал пылающий во времена давно прошедшей войны Андарион. Живая рука Данте в моей руке, но во взгляде аватара я так и не нашла узнавания...*

Меня передернуло, и на ноги мне плеснула горячая вода из шайки, которую я как раз собиралась передвинуть. По спине вдоль позвоночника словно прокатился ледяной комок, заставив меня вздрогнуть. Я машинально обхватила себя за плечи, унимая невесть откуда взявшуюся дрожь.

Почему-то мне кажется, что забыть Бездну в глазах предводителя Дикой Охоты я не смогу уже никогда.

– Своего... защитника, – еле слышно выдавила я сквозь стиснутые зубы. – И... не повторяй мою ошибку, Ладислав. С Дикой Охотой сразиться нельзя. Можно только... показать, что ты достоин заявить свое право на что-то... или на кого-то.

Руки некроманта на моих плечах показались двумя пластинами чересчур нагретого железа.

– Прости... Я знаю. И ты вся замерзла... Доказавшая все. Так что теперь все должно быть в порядке.

– Ты извиняешься? – Я криво улыбнулась уголком рта. – Надо бы выглянуть наружу – вдруг небо уже упало на землю. – Судя по чересчур серьезному лицу некроманта, шутка не удалась. А жаль, я надеялась разрядить обстановку. – Знаешь, я никогда не думала, что смогу увидеть в чьих-то глазах Бездну настолько глубокую, настолько... живую, что ли, что она сама будет вглядываться в меня, видеть насквозь все-все, даже то, о чем я сама не знаю... А потом просто возьмет и отпустит. Даже не так – скорее, выкинет со своего пути, напоследок показав такое, отчего волосы на затылке становятся дыбом... Брр-р-р-р. Больше никогда не буду так делать, мне и одного раза хватило.

– И не надо. – Ладислав почти обнимал меня, глядя по мокрым волосам, как маленького ребенка. – Но теперь уже все в порядке... И тут тепло. Тут можно согреться и отдохнуть, пока не пришло время для новых свершений.

Несмотря на то что объятия эти могли показаться вызывающими, ощущались они как... братские, что ли. Ни намек на чувственность – просто желание обогреть и поддержать. Я слабо улыбнулась, одной рукой придерживая так и норовившее сползти полотенце, а другой легонечко касаясь плеча некроманта.

– Знаешь, отдых – это, конечно, хорошо, но сидеть тут до вечера я не намерена. Хотя бы потому, что есть хочется жутко, а Ветер готовить умеет только походную кашу и разогревать то, что было приготовлено до него. Да и нехорошо на мальчишку еще истряпню сваливать, он и так с ног сбился, пытаюсь тут помочь всем и каждому...

– Хорошо, хорошо, хорошо... Но хотя бы голову помыть стоит, пока есть возможность? Или ты так не считаешь? – Ладислав тихо усмехнулся.

Я не удержалась и все же легонько щелкнула его по носу свободной рукой, получив в ответ шлепок мокрым веником немногим ниже поясницы. И понеслось...

В общем, когда мы наконец-то домылись, то мало того что пол в бане был залит водой так, что самым стыдно стало, так еще и листики, облетевшие с измочаленных веников, оказались повсюду – и в лужах на полу, и прилипшие к полкам, и даже невесть как попавшие в котел с крутым кипятком.

– И это называется – взрослые волшебники пошли помыться и отдохнуть! – нарочито скорбно вздохнула я, оглядывая царящий в бане бардак.

Ладислав пожал плечами, снимая с моей спины прилипший березовый листочек и

бросая его в затухающую печь.

– Поэтому, как взрослым и умудренным жизненным опытом волшебникам, нам придется все за собой убрать. Конечно, если мы не найдем, кого заставить выполнить эту работу за нас, – улыбнулся некромант, пытаясь закрепить полотенце на бедрах так, чтобы оно не разматывалось при первом же шаге.

– Давай не будем думать, кого начать эксплуатировать, у самих быстрее выйдет.

– Это несолидно.

– Зато какое поле для творчества!

– В первый раз слышу, чтобы к уборке пытались найти творческий подход, – с сомнением покачал головой Ладислав, тем не менее помогая мне собирать раскиданные по бане венички.

Измочаленные березовые прутья отправлялись прямиком в печь, ковшиki и бадейки складировались в углу бани, рядом с бочонком, в котором холодной колодезной воды осталось едва ли наполовину. Вытирать пол оказалось не так весело, чем пытаться попасть рассыпающимся на лету веником в открытую печку, но тем не менее, когда мы с Ладиславом вывалились в прохладный предбанник, я ощутила себя заново родившейся.

Мы как раз успели вытереться и переодеться в чистую одежду – Ветер все же не сдержал угрозы, и вместо нелепого красного сарафана меня ожидали обычные мужские порты и длинная суконная рубаша ниже колена, – когда на пороге предбанника возник улыбающийся до ушей мальчишка.

– Ев, у меня две новости, хорошая и плохая. С какой начать?

– Давай с хорошей, тогда за плохую прибью не сразу, – вздохнула я, засовывая ноги в валенки и снимая с вбитого в стену гвоздика теплый кафтан. Холодноовато, но сойдет – мне ж только до избушки добежать.

– Хорошая в том, что волхв Алексей очнулся и хочет с тобой поговорить.

– Уже иду! – Я кое-как замотала голову полотенцем и уже выскочила наружу, когда обернулась и уточнила: – А плохая новость?

– Ну... я случайно спалил вчерашние пироги в печке, поэтому из еды осталась только гречневая каша, которую я варил с утра, – признался Ветер, улыбаясь, как стыдливая девица на смотринах.

Я же только рукой махнула – подумаешь, мелочи – и вовсю припустила через заснеженный двор к избе.

Надеюсь, хотя бы самовар этот паренек не угробил – за горячий отвар с медом я ему даже сгоревшие пироги прощу...

В комнате Алексея Вестникова было темно, тихо и едва ощутимо пахло травами. Я осторожно прикрыла за собой дверь и, сотворив в воздухе небольшой голубоватый светлячок, подошла поближе к кровати, на которой лежал мой наставник, до подбородка укрытый одеялом. Когда я впервые увидела его сегодня поутру, то могла только горестно всплеснуть руками, помогая Ветру отвести Алексея до спальни – могущественный волхв, еще вечером бывший довольно крепким стариком, после восхода солнца превратился в живой скелет, обтянутый морщинистой кожей. Яркие карие глаза глубоко запали и выцвели, скулы и подбородок заострились донельзя, а разом ослабевшие руки не могли удержать даже посох. Уже не просто старик – человек, из последних сил цепляющийся за остатки жизненных сил. В тот момент осознание того, что наставник, скорее всего, не доживет до утра, кольнуло сердце ржавой иглой грядущей потери, но я почти насильно заставила себя об этом не думать. И вот сейчас, глядя на иссохшего старика, лежащего на постели, я поняла, что осознание потери было предчувствием...

– Ванька, не стой в дверях, доченька... присаживайся... Да прежде Ладислава позови, я и с ним побеседовать напоследок хочу. – Я вздрогнула, услышав прежний, сочный и глубокий голос старого волхва. Не надломленный старческой немощью – а тот, который я помнила с детства, тот, которым Алексей начитывал мне лекции по волхованию и

распознаванию подлунной нежити, пенял на ошибки и хвалил за успехи. – Ну что ты на меня смотришь, как на мишень для отработки боевых заклинаний?

Теплые, яркие, *молодые* глаза наставника улыбались мне с изнеможенного, худого лица древнего старика. На миг меня *отпустило*, ненадолго я действительно поверила, что это еще не конец, что Лексей Вестников соберется с силами, в который раз оттолкнет от себя чернокрылую смерть с костяной косой, и я, распахнув дверь, крикнула Ладислава.

Тот прибежал так быстро, словно на пожар спешил. Взгляд его, встревоженный, обеспокоенный, метнулся в полутемную комнату и почти сразу же вернулся ко мне, став удивленным. Я только плечами пожала возвращаясь к наставнику и присаживаясь на краешек его постели. Сколько раз, точно так же, как сейчас я, Лексей сидел у моей постели, когда мне случалось заболеть, поил горячим травяным отваром или куриным бульоном, рассказывал массу историй, то смешных, то страшных, клал легкую, теплую ладонь мне на лоб, снимая жар. Я глубоко вздохнула, смагивая непрошеные слезы, а наставник только улыбнулся мне и поманил поближе к себе Ладислава ладонью, сейчас более всего напоминавшую когтистую птичью лапу, на которой чудом удерживался ставший слишком большим для истончившегося пальца перстень с янтарем. Но стоило некроманту наклониться над волхвом, как казавшаяся слабой и безвольной рука вдруг цепко ухватила Ладислава за ухо.

– Что, Ладик, все случилось, как я тебе говорил? Не вышло из тебя ведуна, зато некромант отменный получился. Ты смотри, не зазнавайся, а то на Грани тебя теперь поджидать будут с распростертыми объятиями, захочешь – не вырвешься. А еще... – Наставник потянул Ладислава за ухо, как нашкодившего мальчишку, заставляя наклониться к себе поближе, и что-то негромко сказал. Что именно, я так и не разобрала, но некромант вдруг изменился в лице, моментально став задумчивым и серьезным. Как у него получалось выглядеть таким, несмотря на распухшее ухо, не знаю, но у меня даже мысли не возникало о том, чтобы улыбнуться или рассмеяться. – Понял меня?

– Вас попробуй не пойми и не прими к сведению, – кивнул Ладислав, опускаясь на одно колено перед постелью Лексея и как-то странно поглядывая на меня. – Но спасибо, что предупредили. Я... непременно последую вашему совету. И передам ваши слова своей матушке, как только окажусь у нее в следующий раз.

– Вот и ладно. – Наставник улыбнулся и легонько похлопал некроманта по руке, не то ободряя, не то утешая. – Вам, ребятки, по одной дороге еще какое-то время идти, так уж судьба распорядилась. Так что беречь друг друга вам придется пуше, чем самих себя, иначе свидимся гораздо раньше, чем запланировано.

Мы с Ладиславом переглянулись. Я пожала плечами, а некромант почему-то внимательно рассматривал мое лицо, словно впервые в жизни увидев, и я не была уверена, что этот цепкий, изучающий взгляд мне нравится, отнюдь нет. От него становилось не по себе. Готова поспорить, что наставник шепнул Ладиславу на ушко что-то, касающееся нас обоих, но выудить эти сведения из некроманта до тех пор, пока он сам не пожелает рассказать, невозможно будет даже под пыткой.

– Ладик, открой-ка окно, да пошире, – вдруг попросил наставник, беря меня за руку холодной, костлявой ладонью.

Я невольно вздрогнула, ощущая в этой старческой руке могучую силу, свернувшуюся кольцом, как легендарный Великой Полоз, и дремлющую до того момента, пока воля волхва не призовет ее выжигать гнезда нежити ослепительно-белым пламенем, исцелять людей или же озарить сиянием целую деревню. Несмотря на немогущее тело старика, Лексей Вестников еще мог потягаться магией с любым из волхвов Стольна Града и остаться победителем. Но вот Дикая Охота стала для него непомерным испытанием...

Ладислав отодвинул узорчатую кованую задвижку и, распахнув тяжелые ставни, открыл окно, забранное пластинами горного хрусталя, впуская в комнату сероватый дневной свет и морозный ветер с запахом снега и зимы.

– Хорошо... – Лексей глубоко вздохнул, сжимая крепче мою ладонь. – Спасибо,

Ладислав. За то, что навел напоследок, тоже. А теперь иди-ка побудь с Ванькиным учеником, пока этот мальчишка еще чего-нибудь не сжег в горнице. Пирогов-то вы от него сегодня уже не дождетесь, последние в печке сгорели...

— И вам спасибо. — Некромант поклонился в пояс, по старинной традиции касаясь кончиками пальцев пола в знак глубокого уважения. — За напутствие и совет особенно. Легкого пути и светлой Дороги...

Он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, и почти сразу же из коридора послышался звук оплеухи, приглушенный вскрик Ветра и негромкое предупреждение Ладислава на тему того, что обычно ждет тех, кто имеет привычку подслушивать. Лексей хрипло засмеялся-закашлялся, держась ладонью за грудь.

— Вот ведь ученичок тебе, Ванька, попался — прям под стать. — Улыбка его вдруг пропала, а глаза смотрели серьезно и сосредоточенно. — Ты ведь уже поняла, что до ночи я не дотяну?

Я только кивнула, закусывая нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

— Брось, Еваника, не стоит провожать меня слезами. Я прожил долгую жизнь. Слишком долгую — люди столько попросту не живут, а мне вот довелось. Я мог бы еще немного покоптить небо, но уже не хочу. Потому что в следующий раз, когда Грань подойдет ко мне настолько близко, что рукой подать, тебя может не оказаться рядом, а мне не хотелось бы унести в могилу все те знания, что я собирал в течение всей жизни. И хотелось бы передать их своей ученице. Они тебе еще пригодятся, да и мне самому будет легче переступить через Грань, а лишний груз не будет тяготить меня в Дороге.

— А как же я... без вас? — только и смогла выдавить я, обеими руками сжимая враз похолодевшую ладонь наставника. Горячая слезинка все же соскользнула по щеке и оставила на светлой рубашке, вышитой алыми петушками, едва заметный след. Меня била дрожь, и отнюдь не потому, что окно было распахнуто настежь и по комнате гулял северный ветер.

— Тебе давно пора взрослеть, Еваника. Жить самостоятельно, не оглядываясь на меня, не ожидая моей подсказки. Идти по собственному пути. Ты справишься. Ты уже справляешься, и Ветер только лишнее тому доказательство. Он уже учится у тебя, и в первую очередь — упорству в достижении поставленной цели. Заклинаниям научить — самое простое в наставничестве. Гораздо сложнее научить не бояться за себя настолько, чтобы не приносить в жертву этому страху близких, любимых и просто небезразличных существ.

Что-то прохладное скользнуло мне в ладонь — я опустила взгляд и увидела серебряный перстень с янтарем, в котором уже почти потухли золотистые огоньки. Наставнический перстень ведуна, Всевышний знает сколько уже лет находившийся на пальце у Лексея Вестникова.

— Еваника, будь добра, подай мне воды. Пить очень хочется... — тихонько попросил меня наставник, обессиленно уронив руки поверх одеяла и откидываясь на подушку.

Я машинально надела перстень на средний палец правой руки — впору пришелся, словно на меня делали, — и встала, направляясь к небольшой лавке, на которой стоял ранее не замеченный узорчатый глиняный кувшин и чуть в стороне — старинный серебряный черпачок.

Вода в кувшине оказалась холодная, с едва ощутимым запахом свежей травы и теплой весенней земли. Вот только руки у меня почему-то дрожали настолько, что я едва не выронила кувшин, пока наполняла ставший неожиданно тяжелым черпачок. Потемневшее серебро на глазах светлело там, где его касалась вода из кувшина, а когда она вдруг плеснула через край, я едва не выронила старинную посудину. Но все же удержала и медленно, почти торжественно, поднесла черпачок к приподнявшемуся на локте Лексею Вестникову.

— Спасибо тебе, доченька... Счастья тебе...

Волхв припал губами к серебряному краю, как вдруг узор на ручке посветлел, словно всплыли из черноты новехонькие блестящие руны, складывающиеся в слова. В заговор, выполненный в серебре, закаленный огнем, водой и магией. В право передать и право сохранить в памяти.

В глазах у меня на миг потемнело, а затем нестерпимо закололо в висках. Я хотела отбросить от себя черпачок, но серебряная ручка словно вплавилась в ладонь, а неожиданно сильные пальцы Лексея Вестникова крепко удерживали меня за запястье, не давая отшатнуться.

Почудилось, будто бы потолок, а затем и крыша избышки раздвинулись, открывая серое небо, сплошь затянутое тучами, и в седых завитках промелькнуло красивое лицо облачной девы. В ушах зазвучали сотни голосов, тысячи мыслей, перед глазами замелькали строчки прочитанных не мной книг... Знания, по крупице собираемые Лексеем Вестниковым в течение его слишком долгой для человека жизни, обрушились на меня нескончаемым потоком обрывков слов, мыслей, фраз, складывающихся в единое целое *понимание*. Миг озарения, когда в этом мире все становится просто и понятно...

Зазвенел, ударившись о доски пола, выпавший из моей руки потускневший серебряный черпачок.

Постепенно утихли в голове чужие мысли, скрыв переданные знания от меня самой, чтобы в дальнейшем высвобождать их постепенно, не нанося вреда и не перегружая полученными сведениями.

И безжизненно упала поверх одеяла иссушенная старостью рука Лексея Вестникова. Я отрешенно смотрела на нее, не решаясь коснуться. Пусть даже я точно знала, что смерть – это еще не конец, что есть еще что-то даже за Гранью, но...

Я осторожно закрыла потускневшие, ставшие похожими на стекляшки глаза наставника. Смахнула со щеки горячую слезу и накрыла лицо волхва висевшим у изголовья кровати белоснежным полотенцем с немного кривовато вышитыми лошадками – когда-то я на этом куске беленого льна училась вышивать, получилось так себе, но Лексей, как ни странно, был рад этому подарку больше, чем дорогим подношениям зажиточных горожан...

Вот и все. Я теперь действительно сама по себе.

Легкой тебе Дороги, отец...

## ГЛАВА 15

В горнице было удивительно, неестественно тихо. Даже дрова в печке не потрескивали, а саламандра сидела у приоткрытой чугунной дверцы, уныло опутив пышущий жаром хвостик и не пытаясь выбраться на волю. За окном медленно спускались сумерки, а я сидела, бессмысленно вертя на пальце перстень Лексея Вестникова и неотрывно глядя на затухающий огонь в печи. Слез почему-то не было, как и злой скорби, только камнем лежащая на сердце тоска, стряхнуть которую не получалось. Ветерок молча пристроился рядом со мной на скамейке, положив вихрастую голову мне на колени, а я машинально перебирала кончиками пальцев непослушные пряди, чувствуя, как тоска становится все невыносимее.

Тихо скрипнула дверь, ведущая из горницы к жилым комнатам, и на пороге появился серьезный, сосредоточенный Ладислав, на ходу вытирая руки льняным полотенцем. Он неторопливо подошел к нам и легонько коснулся ладонью моего плеча.

– Я все сделал, как ты просила.

– Спасибо... – Я подняла на него усталые, сухие глаза. – Я сама бы... не смогла, наверное.

– Похороны все равно придется проводить тебе. Я, к сожалению, магией огня не владею, а хоронить Лексея в землю даже я отсоветую. Слишком уж это неопределенная участь получается, да и беспокойная временами...

– Знаю... – Я отстранила своего ученика, поднимаясь с лавки. – Побудьте здесь, я пока схожу гляну, как там Данте... а там уже и проводим наставника...

В комнате, которая раньше была моей детской, сейчас было довольно темно и тихо, несмотря на распахнутые настежь ставни. Первый морозец уже разрисовал пластины горного хрусталя на окнах причудливыми узорами, превосходя самое искусное плетение, какое

только может быть создано руками кружевницы. Белые узоры на темных пластинах едва заметно мерцали в пламени свечи, стоящей на подоконнике – единственного источника света в комнате, – переливались, словно присыпанные алмазной крошкой, и сияли, будто бы перекликаясь с золотистыми искорками в моем, теперь уже моем, перстне ведун-наставника.

Данте лежал на кровати, до подбородка укрытый теплым лоскутным одеялом. Его грудь мерно поднималась и опускалась в такт неслышному почти дыханию, черты лица казались чересчур заостренными, а под глазами все еще не исчезли темные полукружия, в первые несколько часов после рассвета делавшие Данте похожим на выходца с того света. Что ж, в каком-то смысле так оно и было...

Я переставила свечу с подоконника на сундук у изголовья постели и уселась на ее краешек, взяв теплую руку аватара в ладони. Толчки крови в запястье, еще утром почти не ощущавшиеся, сейчас были сильными и ровными. Он все же приходит в себя. Не может не прийти. Слишком уж он сильный, слишком упрямый...

– Только попробуй не очнуться, слышишь? – шепнула я, сдавливая его ладонь. – Я тебя не для того вытащила из призрачной свиты, чтобы ты изображал тут сказочного спящего царевича...

Данте, разумеется, не ответил, а я не удержалась и осторожно обняла его, положив голову ему на грудь, напротив сердца, вслушиваясь в размеренный, ровный стук. В его волосах стало гораздо больше седины – если раньше была лишь одна ярко-белая прядь у левого виска, то сейчас тонкие серебристые нити появились по всей голове, оттеняя черноту волос. Когда я поутру помогала Ветру перетащить Данте с тюфяка у печи на кровать в комнате, то мне страшно было на него смотреть. Право слово, я боялась, что он начнет изменяться прямо у меня на глазах, как призраки, что скакали с ним бок о бок в свите Черного Охотника, – те только на первый взгляд казались похожими на себя прежних. Что там было на самом деле, я не знала и знать не желала... но страх, что аватар так и не выберется на поверхность глубокого, вязкого, как самое топкое болото, сна, больше походившего на смерть, так никуда не делся. И не денется, пока я не загляну в его черные с серебряными искорками глаза, напоминающие о далеком звездном небе зимней ночью, и окончательно не поверю, что он жив.

– Не представляешь, насколько ты мне сейчас нужен... – еле слышно всхлипнула я, уткнувшись лицом в грудь аватара, накрытую одеялом. – Как мне сейчас нужно, чтобы ты был рядом, как тогда, в Вещих Капищах... Я так устала, ты просто не представляешь. Мне кажется, что еще немного, еще чуть-чуть, и я сломаюсь. Ну очнись же... пожалуйста...

В ответ только тишина и потрескивание фитилька свечи. Я села, вытерла лицо рукавом рубашки и поправила одеяло, накрывающее аватара. Он выкарабкается, я знаю. С каждой минутой его сердце бьется все увереннее, руки все теплее. Я знаю, что ему снится тот же сон, что и мне ночью, – бесконечная дорога через туманные дали. Просто мое блуждание оказалось чуточку короче, но ведь я не пребывала неизвестно где вместе с призрачной свитой в течение нескольких дней. Остается только надеяться на то, что свой путь Данте отыщет как можно быстрее. Жаль только, что сейчас он не откроет глаза, не улыбнется мне чуточку горько и устало, не прижмет к жесткому, надежному плечу, позволяя излить тоску, разъедающую душу вернее, чем ржавчина добрый клинок. Не даст почувствовать, что осталась у меня та незыблемая опора, которая поддержит и примет меня такой, какая я есть. Со всей моей печалью, тоской. С истерическими нотками в срывающемся от плача голосе. Примет и поможет исцелиться, отпустить от себя все накопившееся для того, чтобы провалиться в сон без сновидений и очнуться с радостной мыслью «жива!».

Я поднялась и вышла из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. У меня есть еще один долг, который я обязана отдать здесь и сейчас. Странное дело, но почему-то стало спокойнее. На плечо словно легла до боли знакомая теплая рука – невесомая, неосязаемая. Будто душа моего наставника все еще кружила птицей над уже остывшим телом, прощаясь со всем, что было дорого при жизни, и по мере сил стараясь в последний раз ободрить и

поддержать. Лексей передал мне свои знания, а вместе с ними – частичку самого себя, своей уверенности и спокойствия. Его уже не было в мире живых, но и Грань до похорон он не переступит...

На довольно грубый, наспех сколоченный на дворе у избы помост над кучей притащенного из лесу валежника, накрытый новой беленой скатертью с ярко-алым вышитым узором, Лексея Вестникова мы с Ладиславом перенесли почти торжественно. Ветер нес следом за нами традиционный каравай, туесок с медом и посох моего наставника, тот самый, с которым старый волхв не расставался в последнее время, – прощальные дары умершему. Тело, завернутое в холстину, мы положили на помост, рядом с ним посох и старую, повидавшую многое на своем веку, потертую знахарскую сумку с набором снадобий. Туесок с медом и каравай согласно старинной традиции мы оставили в ногах у покойника и отошли на несколько шагов от помоста с телом.

– Кто-нибудь хочет что-то сказать напоследок? – глухо произнесла я, обводя взглядом Ладислава и Ветра, стоящих поодаль.

«Мы хотим», – раздался у меня в голове знакомый приятный голос, и во двор, неторопливо ступая, зашел Серебряный, опустив голову к земле. Следом за ним – мой названный брат и темно-серая, почти черная волчица, имени которой я не помнила, но знала, что она подруга вожака стаи.

Снег тихо ложился на землю и на белый холст, накрывавший тело моего наставника, а волки все прибывали. Спустя минуту мне показалось, что попрощаться с Лексеем Вестниковым пришла вся стая Серебряного – пусть в небольшом дворике перед избушкой хватило места немногим, зато за низким забором мерцали десятки зеленоватых огоньков глаз.

Рослый вожак склонил голову, почти касаясь мордой пушистого снежного ковра, и тихонечко рыкнул. Я сложила ладони лодочкой, затеплила меж ними яркий лепесток бело-голубого пламени, который и стряхнула куда-то под деревянный настил...

Секунду ничего не происходило, а потом погребальный костер с ревом взметнулся ввысь на добрую сажень, окутывая сверкающим коконом настил с телом Лексея Вестникова и постепенно становясь из бело-голубого золотисто-рыжим. Я невольно подалась назад от жгучего жара, закрывая лицо от летящих искр, и тут Серебряный завыл «поминальную» волчью песню.

Сильный, тягучий волчий вой расколол тишину зимнего леса, рассыпался эхом среди деревьев. К Серебряному вначале присоединилась его подруга, затем – мой названный брат, а вскоре единым слаженным хором пела прощальную вся стая.

Падали с небес крупные хлопья снега, постепенно затухало разбуженное стихийное пламя на угольках погребального костра, а я почти ощущала, как вместе с белесым, пахнущим почему-то летней сосновой смолой дымом и волчьим воем поднимается к предкам душа моего наставника. Казалось, еще чуть-чуть – и я смогу ее увидеть, в последний раз заглянуть в лучащиеся добротой строгие карие глаза, коснуться кончиками пальцев твердой старческой ладони...

Я неотрывно, до рези в глазах, всматривалась в ночное небо, затянутое снеговыми облаками, и душа моя рвалась ввысь следом за волчьим воем и рыжими искрами. Слезы медленно текли по щекам, капли срывались с подбородка, падая на вытертый воротник зимней куртки. На миг стало легко-легко, словно я действительно сумела *отпустить* наставника... как птицу на волю...

Сильный северный ветер, несущий с собой снег, вдруг поднялся над макушками деревьев, срывая слезы с моих щек и развеивая пепел погребального костра. Волчьи голоса плавно затихали – словно разумные собратья Серебряного, допев свой «куплет», попросту тихонько расходились по родным норам, оставляя людей с чувством отданного последнего долга. Ладислав неслышно подошел ко мне и, приобняв за плечи, легонько коснулся губами моих волос.

– Легкой ему Дороги, Еваника... И светлой памяти.

Я всхлипнула, рукавом вытирая слезы и, отстранившись, шагнула прочь от черного круга остывающего пепелища.

– Мне надо... немного побыть одной. Присмотри за мальчиком, я скоро вернусь. Со мной здесь ничего не случится... Родной лес-то...

Некромант только кивнул, а я уже шла за ворота, толком не видя перед собой ничего. Становилось холодно, и я машинально набросила на голову капюшон куртки, затягивая завязки непослушными от холода пальцами. Справа на тропе мелькнула темная тень, моего сознания коснулся успокаивающий голос Подлунного – названный брат все-таки решил приглядеть за мной, не мешая моему уединению. Он просто дал знать, что будет рядом, если понадобится, и это было, как ни странно, лучшим утешением.

Я шла через лес по замеченной снегом тропинке, и тусклый голубоватый светлячок уныло вился над моим правым плечом, то поднимаясь над низко нависшими ветками деревьев, то опускаясь почти к земле. Подлунный, поначалу следовавший в некотором отдалении от меня, спустя какое-то время приблизился и молча пошел рядом по тропе. Снег еле слышно поскрипывал при каждом моем шаге, дыхание белесым облачком срывалось с губ, мороз ощутимо пощипывал кончики пальцев, когда я выбралась на поляну, почему-то не покрытую снежным полотном. Подлунный остановился у края как вкопанный, недоверчиво принохиваясь к влажной, остро и пряно пахнущей палой листвой, недавно прошедшим дождем и поздними грибами земле, а я почему-то не задумываясь переступила незримую границу, отделяющую зиму от поздней осени.

В центре почти круглой поляны росло низенькое кривоватое дерево, березка, простирающая обнаженные тонкие веточки к темно-серому небу. Все корни ее были засыпаны облетевшей листвой, да столь ровно, что казалось, будто бы кто-то специально приходил сюда с граблями и аккуратно сгребал листья к корням деревца так, чтобы получилось нечто вроде холмика.

Я подошла к березке и уселась у ее корней прямо на гору потемневшей палой листвы. Уткнулась лбом в подтянутые к груди колени и тихонечко заплакала. Наверное, так уходит детство. Не с первой любовью, замужеством или рождением детей, а вместе с теми, кто тебя вырастил и воспитал. Пока есть человек, к которому всегда можно прийти со своими проблемами, заранее зная, что он над тобой не посмеется и не прогонит прочь, а всегда выслушает и если не даст совет сразу, то хотя бы побудет рядом, – детство продолжается. С человеком, который любит тебя за то, что ты просто есть на этом свете, для которого твои поступки – неважно, какие они, плохие или хорошие, – являются лишь поводом для радости или огорчения, а не для того, чтобы тебя бросить или приблизить к себе...

Подлунный подошел ближе и улегся рядом со мной на лиственную подстилку. Я только всхлипнула, обнимая разумного волка за шею и пряча лицо в густом зимнем подшерстке, остро пахнущем лесным зверем и совсем немного – дымом погребального костра.

Кто бы знал, насколько же я устала... Насколько мне хочется верить, что все, случившееся со мной в последнее время, – дурной, страшный сон, который просто обязан когда-нибудь кончиться. Я так хочу проснуться... и узнать, что не было ни Дикой Охоты, ни погребального костра, ни этого проклятого Колодца, который когда-то давно столь круто изменил мою жизнь... поломал меня прежнюю и слепил заново... подчиняясь последней воле уходящего «на покой» бога сражений.

Я так хочу проснуться... Ну пожалуйста...

Разумный волк вдруг низко зарычал и ошетинился, привставая с земли. Я подняла голову и увидела, как на обшарпанную ветку березы садится довольно крупная птица размером с небольшого орла – такие же широкие крылья, мощные лапы с крючковатыми когтями и довольно жилистое тело, только вот оперение у странной птицы было белоснежным, и лишь голова и кончики перьев отливали золотом. Я смотрела в глаза алконосту, и на миг мне почудилось, что орлиная голова его вдруг становится человеческой, а вместо хохолка появляется золотая корона, усыпанная драгоценными камнями. Только

глаза на прекрасном девичьем личике остаются прежними, птичьими – с огромным зрачком и тоненькой золотистой ниточкой радужки. Я привстала, положив ладонь на шею разумного волка, и в этот момент алконост вдруг запел.

Его песня подхватила меня, как бурный поток подхватывает упавшую в него щепку, закрутила и куда-то понесла. Я не могла разобрать ни слова, но почему-то знала, что песня обо мне. О том, что было и есть, и о том, как оно все могло бы быть. И вот к этому «могло бы» я потянулась всей душой, всем сердцем, как будто от этого зависела моя жизнь и все мое существование.

Хочу жить, хочу любить, хочу быть свободной!

Песня алконоста зазвучала громко и властно, пока не оборвалась на самой высокой, пронзительной ноте, а вместе с песней пропало все остальное, как будто я потеряла сознание...

...И очнулась, лежа на кровати.

Я резко села, поморщившись от нахлынувшей головной боли, и закрыла лицо ладонями, пытаюсь сообразить, что же случилось. Последнее, что осталось в памяти, – это хлопанье бело-золотых крыльев алконоста, его песня, пробирающая до глубины души, до невольно исторгнутых горьких слез пополам со счастливым смехом. Потом – провал, такой же непроглядный, как и мрак в комнате. Наверное, я все же потеряла сознание в лесу, а Ладислав с Ветром нашли меня и принесли домой. Ох, надо будет им сказать отдельное спасибо за такую готовность возиться со мной столько времени кряду.

– Любимая, все в порядке?

Голос Данте раздался так близко, что я невольно шарахнулась в сторону, да так «удачно», что свалилась с кровати, больно ударившись локтем о доски пола, глухим стуком отозвавшимся на мое падение. Блеснула искорка, высекаемая из огнива, потом еще одна – и небольшая свеча озарила слабеньким пламенем довольно широкую двуспальную кровать со смятыми простынями и лежащего на ней полуобнаженного Данте, кое-как прикрытого одеялом. Волосы цвета воронова крыла почти занавесили заспанное лицо, когда он сидел на кровати, пытаюсь понять, что же случилось. А я сидела на полу, прикрываясь сдернутой со стула мужской рубашкой, и никак не могла поверить в то, что я не сплю. Когда он успел очнуться и прийти в себя? Или же это меня так долго не было? Неужто я, очарованная пением алконоста, слишком долго пробыла на той поляне с кривой березой?

– Что ты тут делаешь? – кое-как выдавила я, влезая в рубашку и плотнее запахивая ее на груди.

На лице аватара отразилось такое изумление, что мне невольно стало не по себе.

– Сплю, если ты об этом. А вот что ты делаешь на полу, мне до сих пор непонятно.

Он сел, и отсветы хилого огонька свечи обрисовали его таким сочетанием света и тени, что я невольно покраснела, отводя взгляд и незаметно ущипнув себя за лодыжку. Ойкнула от боли, но Данте никуда не делся, только голос его стал более обеспокоенным:

– Любимая, тебе сон плохой приснился? Или предчувствие?

– Наверное, сон, – пробормотала я, поднимаясь с пола и усаживаясь на краешек кровати. Или птицедева что-то сделала с моими мозгами, или же она действительно решила исполнить мое сокровенное желание... – Приснилось, что я королева Андариона, и у нас с тобой ничего не получилось, потому что нельзя было...

– И с чего у тебя такие сны возникают? – Он обнял меня, притянув к себе, и зарылся лицом в мои волосы, ласково целуя шею. – В Андарионе новый король вполне справляется со своими обязанностями, да и Ведущий Крыла его не оставляет.

Чего? Я действительно сошла с ума?

– Данте, а как же ты? – Я ощутила, как он напрягся и отстранился, после чего ловко опрокинул меня на спину, на смятые простыни, нависая надо мной так, что его волосы упали мне на грудь и шею, чуть щекоча кожу.

– Ева, что за странные мысли тебя посещают по ночам? Между прочим, это было твое

условие, чтобы я оставил Крыло аватаров, и я его выполнил. Не могла бы ты, в таком случае, сдержать свое обещание, а?

– Обещание? – Я окончательно перестала понимать происходящее. Сложно думать, когда тебя кто-то прижимает к кровати, особенно если этот кто-то – мужчина, о котором мне отчаянно мечталось, но единственная попытка оказалась прервана столь некстати явившейся дриадой. Так, может, так оно и должно быть? Может, алконост исправил в моей судьбе что-то, из-за чего это все – дом, любимый мужчина, свободная жизнь без короны – стало возможным?

– Не напоминать мне об Андарионе. – Он поцеловал меня, пока что легко, но довольно многообещающе. – Ев, я люблю тебя настолько, что отказался от Небесного королевства. Отказался от крыльев, потому что ты человек и никогда не смогла бы разделить со мной жизнь айранита. Я живу с тобой, как человек, потому что без тебя жизнь смысла не имеет. – Очередной поцелуй, от которого все внутри стянуло привычной уже – привычной ли? – легкой судорогой предвкушения. – А теперь ты просыпаешься с криком посреди ночи и начинаешь спрашивать, почему я больше не Ведущий Крыла. Что с тобой?

– Не знаю, правда. Не знаю. – Я скользнула кончиками пальцев по его плечам. Быть может, и падение в Небесный колодец, и коронация, и Дикая Охота... и погребальный костер перед избушкой Лексея Вестникова, и сама алконост – *что, если* это все был лишь кошмарный сон, который наконец-то закончился? Что я наконец-то продулась? – Данте... это был такой ужасный сон...

– Расскажи, – тихо попросил он, ложась рядом, и, дождавшись, пока я поудобнее устрою голову у него на груди, обнял, прижимая к себе. – Что тебя настолько взволновало?

Я глубоко вздохнула и начала рассказывать. Про падение в Небесный колодец и про то, как я обрела крылья и корону, но потеряла любовь. Про одиночество правления, когда он был Ведущим Крыла, моим личным телохранителем – настолько близким, что достаточно было только протянуть руку, и при этом бесконечно далеким. Про свадьбу Вильи и смерть его самого. Про Дикую Охоту, после которой я пришла в себя постаревшей, с ощущением того, что прошла по самому краешку Бездны, но его, Данте, вернула в мир живых из свиты позабытого бога. И про погребальный костер Лексея Вестникова, для которого эта встреча с Дикой Охотой оказалась последней – слишком велико оказалось напряжение, слишком много сил потребовало колдовство, защитившее нас обоих в ночь Дикого Гона. Пламя погребального костра, обдающее лицо жаром, и медленно стекающие по лицу слезы. А ночь кажется такой живой, такой ясной, потому что наставник передал мне самое ценное, чем владел, – свои знания, накопленные в течение слишком долгой даже для волхва жизни.

Он слушал не перебивая и, только когда я наконец-то выговорила, осторожно скользнул ладонью по моим отросшим немногим ниже плеч волосам.

– Это очень страшный кошмар, любимая. Прожить жизнь, а затем узнать, что ее и не было вовсе. И жизнь, в которой не было сказано нужных слов, зато сказано столько лишнего... – Он обнял меня крепче, прижимая к своей груди. – Ничего... Теперь я рядом. Все будет хорошо.

– А что, если сейчас я просто сплю, а когда проснусь, все вернется, станет так, как было? – Я попыталась снова сесть, отстраниться, но он не пустил.

– Интересно, что тебя заставляет сомневаться в реальности происходящего? – Он приподнял мое лицо за подбородок, чуть-чуть щекоча кожу кончиками пальцев. – Это? – Крепкий поцелуй. – Или это? Быть может, мне стоит в очередной раз доказать тебе, насколько я настоящий, равно как и все вокруг?

– Но та, другая жизнь... она тоже казалась *до ужаса* реальной. – Я ожесточенно потерла лицо ладонями. – У меня ощущение, будто бы я с ума схожу.

– Я тоже с ума схожу. От тебя. – Его пальцы скользнули по моему плечу. – От твоих бездонных глаз, в которые я каждый раз проваливаюсь как в пропасть, как в глубочайший омут, и он, боюсь, уже никогда меня не отпустит. – Он коснулся губами моей шеи. – И мне нравится это безумие.

Я уперлась ладонями в его грудь, отталкивая, и он послушался, отодвигаясь, но по-прежнему нависая надо мной. В его черных с серебряными искорками глазах дважды отражалось пламя свечи, но мне почему-то казалось, что этот темный огонь горит в его зрачках сам по себе. А еще я почувствовала, что если сейчас оттолкну его окончательно, то он все же подчинится моей хрупкой человеческой природе, которая, вероятно, не всегда может выдерживать его порывы. Что-то прежнее из знакомого *сна-яви*, уже не раз виденный и прочувствованный до глубины души железный самоконтроль Данте сейчас удерживал его практически на краю того, где заканчиваются приличия и начинается нечто, о чем я, кажется, не имела представления.

Если он прав и мне всего лишь привиделся кошмар, где мы с ним разделены пропастью правил, законов и чести, то происходящее – это не просто нормальное явление, а то, что естественно, как дыхание. Быть единым целым с тем, кого любишь. Если же происходящее сейчас – всего лишь сон... то я хочу взять от этого сна все, что можно. И не оглядываться ни на что. Потому что у меня появился шанс жить так, как я всегда хотела, как я мечтала с того момента, когда на мою голову опустился королевский венец и Данте впервые обратился ко мне, как к королеве. Пусть все закончится *потом* – мне уже все равно. У меня появился шанс изменить все... и не мучаться вопросом «а что, если?».

– Так что, любимая? – Он отодвинул в сторону мои руки, лежавшие у него на груди, и приблизил свои губы к моим губам, так что каждое его слово становилось маленьким поцелуем. – Тебе ведь нравится то, как я тону в тебе... И то, какая свобода проявляется меж нами. – Его губы приближались, пока он не приник ко мне горячим и страстным поцелуем, уже обнимая, скользя руками по плечам и груди.

– Мне до сих пор не верится... – Я неловко провела ладонями по его спине, гладкой, сильной. – И все чудится, что из твоей спины вот-вот вырвутся черные крылья.

– Неужели тебе этого сейчас так хочется? Несмотря на твои просьбы и мои клятвы? – Руки Данте уже скользили по коже моей спины, то чуть касаясь, а то и замирая, разминали и ласкали, а губы его коснулись основания моей шеи. – Сейчас наша ночь, любовь моя.

– Заставь меня поверить, что это все не иллюзия, – тихо попросила я. Голос мне самой показался еле слышным и чуть дрожащим. – Я закрываю глаза – и слышу твою клятву у трона в зале с облачными стенами, слышу твое обращение «королева»... Какой из клятв мне верить сейчас?

– Заставлю. Потому что люблю тебя, Еваника. – Руки его скользнули еще ниже, теперь я могла чувствовать его ладони на своих ягодицах. Горячие. Ждущие. Ласкающие. – Тем более что за день я очень соскучился по нашей ночи. И давал тебе клятву в том, что буду с тобой всегда. В человеческом облике, поскольку мои крылья пугали тебя. Я стал человеком для тебя, пусть это и означало потерять для себя радость полета.

– Очередная жертва... ради меня. – Я чуть сжалась, отворачиваясь и стискивая зубы. Откуда в сердце сидит эта заноза? Как будто кто-то отдал за меня нечто настолько ценное, что не передать словами? Кем был этот человек? Или не человек? – У меня странное ощущение... будто я что-то забыла...

– Иногда стоит забыть... Обо всем.

Зыбкий огонек свечи дрогнул и погас, оставив нас почти в полной темноте. Странно, раньше темнота не казалась мне настолько непроницаемой, я всегда могла разглядеть хотя бы очертания предметов, а в последнее время...

Связный поток мыслей оборвался, когда Данте слился со мной в единое целое. Так, как ждалось. Как мечталось. Как хотелось на холодной, одинокой постели, когда за окном завывал ледяной ветер...

Все – неважно. Все – иллюзия. Он со мной, мы едины так, как только возможно...

*Я с тобой. Я тебя люблю...*

Поздняя осень здесь, чуть южнее Стольна Града, в этом году оказалась на удивление мягкой, теплой и солнечной. И пусть с утра нельзя было ничего разглядеть дальше

вытянутой руки из-за холодного тумана, заполнившего собой лещину, к полудню распогодилось, и сейчас я с наслаждением вдыхала студеной осенний воздух, любуясь солнечными бликами на гладкой, как зеркало, поверхности небольшого лесного озера. Вокруг стояла тишина, такая, какую можно услышать лишь в лесу в последней декаде листопада – природа уже засыпала, лесные духи и мелкая нечисть постепенно уходили под землю, готовясь к покою, до тех пор пока их не разбудит весенняя капель. Багряные и золотисто-медные кленовые листья с зелеными прожилками мягко ложились на землю, яркими звездами падали на поверхность озера, на несколько секунд нарушая неподвижное величие студеной воды, синей, как лучшие сапфиры в короне эльфийского владыки из Серебряного Леса. Прохладные солнечные лучи проникали сквозь разноцветный лиственный полог, ложась на землю косыми столбами золотистого света.

Тихо... И спокойно, как никогда.

Я шла к озеру, и ковер из опавших листьев еле слышно шуршал под моими ногами. В моих руках уже было нечто вроде букета из кленовых листьев, было бы желание – я смастерила бы из них подобие осеннего венка.

*Короны...*

Сердце кольнуло тупой иглой боли. На краткое мгновение мне почудилось, что мир вокруг поплыл, меня очертания, но я моргнула – и все встало на свои места.

– Любимая, ты в порядке? – На мои плечи лег тяжелый черный плащ, ниспадающий складками до самой земли, а затем Данте обнял меня со спины и прижал к себе. – Ты словно сама не своя. Что тебя беспокоит?

– Не знаю. – Я прикрыла глаза, ощущая тепло его рук даже сквозь ткань плаща и куртку. – Все слишком... хорошо. Так не бывает.

– Мы это заслужили. – Он еле ощутимо поцеловал меня в шею. – Я отказался от неба, а для тебя сама свадьба стала испытанием. Но мы ведь справились. Неужели мы не достойны этого счастья – быть вместе и...

– Быть свободными.

– Да. Именно. Разве мы не этого хотели? – Его руки чуть напряглись, а потом он развернул меня лицом к себе, ловя мой взгляд. – Ев, тебе плохо со мной? Ты жалеешь, что живешь не с человеком, а с оборотнем?

– Строго говоря, ты не оборотень, – начала я, но он покачал головой, отчего выбившиеся из низкого хвоста прядки волос почти скрыли шрам на левой щеке.

– У меня две ипостаси, и это для меня естественно. Я оборотень. Но ты так и не ответила. Ты жалеешь?

– Нет. – И это была правда. Я не жалела ни секунды с той ночи, когда проснулась от кошмара и осознала, что все плохое, случившееся в моей жизни, только сон, и не более того. – Не жалею. Я люблю тебя.

Я не думала, что эти слова будет когда-нибудь так легко произнести, особенно обращаясь к нему. Но было ведь. И ответом мне было не едва заметное пожатие плечами и прохладный, спокойный голос, а теплая улыбка и крепкий поцелуй.

Ветер донес пряный, чуть горьковатый запах дыма – горели листья, усыпавшие лужайку у нашего дома. Я уткнулась лицом в плечо Данте, закрывая глаза, а он прижал меня к себе, глядя по волосам и шепча на ухо что-то ласковое. Наверное, я могла бы стоять так еще долго, но он вдруг спросил:

– Слушай, ты же вроде собиралась сегодня навестить Лексея Вестникова. Не передумала?

– Наставника...

*Пламя погребального костра, опаляющее лицо жаром. Знание волхва, бьющееся в груди невидимой птицей, седые прядки на висках и в коротко стриженной челке. Искры, летящие в суровую осеннюю ночь, в самую высь, к низко нависшим снеговым тучам. Беззвучные слезы, катящиеся по щекам, а рядом стоит мальчик, Ветер. Теперь уже мой ученик. Первый...*

– Хочу, конечно. Когда отправимся?

– Да хоть сейчас, – он широко улыбнулся и вдруг подхватил меня на руки. – Моя прекрасная госпожа желает ехать немедленно?

– Желает, еще как! – Я рассмеялась, целуя Данте в щеку. Наставник жив. Здесь он жив! И не было ни погребального костра, ни ошеломляющей ясности от переданных знаний, ни рвущей душу утраты.

– Ваше желание будет выполнено. Как только я оседлаю Белогривого. Надеюсь, эта задержка не будет столь непозволительной? – Он направился по едва заметной тропке обратно к дому, все еще держа меня на руках. Легко, как ребенка. Даже в этой ипостаси он заметно сильнее обычного человека.

– Не будет...

Через полчаса мы уже мчались на черном жеребце с белоснежной гривой. Я все же настояла на том, чтобы ехать за спиной Данте – конечно, приятно, когда любимый придерживает тебя за талию, когда ты сидишь на коне по-женски, но слишком уж неудобно, когда вредный жеребец только и ждет момента, чтобы показать «удаль молодецкую». А еще непривычно было наблюдать на правой руке Данте узкое серебряное кольцо безо всяких узоров – близнеца того, что сейчас находилось на моем безымянном пальце. Мы женаты? Обручены? Да какая разница.

Самое сокровенное, самое оберегаемое желание было выполнено алконостом – моя жизнь изменилась, потому что я никогда не падала в Небесный колодец. Я не становилась Синей Птицей, оставаясь Еваникой Соловьевой, а значит, не было ни коронации, ни пропасти, разделившей меня и Данте, поэтому он сумел оставить за спиной аватаров и Темный Кров.

– Данте, а мы к Вильке заехать не сможем?

– Далековато до эльфийского государства-то ехать. – Он усмехнулся, накрыв мою ладонь своей и заставляя Белогривого пригасить галоп. – Хотя, если очень хочешь, можем попробовать. Только сначала придется ее предупредить, а то к жене первого советника его эльфийского величества просто так не приедешь.

– Она за эльфа замуж вышла? – переспросила я, пытаясь сложить в уме два и два. Как же так, она ведь за Ритана вышла? Или нет?

– Это тебе виднее, ты у нее на свадьбе подружкой была.

Да, была, но Ревилиэль выходила за дракона, Хранителя Алатырской горы. Неужели из-за того, что моя судьба поменялась, Вилька и Ритан так и не повстречались?

– Лучше б она за дракона замуж вышла, – фыркнула я, но Данте услышал и осадил Белогривого так резко, что тот возмущенно заржал, становясь на дыбы. Я едва не свалилась на раскисшую лесную дорогу, с трудом удержавшись на крупе жеребца. – Что?

– Когда я в последний раз слышал о драконах, они брали под контроль Андарион. Не поработили, конечно, для Алатырской горы это слишком... некрасиво было бы, но политика в Небесном королевстве сейчас полностью под контролем драконьего царя. Поэтому... Не говори мне больше о драконах.

Данте тронул бока Белогривого пятками, и тот почти сразу перешел на легкую рысь, а я сидела, крепко держась за талию бывшего аватара, и думала о том, что из-за меня мир между драконами и айранитами так и не был заключен. И Вилька так и не повстречалась с Ританом. Значит, такова моя цена за личное счастье? Всего лишь за исполнившееся желание быть в стороне от власти и Небесного королевства?

Я никому ничего не должна, тем более сейчас. Может, с эльфийским советником Вилья будет гораздо счастливее, чем с драконом-оборотнем. Но здесь жив Лексей Вестников, здесь есть Данте и есть я. И самое главное – здесь я не обречена на ненужную мне корону.

Но правильно ли это?..

Мы с Данте молчали, пока впереди не показались до боли знакомые ворота, за которыми ютилась низенькая наставникова избушка. Тот же пологий скат крыши, покрытый

толстым слоем мха, тоненькая струйка дыма над трубой и распахнутые настежь ставни. Белогривый сам остановился в нескольких шагах от ограды и звонко заржал.

Скрипнула потемневшая от времени дубовая дверь, и на порог избушки вышел Алексей Вестников с неизменным посохом в руках. Такой, каким я его помнила, когда еще в той, *другой* жизни, пришла к нему просить помощи в неслыханном деле – я хотела тягаться с Дикой Охотой, забрать из ее свиты человека, айранита, без которого моя собственная жизнь лишалась смысла.

Я неловко сползла по крупу Белогривого, сделала несколько неверных шагов к калитке, машинально открывая ее взмахом руки и заклинанием, въевшимся в память на долгие годы. Наставник широко улыбнулся и спустился с крыльца мне навстречу.

– Ванька! Давненько я тебя не видывал! Совсем старика не навещаешь, егоза.

– Наставник... – Я неуверенно шагнула вперед, еще не до конца веря в происходящее, а потом порывисто обняла волхва, пряча лицо в складках серой накидки наставника.

Не бывает такого, чтобы можно было повернуть время вспять, возвратить с того света тех, кто уже ушел, но алконост, похоже, не зря зовется сказочной птицей. Быть может, ее сила и состоит в том, чтобы менять события в переломный момент жизни, после чего судьба идет по совершенно иному пути. Лучшему.

– Ну-ну, девонька, что с тобой? Будто бы год не виделись. – Алексей Вестников несколько неуверенно погладил меня по волосам. – В прошлом месяце ж только приезжала. Или тебе замужем так неуютно, что рада моему дому больше, чем своему? Так ты только слово скажи, я с мужем твоим потолкую. – Он отстранил меня, внимательно вглядываясь в мое лицо, ища признаки неудовлетворенности семейной жизнью. Вроде бы не нашел и слегка приподнял правую бровь. – Ванька, у тебя точно все в порядке? Взгляд у тебя шалый какой-то.

– Может, просто счастливый, а? – предположила я, оглядываясь на Данте, расседывающего Белогривого в сторонке от крыльца, поближе к воротам.

– Да не похоже. Счастье, оно иначе выглядит. Без горечи, которую ты сейчас прячешь в глазах. – Наставник покачал головой, тяжело опираясь на кленовый посох. – Ладно уж, захочешь – расскажешь. А пока – проходи. Думаю, что говорить тебе «чувствуй себя как дома», излишне.

Я проследовала за Алексеем Вестниковым в светлую горницу, знакомую мне с детства и ничуть с тех пор не изменившуюся, разве что в сухих сборах, развешанных вдоль стен, появилось много новых, которые я, как ни старалась, не могла распознать. Вытертую плетеную дорожку посреди горницы заменила новая; длинная лавка, обычно стоявшая у стола, была отодвинута к стене, а на ее прежнем месте появились две, поменьше и покороче, но с полировкой и вычурным узором. Наверное, я бы так и стояла на пороге горницы, если бы Данте осторожно не подтолкнул меня в спину.

– Ванька, проходи, садись за стол, да и мужа своего не забудь.

– Его забудешь, как же, – фыркнула я, уловив в теплых глазах наставника искорки смеха, но за стол тем не менее не торопилась, посматривая в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. – Наставник, а все книги у вас по-прежнему на чердаке в сундуке хранятся?

– Разумеется, где же им еще быть? – Волхв легким пассом заставил вскипеть воду в пузатом, начищенном до блеска медном самоваре и, сняв со стены небольшой веник высушенных трав, принялся готовить какой-то отвар с запахом свежей, только что сорванной земляники. – А тебе что-то конкретное надо? Вань, ты же знаешь, что содержимое этих книг хранится у меня в первую очередь в голове, все остальное – наследие, так сказать, для потомков.

– Мне про алконоста узнать надо. Поподробнее, – призналась я, усаживаясь на лавочку у потемневшего от времени длинного стола.

– Эх, Ванька, Ванька, – вздохнул наставник, размешивая отвар в глиняных кружках. – Плохо я учил тебя, ой плохо. Про алконостов тебе я рассказывал, даже не раз, но ты, видимо, меня не слушала. Ладно, расскажу снова, чай, не убудет. – Наставник приосанился и хорошо

поставленным, ровным и размеренным голосом человека, привыкшего к тому, что каждое его слово будет услышано, начал говорить об алконостах.

Я же сидела, машинально теребя мочку уха, и пыталась заново осознать услышанное.

У простых людей алконосты считаются «райскими» птицами, живущими на небесах. Крестьянские легенды утверждают, что именно алконосты встречают душу умершего в раю и провожают ее к новому дому, где душе этой надлежит жить до тех пор, пока Всевышний не решит вернуть ее на землю в новом обличье. Считается, что у самого алконоста голова девичья, тело птичье, оперение белое, крылья белые с золотым окаймлением, а голос сладок, как сама любовь, и человек, заслышав пение «райской» птицы, уже не сможет сбросить эти чары самостоятельно.

– Правда, поют алконосты не очень-то и часто, – продолжал наставник, ставя передо мной и Данте по кружке с ароматным настоем. – Чаше всего орут отнюдь не райскими голосами, особенно если застигнуть алконоста врасплох. Тогда их воплю может и баньши позавидовать. Да и девичьей головы я у них ни разу не видел – птица как птица...

– А когда они поют? – негромко поинтересовалась я, словно наяву услышав сладкий, как мед, голос, от переливов которого веки наливались свинцовой тяжестью, ноги отказывались повиноваться, а душа радовалась, как никогда в жизни.

– Алконостов, как ни странно, привлекает горе. И чем оно сильнее, тем привлекательнее для птицедевы. Говорят, алконосты своим пением могут подарить отчаявшемуся новую надежду, исполнить заветное желание, но я с такими «счастливицами» не сталкивался. Иногда летят они на близкую смерть и дарят павшему в бою воину, находящемуся на краю гибели, волшебный сон, где он успевает встретиться с родными и любимой. Посадить дерево, выстроить дом и воспитать детей. И длится этот сон всего несколько минут, хотя умирающий успевает увидеть целую жизнь. – Наставник уселся на соседнюю лавку, задумчиво оглаживая длинную седую, аккуратно подстриженную бороду, в которой волосок лежал к волоску. Всегда удивлялась, когда он находит время на столь тщательный уход за собой, с его-то занятостью и постоянными разъездами. – Вот сириноптицу, наоборот, можно привлечь радостью, счастьем, но сирин, в отличие от алконоста, несет только беды и горе. Можно сказать, что сирин и алконост – птицы, которые не дают нарушиться равновесию в человеческих сердцах, только, по правде говоря, лучше бы люди искали равновесия сами, без оглядки на «райских» птиц.

– Наставник, – я задумчиво отхлебнула из чашки, ощущая на языке пряный, чуть горьковатый травяной привкус. – А алконост может изменить судьбу человека? Так, чтобы все сложилось, как хотелось бы?

Лексей Вестников настороженно посмотрел на меня, еле заметно покачав головой.

– Насколько мне известно, все судьбы мира находятся в руках Прядильщицы, и только она может повернуть судьбу человека вспять или же оставить все, как есть. Только она в силах изменить Узор. Или же в руках Всевышнего единого бога – это уж зависит от того, кто во что верит. В любом случае, не «райским» птицам под силу изменить судьбу человека.

– Так, значит... – Я отставила в сторону кружку, безучастно наблюдая за тем, как тает пар над горячим отваром. Поднялась с лавки, кланяясь в пояс старому волхву. – Мне надо кое-куда сходить. Я ненадолго, только пройду по лесу.

– Я с тобой. – Данте встал следом, но я покачала головой.

– Не надо. Я хочу одна. – От его попытки обнять я уклонилась. Потому что не пожелаю никуда уходить. Никогда.

Я не слышала, что он мне ответил, да и не нужно оно мне было. Я уже шла через старые сени, пропитанные запахом целебных трав, душистой смолы и древесного дыма. Печально скрипнула, словно прощаясь, входная дверь, затворяясь с негромким стуком. Белогривый проводил меня взглядом и снова опустил голову, безжалостно уничтожая наставникову грядку с какими-то мелкими белесыми цветочками. Вопреки обыкновению старая калитка затворилась за мной без единого звука. Значит, так и должно быть. Я высмотрела среди поникших кустов почти засыпанную листвой тропинку и поспешила по

ней.

Поляну, где я повстречала алконоста, я нашла далеко не сразу – пришлось изрядно поплутать, выискивая нужную. Наконец, когда я все же выбралась из частого ельника, то увидела на засыпанной палой листвой прогалинке кривую березу. Тонкий белесый ствол тянулся к небу острыми сучками, оголившимися с месяц назад, зато земля под ними была устлана ковром из «золота берегинь» – пожелтевших березовых листьев. Место – то самое, только алконоста нигде не видно. Да и откуда ему взяться, если горя, раздирающего душу, уже нет, только непонятный страх пополам с беспокойством, но для белой птицедевы этого недостаточно...

Воздух над кривой березой затрепетал, пошел рябью, словно вода от брошенного камня, а затем за светлым, наполовину ободранным стволом соткнулся человек в красновато-коричневых свободных одеждах. Из-под капюшона блеснули ярко-зеленые змеиные глаза с узкой щелью зрачка, по плечу туники соскользнула серебристо-белая выющаяся прядь.

– Ритан? – Вот уж кого не чаяла здесь встретить. – Откуда ты здесь взялся?

– Так, значит, ты меня все-таки помнишь. – Страж Алатырской горы выдохнул с видимым облегчением и шагнул ко мне навстречу. – Я уже боялся, что не сумею тебя отыскать в твоих иллюзиях.

– Иллюзиях? – Я села там, где стояла. Значит, это все – только сон, мираж. Алконост заставила меня поверить в реальность происходящего, но на самом деле я просто сплю. И вижу самый прекрасный, самый реалистичный сон из всех, какие только у меня были.

– Именно что. – Ритан подошел ко мне, протягивая руку и помогая встать. – Птицедева не могла выполнить твоё желание, но и не исполнить его она оказалась не вправе. Поэтому она заставила тебя поверить в то, что все вокруг – реально. Но это не так. Ты лежишь на этой самой поляне, тебя охраняет разумный волк, который никак не соглашался меня к тебе подпускать. Боялся, наверное, что я причиню тебе вред. А я хотел всего лишь найти тебя. И помочь проснуться...

Топот копыт и треск ломающихся сучьев заставили меня вздрогнуть и обернуться на звук. К кривой березе выехал Данте на Белогривом, и короткий – не двуручник из темной стали, без которого я просто не могла себе представить чернокрылого аватара, – меч с шорохом выскользнул из поясных ножен, поймав яркий блик осеннего солнца на лезвие.

– Ева! Куда ты... – Данте соскочил с седла и подошел к нам с Ританом, держа меч в опущенной руке. – Кто это?

– Видишь, он даже не знает, кто я. А настоящий Чернокрыл хорошо знает меня в лицо. – Страж положил ладонь мне на плечо, еле ощутимо сжал. – Он – тоже часть твоего сна. Этот мир существует только до тех пор, пока ты спишь. Когда ты проснешься, он исчезнет.

– А если и так, то что? – Я посмотрела на Данте, не веря своим ушам. А он спокойно убрал меч в ножны, серьезно глядя мне в глаза. – Что есть жизнь, если не иллюзия? Ева, он прав. Я существую только для тебя и ради тебя, и это не просто красивые слова. Как только ты уйдешь, я исчезну. Навсегда. Я просто перестану существовать. И весь этот мир, в котором твой наставник жив, Вилья в полном порядке, а тебя не гнетет бремя короны – тоже. – Данте шагнул ко мне, протянул мне руку. – Я действительно тебя люблю. Не потому, что это желание твоего сердца. А потому, что весь этот мир и все существа в нем – отражения. И я по сути – лишь отражение того Данте, который ждет тебя за пределами этого сна. Я люблю тебя потому, что он тоже любит, но мне, в отличие от него, хватило силы воли и решимости, чтобы быть с тобой. И бороться за тебя. Но если ты уйдешь... то я даже не умру. Я просто перестану существовать.

– Ритан... а что будет, если я не вернусь обратно? – Голос тихий-тихий, почти надломленный, кажется, что совсем не мой.

Ладонь Стража напряглась на моем плече и вдруг соскользнула с него.

– Ты никогда не проснешься, состаришься за несколько дней и умрешь, потому что во

сне проживешь долгую и счастливую жизнь. Ветер останется без наставника, Данте – без женщины, ради которой он готов пожертвовать всем, Андарион – без королевы. Ревилиэль тоже никогда не проснется, потому что мне нужна твоя помощь. Без тебя я не смогу добраться до мага, проклявшего Вилью, и она так и останется в переплетении священных лоз, пока не умрет. Драконы не могут заставлять кого-то выбирать свою судьбу. Это не в наших правилах. Я не стану силой уводить тебя отсюда, но прошу все же... подумать. Твоя судьба – и выбор тоже твой.

На несколько долгих секунд у меня действительно возникло огромное искушение – оставить все, как есть. Ничего не делать, ничего не менять. Ведь это так просто – плыть по течению реки, а не барахтаться, пытаюсь выгребсти к берегу. А что до водопада в конце – так жизнь каждого рано или поздно заканчивается. Я раз за разом игнорировала собственные желания, и пусть даже принятые решения оказывались в итоге наименьшим злом, но хотелось-то мне другого. Я ошибалась, пытаюсь совместить чуждое мне раньше понятие долга не просто перед конкретно взятым разумно мыслящим существом, а перед целым народом, с собственными стремлениями. Попытка стать дипломатом провалилась в свое время с треском, управлять народом я до сих пор толком не умею, единственное, что у меня неплохо получается, – это защищать Андарион, да и то благодаря силе истинной королевы. Ну еще договор с драконами пошел на пользу. На то, чтобы обучиться искусству составлять крупные торговые договоры, издавать *правильные* указы и корректировать законодательство, у меня уйдут долгие годы. Без помощи Аранвейна это было бы еще сложнее. И часто случалось так, что я, лежа в королевской опочивальне с безупречным интерьером, богатой и уютной, думала: зачем оно мне все надо? Нет, вопрос стоял иначе. Зачем это нужно от *меня*? По всему выходило – что если бы существовала замена «айранита-талисмана», истинного короля, то я бы в тот же день сложила бы с себя все полномочия и умотала куда глаза глядят. Главное – подальше, где во мне не узнают королеву. Бывшую королеву.

Но правильным оказалось выражение, гласящее «Если не я – то кто?». Принцип, конечно, пусть во многом и высокопарный, но оправдывающий себя раз за разом. Насколько проще было бы объявить наследника новой династии, тем самым переложив на его плечи все проблемы, связанные с королевской властью. Сомневаюсь, что меня в открытую осудили бы, для айранитов я почти ребенок, впрочем, иногда мне самой кажется, что так оно и есть. Ну нету во мне величия, присущего королям. Нет стремления раз за разом жертвовать собой ради благополучия своего народа. Впрочем, держать народ в железном кулаке мне тоже не хочется.

Так легко и просто сейчас было бы сказать Ритану «уходи», вернуться в объятия любимого мужчины и постараться убедить себя, что страшный сон закончился, а настоящее, счастливое и безмятежное – вот оно, под руками.

И одновременно чересчур сложно. Пусть даже я и смогу сейчас закрыть глаза на правду, но память никуда не денется. В ней останется и Ветер с потерянным, по-детски Расстроенным лицом, и теплые глаза наставника в момент, когда он передавал мне с таким трудом накопленные знания, и мертвенно-бледная Вилья на ложе из Животворных Лоз. Не вправе я уходить сейчас...

– Идем, Ритан. – Слова сорвались с губ в оглушающей тишине.

Данте едва заметно улыбнулся, делая шаг ко мне.

– Почему-то я знал, что ты поступишь именно так. Ты не могла бы поступить иначе. – Улыбка стала шире, но одновременно чуть горше, как будто улыбаться приходилось через боль.

– Я тебя разочаровала?

– Напротив. Наверное, если бы ты поступила иначе, тогда я мог разочароваться в тебе. – Долгий взгляд глаза в глаза, еле ощутимое прикосновение его пальцев к моей щеке. – За это я тебя и люблю. И буду любить, пока не исчезну. – Он опустил на одно колено, бережно беря мою ладонь в руки и касаясь пальцев легким поцелуем, а потом прижался к

ним щекой. – Только вспоминай обо мне... хотя бы изредка.

– Забыть точно не получится. Никогда.

Вот и все.

Ритан взял меня за руку, потянул по направлению к кривой березе.

Мир вокруг дрогнул, очертания деревьев стали размываться, будто бы раньше они отражались на водной глади, а теперь кто-то кинул в озеро камень, и изображение пошло рябью. Только Данте, поднявшийся с колена, оставался таким же четким, таким же... живым. Он коснулся кончиками пальцев губ, потом груди точно над сердцем.

Скомканное, никудышное прощание... Но, если бы мы вздумали прощаться так, как нам обоим хотелось, я бы точно не нашла в себе сил уйти, а он – отпустить.

Страж Алатырской горы сжал мою ладонь с такой силой, что я охнула от нахлынувшей боли, а затем земля словно ушла из-под ног, в глазах потемнело...

...И почти сразу прояснилось.

## ГЛАВА 16

Ладислав проснулся еще затемно, сядя на накрытой одеялами широкой лавке в горнице и прислушиваясь к тишине, окутавшей дом едва ощутимой пеленой. Еле слышно скреблась мышь в подполе, негромко потрескивали, догорая, дрова в нутре беленой печи, за плотно прикрытыми ставнями завывал северный ветер.

«Волчий час». Тот самый, когда сон наиболее глубок и беспробуден, когда подлунная нежить обретает наибольшую силу, а колдовать волхвам-стихийникам становится ох как трудно. Час, когда Грань наиболее близка к миру живых.

А еще это час силы некромантов. Тех, кто живет в «тени жизни», кто всегда одной ногой по ту сторону Грани и чья сила – это тщательно контролируемый ручеек, вытекающий из прохудившейся плотины, сдерживающей неистовую, беснующуюся, страшную «реку».

Ладислав спустил ноги с лавки и встал, ощущая босыми ступнями гладкие, холодные доски пола. Неторопливо прошелся туда-обратно по плетеной дорожке, окончательно просыпаясь, а затем наклонился, откидывая ее в сторону и открывая небольшой квадратный люк, ведущий в подпол, откуда вкусно пахло съестным. Жаль, конечно, если та бестия продукты перепортит в запале, но с другой стороны... кому теперь нужны эти запасы? Еваника-то птица перелетная, один день здесь, а на другой – уже кто знает, да и мальчишка теперь от нее ни на шаг. Так и так пропадать запасам Лексея, хотя кто его, старика, знал? Может, у него подвал тоже заклинаниями оплетен, как паутиной, и продукты сохраняются гораздо дольше, чем им полагается...

Создав себе небольшой зеленовато-желтый светлячок, Ладислав осмотрел подпол. Стены и потолок крепкие, люк тоже должен выдержать... Плохо то, что земляной пол покрыт всего лишь дощатым настилом, но если все сделать правильно, то даже родная стихия не поможет той Дриаде – слишком давно уже эта земля является фундаментом дома, настолько, что избушка сделалась ее частью, «вросла», словно дерево, корнями. С другой стороны – в случае если ушедшая скорбеть в лес Еваника была права и дриаду действительно донимает призрачная свора, то некроманту даже не придется особенно стараться, чтобы добиться желаемого: страх дитя Древа сделает за него большую часть работы. Нужно будет только направить этот страх в нужное русло.

Ладислав поднялся с колен и, подойдя к комнатке, в которой спал мальчишка, приглядывающий за охранником Лексеевой воспитанницы, оплел дверь звукоизолирующим заклинанием. Ни к чему мальчику слушать то, как он собирается «допрашивать» дриаду, и уж тем более вникать в его методы. Из Ветра получится хороший ведун, а если будет учиться и дальше, то и волхвом достойным будет. Отзывчивым. С чистыми руками и по возможности настолько же чистой совестью. Незачем ему копаться в могильной грязи и крови, для этого некроманты есть.

Узкая лестница без перил едва слышно поскрипывала под его шагами, когда Ладислав

медленно поднимался на второй этаж, держа наготове прочно сплетенную сеть заклинания, которое при необходимости удержит не только дриаду, но и разбушевавшуюся подлунную тварь. Правда, все еще зависело от того, сколько сил вложить в заклинание, скольким быть готовым пожертвовать и какую цену сочтешь для себя приемлемой. Право слово, в этот раз на «паучью сеть» некромант не поспешил – ведь если хочешь не просто изловить мешающую тебе тварь, а есть желание обстоятельно пообщаться с некой дилетанткой, которая, возможно, сама того не желая, едва не отправила тебя на тот свет, экономить не стоит.

В комнате было тихо. И темно. Настолько, что даже привычные к темноте глаза Ладислава не сразу смогли различить две едва заметно светящиеся в глубине комнаты точки – зрочки дриады, которая немигающе смотрела в его сторону, отреагировав только на сотворенный некромантом бледно-зеленый светлячок, выплывший из-за левого плеча. Среагировала дочь Древа даже слишком бурно – стоило только свету озарить часть комнаты, создав на стенах причудливые тени, как дриада с криком бросилась на светлячок, не то стараясь поймать его голыми руками, не то набросить оказавшееся в руках одеяло. Ладислав моментально отступил к стене, стряхивая на помутившуюся рассудком дриаду «паучью сеть» и с неким злорадством наблюдая, как активировавшееся заклинание оплетает девушку плотным коконом, захлестывает ее по рукам и ногам темно-серыми струнами, которые при попытках освободиться затягивались только туже.

– Вот теперь поговорим, – нехорошо улыбнулся некромант, берясь за бьющийся, туго спеленатый по рукам и ногам кокон и вытаскивая его из комнаты к лестнице.

Щелчок пальцами – и крик дриады оборвался, словно у девушки разом пропал голос. Что, впрочем, неудивительно. Паралич голосовых связок по большей части себя оправдывает и уж всяко надежнее обычного кляпа.

– Не волнуйся, милочка. Молчать тебе недолго осталось. Еще минут десять. Зато я чуток отдохну от твоих воплей – чего-чего, а этого я наслушаться сегодня еще успею. – Ладислав все же не отказал себе в удовольствии пинком спихнуть вяло дергающийся кокон с дриадой с лестницы, так что «допрашиваемая» оказалась на полу горницы всего в нескольких шагах от раскрытого подвального люка. – Ну надо же, недолет. Какая жалость, так не хотелось промахнуться... – с нарочитым сожалением покачал головой некромант, резко соединяя ладони, отчего девушка на полпяди поднялась над полом и аккуратненько так спустилась в подвал. Все же если бы дочь Древа свернула себе шею при падении, этот факт, скорее всего, облегчил бы задачу некроманту, но удовольствия сам процесс уже не принес бы.

Ладислав присел на корточки у распахнутого люка, глядя в сияющие зеленою безумные, ненавидящие глаза Дриады. Даже не надо быть некромантом, чтобы ощутить, насколько истончилась грань реальности вокруг этой женщины. А уж что лезет из-за этой грани, когда она остается наедине с собой и собственными страхами, можно только догадываться. Только раз Ладислав видел, как человек борется с вызванными им самим кошмарами и как борьба эта, изначально обреченная на поражение, длилась несколько мучительно долгих лет, а здесь же прошло меньше недели – и вокруг сдвинувшейся разумом дриады уже пляшет потусторонняя мгла.

– Думаешь, я не знаю, что скрывается в окружающей тебя тьме? Что ты слышишь, когда находишься одна в пустой комнате? – излишне мягко произнес некромант, вытягивая вперед руку, и светло-зеленый светлячок уютно устроился на его ладони. – Ты ведь слышишь тихое ворчание призрачных гончих, то, как их когти еле слышно скребут доски пола, ощущаешь их дыхание на своем затылке. Они кружат рядом с тобой, ожидая момента, когда смогут соткаться из теней и наконец забрать то, что принадлежит им по праву. Тебя, дорогая моя. Извини уж, имени не помню, а официально мы друг другу не представлены. Ты тут посиди немного, поразмышляй, а я буду рядом. Захочешь пообщаться – кричи погромче, я услышу, не сомневайся. А чтобы тебе легче думалось, от меня тебе подарочек...

С этими словами он стряхнул в подвал зеленоватый светлячок и, уже закрывая люк,

успел поймать полубезумный, ненавидящий взгляд дриады и увидеть, как по подвальным стенам заплесали угольно-черные тени, принимающие причудливые формы. Остается только ждать. И, если судить по тому, как дребезжит, удерживая дриаду из последних сил, заклинание «паучьей сети», запирать люк надо побыстрее, для надежности еще и поставить сверху что-нибудь потяжелее, чтобы наверняка. Ладислав наклонился и, одним движением вогнав небольшую кованую задвижку в паз, осмотрелся в поисках «чего-нибудь потяжелее». В результате он попросту подтащил поближе одинокую табуретку и уселся на нее, чувствуя, как рвутся нити заклинания, державшего дриаду, и как начинает сотрясаться крышка люка и пол горницы. Интересно, чем она их? Явно не кулаками бьет – тут что-то помощнее и покрепче. Впрочем, откидывать крышку подвала для того, чтобы удовлетворить свое любопытство, Ладислав даже и не подумал.

Заклинания ныне покойного волхва, опутавшие весь дом, надежно удерживали бушующую дриаду – лучшей «комнаты для допроса» даже сам Ладислав вряд ли сумел бы создать. Разве что смотрового окошка Вестников не предусмотрел, но и без него можно обойтись.

Снизу раздался приглушенный толстыми досками пола вопль, больше похожий на звериный вой. Быстро что-то к ней голос вернулся...

– Ну что, разговаривать будем, девица-красавица? – негромко пробормотал некромант, чертя кусочком уголька на подвальном люке небольшой пентакль, тщательно выводя руны по ободку символа, позволяющего разговаривать хоть через каменную кладку в аршин толщиной, а при должном умении – еще и подсматривать за происходящим. В данном случае – в подвале.

Ладислав окинул беглым взглядом получившийся рисунок и, сняв с пояса небольшой мешочек, принялся тоненькой струйкой рассыпать по внешнему кольцу пентакля серебристый порошок, который словно впитывался в дерево, вместе с тем открывая нечто вроде магического окошка в подпол. Пентакль посерел, стал похожим вначале на мутное зеркало, а затем на дыру с едва заметным рисунком досок на «поверхности». Некромант присмотрелся к тому, как выпутавшаяся из «паучьей сети» дриада мечется по помещению, стремясь погасить зеленоватый светлячок, а тот легко уклоняется – как перышко, которое всегда успевает приподняться над пытающимся разрезать его клинком.

И тут дриада замерла, глядя куда-то перед собой, в темный, почти не освещаемый угол. Ладиславу лишь на миг почудилось, что он слышит низкое, пробирающее до костей басовитое рычание очень крупной собаки, и почти сразу наваждение сгинуло. Осталась только напуганная до полусмерти дриада внизу и очень нехорошее, но на диво приятное чувство свершающейся мести в душе.

– Так кто тебя подговорил на Еванику призрачную свору-то натравить? – уже громче поинтересовался некромант, устраиваясь поудобнее на табуретке у «окошка» в полу. – Не верю, что ты случайно набрела на эту мысль в Вещих Капищах, она даже для дитя Древа чересчур проста и наивна. Мне вот интересно, ты всерьез считала, что сумеешь вызвать призрачных гончих, пусть даже всего за несколько дней до Излома осени, и тебе лично за это ничего не будет? А вот теперь ты проклята, Еваника жива и здорова, и даже ее телохранитель – тоже. Если очнется, конечно. А тебе теперь прямая дорога на тот свет, и хорошо, если просто за Грань, а не на растерзание гончим Дикой Охоты. Время-то идет, а они все ближе, не так ли? – вкрадчиво поинтересовался Ладислав, наблюдая за девушкой, отступающей к лестнице и окутывающей себя каким-то обережным пологом. Действие в принципе бесполезное, но голодных гончих хотя бы отвлечет. Ненадолго. Как раз, чтобы успеть пообщаться.

– Провались на Грань! – наконец-то выкрикнула дриада, задирая голову и глядя на некроманта, как утопленница, всплывающая из проруби. – И вместе с ней – будь она проклята! Она забрала у Него все, до чего дотянулась, у нее нет права на жизнь, она просто выродок!

Ого, как эта девочка, оказывается, ненавидит Лексееву воспитанницу. Да как искренне

– глаза горят зеленым пламенем, лицо белое, как простыня... Разве что слюна с подбородка не капает, но ежели еще денек-другой с призрачными гончими пообщается – то непременно будет. И вот что интересно: Еваника-то, похоже, ни сном ни духом о том, что дочь Древа мечтает видеть ее не просто мертвой, а без шанса когда-нибудь вернуться в мир живых в новом облике.

– Вашими стараниями я на этой самой Грани уже побывал, мне на ближайшее время достаточно впечатлений от увиденного. Впрочем, тебе самой скоро предстоит такое же путешествие, да еще и с провожатыми. Они и так вокруг тебя который день кружат, все ждут, когда ж ты окончательно сломаешься. И вот что – сейчас я имею огромное желание им помочь...

– Не дожدهшься... – Дриаде почти удалось улыбнуться распухшими, в кровь искусанными губами. – Он скоро будет здесь, Он меня защитит. А ее уничтожит, заберет к себе в услужение и...

– Еванику даже Черный Охотник брать в услужение отказался, – невольно усмехнулся Ладислав, хотя ему самому было довольно сложно представить, каким же образом девчонка выкрутилась, даже стоя лицом к лицу с принявшей материальную форму Бездной, да еще и охранника своего прихватила, чтоб одной не так скучно было. – Так что твоему хозяину она вряд ли по зубам будет.

– Посмотрим... еще как посмотрим... – прокрипела дриада, резко разводя руки в стороны, отчего по магическому «окошку» в полу пробежала рябь, а затем изображение пропало, оставив после себя лишь смазанный по контуру пентакль.

Ладислав чертыхнулся, поднимаясь с табуретки и возвращаясь на накрытую одеялом широкую лавку рядом с печью. С одной стороны, дриада изолирована, и то, как быстро до нее доберутся призрачные гончие, зависит только от ее умения владеть собой, а оно-то как раз и дало трещину вместе со здравым рассудком. С другой – если кто-то действительно подчинил себе волю дочери Древа с целью убрать воспитанницу Лексея, то становится непонятно, кому так успела насолить ведунья двадцати с небольшим лет от роду? В способности Еваники становиться пятым колесом в телеге где угодно и у кого угодно некромант даже не сомневался, но вот чтобы так, случайно, завести себе нешуточного врага...

Только вот случайно ли?

Тихонько скрипнула дверь, ведущая в дальнюю спальню, послышались шаркающие шаги, и на пороге горницы возник заспанный мальчишка с взъерошенными вихрами, в длинной рубашке и лаптях на босу ногу. Ветер обвел помещение сонным, недоумевающим взглядом и широко зевнул, словно не мог никак сообразить, то ли ему просыпаться окончательно, то ли идти досыпать.

– Мне показалось или вы тут волшеббу творили? Поаккуратней бы, а то на виски давить начинает... спать невозможно...

– Окошко волшебное прорубал, – криво улыбнулся Ладислав, ложась на лавку и сразу же натягивая одеяло на самые уши. – Шел бы ты спать, еще даже не рассвело.

– А Ева так и не пришла, – тихонько пробормотал мальчишка, с беспокойством поглядывая в сторону сеней. – Может, поискать пойти?

– Найдешь ее сейчас, пожалуй... Да иди ж ты спать наконец. Что с ней случится? Взрослая ведунья, да еще и с парочкой разумных волков на подхвате. К тому же, если я сплю спокойно, значит, все у нее в порядке. Случись что – поверь, я бы узнал первым. И уж точно не стал держать это в секрете.

– Ага, – кивнул паренек и пошлепал обратно в спальню, так, кажется, толком и не проснувшись. Интересно, вспомнит ли он поутру хоть что-нибудь?

Судя по всему – вряд ли. Некромант глубоко вздохнул, прикрывая глаза. Хочется надеяться, что слова дриады о вызванном хозяине – всего лишь пустопорожний бред. Но даже если это не так, изба Лексея Вестникова – самая лучшая крепость из всех, что есть в округе, и в случае чего пробиться в нее попросту нереально. Значит, решение этой проблемы

может подождать до утра... и до возвращения новой хозяйки...

Оказывается, к тому моменту, когда Ритан вывел меня из зачарованного сна алконоста, уже успела минуть ночь, а снег запорошил лиственный ковер на поляне тонким белым слоем. Было холодно, все тело затекло, а когда дракон, принявший человеческий облик, помогал мне встать, в ногах вспыхнула судорожная боль.

– Еваника, ты меня пугаешь, честное слово, – преувеличенно весело сказал Ритан, подхватывая на руки так легко, словно весила я не больше мешка с пухом. – Твой побратим сказал, что ты всю ночь тут проторчала, неужто этого оказалось достаточно, чтобы превратить королеву айранитов в старую развалину?

– Будешь издеваться – сверну тебе нос набок, и плевать, что потом мне Вилька скажет, – прошипела я, чувствуя, как ступни и икры словно закололо сотнями крошечных иголок. – Я тут тоже без дела не сидела.

– Угу, ты лежала под березкой и сладенько мечтала, – едко отозвался дракон, вынося меня с поляны и направляясь куда-то вглубь леса, огибая бурелом, возникший, судя по всему, в последнюю сильную бурю. – Ну и лес у вас тут, в Росском княжестве – дракону приземлиться негде. Не то что у эльфов или у тебя в королевстве. Там хотя бы с местом для посадки проблем нет, а здесь даже развернуться негде. Я тебя-то нашел почти сразу, а вот для того, чтобы приземлиться, пришлось прилично покружить. Уже думал выжечь себе небольшую посадочную площадку, но тут как раз полянка такая замечательная подвернулась...

– А что, пешочком добраться до избы Лексея Вестникова никак? – в тон Ритану поинтересовалась я, оглядываясь по сторонам и пытаясь сообразить, где же мы оказались.

– А в какую сторону добираться, ты хоть знаешь? Я вот как-то плохо представляю, если честно.

– По правде, я тоже... Но Подлунный знать должен. Он-то, в отличие от меня, не брел в несколько неменяемом состоянии куда глаза глядят.

Ритан остановился и перевел взгляд ярко-зеленых слабо светящихся глаз с узкой трещиной вертикального зрачка на разумного волка, который только дернул ухом, что было равносильно человеческому пожатию плечами.

«Ну версты две мы точно прошли, только вот не проще ли будет тебе, сестра, добираться с помощью своего друга? С ним быстрее получится, а мне кажется, что чем скорее ты вернешься в дом седого волхва, тем лучше. – Подлунный поднял голову, заглядывая мне в глаза. – От дочери Древа, что осталась у тебя дома, пахло не только меткой призрачной своры, но и еще чем-то, похожим на запах горячей плоти, и этот запах держался на ней с того самого дня, когда мы встретили вас у человеческого города».

– Ритан, ты слышал? – тихо спросила я, переводя взгляд на дракона.

Тот кивнул, ускоряя шаг и уже почти бегом устремляясь по едва заметной в серых предутренних сумерках тропинке.

– Ев, я вернулся потому, что нашел убежище Измененных и, как мне кажется, нашел и локальный Источник вместе с той тварью, что прокляла мою жену. Но один я там не справлюсь – вход запечатан человеческим ритуалом, которого я не знаю. Я побоялся, что если попытаюсь сломать его самостоятельно, то это будет равносильно «тайному» проникновению в крепость врага под звуки гномьих труб, от которых в горах эхо может гулять на сотню верст. Мне нужна помощь человеческого мага, а ты единственная, кому я могу доверять в этом вопросе.

Он выбежал к широкой поляне, когда-то заросшей молодым ельником, а ныне усыпанной поломанными деревцами, как земляной пол деревенского подпола соломой.

– Сразу видно – дракон искал место для посадки, – фыркнула я.

Ритан величественно пропустил мою колкость мимо ушей, но поинтересовался:

– На ногах стоять можешь? Не думаю, что у нас много времени – вряд ли тот маг будет долго сидеть у Источника, дожидаясь, пока я к нему в гости пожалую.

– Насколько я знаю, если ведун подвергся воздействию темного пламени земли, более того, использует эту силу, как свою собственную, то он не просто должен сидеть у этого самого Источника. По-хорошему, он вообще от него надолго отлучаться не должен – темное пламя слишком быстро прогорает при использовании, и человек, если не будет постоянно подпитываться извне, рискует очень быстро сгореть изнутри, – пожалала плечами я, переминаясь с ноги на ногу и чувствуя, что сапоги за ночь успели малость отсыреть и, если я в ближайшее время не согреюсь, организм запросто отомстит мне за такое издевательство над собой длительной простудой.

– Нет уж, рисковать я не стану, – прошипел Ритан, выходя в центр поляны и окутываясь сияющим золотистым облачком.

Сколько раз наблюдала за превращением дракона в человека и обратно – никак не могу привыкнуть к какой-то нереальности этого зрелища. Поначалу мне казалось, что все драконы перетекают из одной формы в другую одинаково, но, понаблюдав смену ипостаси у разных драконов, я поняла, что ошибалась. Оказалось, что чем старше дракон, тем проще ему создать из золотистого облака сущности нужную ему форму – у Аранвейна этот процесс происходил за считанные мгновения, просто из облака появлялся человек или же дракон, тогда как Ритану при смене ипостаси приходилось сначала лепить драконью форму из золотого света.

Ярко-алый ящер переступил с лапы на лапу, осторожно расправляя кожистые крылья, и вопросительно склонил голову, увенчанную высоким костяным гребнем. Я вздохнула, разглядывая Ритана и откровенно недоумевая, как же он будет взлетать с такой маленькой поляны, где и развернуться-то толком негде.

– Слушай, насколько я помню, вертикальный взлет у вас не предусмотрен. Как ты собираешься...

– Забир-р-р-райс-с-ся! – раздраженно прошипел дракон, нетерпеливо дернув длинным чешуйчатым хвостом и как бы ненароком сломав молоденькую ель, росшую у края поляны.

– Не успел прилететь, а уже командует, – пробормотала я, опускаясь на одно колено перед разумным волком и проводя ладонью по пушистому загривку. – Спасибо, что был со мной рядом все это время.

«Я не стану прощаться, сестра. Мы еще свидимся. – Подлунный лизнул меня в щеку и отступил назад, склоняя голову. – Легкой дороги».

Левитационное заклинание вознесло меня на спину дракона, и я покрепче ухватилась за зубец спинного гребня, чтобы не сверзиться оттуда в самый неподходящий момент. Когда Ритан взлетел, я только ойкнула, с трудом удерживаясь от желания сменить ипостась, чтобы в случае падения продолжить полет уже на собственных крыльях, но, взглянув на проносящиеся под драконьим брюхом макушки деревьев, отказалась от идеи полетать самостоятельно. Все равно, если попытаюсь расправить крылья сразу же после падения, меня снесет воздушным потоком от крыльев Ритана, да так, что мало не покажется, затяну с виражом... Ну не думаю, что на этот раз мне так же крупно повезет, как и в предыдущий, когда меня «ронял» один из аватаров Данте.

– Рита-а-а-ан!! Нам вни-и-из!!

Докричаться до дракона сквозь шум ветра – это, конечно, идея замечательная, несколько раз у меня даже получалось, особенно в относительно тихую погоду и когда летающий транспорт не шибко разгоняется, но сейчас... Проще показать.

С кончиков моих пальцев сорвался яркий густо-синий сигнальный светлячок, который устремился напрямик к широкой поляне перед избушкой Лексея Вестникова, оставляя за собой сверкающий мириадами искорок шлейф. И словно в ответ откуда-то из леса взмыла ослепительно-белая «стрела», пролетевшая рядом с крылом Ритана и ушедшая в серые снеговые тучи, а потом меня, словно морозом по коже, пробрало ощущение раскрывающегося портала, чья основа была сплетена из треклятого темного пламени. Ритан взревел и заложил круг над поляной перед избушкой ведуна, где я могла различить низкие, приземистые фигурки Измененных, а чуть дальше, у самых деревьев, – окутанного

серебристым сиянием мальчишку. Ветер отчаянно разбрасывал вокруг себя заклинания, но те лишь отгоняли Измененных, в то время как аура силы вокруг моего ученика потихоньку меркла – резерв юного мага таял на глазах.

Дракон утробно зарычал, в его пасти что-то заклокотало, а в следующую секунду вниз обрушился ослепительно-яркий столб рыжего пламени, валом прокатившийся по поляне, растапливая снег, и разом обративший в пепел столь ненавистных Стражу Горы существ. Я соскользнула по гладкой чешуе Ритана вниз, ощущая, как с треском расходится прочная куртка на спине, высвобождая широкие, отливающие полнотой синевой крылья с белоснежной каймой, как ветер подхватывает меня, не давая разбиться о землю.

Сосредоточенного и донельзя серьезного Ладислава, сидящего в наспех начерченной на земле пентаграмме, я заметила не сразу, а зря. Не успела я подлететь ближе, как некромант завершил ритуал, и в меня сразу же полетела искристая, многолучевая зеленая звезда, от которой я едва увернулась, упала на землю и больно приложилась плечом о валявшуюся под слоем палой листвы ветку.

– Ладик, разуй глаза, в своих палишь! – рявкнула я, поднимаясь на ноги и устремляясь к бледному, едва стоящему на ногах Ветру. Похоже, мальчишка с непривычки выложился до предела, задействовав все или почти все магические ресурсы, и сейчас с трудом удерживался ют того, чтобы не рухнуть в обморок. – Ветер, отставь панику, это я.

– Точно? – слабым голосом поинтересовался паренек, пытаясь вытащить меч из наспинных ножен, но тот застревал где-то на полдороге.

– Да точно, точно, – послышался из-за спины подозрительно бодрый голос некроманта. – Кому еще в голову пришло бы назвать меня детским прозвищем...

Где-то в лесу один за другим раздались несколько хлопков, послышался рев пламени и следом за ним – нестройный хор воющих голосов, которые, раз услышав, Уже невозможно перепутать с чем-то еще.

– Ветер, марш в дом! – Одной рукой я подтолкнула мальчишку по направлению к приоткрытой калитке, а другой уже удерживала свитое тугой пружиной ударное заклинание, которое активируется сразу же, как только я разожму пальцы. – Ладислав, если можешь помочь, то помогай, нет – проваливай следом и не путайся под ногами.

– Проваливать-то уже поздно, – покачал головой некромант, перебирая в воздухе пальцами и читая заклинание, отличающееся от моих, напевных, так же, как боевой клич от творчества эльфийских менестрелей.

Заклятие Ладислава звучало резко, отрывисто, слова будто обрубались на конце, отчего казалось, что некромант постоянно запинается, но результат тем не менее был впечатляющий – когда из-за кустов на поляне показались Измененные, в них вихрем льдисто сверкающих лезвий полетела магия. Из пентаграммы Ладислава плеснуло зеленое пламя, затанцевало в воздухе резкими, кинжальными лепестками, сплетающимися над головой некроманта в нечто вроде клетки, прутья которой вдруг резко ушли в землю – и высвободившимися пиками пронзили изуродованных темным пламенем живых существ, уцелевших после предыдущего магического удара.

Я только восхищенно присвистнула, высвобождая туго свитую петлю собственного заклинания, которое прокатилось по поляне широкой огненной дугой, обращая корчащихся на земле тварей в обгорелые кости, когда пентаграмма Ладислава вдруг померкла, а затем и вовсе пропала, оставив после себя лишь красноватый рисунок на земле. Некромант охнул, прижимая ладони к вискам и даже не пытаясь остановить хлынувшую носом кровь, а я увидела, как из полыхнувшего в десятке шагов от меня столба темно-красного, почти черного пламени выходит человек.

Нет, не человек. Из огня соткались роскошные багровые крылья за спиной, по перьям которых изредка пробегали тусклые красные огоньки. Азраэл, опальный принц Андариона, у него я перехватила власть над страной буквально незадолго до его коронации.

Он сильно изменился с момента нашей последней встречи – когда-то красивое лицо обезобразили тонкие, почти незаметные шрамы, едва заметно светившиеся в утренних

сумерках нездоровым багряным светом, карие глаза стали вишневыми, а спина как-то неестественно сгорбилась, будто он был не в состоянии выпрямиться. От Азраэла веяло жаром, как от кузнечного горна, и до меня дошло, что случилось.

Айранита сжигало изнутри темное пламя, сила, которая требует постоянной подпитки, и чем дольше ты этой силой пользуешься, тем быстрее она перегорает и без постоянного «прикладывания» к магическому источнику начинает безжалостно выжигать своего носителя изнутри. Похоже, что у опального принца этот процесс идет полным ходом и обратного пути уже нет. Непонятно только, почему Азраэл до сих пор сохраняет свой прежний облик – за столько времени он должен был давно преобразиться и стать похожим на тех существ, что выскользнули из портала следом за ним.

– Плоховато выглядите, вашество, – криво улыбнулась я, расправляя крылья, и сжала пальцы левой руки в кулак, выставляя перед собой едва заметный магический щит, которого хватило бы в лучшем случае на одно-два попадания смертоносного заклятия.

– Жизнь – штука тяжелая и редко кого красит. Впрочем, если поглядеть на тебя, то и не скажешь, что тебя едва не сожрала призрачная свита, хоть для этого и было сделано все возможное. – Бывший принц пожал плечами и лениво провел кончиками пальцев по одной из Измененных тварей, что наполовину боязливо, наполовину ласкаясь, прижалась к его ноге. – Видишь ли, я обзавелся новыми друзьями, которые мне более чем преданы, но мне этого мало.

– Могу догадываться, чего тебе не хватает для полного счастья. – Я нахмурилась и отступила назад, к дому. Слишком уж свежи были воспоминания об острине глефы, пробившей мою грудь насквозь, слишком хорошо помнилось ощущение силы, стягивающейся вокруг меня плотным огненным коконом. В доме Азраэл мне не страшен, пусть хоть в лепешку расшибется, но там мы окажемся в безопасности.

– О, ты не подозреваешь, насколько разрослись мои аппетиты с нашей последней встречи...

Дверь избушки с треском распахнулась, и на пороге возникла дриада. Честное слово, я ее поначалу не узнала – глаза горят зеленоватым, призрачным огнем, одежда кое-где разодрана на тонкие полоски, словно Ланнан умудрилась за время моего отсутствия пообщаться со стаей диких кошек, а гладкая кожа кое-где превратилась в темно-коричневую кору. Пушистые волосы спутались в колтуны и потускнели, а сама дриада с трудом удерживалась на ногах, цепляясь за дверной косяк, как за единственную опору. Впрочем, стоило ей только увидеть Азраэла, как она бросилась к нему, не видя ничего вокруг себя, будто бы опальный принц с изуродованным магией лицом был для нее сейчас единственным спасением.

– Мой господин!

И почему я не удивилась? Только переглянулась с Ладиславом, уже пришедшим в себя и сейчас вытиравшим кровь с лица рукавом куртки. Если выкарабкаемся сейчас – придется пообщаться с некромантом с глазу на глаз, прежде чем я улечу с Ританом. В жизни не поверю, что Ладислав ничего не предпринял для того, чтобы узнать причины столь опрометчивых на первый взгляд действий, хотя толку нам сейчас с этих знаний...

Ланнан упала на колени у ног Азраэла, обняла его истончившимися, похожими на ветви деревьев руками за пояс. В глазах девушки отражалось какое-то безумное, безрассудное поклонение, и в этот момент я действительно поверила, что по приказу Азраэла дриада рискнула попытаться скормить меня призрачной своре. Не просто убить, а сделать так, чтобы у меня не было ни единого шанса вернуться. Если бы Данте тогда не встал на мою защиту, единственный, кто на тот момент знал, что нужно делать... то сейчас меня невозможно было бы вызволить с того света ни некроманту, ни Лексею Вестникову, ни силе истинной королевы Андариона. И Азраэл мог бы просто прийти в город айранитов и потребовать корону. А если бы не вышло заполучить ее по-хорошему – что ж, судя по всему, у принца сейчас есть сила, чтобы завоевать Небесное королевство, несмотря на Крыло аватаров и договор о взаимопомощи и поддержке с драконами.

– Я правда... правда пыталась. – В глухом, сорванном голосе Ланнан прорезались умоляющие, почти истеричные нотки, по лицу покатались слезы. – Я не знала, что гончих можно отвести, иначе я...

– Никто не знал, – мягко ответил Азраэл, лаская спутанные волосы дриады тем же жестом, как минутой ранее голову Измененной твари. – Кроме Ведущего Крыла, никто об этом даже не догадывался, это не твоя вина. Но ты ошиблась, дорогая, и за каждую ошибку нужно платить. Скажи, призрачные псы уже приходили за тобой, не так ли? Я вижу, что приходили, иначе не было бы в твоём взгляде столь отчаянного безумия. А что ты готова отдать за то, чтобы я отгородил тебя от них?

– Я и так принадлежу тебе телом и душой! Я хочу по-прежнему служить тебе, видеть тебя, как сейчас... – Дриада смотрела на Азраэла, как умирающий от жажды путник на купеческий караван в засушливой степи, цеплялась за его пояс, а он снисходительно улыбался, рассеянно поглаживая девушку по волосам.

В разом спустившейся на поляну тишине я услышала нехороший смешок Ладислава и слова «Неправильный ответ» всего за несколько мгновений до того, как пальцы Азраэла довольно жестко ухватили Ланнан за волосы на затылке, заставляя девушку пригнуться к земле. От айранита плеснуло жаром, как от кузнечного горна, и я невольно подалась назад, отворачиваясь и замечая Ветра, стоящего у калитки в обнимку с двуручным клинком Данте и потрясенно смотревшего туда, где танцевали туго свитые жгуты темного пламени. Я охнула и, подбежав к мальчику, отобрала у него клинок, подтолкнув упрямого подростка к дому.

– Спрячься и сиди там, пока я не скажу, понятно тебе?!

– Но там же...

За моей спиной раздался глухой, протяжный вой. Я резко обернулась – и меня передернуло от увиденного. Азраэл все еще прижимал ладонью к земле то нечто, которое когда-то было дриадой. Сейчас же это был исковерканный комок плоти, опутанный жгутами магии, как вздувшимися жилами. Я видела, как этот комок разрастается в размерах, как кожа, покрывшаяся грубой коричневой чешуей, впитывает в себя багряные отблески пламени. Как существо, в три погибели согнувшееся перед Азраэлом, тихонько, почти жалобно скулит и стонет, но помешать ничем и никак не может. Да и поздно тут что-то делать – даже ритуал «поворота» не отменит то, что сейчас творил опальный принц с тем, что когда-то было дочерью Древа.

Ветер у меня за спиной сдавленно охнул и метнулся в дом – я услышала, как мальчишка взбежал по крыльцу, как хлопнула, закрываясь, входная дверь.

– Право слово, даже у меня лучше не вышло бы, – хмыкнул некромант, опускаясь на одно колено и с размаху втыкая в землю тонкий нож с ржавым лезвием. – Зря мальчик сбежал, такой бесценный опыт зазря пропадает.

Ладислав снял с пояса бутылочку из черного непрозрачного стекла и, выдернув пробку, начал лить густую темно-красную жидкость на резную рукоять, посматривая на ритуал, творимый опальным принцем.

– Ты зря стоишь-то просто так, сестренка. – Некромант едва заметно улыбнулся, отбрасывая в сторону опустевшую бутылочку и простирая левую ладонь над залитой рукояткой ножа. – Пока этот гад свой ритуал не закончит, у нас патовая ситуация. Даже я чувую – сейчас к нему сунуться, это все равно что встать в очередь на превращение, при этом...

– При этом те жгуты вокруг него – защитное и одновременно атакующее магиполе, через которое нам сейчас не пробиться, – хмуро закончила я, поудобнее перехватывая меч Данте. Если бы аватар успел научить меня владеть подобным клинком... то, возможно, меня хватило бы на нечто большее, чем просто возможность отразить один-два удара, а после надеяться только на магию. – Ладислав, когда он закончит... не суйся к нему. Проиграешь так быстро, что не успеешь даже пикнуть. Он тебя сметет и не заметит.

– Не волнуйся. Уж его-то я точно исключительно на твою долю оставлю. Мне хватит и во-о-он той почти оформившейся несуразной зверушки. У меня к ней личные счета

имеются. За нас обоих.

– Тогда готовься их предъявить.

– Жаль только, что твоя летающая мусоросжигалка где-то в стороне кружит. Помощь дракона нам тут была бы очень кстати.

– Будешь смеяться, но он вряд ли стал бы вмешиваться... – улыбнулась я, когда темные жгуты, кружащиеся вокруг Азраэла и чего-то, окутанного почти непрозрачной багряной дымкой, вдруг распрямились и принялись наотмашь хлестать существо, скорчившееся у ног айранита.

Жутковатый, захлебывающийся вой повторился – и темная чешуйчатая туша с изуродованной, искаженной мордой, испещренной тонкими, чуть светящимися прожилками, выскочила из туманного кокона и ринулась прямо на нас. Я только и успела, что шархануться в сторону, когда Ладислав, до того сосредоточенно наблюдающий за едва заметно вибрирующим ножом, наполовину воткнутым в землю, вдруг с размаху ударил по рукоятке, да так, что лезвие полностью ушло в почву.

Результат оказался впечатляющим – словно гигантская невидимая ладонь прихлопнула существо, когда-то бывшее Ланнан. Брызги крови и еще чего-то погуще до нас, к счастью, не долетели, а на то кровавое месиво, что осталось в итоге, я даже смотреть не стала – сейчас все мое внимание занимал Азраэл, в руках которого невесть откуда появилась хорошо знакомая глефа, а на губах зазмеилась неприятная, холодная усмешка.

Стало тихо-тихо. С посветлевшего утреннего неба сыпался мелкий, напоминающий крупу снег, белым крошечком покрывающий поляну перед домом Алексея Вестникова. Он маскировал и выжженные пятна на прошлогодней траве, оставшиеся там, где сгорели в драконьем пламени Измененные существа, и кровавое месиво – результат Ладиславова заклятия. Я смотрела на опального принца и впервые столь искренне хотела чьей-то смерти, словно все то, что свалилось на меня в последние годы, было его рук делом...

Ненавижу!

Отполированный клинок Данте поймал отблеск загоревшегося у меня в левой руке ослепительно-яркого белого комка пламени, который слетел с моей ладони, уже в полете превратившись в так называемую пульсар-звезду. Магическая атака, превосходно выходившая у моего наставника и редко когда удававшаяся у меня. Точечный удар по цели, когда вложенная в заклинание энергия позволяет обратить в мелкий пепел дерево от корней до кроны, но при этом даже не затронуть растущую под ним траву. Идеальное заклинание в случаях, когда цель и ее жертва находятся слишком близко друг к другу, а ведуны не хочется подставлять под удар неповинного.

Пульсар-звезда ударилась в выросший перед Азраэлом полупрозрачный щит, белым сиянием растекаясь по его поверхности, почти прожигая защиту опального принца. Если бы я нашла в себе силы ударить второй звездой, от айранита остались бы лишь не самые лучшие воспоминания. Но такого шанса, разумеется, он мне не предоставил.

Я успела уклониться от лезвия глефы, едва не разрубившего меня наискось, отшатнулась назад, принимая второй удар на лезвие двуручного меча, и сразу же взмахнула крыльями, отрываясь от земли и отвечая Азраэлу пролившимся с ладони потоком пламени, веером разошедшегося по поляне и лишь чудом не задевшего Ладислава.

Если Ритан не изменит принципу невмешательства и не поможет мне сейчас, то с некромантом я успею пообщаться в ближайшее время уже на том свете...

Цензурными мысли Ладислава относительно шибанутой на голову ведуны стали только после того, как он, едва увернувшись от ударившего сверху огненного потока, избежал по ступенькам надежно защищенного Лексеева дома. То, что сейчас опасно даже голову высовывать из-за небольшого навеса над крыльцом,件нятно было с первого взгляда. Да и куртка на нем все еще слегка дымилась, и, если бы не пропитка специальным зельем, результат был бы плачевным. Некромант представил, что с ним случилось бы, если б Еваникино пламя прожгло карманы куртки, и его невольно передернуло. Н-да, смерть от

собственных зелий – та еще участь, но перекладывать многочисленные бутылочки в пояс было попросту некогда, а сейчас и бесполезно.

Ладислав осторожно выглянул из-под навеса – и удивленно присвистнул. О воздушных боях крылатых «недочеловеков», живущих обособленной колонией где-то в горах Гномьего Кряжа, он слышал и даже где-то читал, но вот видеть такое ему приходилось впервые. Тоненькая синекрылая фигурка, стремительно набирающая высоту, то и дело металась из стороны в сторону, уходя от пронзительно-алых, режущих глаз жгутов темного пламени, взятого взаймы ее противником откуда-то из подземных источников. Сам факт того, что у кого-то в руках находится столь дикая магия, заставляет думать о нехороших вещах. Ладислав нахмурился, вглядываясь в росчерки пламени в сером зимнем небе. Некроманты тоже частенько берут силу взаймы, черпают ее из туманных озер по ту сторону Грани, но никогда, *никогда* эта сила не дается просто так. Приходится платить чем-то, что тебе дорого, или тем, что имеет ценность даже на том свете, – частичками собственной души или же принося в жертву разумное существо. Чем чище и невиннее жертва – тем выше плата.

Так что же принес в жертву враг его благодетельницы, если обрел *такую* власть над «подземным огнем», покорить который сложнее, чем силу той стороны Грани?

В небесах полыхнула острая, ветвистая стрела молнии, на миг ослепив некроманта, а когда Ладислав протер глаза и снова взглянул вверх, крылатые фигуры успели снизиться, стремительно пролетели над домом и скрылись где-то за макушками деревьев. На двор упало с полтора десятка разноцветных перьев – как темно-синих, пушистых, с мягко закругленным кончиком, так и темно-красных, почти черных, будто бы оплавленных по краям и напоминавших кинжальное лезвие.

Тихо скрипнула, открываясь, дверь за спиной некроманта. Ладислав обернулся и увидел стоящего на пороге охранника Еваники, который с ночи Излома лежал в дальней комнате, мало чем отличаясь от живого трупа. Следом за «трупом», державшимся худой, жилистой рукой за дверной косяк, выскочил побледневший мальчишка, в растерянности глядевший то на очнувшегося мужчину, то на россыпь перьев во дворе.

– А куда?..

– Где... – Данте наконец-то выпрямился, перестав хвататься за косяк, и посмотрел на Ладислава черными как уголь и такими же безразличными глазами, – где Еваника?

– Там. – Некромант махнул рукой в направлении, откуда доносился треск заклинаний и звон металла. – Между прочим, впервые наблюдаю драку, когда перья действительно летят во все стороны. Ветерок, не забудь потом собрать их по двору – посчитаем, чьих оказалось больше и кто с каким перевесом победил. Да и метелки неплохие будут...

– Перья?.. – Некромант даже не удивился, когда глаза Еваникиного спутника затянуло черной блестящей пленкой. Напротив, было бы странно ожидать, что у Лексеевой крылатой ученицы спутник будет обычный человек, а не такой же, как она сама.

Уже интересно, каким образом пересеклись линии судеб, что подобранная волхвом в снегу девочка оказалась айраниткой. Ладислав только пожал плечами, посторонившись и пропуская Данте во двор, где крупитчатый снег уже засыпал цветные перья. В виске у некроманта толчками нарастала острая колющая боль, и сейчас он едва удерживался от того, чтобы выбежать из дома, в очередной раз попытаться... Сделать что? У него-то крыльев нет...

Данте опустил плечо, нет, почти упал на колени, подбирая и внимательно разглядывая темное перо, а секунду спустя он сменил ипостась, за какое-то мгновение отращивая широченные черные крылья, которые резко раскрылись и почти сразу же бессильно распластались по земле. Ладислав спустился с крыльца следом за айранитом, с интересом наблюдая за поднимающимся с колен Данте, все еще пробовавшего совладать с непослушными, ослабшими крыльями, которые даже складываться-то толком не хотели, чего уж думать о том, чтобы взлететь.

– Куда собрался, болезный? Там и без тебя сейчас проблем хватает, сомневаюсь, что Еванике нужны еще и твои перья, их и без того тут на пару метелок валяется. А если ты попробуешь присоединиться к выяснению отношений, то и на подушку наберется. Только я

сомневаюсь, что Еву это обрадует.

– Я должен... – Айранит оскалился и пригнулся, пробуя взмахнуть крыльями, которые все же начали его слушаться.

– Что ты должен? Поработать мальчиком для битья, чтобы она на тебя лишний раз отвлеклась и в результате опять огребла по самое не хочу такое, чего я бы и лютому врагу не пожелал? Ну так лети, чего ж стоишь-то? – Ладислав на всякий случай отошел на пару шагов, одновременно нашаривая в одном из карманов не то усыпляющее, не то парализующее зелье. То, что этому айраниту горы становятся по колено, когда речь заходит о безопасности ведуньи, понятно и без демонстрации уникального оскала, но сейчас от Данте реальной помощи не будет, проблемы одни.

– Опять?! – Представитель «обособленно живущего горного народа» круто развернулся к некроманту, уставившись пустым, немигающим взглядом ему в лицо. – Что значит опять?

– А, так у тебя провал в памяти? – Ладислав улыбнулся краешками губ и пожал плечами, стараясь не обращать внимания на резко усилившуюся боль в виске. – Жаль, а я так надеялся у тебя выяснить, что же случается с живым существом, когда оно попадает в свиту Дикой Охоты. Что случается с тем, кто пытается вытащить небезразличное существо из этой самой свиты, я уже знаю. Так сказать, на собственной шкуре прочувствовал, правда, как я подозреваю, всего лишь отголосками, но мне и этого показалось слишком много. Сколько раз я умирал следом за ней и возрождался, считать не буду, но если бы меня кто-то так подставил, убил бы при первой возможности. Но то я. Еваника – она не так дурно воспитана, да и выбор у нее был. В общем, я на тебя не в обиде из-за того, что ты стал причиной воистину самой запоминающейся ночи в моей жизни... Но второй раз я такое пережить не хочу, так что не испытывай мое терпение. Эта дурында за тобой при необходимости снова в пекло сунется, но я не хочу гореть вместе с ней на том же костре, а выбора у меня нету. Значит, и у тебя тоже.

Чернокрылый айранит едва заметно нахмурился, распрямляя спину и плечи, и уже сделал шаг по направлению к Ладиславу, как в той стороне, откуда уже почти не был слышен треск сталкивающихся заклинаний, раздался утробный драконий рев, и небо на несколько секунд окрасилось в золотисто-алый. Мальчишка, выскочивший на крыльцо, только охнул и невольно присел, когда над домом стремительно пронесся рубиновый дракон, а из-за верхушек деревьев выскользнула синекрылая девушка. Тяжелый двуручный клинок она даже до двора не донесла – выронила при снижении, и тот упал плашмя всего в двух шагах от забора.

– Ладислав... «Поворот»...

Крылатая ведунья неловко приземлилась, вернее почти упала на землю, держась за левое предплечье и стискивая челюсти так, что подбежавшему некроманту на миг почудился еле слышный хруст раскрошившегося зуба. Девушка очень часто и очень неглубоко дышала, сидя на холодной земле, и, судя по всему, едва сдерживалась, чтобы не заорать. Понять ее было можно – из опаленного, местами разорванного рукава куртки вместо изящной ладони с тонкими пальцами выглядывала уродливая трехпалая клешня, покрытая грязно-бурой чешуей. Проклятие «подземного огня» медленно расползлось вверх, уже успев дойти почти до локтя, когда Ладислав вытащил кинжал из-за пояса и рывкнул побелевшему от ужаса и отвращения мальчику, стоявшему в двух шагах от проклятой ведуньи:

– Быстро сюда, будешь ее держать!

Ветер не шелохнулся, и тогда некромант, нащупав на земле какой-то камешек, с силой бросил его в мальчишку, попав тому точнехонько в лоб.

– Не смей бросать своего наставника, никогда! Потому что он тебя не бросит!

Паренек еле слышно зашипел, хватаясь за лоб, на котором моментально начала расти небольшая шишка, а когда он отнял руки от лица – Ладислав даже не подивился залитым блестящей чернотой глазам. Ученик ведуньи бросился на колени рядом со своей наставницей, обхватив ту за плечи и не давая развернуть крылья во весь их немалый размах, и в этот момент первые капли крови скользнули по бледной ладони некроманта, вспыхнула

магия, рисуя в стлом воздухе колесо «поворота». Проклятие ползло все выше по руке Еванике, заставляя локтевой сустав изгибаться под неестественным углом, наращивая на коже чешую и какие-то отростки, напоминающие шипы, а колесо «поворота» все никак не могло достроиться...

На какой-то миг девушка очнулась, посмотрела сначала на почти оформившуюся над ее головой кровавую «паутину», а потом ее взгляд сместился за плечо некроманта, туда, где стоял лишь недавно пришедший в себя айранит. Еваника дернулась, едва не разорвав связь с Ладиславом, и закричала так, что некромант на миг отвлекся, чуть было не нарушив ход ритуала.

– Не смотри на меня!!!

Мальчишка, кое-как сумевший удержать свою наставницу, вдруг очень тихо и очень серьезно сказал, глядя на медленно вращающееся колесо «поворота»:

– Не о том думаешь, дура. Сосредоточься, ему своей силы может не хватить...

Ладислав почти сумел улыбнуться.

Из мальчика непременно выйдет толк...

## ГЛАВА 17

К вечеру снегопад усилился, превратившись в метель. Юркие, колкие снежинки мельтешили за окном, падали нарезной деревянный подоконник, еле слышно стучали в разрисованные морозцем пластины горного хрусталя. Я неподвижно сидела на втором этаже своего – теперь уже своего – дома в окружении старинных вещей, когда-то принадлежавших моему наставнику, и просто наблюдала за танцем снежинок за окном.

Тепло, уютно... Только вот куда ни брось взгляд – везде потускневшие, словно осиротевшие предметы. Неровные ряды книг на полках узорчатого деревянного шкафа. Огромный сундук, чья плоская крышка использовалась как рабочий стол при изготовлении лекарств и зелий, необходимых для ритуалов волхования. Еще один сундук, который я не открывала за всю жизнь ни разу, – если верить наставнику, то там спрятано мое приданое. Может быть, когда-нибудь... оно и будет уместно. Плетеные короба, плотно закрытые, залитые воском берестяные тусски, – все такое родное, с детства знакомое, но при этом уже не вызывающее приятных воспоминаний, только горечь потери. Большую часть этих предметов наставник делал сам: и маленькие резные шкатулки из дерева, куда обычно складывались мелкие одноразовые обереги, и плетеные лукошки для хозяйственных нужд, и берестяную раскрашенную посуду – каждая вещь хранила в себе частичку его души, его магии, и потому раньше второй этаж дома казался озаренным изнутри. Теперь же это была просто комната... такая же, как и множество других в подобных домах зажиточных крестьян.

Я опустила взгляд на свои руки. На правой едва заметно мерцал янтарь в посветлевшем перстне – если вглядеться, то почудится, будто внутри камня пляшет крошечный язычок пламени. На левую, туго обтянутую потертой кожаной перчаткой, мне даже смотреть не хотелось.

Если бы Ритан не пришел мне на помощь – трижды за один день, неслыханное дело, – то от меня прежней вряд ли что-нибудь осталось бы. Это он вывел меня из зачарованного сна, в котором вся жизнь могла пролететь за одну-единственную ночь, он едва не спалил Азраэла, когда тот одерживал надо мной верх, сумел каким-то образом вплести свою силу в ритуал «поворота» так, что проклятие «подземного огня» было остановлено. Пусть и не прекращено полностью. Сейчас под коричневой перчаткой скрывалась рука, человеческого в которой осталась только форма. Страж Горы превратил неказистую, топорщащуюся чешую, покрывающую руку до самого локтя, в гладкую, прочную, переливающуюся всеми оттенками алого, так что уродство обернулось вычурной экзотикой. С точки зрения дракона получилось как нельзя лучше. С моей – все равно было противно, но теперь на конечность хотя бы можно смотреть без омерзительного содрогания.

Впрочем, Ритан уверял, что рука вернется в нормальное состояние через пару месяцев,

максимум через полгода. Такая отсрочка с «поворотом» вышла из-за смещения магии, но это было лучшее, что можно было сделать в тот момент. Умом я это понимала, но вот успокоиться никак не получалось. Стоило мне только вспомнить глаза Данте, когда он смотрел на мою руку, по которой, словно опухоль, расплзалось темное пламя, грозящее обратить меня в нечто жуткое, что следовало бы убить сразу же из жалости и сострадания, как снова хотелось спрятаться куда подальше и не показываться аватару вовсе.

Деликатный стук в дверь, а затем и голос Стража Алатырской горы ненадолго вывели меня из состояния, в котором мне было почти плевать на все и вся. Я могу теперь сколько угодно переживать по поводу случившегося, но оказать Ритану всю возможную помощь я теперь попросту обязана. И не раз.

– Еваника, так к тебе войти можно?

– Тебе – всегда. – Я вяло взмахнула рукой, снимая «запрет на вход» и позволяя дракону протиснуться в дверной проем – когда я решила немного побыть одна, то «ненароком» сдвинула довольно тяжелый берестяной ларь, стоявший у входа, так, что он частично заблокировал дверь.

Ритан кое-как пролез в комнату, окинул взглядом годами складывающийся «творческий беспорядок», и тяжело вздохнул, присаживаясь на крышку «рабочего стола».

– Надеюсь, ты здесь не на зимовку устроилась? А то запасов – видимо-невидимо, совсем как в драконьем логове.

– А на что больше всего похоже? – угрюмо осведомилась я, исподлобья глядя на Вилькиного мужа, который с напускным интересом рассматривал «сокровищницу» Лексея Вестникова.

– На то, что ты решила спрятаться здесь от всего окружающего мира только потому, что оказалась самую малость не похожей на остальных. – Ритан слез с сундука и, подойдя ближе, уселся рядом со мной на набитый душистыми травами тюфячок. Взял мою левую руку и осторожно сжал. – Ев, ты должна с ним поговорить. Он аватар, Ведущий Крыла. Он и не такое видел на своем веку, уж поверь старому дракону. Данте от тебя шарахаться не станет, к тому же то, что ты сейчас прячешь под перчаткой, явление временное и не такое отвратительное, как тебе кажется.

Я не ответила, да и возражать смысла не было. Все равно Ритан кругом прав, и было бы странно, если бы он ошибался в подобных вещах.

– Тебе все равно придется с ним поговорить до отлета. Не думаю, что если ты просто поставишь его перед фактом, что в Андарион он летит без тебя, то это поспособствует улучшению отношений между вами.

– Сколько раз он подобным образом ставил перед фактом меня, и ничего страшного до сих пор не случилось, – фыркнула я, чуть-чуть расслабляясь и уже не воспринимая дракона как врага своего уединения. – Ну пострадает его самолюбие самую малость – и чего?

– По-моему, ты уже сама не соображаешь, что несешь, – мягко улыбнулся Ритан. Кажется, именно так разговаривают с маленькими детьми или же с сумасшедшими. Очень приятно, да. Хотя... Если вспомнить, сколько лет Вилькиному мужу, я для него действительно ребенок. Уставший, напуганный, запутавшийся в себе и в окружающих ребенок. – Он был готов отдать за тебя жизнь. Ты за него тоже. Тебе не кажется, что после такого самопожертвования вам стоило бы перестать мелочиться?

Я только пожала плечами. Дракон улыбнулся еще шире.

– Ну так что, позвать Данте? А то он, как мне кажется, места себе не находит – скоро тропинку у тебя в горнице протопчет. Ветерок жаловался, что уже не может наблюдать за метаниями твоего аватара из угла в угол, голова кружиться начинает. Кстати, мальчика, как я понимаю, ты тоже к айранитам отправишь?

– Угу, – согласилась я. – А куда еще, спрашивается мне его деть? Одного я его оставить не могу – с Азраэла станется вернуться, а мне совершенно не хочется, чтобы Ветер с ним столкнулся на узкой тропинке. Сам знаешь мальчишку он превратит черт-те во что, лишь бы мне жизнь испоганить. Да и бросать своего ученика без присмотра – это, мягко говоря,

неправильно.

– По правде говоря, не возьмусь предсказывать, что придет в голову вашему бывшему принцу. Логика одержимого «подземным огнем» даже я не пытаюсь постичь. – Ритан нахмурился и машинально провел ладонью по волосам, убирая их от лица. – На самом деле я посоветовал бы тебе убираться отсюда поскорее вместе с твоими друзьями. Дом хорошо защищен, но и «подземный огонь» – сила непредсказуемая и даже драконами толком не изученная. На твоём месте я не стал бы рисковать понапрасну.

– И был бы совершенно прав, в отличие от меня. Между прочим, как ты предлагаешь переправить Данте и Ветра в Андарион? Сами они туда точно не долетят, а отпустить их одних добираться своим ходом я не могу – в таком случае проще их с собой взять и надеяться, что они не станут вмешиваться в драку, а просто тихонечко посидят в сторонке...

– Ев, ты сама-то веришь в то, о чем говоришь? – усмехнулся Ритан, словно ненароком поглаживая свадебный браслет на правой руке. – Станет Ведущий Крыла отсиживаться в тенечке, пока его королева в очередной раз лезет куда не надо... пусть даже сам он с трудом держится на ногах. – Дракон шутливо взъерошил мне волосы и поднялся, направляясь к двери. – Я что-нибудь придумаю, обещаю. И, пожалуй, отправлюсь думать прямо сейчас, поближе к столу. Мыслительный процесс, он, знаешь ли, аппетит разжигает только так.

Я вздохнула и, встав с пола, подошла к окну и одним рывком распахнула деревянные створки. В лицо сразу же дохнуло холодом, ветер моментально забрался под тонкую шерстяную рубашку, выстуживая одежду, а щеки закололо снежной крошкой. Данте сейчас позарез нужен в Андарионе, потому что если опальному принцу стукнет в голову идея разобраться с Небесным королевством, то проблем мы поймеем по самые уши. И если без меня там храмовые жрицы и Крыло аватаров справятся, то без Данте, который уже много лет руководит обороной города, Андарион может оказаться не готовым к возможной атаке. Хотя очень хочется надеяться, что Азраэлу нужна только я, а не государство айранитов, лежащее в руинах.

В любом случае Данте необходимо вернуться. Потому что сейчас он ничем мне не поможет – я не верю в то, что мы сумеем пробиться к Источнику темного пламени, найденному Ританом, без боя, а полубольной Ведущий Крыла, который и меч-то поднять не может, будет обузой. А если совсем честно – после того как я его уже раз потеряла, и, как думала, навсегда, я не смогу лишиться его еще раз. Пусть уж лучше он будет в относительной безопасности в родном городе...

– Еваника?

Я медленно обернулась на голос, чтобы увидеть, как бледный, осунувшийся аватар, так и не сменивший крылатую ипостась на человеческую, неловко мнется у двери. Словно Данте не знал, как пройти ко мне мимо нагромождения вещей так, чтобы ненароком не смахнуть чего на пол.

Холодный ветер скользнул ледяными пальцами по моему затылку, и я, спохватившись, закрыла окно, чтобы не выстуживать комнату еще сильнее. В тишине стук рамы показался особенно громким, как будто я не окно закрывала, а дверь, ведущую в гулкий, пустой склеп.

– Честно говоря... я впервые не знаю, что тебе сказать... – А вот заглянуть Данте в глаза мне так и не удалось. В память врезался тот наполненный жалостью с примесью не то страха, не то отвращения взгляд в тот момент, когда меня корежило на замеченном снегом дворе, а Ладислав с Ветром пытались мне помочь снять проклятие темного пламени, которым на излете зацепил меня Азраэл буквально за мгновение до того, как его самого окатило мощной струей драконьего огня.

Я успела почуять телепорт и готова была корону заложить, что Азраэл не сгорел дотла в Ритановом пламени, что и на этот раз бывший принц Андариона ушел от смерти. Правда, сомнений в том, что наши пути еще пересекутся, не было. Слишком уж тесно переплелись нити наших судеб. Слишком уж мы разные для того, чтобы остаться в этом мире – и не попытаться друг друга уничтожить. Раньше я почему-то его не ненавидела, будто бы предательства и пробитой насквозь груди было недостаточно, но хватило одной лишь

встречи у порога *моего дома*, одного взгляда Данте, преисполненного жалости, – и я была готова уничтожить Азраэла. Если понадобится – то воспользовавшись силой истинной королевы, силой собственной магии или с помощью знаний Лексея Вестникова.

– Я думала... что больше... тебя не увижу...

Молчание. Тишина, прерываемая лишь стуком снежинок в окно.

– Тебе нечего... сказать мне?

Тяжелый, прерывистый вздох. Неуверенный шаг вперед – и сразу же вслед за этим стук от упавшей на пол деревянной шкатулки. Дробным перестуком отозвались рассыпавшиеся глиняные обереги «на удачу». Данте замер, а я щелкнула пальцами, зажигая чисто-белый магический светлячок, который плавно воспарил к самому потолку, заливая комнату ровным, мягким светом. Аватар машинально прикрыл глаза, успевшие привыкнуть к полумраку, я же наконец-то отошла от подоконника и приблизилась к Ведущему Крыла.

Задорно вспыхивали золотистые огоньки в глубинах янтаря на моей руке. Еле слышно поскрипывали доски пола под моими ногами, когда я остановилась напротив Данте на расстоянии вытянутой руки.

Расправить плечи, как будто хочешь развернуть крылья. Подбородок выше, и при этом не забывать смотреть в глаза подданному, который должен понимать, что в данный момент внимание королевы направлено на него и только на него. Не стоит улыбаться слишком широко, но и сжимать губы тоже не следует. Королева должна быть приветливой, но строгой.

Аранвейн не зря потратил на меня столько времени...

– Данте, тебе следует утром отправиться в Андарион – восстанавливать утраченные силы и перевести Крыло аватаров в режим наибольшей бдительности. Возможно, что Азраэл попытается напасть: если он не побоялся показаться, значит, уверен в своих силах. Мне не нужен Источник темного пламени, неожиданно прорвавшийся рядом с Андарионом так, чтобы город не был к этому готов. Ветра, моего ученика, возьми с собой – мальчику нужна защита и покровительство в мое отсутствие, а ты единственный, кому я могу его доверить.

Право слово, я думала, Данте меня убьет прямо здесь и сейчас...

Но ошиблась.

Он притянул меня к себе одним резким, слитным движением, чуть покачнувшись, когда я машинально уперлась ладонями в его грудь, обнял и зарылся лицом в мои спутанные, пахнущие прелой листвой и дымом костра волосы. Черные крылья медленно, плавно опустились – и накрыли меня теплым, живым, чуть щекочущим кончиками перьев покрывалом. Я уткнулась лицом в плечо Данте, обняла его, крепко, как тогда, посреди круговерти колкого снега и призраков прошлого, осознавая, что здесь и сейчас я в своем Праве.

Найти и удержать, прийти и остаться.

Уходить – и забрать с собой самое дорогое, чему нет цены, для чего любая оплата будет казаться недостаточно высокой.

Половину своей души, живущую в другом теле.

Губы обжег крепкий, долгий поцелуй, а слезы текли по щекам, унося с собой напряжение и горечь последних дней. Стоит всего лишь закрыть глаза – и поверить, что мир вокруг остановился и пропал, оставив лишь малую часть себя для нас двоих, эту заставленную десятками, сотнями вещей комнату.

Метель за окном завывала все сильнее, снег колотил в тонкие пластины хрусталя, царапал их гладкую поверхность. Так зверь бессильно пытается вырваться из слишком надежной клетки, потому и бьется в иступлении о стены своей тюрьмы.

– Я подчиняюсь вам, ваше величество... во всем.

Жаркий шепот, место которому не посреди «склада», а в спальне, когда двое существуют только друг ради друга. Слова, которые обещают все, абсолютно все – стоит только попросить. И обещание, которое никогда не будет забыто.

– Данте...

Тихо шелестят крылья, укрывшие меня живым непроницаемым коконом. Руки айранита ласково, уверенно скользят по моей спине, пальцы осторожно касаются моего тела сквозь тонкую шерстяную ткань рубашки.

– Я принадлежу тебе. И никому больше.

Серьезный взгляд черных глаз с мерцающими на дне радужки серебряными искрами. Простые слова, несущие в себе гораздо больше, чем клятва верности. Я не могу ничего сказать в ответ – только смотрю в его глаза, не зная, какие здесь можно найти слова. Как вообще можно выразить словами то, что я сейчас ощущала.

Смущение. Страх. Неловкость.

Обожание...

Данте осторожно отер мои щеки от слез и взял меня за руку. Левую, обтянутую перчаткой.

Я попыталась отстраниться, но он не дал. Не отпустил мою ладонь.

– Позволь мне увидеть.

Не могу. Стыдно. Некрасиво. Да и как можно?

– Пожалуйста...

Редко в его голосе слышны столь мягкие, просящие нотки. Я перестаю сопротивляться, не мешаю, даже когда он осторожно стягивает грубоватую, вытертую кожаную перчатку с моей руки.

Рубиновым огнем вспыхивает в ставшем приглушенным лунно-белом свете магического огонька ровная чешуя, покрывающая мою ладонь. Медно-алыми всполохами зазмеился едва заметный узор, цветом свернувшейся крови блеснули чуть загнутые вовнутрь когти на тонких пальцах.

Ненужная уже перчатка падает на пол, как сброшенная змеей, отслужившая свое старая шкурка.

Данте осторожно оглаживает мою руку кончиками пальцев, бережно, как будто касается не прочной чешуи, а нежнейшей кожи младенца. Вопросительно смотрит на меня – не больно ли мне? Я только плечами пожимаю, почти потрясенно наблюдая за тем, как аватар подносит к губам искрящуюся алыми отблесками ладонь, как касается поцелуем чешуи, неотрывно глядя мне в глаза. И нет в этом взгляде ни жалости, ни отвращения, которые чудились мне поначалу...

– И это – тоже ты. Значит, это прекрасно.

Очередной поцелуй, уже в губы. Какой-то по-своему отчаянный и одновременно искренний, доверительный. Мое «несовершенство» – временное, и оно не портит меня, не заставляет выглядеть уродом в глазах того, чье мнение в этом вопросе для меня единственно важно. Я могла бы сказать – жизненно необходимо.

Короткая, резкая боль, во рту появился привкус крови – я поцарапалась о его острые зубы, совершенно позабыв о том, что сейчас мы с Данте находимся в разных ипостасях. Я невольно отстранилась, прижимая пальцы к кровоточащей нижней губе, и сразу же ощутила, как тепло обнимающих меня крыльев пропадает.

Аватар едва заметно пошатнулся, но спустя секунду выпрямился. Уже в облике человека.

– Так ведь тебе привычнее...

Даже не вопрос, а утверждение. Я киваю, и на губах айранита расцветает немного бесовская улыбка...

Я пропустила тот момент, когда мы с ним оба оказались поверх брошенного лоскутного одеяла на лежащем на полу тюфяке. Данте целовал меня, шепча что-то неразборчивое, смешивая воедино слова из общепринятого языка и фразы из речи айранитов, его волосы щекотали мне лицо и шею, тяжелыми прядями скользили по плечам.

Моя старая рубашка с кое-как зашитыми прорехами на спине треснула на груди и разошлась пополам – впрочем, мы уже не нуждались в одежде, потому что любая преграда

между нами сейчас воспринималась как досадная помеха, которую необходимо устранить как можно быстрее.

Последний рубеж, как водится, было преодолеть сложнее всего.

Я смотрела в его глаза, как в звездное небо, когда он нависал надо мной, собираясь устранить последнюю разделяющую нас преграду, которая не давала нам стать единым целым, слиться воедино так, как обоим хотелось. Так, как нам было необходимо для того, чтобы просто жить дальше. Чтобы иметь силы противостоять всему тому, что будет ожидать нас завтра... и через день... и в далеком будущем.

– Будет немного больно... Ты готова?

Я кивнула и прикрыла глаза.

Он мне солгал. Единственный раз за все это время.

Боли почти не было...

К утру метель улеглась, но небо по-прежнему оставалось серым и низким. Весь двор и поляна за ним оказались усыпанными пушистым снегом аж по щиколотку, потому я, сдуру выбравшаяся из дома не в валенках, а в войлочных тапках, надетых на шерстяные носки, успела проклясть собственную беспечность не один раз. Хорошо, что баня, которую Ветер растапливал накануне для Данте, еще сохраняла тепло и, что немаловажно – теплую воду в зачарованном котле, иначе отстирать подсохшие кровавые пятна с простыни удалось бы не сразу. С одной стороны – да кому какое дело? Ветер вряд ли поймет, а Ладиславу с Ританом, похоже, и так объяснять ничего не надо, но с другой стороны... Выставлять напоказ результаты проведенной совместно с аватаром ночи на всеобщее обозрение мне не хотелось. Прошло уже то время, когда в деревнях на следующее после свадьбы утро брачную простыню вывешивали на длинном шесте, дабы подтвердить заключение брака и непорочность невесты, и хвала Всевышнему.

Я кое-как отстирала простыню и с грехом пополам высушила ее бытовым заклинанием, когда снаружи послышалось хлопанье тяжелых крыльев, а следом за ним – громкий треск и возмущенный драконий рев. Бросив на лавку простыню, я выскочила из бани, и глазам моим предстала довольно занимательная картина – небольшой золотисто-рыжий дракон лежал на спине, неловко вывернув крылья, и пытался перевернуться на живот, но для этого ему не хватало грации и ловкости. Похоже, молодой совсем: более взрослые драконы, несмотря на большие размеры и кажущуюся медлительность, на деле ловки, как кошки, и настолько же увертливы.

Золотистый дракон обиженно заворчал и окутался светло-желтым туманом, из которого спустя минуту слепилась веснушчатая девушка. На вид ей было лет семнадцать от роду, одета в свободный балахон немыслимых расцветок. Девушка деловито отряхнулась, пригладила стоящие дыбом темные, отливающие изумрудной зеленью волосы, и широко улыбнулась, по-товарищески помахав мне рукой.

– Утро доброе, ваше величество! А я Ританова сродственница, он говорил, тут надо двоих до крылатого королевства доставить? Ну двоих я как раз донесу... особенно если кто-нибудь из них мне у Гномьего Кряжа дорогу покажет.

Я только вздохнула, чувствуя насущную потребность прибить Ритана на месте сразу же, как только Страж Горы покажется мне на глаза. Нет, он, конечно, молодец – ухитрился каким-то образом связаться с одной из своих родственниц, но почему достучаться он сумел только до этой юной, не по годам болтливой драконицы? Повезло так повезло, ничего не скажешь.

– Еваника, – Ритан, словно подслушав мои мысли, вышел на порог дома, приветственно помахав околачивающейся около забора девице, – ты не обращай внимания на трескотню Виоры, это у нее такой, как она любит выражаться, образ жизни. На деле она довольно ответственная и серьезная, просто не любит выглядеть таковой в глазах «младших народов».

– И вот так всегда. – Драконица вздохнула и улыбнулась. – Вечно он меня выставляет на посмешище. Ваше величество, снимите защиту хотя бы с забора, а то я зайти не могу.

– Так ты просто через калитку зайди, а не пробуй сверху перебраться, как курица через насест, – усмехнулся Ритан, легко сбегая с крыльца и распахивая перед девушкой еле слышно скрипнувшую дверцу.

Да, похоже, что после случая с Хэлириан и аватарами наставник несколько расширил границы действия охранного заклинания, настолько, что...

На миг я ощутила его. Не простой обережный круг – частую магическую сеть, куполом накрывающую дом и проходящую вровень с границей забора. Я подняла глаза к небу и увидела ее – немного хаотичное, кое-где нарочито неравномерное переплетение едва заметных светящихся снежной белизной нитей, на которое золотом и зеленью ложилась вышивка обережного заклинания. Я перевела взгляд на дом и поняла, почему Ладислав назвал его прочнейшей крепостью. Обережные заклинания покрывали невидимым поначалу узором каждое бревно в стене, каждую доску, затейливыми письменами ложились на окна и двери, ровным мерцанием украшали каждый замок и задвижку.

Я смотрела на свой Дом, словно впервые его увидела, зная каждое вплетенное в постройку заклинание, как свое собственное, кропотливо нанесенное на отдельно взятую деталь так, что, когда они были собраны в единое целое, а дом был достроен, множество оберегов соединились, став нерушимым монолитом. Простая, неказистая на первый взгляд избушка, построенная в русском лесу, оказалась уникальным по сути произведением магического искусства.

– Ева?

Я моргнула, и видение пропало, оставив после себя спокойную уверенность и знание, что крепость. Дом, который я так долго искала и все никак не могла найти, вот он, стоит передо мной.

– Все хорошо? – Ритан обеспокоенно коснулся моего плеча, заглядывая мне в лицо.

Я неопределенно пожала плечами, едва заметно улыбаясь и как-то по-новому разглядывая избушку.

– Не поверишь, но да. Пойдем будить Ветра и Ладислава, их еще в дорогу собирать.

– Мальчик уже проснулся, а твой некромант еще на рассвете собрал пожитки и уехал, – как бы мимоходом сообщил мне дракон.

– Чтобы Ладислав на рассвете встал? Прямо не верится, – протянула я, заходя следом за Ританом в горницу и приглашая Виору зайти в дом. – Видать, очень уж мы ему надоели.

– Скорее он оказался рад избавлению от «долга крови». Да и спал твой знакомый почти сутки, так что раннему подъему я не удивлялся бы.

Да я, по правде говоря, и не особенно удивилась. Скорее немного расстроилась, потому что Ладислав не счел нужным хотя бы попрощаться со мной. Впрочем, что у некроманта на уме – знает только он сам, ну, или такие существа, как Страж Алатырской горы, который почему-то хитро улыбался, наблюдая за тем, как я собираю в небольшой плетеный кузовок вещи и книги для Ветра. Наверняка ведь не все рассказал мне, но с этим поделать ничего нельзя – драконы никогда не лгут, но откровенны до конца они в исключительных случаях...

Прощание вышло скомканным и торопливым – Виоре не терпелось самой побывать в Небесном королевстве, да еще выполняя столь важное поручение королевы (Ритан перед отправлением что-то сказал на ухо драконице, подозреваю, что пообещал открутить хвост, если та вздумает чудить). Ветру не сиделось на месте – мальчишка предвкушал первое в жизни катание на драконе, а Данте... Аватар просто поцеловал мне руку на прощание. Коснулся губами затянутой в перчатку ладони, поросшей алой чешуей. Одного этого вежливого поцелуя и долгого взгляда мне хватило для того, чтобы понять – Данте будет ждать меня в Андарионе. И ничего из случившегося этой ночью он не позабудет. Да и мне забыть не позволит.

Взрезали стылый морозный воздух золотистые перепончатые крылья. Радостный мальчишечий визг потонул в прощальном драконьем реве. Виора заложила круг над домом, по спирали поднимаясь все выше в небо, пока не скрылась в пелене низких снеговых облаков. Я закусила нижнюю губу, не позволяя себе расклеиться, и сразу же почувствовала,

как ладонь Ритана сжала мое плечо сквозь плотную куртку айранитского покроя с прикрытыми лоскутками кожи прорезями на спине.

– Не волнуйся, Виора дорогу знает. И, несмотря на молодость, доверять ей можно! Твой аватар и мальчик будут в крылатом королевстве уже к вечеру. Если мы с тобой не задержимся в горах, то успеем к ним так быстро, что ты даже соскучиться не успеешь.

– А если с вами еще и я буду, то приверженцы «подземного огня» даже не смогут вам слишком сильно испортить существование по эту сторону Грани, – раздался от околицы знакомый насмешливый голос.

Я развернулась в сторону Ладислава, который стоял, непринужденно опираясь на приоткрытую калитку. Хорошо отдохнувший, одетый во все новое, гладко выбритый и с волосами, убранными в низкий хвост, некромант являл собой разительный контраст с тем востроухим, невыспавшимся мужчиной, сосредоточенно уничтожавшим Измененных на поляне перед моим домом.

– Так ты ж вроде уехал в город, разве нет? – улыбнулась я. – Свободный от долга, зачем вернулся-то? Да и лошадь куда-то дел...

– Начать с того, что в город я отлучился ненадолго и успел вернуться как нельзя кстати, – многозначительно принялся загибать пальцы Ладислав. – Раз я свободный от долгов некромант, то я могу идти куда хочу, особенно в условиях, когда дома никто не ждет, а в горах завелись конкуренты по усложнению жизни разумным существам. А лошадь... Куда я ее дел – неважно, все равно на дракона ее можно было бы погрузить только в качестве неприкосновенного мясного запаса, а это, скорее всего, оказалось бы неразумным.

– Гладко у тебя все как выходит, – пожал плечами Ритан, пристально разглядывая Ладислава с головы до ног. – Только кто тебе сказал, что с собой возьмем?

– Так если б ты сам мог справиться, то уж точно не звал бы человеческую ведунью на помощь – значит, есть что-то такое, с чем ты совладать не можешь, а она может. Значит, какая-то магия, а если судить по тому «развлечению», какое я имел удовольствие наблюдать при вашем с Еваникой появлении, речь идет о магии «подземного огня». Я прав? – Некромант посмотрел на меня и еле слышно хмыкнул. – Значит, прав. Только вот спешу огорчить – вряд ли Еваника достаточно хорошо разбирается в тонкостях этой магии, она не привыкла работать с внешними источниками силы, довольствуясь тем, что есть. А я привык. Короче... Возьми с собой, добрый молодец, я тебе пригожусь-у-у-у-у-у! – Последние слова некромант проныл, неплохо копируя интонации типичного деревенского дурачка.

Я невольно улыбнулась, а дракон пожал плечами – мол, что с людей взять.

– Как скажешь. – Страж Алатырской горы шутливо поклонился некроманту. – Только потом не жалуйся.

– Не дождетесь.

– Вот и чудненько. – Ритан легонько сжал мою ладонь и неторопливо направился к калитке. – Тут через полверсты по направлению к дороге почти случайно образовалась солидная поляна, буду ждать вас там. К сожалению, прямо отсюда я не взлечу – либо ползабора сверну, либо меня, как и Виору, заклинанием стукнет так, что мало не покажется. Хорошая у дома защита, почти завидую возможностям людей строить такие купола.

Я проводила дракона задумчивым взглядом и, дождавшись, пока Ритан скроется за деревьями, покосилась на Ладислава, который с преувеличенным интересом копался в новой сумке из черной провощенной кожи.

– Ладик, ты мне вот что скажи: зачем тебе это на самом деле нужно? Ну вот не верится мне в твой благородный порыв помочь, особенно после того, как ты от самого Ижена поминал меня неласковыми словами. Ехал бы ты домой, в самом-то деле... – Остывающие сени встретили меня ставшей уже привычной сыростью. Моя артефактная «авоська» лежала на краешке обеденного стола с наполовину раскрытой горловиной, и оттуда выглядывал уголок какого-то фолианта.

То, что я торопилась поутру, – это мягко сказано. Мой забег по горнице с торопливо уменьшающимся пирожком в зубах не рассмешил разве что Данте, но аватар вообще крайне

редко смеялся, а так, чтобы от души, – по-моему, никогда. По крайней мере, я такого почему-то не запомнила. В общем, что именно я успела или не успела положить в сумку, вспоминалось с трудом. Хотя... Главное, еды взять побольше – Ритан, несмотря на пребывание в человеческом облике, ест за двоих. Куда в нем столько помещается – тайна за семью замками, мне он так и не рассказал.

– В благородство некромантов вообще верить глупо. – Ладислав присел на лавку у еще не остывшей печи, которую Ветер перестал топить со вчерашнего вечера. – Это чревато не самыми приятными последствиями. Но в данном случае можешь не переживать – у меня интерес, так сказать, чисто научный. Мне и в самом деле хочется получше разобраться в природе «подземного огня», особенно в том, как он влияет на живых существ. Да и на мертвых тоже, если честно. А еще мне не нравится, как тот подпаленный молодчик устраивает дисбаланс во всех магических сферах, куда только дотягивается. – Некромант картинно развел руками. – Работать становится неудобно. И опасно.

– К чему-чему, а уж к опасностям тебе не привыкать, как мне показалось, – усмехнулась я, убирая в сумку завернутое в полотенце кольцо копченой колбасы и головку сыра.

– Да, но одно дело, когда знаешь природу этой самой опасности и умеешь с ней работать, и совсем другое, когда в налаженную систему вламывается недоучка с прорвой хаотично разбрасываемой вокруг себя силы, которая меняет все, к чему прикоснется. – Голос Ладислава стал монотонным и немного нудным – словно он объяснял простейшие вещи немного туповатому ученику, а я только вздохнула, напоследок запихивая в сумку плетеную коробку с лекарствами на всякий случай. Пусть будет, никогда не знаешь, что может пригодиться.

– И кому ты это рассказываешь...

– Тебе, видимо. Кроме тебя здесь разве что домовый да мелкая домашняя живность, а им теория магии ни к чему.

Я промолчала, неуклюже застегивая на груди перевязь наспинных ножен.

Меч из темной гномьей стали, который я привезла с собой из Андариона. Ветер не стал забирать его с собой в Небесное королевство, знал наверняка, что не решусь я отправиться в горы к Источнику темного пламени земли, вооруженная лишь собственной магией и сомнительным оптимизмом. И был прав. Много воды утекло с той ночи, когда я осознала, что нельзя полностью полагаться лишь на магию, иногда меч или кинжал весьма полезен, пусть даже не в самых умелых руках.

– Что, даже на дорожку не присядешь? – улыбнулся Ладислав, оглядывая меня с головы до ног и задержав взгляд на моей левой руке, обтянутой перчаткой. – Показала бы хоть, как дракон облагородил результаты моего «переворота». А то мне до сих пор стыдно за подобный непрофессионализм в действиях.

– Еще насмотришься, – фыркнула я, все же присаживаясь на краешек лавки. – А насчет случившегося... Долг выплачен полностью, значит, ты сделал все возможное. Просто не по зубам тебе оказалось проклятие подобного рода, это тебе не сглаз деревенской бабки-знахарки мановением руки снимать.

– Вот это-то и самое обидное. С другой стороны – есть повод к дальнейшему самосовершенствованию.

Он замолчал, а я только плечами пожала, вслушиваясь в какую-то особенную тишину, разлившуюся по горнице. Потом поднялась и направилась к выходу, на пороге поклонившись домовому в пояс, тихонько прося его приглядеть за хозяйством в мое отсутствие. Ладислав, вышедший на студеной ветер следом за мной, покачал головой, наверняка считая подобные приговоры своего рода стариковскими бреднями. Пусть. У некромантов свои правила, у лесных ведунов свои...

– Ладислав, дай руку, – тихонько попросила я, закрывая дверь на заклинание, прочным засовом вставшее на защитное плетение вокруг дома.

Почти сразу же моей ладони коснулись прохладные, чуткие пальцы некроманта.

Он еще толком не понял, но уже догадывался.

Я накрыла его ладонью резную деревянную ручку, ощутила, как бережное заклятие оплетает наши руки колкой горячей лентой.

– Будь желанным гостем в этом доме, Ладислав Олехович...

Будь тем, кто хоть иногда присмотрит за моим наследием, если Небесное королевство затянет меня в водоворот правления так, что вырваться оттуда я уже не сумею, несмотря на все старания. Этот дом еще послужит Ветру, когда настанет его черед ступать на собственную дорогу ведовства, если только мальчик не решит, что его место в крылатой горной стране. Я видела глаза своего ученика, когда тот удерживал меня во время ритуала «поворота». Помню свое отражение в этих черных зеркалах. Он такой же, как и я. Полукровка, не помнящий своих родителей, не принадлежащий ни миру людей, ни крылатой стране. Но, в отличие от меня, у него должен быть выбор – остаться с людьми или поселиться у айранитов. И он у мальчика будет. А я как его наставница сделаю все необходимое для того, чтобы Ветер самостоятельно определился с жизненной дорогой.

Обережное заклятие едва заметно вспыхнуло золотом, потом угасло, но я все никак не могла заставить себя отпустить ладонь Ладислава, словно какая-то догадка маячила всего на волосок от меня. Только бы ухватить эту тончайшую паутинку – и можно дотянуться до узора.

Туманные озера Грани...

Узкие проторенные тропки, скрывающиеся в белой густой дымке...

Мое появление на них с каждым призраком Дикой Охоты, что касался меня, сопровождалось тенью Ладислава, но если я приходила на Грань для того, чтобы вернуться обратно в мир живых, то некромант каждый раз рисковал остаться там навсегда. Потому что для меня Грань была всего лишь бесконечным полем, исчерченным узором тысяч тропок-судеб, а для моего *брата* – топким болотом, по которому он не мог сделать и шага, чтобы не увязнуть или не провалиться по колено, а то и по пояс. Меня Грань не держала, я была там приглашенным гостем, тогда как Ладислав – вором, приходящим втихомолку и наконец-то попавшимся разозленным хозяевам.

Тогда я находилась в Праве и только потому могла увести своего брата в мир живых, держа его за призрачную, едва ощутимую ладонь...

Я подняла взгляд на Ладислава – и неожиданно тепло и ласково улыбнулась. Он же в ответ усмехнулся и шаловливо взъерошил мне волосы, будто бы стряхивая с них снег.

– В кои-то веки сама догадалась или знания наставника помогли? А, сестренка?

– Серединка на половинку, братец. – Я шлепнула некроманта по затылку, едва увернувшись от ответной дружеской оплеухи. – Грань подсобила, тогда я это уже знала, но потом забыла.

– Почему-то именно так я и думал. – Ладислав спустился следом за мной с крыльца и неторопливо зашагал к околице. – Если не секрет, то куда нас твой дракон понесет?

– Куда-то к Гномьему Кряжу, точнее я сама не знаю. К Источнику той гадости, которая последние полгода, если не дольше, расползается по окрестностям как чума.

– Ну найдем мы Источник, а дальше-то что? Что вы с ним делать будете?

– Не мы, а Ритан. Драконы умеют запечатывать эти источники так, чтобы они больше не появлялись на поверхности. Как не знаю, но до сих пор у них получалось.

– Не хочу показаться тебе пессимистом, но, как мне кажется, вы пытаетесь запечатать горный поток путем заделывания дырок в довольно хлипкой плотине. Рано или поздно ее все равно снесет, и тогда не говори, что я не предупреждал.

Я только плечами пожала, закрывая за нами калитку.

Снег еле слышно скрипел под подошвами наших сапог, меч за спиной при каждом шаге хлопал по лопатке – опять плохо затянула перевязь, но переделывать уже не хочется, притерплюсь. Сумка, набитая всякой всячиной, ощутимо оттягивала плечо. Вспомнить бы, что я такое тяжелое последним положила, неужто коробка с лекарствами столько весит? Впрочем, если она не пригодится, я только рада буду. Потому что никто не знает, что ждет

нас в горах Гномьего Кряжа, что ждет нас у Источника помимо мага, проклявшего Вильку.

Поживем – увидим, доживем – узнаем, выживем – учтем, ведь так?

Я ускорила шаг, направляясь по следу Ритана в выпавшем за ночь снегу. Надеюсь, мы не заставим Стража Алатырской горы ждать слишком долго.

## ГЛАВА 18

Протянувшаяся на сотни верст горная цепь Гномьего Кряжа издревле привлекала к себе приключенцев и кладоискателей, ученых и волхвов, нежить и волшебных существ – всех тех, кому не сиделось на месте и кто был готов отправиться в долгий и опасный путь за своей Целью. Неважно, что это было – попытка найти несметные сокровища в недрах гор, отыскать безопасное жилье, куда просто так уже не сунутся охотники за головами, или же жажда новых знаний. Рано или поздно все, одержимые Целью, приходили сюда, но по-настоящему здесь прижились только гномы, благодаря им эта горная цепь и получила свое название в миру равнинных жителей. Впрочем, сохранились еще старинные манускрипты, на которых Гномий Кряж называется Р'хавен Д'арр – Край Света.

Хорошее название и, как множество других, отвергнутых новыми поколениями за неблагозвучность или труднопроизносимость, гораздо лучше отражает суть места. До сих пор даже на гномьих картах местность, лежащая за Кряжем, обозначается чистым пергаментом. Более-менее исследованы лишь полтора десятка долин к северу от западной части Кряжа, там, где горные пики пониже, а ущелья не столь широки и глубоки. Гномы в свое время не то прокопали туннель по ту сторону Р'хавен Д'арр, не то выбрались, воспользовавшись сетью естественных пещер, но именно «дети гор» первыми открыли холодные, покрытые снегом долины и нанесли их на карты. Следом за гномами потянулись люди – существа, которые за свою короткую жизнь хотят успеть везде и всюду, чаще всего суют свой нос куда ни попадя и получают сполна за свое любопытство.

Приключенцев и исследователей пропало в тех пещерах немерено – до сих пор, говорят, гномы находят в пещерах, примыкающих к границам обширного подземного королевства, полуистлевшие скелеты заблудившихся неудачников. Впрочем, были и счастливчики, если можно назвать таковыми тех, кто сумел-таки перебраться на ту сторону Края Света и заглянуть в неведомое.

Благодаря волхву, чье имя история, к сожалению, не сохранила, равнинный мир к югу от Р'хавен Д'арр узнал о снежных драконах, живущих среди скал на покрытом вековым льдом плато. Человек, потревоживший покой этих существ, так и не сумел оторваться от погони – лишь много лет спустя заледеневший труп, замороженный в основание скалы, нашли гномы, а вместе с ним и сумку с дневниками, которые поначалу сочли записками сумасшедшего. Но когда снежных драконов случайно увидели картографы Росского княжества, исследовавшие Закатный пик и прилегавшие к нему окрестности с целью найти наиболее удобные торговые пути к гномам, равнинные народы призадумались. Даже отрядили небольшую делегацию к Алатырской горе поинтересоваться у живших там драконов относительно их невесты откуда взявшихся сородичей.

Ответ Алатырской горы не понравился никому.

Снежные драконы – разумные, но повадки и инстинкты у них звериные, а все, кроме сородичей, для снежных драконов лишь пища, и неважно, на каком языке разговаривает и о чем думает их сегодняшний обед. Сама я со снежным драконом сталкивалась лишь однажды, видела его мельком и издалека, и, если бы не Алексей Вестников, не отходивший в те времена от меня ни на шаг, неизвестно еще, как сложилась бы моя судьба в дальнейшем.

И вот именно к таким «соседям» летел Ритан в надежде, что со снежными сородичами он не столкнется вообще. Потому что маг, найденный с огромным трудом, прятался у Источника темного пламени, пробраться к которому можно было, только перелетев через горы Гномьего Кряжа или же путешествуя телепортом вместе с «подземным огнем», как и поступали жрецы, но второй вариант был для нас по известной причине неприемлем.

Потому-то мы с Ладиславом кутались в наглухо застегнутые зимние куртки и надеялись, что полет завершится как можно скорее. Первый восторг от перелета над Гномьим Кряжем уже прошел, низкие снеговые тучи плотно заволокли весь обзор под драконом, и нам с некромантом уже ничего не оставалось, кроме как потихоньку замерзать, ожидая снижения, которое состоялось после того, как Ритан обогнул раздвоенный заснеженный пик и спустился в крохотную, всего-то саженой тридцать в поперечнике, долину.

Напряженно гудящую сеть магии, раскинувшуюся где-то внизу, я ощутила почти сразу, как только лапы Ритана коснулись заметенного крупным колким снегом плато, вплотную прилегающего к отвесной скале, выглаженной сильными ветрами и метелями, а вот узкий зев пещеры я разглядела далеко не сразу, поначалу приняв его за разлом в теле скалы из-за давнего землетрясения. Если бы не Страж Алатырской горы, указавший на нее сразу же после того, как оборотился человеком, – не заметила бы вообще.

– Так-так, и что же у нас тут такое? – Бодренько приплясывающий от холода некромант уже деловито осматривал вход в пещеру, то и дело примеряясь поочередно к различным каменным выступам. – Сестренка, подойди-ка на пару минут?

Я пожала плечами и подошла к довольно улыбающемуся некроманту, который, недолго думая, цапнул меня за левое запястье и попросту сунул мою руку сквозь практически неразличимую магическую завесу. Запахло паленым, и кожаная перчатка, плотно облежавшая ладонь, истлела и мелкими ошметками осыпалась на каменный пол пещеры.

– Ладик, ты сдурел? – нервно поинтересовалась я, с отвращением стягивая с чешуйчатой ладони остатки перчатки, в то время как некромант принялся разглядывать полог с удвоенным энтузиазмом. – Между прочим, с тебя теперь перчатка взамен загубленной.

– Запиши на счет твоего хорошего знакомого, – отмахнулся мой братец, продолжая рассматривать «пустоту». – Между прочим, я так и думаю, что твоей руке ничего не будет. Судя по всему, этот полог настроен на свободный пропуск всего того, что соприкасалось с «подземным огнем»... и очень нелицеприятно расправляется со всем остальным. – Ладислав нехорошо улыбнулся и, как бы извиняясь, развел руками. – К примеру, если б я тебя толкнул сквозь этот полог, с большой долей вероятности по ту сторону упал бы полусгнивший труп с совершенно не пострадавшей чешуйчатой лапкой. Но я ведь этого не сделал.

Ритан едва заметно нахмурился, я же покрутила пальцем у виска:

– Знаешь, мне даже не верится, что мы с тобой родственники.

– Мне тоже, но родню не выбирают, так что привыкай. – Ладислав опустил на корточках перед входом в пещеру и, достав свой нож, удачно совмещавший в себе функции короткого меча, пилы и лопаты, положил его на снег перед собой и, выудив из кармашка на поясе бутылочку с завинчивающейся крышкой и тонкую кисточку, принялся рисовать какие-то значки на широком вороненом лезвии. – Тут заклинание трехчастное, замкнутое на некую сущность, с которой я никому не пожелал бы встретиться в темном переулке безлунной ночью. Хотя... Врагу б не только пожелал, но еще и кратчайший путь показал.

Я покосилась на Ритана. Дракон в ответ только пожал плечами, не вмешиваясь в процесс, – если некроманту удобно болтать во время подготовки к ритуалу, это его право. В конце концов, у каждого свои привычки. Кто-то напевает скабрзные песенки, кто-то поучает, а кому-то для концентрации внимания требуется поговорить о малозначащей на первый взгляд ерунде.

– Впрочем, я немного отвлекся. Еваника, ты в курсе существования категории нечисти, именуемой «задающие вопросы»?

– В курсе, в курсе. Эта сущность задает человеку два вопроса «Кто ты?» и «Чего ты хочешь?», получив ответы на которые нечисть обретает власть над ответившим, – заученно выдала я цитату из когда-то давно прочитанной книги, одной из многих, входивших в программу обучения ведунов.

Некромант улыбнулся, продолжая выводить тонкой кисточкой слабо светящиеся

зеленью значки на лезвии ножа.

– Ошибаешься, деточка. Человек – существо трехчастное, и суть его составляют плоть, воля и душа. Поэтому вопросов у «задающих» всегда было три. Первый покорял человеческую плоть, второй умирал волю, а третий забирали душу.

– Тогда почему же во всех книгах написано только о двух вопросах?

Ладислав дорисовал последний символ и, полюбовавшись своей работой, убрал пузырек и кисточку обратно в пояс. Поднялся с колен, держа слабо светящийся нож за рукоять. Заглянул мне в глаза.

– Потому что те, кто слышал третий вопрос, уже никому ничего и никогда не расскажут, даже на том свете. Поэтому и считается, что вопросов всего два, ведь третьего вопроса не знает *никто*, кроме «задающих».

– Это все, конечно, безумно интересно, но зачем ты все это рассказываешь?

– Исключительно в целях твоего профессионального развития. А еще потому, что подпитка этого упреждающего полога завязана как раз на такую нечисть. Я, конечно, попробую сейчас сделать прореху в заклинании и временно его снять, но за последствия ручаться не буду.

– Намеряешь на то, что если ошибешься, то попросту выпустишь «задающего» на волю?

– Примерно в этом роде. Готовы? Нет? Тогда начали.

С этими словами некромант перехватил рукоять ножа обеими руками и с размаху ткнул лезвием в защитный полог. Что-то еле слышно хлопнуло, и преграда стала видимой – тонкая, красновато-багровая пленка с чем-то невнятно-розоватым, пульсирующим в центре, похожим на комок, от которого во все стороны разбегалась тонкая паутинка отростков, напоминающих корешки. Нож Ладислава медленно взрезал пленку в стороне от комка, осторожно, словно боясь повредить пульсирующее ядро заклинания, и ровные края разреза сразу же окутывались зеленоватой кромкой, к которой, как я уже наверняка знала, можно было прикоснуться безо всякого для себя вреда.

И все бы ничего, но на полдороге лезвие застряло. На лбу у некроманта, несмотря на холод, выступили крупные капли пота, холеные руки с длинными, сильными пальцами едва заметно дрожали, когда Ладислав пытался сдвинуть нож вверх еще хотя бы на локоть, но было видно, что ему это вряд ли удастся. К тому же розоватый комок запульсировал чуть быстрее, к разрезанным краям защитного полога потянулись белые паутинки-корешки, и тогда Ритан попросту положил свою ладонь на руки некроманта и одним уверенным, плавным движением вывел нож почти до самого верха, под конец все же не сдвинув, а разрезав несколько тончайших нитей.

Ядро заклинания вздрогнуло, полог пошел мелкой рябью, как поверхность озера от брошенного в воду камня, а окруженное зеленоватым сиянием по краям отверстие стало стягиваться, зарастать, будто бы рана на живой плоти под воздействием мощного исцеляющего заклинания. Ладислав чертыхнулся – и буквально ввалился в пещеру через проделанную им самим прореху, следом за ним в дыру проскользнул Ритан, мне же пришлось протискиваться в стремительно сужающееся отверстие, придерживая чешуйчатой рукой один из краев, не давая ему сдвинуться. Ощущение непередаваемое – будто бы рука держит нечто почти материальное, ощутимо давящее на ладонь и при этом остающееся почти неосознанным. Нечто густое, вязкое, но когти на сжатых в кулак пальцах не встречают на своем пути никакого сопротивления.

Защитный полог сомкнулся за моей спиной, успев прихватить добрую половину моего плаща, обращая добротную ткань в гнилую, моментально истлевшую тряпку, которую я сбрасывала с плеч так быстро, будто бы это была свалившаяся откуда-то сверху облезлая старая крыса. Гадость неимоверная.

– Зато мы не разрезали о себе на все сборище у Источника, – вяло улыбнулся Ладислав, пряча оружие в ножны и машинально вытирая о штаны вспотевшие, мелко трясущиеся ладони. – Ваше драконство, будете в следующий раз мне так пальцы стискивать,

предупреждайте хоть. Они мне еще пригодятся.

– Постараюсь, но ничего не обещаю, – серьезно кивнул Ритан, вглядываясь в темноту туннеля с низко нависающим над головой потолком. – Нам туда.

Ну туда так туда. Я только плечами пожала, создавая в ладонях полупрозрачный, видимый лишь нам троим магический светлячок. Он плавно воспарил к потолку пещеры, озаряя белесым светом толстые ледяные сосульки и кристаллы. По стенам запрыгали крошечные радуги, и, если бы не Источник темного пламени, который я ощущала, как жар, давящий на виски, я непременно восхитилась бы суровой ледяной красотой этого места.

В другой раз... если снова удастся побывать на севере от Гномьего Кряжа.

Ритан вел нас по запутанным, причудливо украшенным ледяными узорами подземным коридорам, полагаясь на свое чутье и все усиливающееся ощущение близости Источника. В гулкой холодной тишине слышался лишь хруст ледяных кристаллов под ногами да мое сбивчивое дыхание – право слово, чем ближе становился Источник, тем тяжелее мне было справляться с паникой, поднимающейся откуда-то из глубины души. Левую ладонь то и дело покалывало словно десятками тончайших иголок, а пальцы неосознанно сжимались в кулак.

Страшно, действительно страшно. Здесь, где над головой – неизмеримая каменная тяжесть, где стены будто бы давят со всех сторон, где воздух затхлый и холодный, как в склепе. Мне было страшно подумать о том, что случится, если мой светлячок, парящий над головой, вдруг погаснет и я останусь в непроглядном мраке и мертвой тишине, чувствуя, как где-то глубоко внизу, под ногами, бьется «сердце» разбуженного Источника. Все сильнее и сильнее, словно пребывая в неистовой радости или же постоянном страхе.

– Ева, успокойся. – На мое плечо легла ладонь Ритана. – Что бы ни случилось, я тебя защищу, обещаю.

– Даже от моих собственных страхов? – невесело поинтересовалась я, и тотчас была «вознаграждена» удалым хлопком по второму плечу и загробным голосом явно издаваемого Ладислава:

– А вот от собственных страхов сам Бог защищать велел. Только вот, к сожалению, забыл сообщить, как именно. Поэтому некоторые энтузиасты считают, что лучший способ избавить человека от застарелого страха – напугать его до потери памяти и, возможно, пульса. Если он потом очнется живым, здоровым и не сумасшедшим – значит, бояться уже не будет. Ну а если не очнется – что поделать. Сделают на могилке надпись «Умер со страху» да и пойдут врачевать таким образом дальше всех пугливых да легковерных...

Я невольно улыбнулась, а некромант побарабанил кончиками пальцев по моему плечу и поинтересовался уже нормальным тоном:

– Тебе полегчало или еще пару баечек из своей рабочей практики рассказать?

– Господа волшебники-и-и-и, – протянул Страж Алатырской горы, – вы сюда пришли делом заниматься или профессиональные байки травить?

– Одно другому не мешает, – усмехнулся Ладислав, украдкой подмигивая мне. – Вот если бы я травил байки так же, как мой наставник, когда я был еще учеником... Тогда да, можно было бы сказать, что они с успехом отвлекают от всего остального.

– Я уже боюсь чувства юмора твоего наставника, – негромко рассмеялась я, чувствуя, как внутреннее напряжение отступает. Все-таки братец на удивление хорошо понимает, как меня можно приободрить и успокоить.

Иногда действительно гораздо эффективнее посмеяться над страхом, чем пытаться его заглушить. Тогда и катакомбы с привидениями – всего лишь пустой заброшенный рудник, и надвигающаяся хмарь – только белесый осенний туман, поднимающийся над рекой. Все просто и понятно, а главное перестает пугать из-за чересчур разыгравшегося воображения.

– Скажу по секрету: я его тоже боялся. И самого наставника, и его чувства юмора, но ничего, привык как-то. Теперь сам веселю окружающих в том же духе.

– У тебя замечательно получа...

Я оборвала себя на полуслове, ощутив, как по туннелям пещеры прокатилось эхо

проведенного ритуала. Неловкого, неумелого, созданного не по правилам и без осмысления происходящего, но при этом настолько мощного, что меня прошиб холодный пот, едва я представила, сколько же дикой, неукротенной силы было вложено. Будто бы подросток, желая как следует разжечь костер, одним махом выливает на горящие дрова полведра особого горячего масла. Результат – как от заклинания боевого пламени...

А здесь... Здесь еще хуже. Потому что силы много. Неуправляемой, чужеродной. А умения с ней ладить нет совсем, и потому сейчас во все стороны от Источника шло магическое эхо, которое сбивало с потолка искристые ледяные кристаллы, мелким хрустальным крошевом прокатывалось по коже, снежной пылью забивало горло – ни вздохнуть, ни откашляться. Только переждать, пока схлынут излишки магии, и надеяться, что это не затянется надолго.

Полыхнуло золотом, и сразу же стало легче. Мелкое ледяное крошево еще сыпалось с потолка, но я уже не задыхалась из-за отката чужого ритуала.

Над нами раскинулся мерцающий золотистый купол Ританова щита, а сам дракон напряженно всматривался во мрак за пределами бережного заклинания – мой светлячок погас, едва нас накрыло резонансом от Источника, – и разворачивал над раскрытой левой ладонью ярко-рыжую искристую спираль.

– Головы отрывать надо дилетантам с такой прорвой магии в резерве, – хрипло выдохнул Ладислав. – В идеале сразу же после рождения! Увижу – исправлю то, что случилось по недосмотру повитухи и родителей.

– В очередь, Ладик. В очередь, – в тон отозвалась я, складывая ладони лодочкой и затепляя меж ними голубовато-белую искру, стремительно разрастающуюся в язык пламени, отдаленно напоминающий человеческую фигурку.

– Ев, похоже, очередь уже выстраивается к нам, – прервал наш обмен мнениями Ритан, небрежно стряхивая еле слышно потрескивающую спираль в сторону мерцающих у дальнего конца туннеля алых точек.

Полыхнуло рыжим пламенем – я успела заметить скорченные, изломанные фигурки, – а потом вновь темнота и тишина. И горький запах пепла смешался с влажным холодным туманом, появившимся из-за мгновенно испарившегося льда.

– Халява отменилась, желающих больше нет, – прокомментировал некромант, наблюдавший за результатом деятельности Ритана. – Только вот что-то подсказывает мне, что нам надо либо быстро-быстро сматываться туда, откуда мы пришли, либо поторопиться, чтобы успеть хотя бы к завершению праздничка, отголоски которого уже до нас докатились.

Правильно подсказывает. Не одному тебе это кажется.

Только вот пещерный зал, куда мы вошли вслед за Стражем Алатырской горы, встретил нас абсолютной тишиной, запахом гари и тревожным ощущением подкрадывающейся северной белой лисички, давным-давно ставшей символом неожиданной неудачи в особо крупных размерах.

Плавно поднимающийся вверх голубовато-белый магический светлячок вначале озарял только пустоту, в которой клубились сероватые облачка не то пепла, не то тумана, а потом он достиг потолка, и на несколько секунд я онемела.

Огонек освещал Измененных тварей, висящих на потолке подобно летучим мышам, вниз головой, и их было много. Чересчур много. Обезображенные, стянутые ожоговыми шрамами, неузнаваемые лица. Широко разинутые рты, застывшие в беззвучном вопле. Пустые черные глазницы. Совершенно непонятно было, живы они или же умерли, но проверять это у меня не возникало ни малейшего желания.

– Маг, проклявший Вилью, где-то здесь, – негромко сказал Ритан, и тотчас одно из существ, висевших на потолке, шевельнулось.

Медленно, словно с усилием, повернуло в нашу сторону искаженное лицо и тоненько, пронзительно взвыло.

У меня сердце упало, когда на невидимом в темноте потолке пещеры стали стремительно зажигаться парные алые огоньки в немыслимом количестве.

– И вот это я называю «докопались», – преувеличенно весело заявил некромант, сноровисто доставая из петелек на поясе небольшие запечатанные бутылочки.

Честное слово, я начинаю тихо ненавидеть его за не совместимый с жизнью оптимизм.

Редко на мою долю выпадали случаи, когда во время очередного «подвига», совершаемого на дурную голову, товарищи по несчастью оттесняли меня назад, не давая вступить в бой и вообще внести хоть какой-то вклад в процесс избавления от коллективного идиотизма, но сейчас я просто стояла, прижавшись спиной к ледяной шероховатой стене и ничего не могла сделать. Потому что пока Ладислав возился с очередным ритуалом, а Ритан плел заклинания одно за другим, без устали сбрасывая их на мечущихся по стенам и потолку пещеры Измененным, я временно оказалась не у дел. Помочь некроманту можно было даже не пытаться – я с грехом пополам узнавала классический ритуал Поднятия, в который лучше не вмешиваться, а то такое поднимется из туманных озер Грани – сам рад не будешь, а потом еще голову ломать, как отправить нежданного гостя обратно. Лезть же под руку колдующему дракону – это надо быть либо самоубийцей, либо обладать огромным везением. Счеты с жизнью сводить мне пока не хотелось, а удачи при рождении отсыпали едва ли больше, чем многим другим ведунам, поэтому-то я и стояла в стороне и в кои-то веки просто наблюдала.

А посмотреть было на что. Мой светлячок рассеялся при первых же всплесках драконьей магии, зажигать второй только для того, чтобы он повторил судьбу предшественника, было бессмысленно, поэтому сейчас огромный купол пещеры озарялся лишь сполохами ярко-рыжего с желтизной пламени. Огонь, вызванный Ританом, свивался в тугие петли, скользя по стенам и обращая в мелкую черную сажу изуродованных Источником тварей, наотмашь хлестал сверкающей плетью тех, кто пытался скрыться в общем переполохе в боковых коридорах. На миг мне почудилось, что Страж Алатырской горы потерял контроль над собой, что еще немного – и он перестанет отличать друзей от врагов, скользнет из нестойкого, непривычного человеческого облика в природный, и вот тогда нам с Ладиславом останется только спастись бегством и надеяться, что Ритан не спутает нас с Измененными.

Что-то вжикнуло в вершке от моей головы, с хрустом врезалось в намерзший на каменную стену пещеры лед и пропало, и я успела разглядеть исчезающий в стылом воздухе овальный контур магического диска. По затылку холодной змеей скользнул мимолетный страх – я помнила эти диски еще со свадьбы Вильи, когда один из них наискось срезал половину волос, чудом не задев шею, а другой начисто срубил голову первому Ветрову наставнику.

– Ритан!

Я оттолкнула Ладислава, держащего в руках что-то маленькое и шевелящееся, и выбежала под высоченный свод пещеры, где танцевали языки драконьего пламени, метались приземистые, искаженные темным пламенем земли фигурки, среди которых я заметила нечто такое, отчего невольно подалась назад и пожалела, что вообще сунулась в это проклятое подземелье.

Существо крепко стояло на мощных длинных лапах у самого края причудливого разлома, находящегося в центре пещеры, и то, что я поначалу приняла за горб, оказалось второй головой, время от времени приподнимавшейся над правым плечом. Повевало магией, и над разломом заплясало с полдесятка зеленоватых светляков, позволявших разглядеть очередной плод больной фантазии Азраэла во всей красе. То, что это странное существо, в котором странным образом соединились тела Измененного-«охранника» и жреца-человека, не могло получиться без контроля опального принца, было ясно с первого взгляда. Слишком искусно тело человека было вплавлено в искаленную магией тварь, слишком живучим существо получилось.

– Право слово, я не могу не восхититься! – раздался у меня за спиной преувеличенно-радостный голос Ладислава. Некромант небрежно стряхнул с ладони мертвенно-зеленое сияние и перешагнул через скорченный труп Измененной твари, на свою беду оказавшуюся

на пути у моего брата. – Твой враг, конечно, безумец и погань, но при этом извращенно гениален. У нашей братии так и не получилось слепить из двух разных по сути существ одно полноценное, а у твоего дружка это вышло безо всяких мудреных ритуалов, просто так, на одной только сырой силе.

– В очередной раз начинаю думать, что все некроманты обладают искаженным восприятием реальности и жутким чувством юмора, – выдавила я, с невольным отвращением рассматривая существо, охранявшее разлом, от которого веяло магией Источника.

В этот момент вторая голова твари, стоявшей у трещины, подняла склоненное лицо и посмотрела на меня безумным взглядом, отчего мороз продрал по коже, и я неосознанно подалась назад, натолкнувшись на Ладислава. Некромант только хмыкнул, сунул мне в руки что-то холодное, шевелящееся и покрытое перьями, и шагнул вперед, одной рукой выставя перед собой зыбкий, едва видимый щит, а другой доставая из-за пояса тонкий ритуальный кинжал. И вовремя – губы на человеческом лице двухголового существа шевельнулись, оно подняло правую конечность, в которую плавно уходила рука «соседа», и тотчас щит перед Ладиславом полыхнул травяной зеленью, отражая выпущенное заклинание.

– Так я и думал! – Некромант почти радостно рассмеялся, словно находился не посреди пещеры, где кишели Измененные и лилось рекой драконье пламя, а где-нибудь у себя дома в Ижен-граде. – Человечья часть наделяет эту тварь магией и знанием заклинаний. Неплохой охранник, ничего не могу сказать. Только вот гениальный дилетант все же проигрывает хорошему профессионалу...

– Хочешь сказать, что человеческая... половина еще живая?!

– Не просто живая, а чувствующая и осознающая, иначе толку от ее знаний и умений?

Меня передернуло, и я по-новому взглянула на слегка покачивающуюся на краю разлома тварь. С жалостью, которая могла показаться излишней моим спутникам. Страшно было подумать, что со мной было бы, если бы ритуал «поворота» не сработал, во что я успела бы превратиться. Не так страшно стать зверем, страшно сохранить человеческие разум и рассудок, успеть осознать, что с тобой сделали и во что превратили. Выть, бросаться на тех, кто дорог, с одной-единственной надеждой – лишь бы не пожалели, не пощадили, прервали мучительное существование.

Только сейчас я задумалась: а осознавала ли Ланнан, во что ее превратил тот, кого она боготворила и любила больше жизни? Право слово... не хотелось бы мне точно знать ответ на этот вопрос, но в длинный список грехов Азраэла на всякий случай добавился еще один.

Я машинально стиснула пальцы, и тут то, что сунул мне Ладислав в руки, зашевелилось намного активнее и вдруг издало ЗВУК. Скрежет вилки по сковородке, смешанный со слегка приглушенным воем разочарованной в посмертном существовании нежити был бы гораздо более приятным, чем возмущение мелкой ярко-сиреневой, с длинным клювом птички, очумело трепыхавшейся в моих ладонях.

– Ладислав, что это такое?!

– Не узнаешь чучелко, которое всучила мне на днях? – усмехнулся некромант, игнорируя сыплющиеся на ставший травянисто-зеленым магический щит удары. – А ты думала, я буду оживлять труп кого-то из тех? Благодарю покорнейше...

Птичка вновь разинула клюв, и я, не дожидаясь очередной звуковой атаки, попросту подбросила ожившее чучелко в воздух, выкидывая ее за границу магического Щита, где это пернатое недоразумение едва не сцапал один из Измененных. Чучелко каким-то чудом увернулось и одарило всех присутствующих невыносимой какофонией звуков, от которой мне захотелось упасть на оледеневший пол пещеры, зажать уши руками и надеяться на то, что хоть кто-нибудь заткнет клюв этому мелкому бедствию!

– Заметь, благодаря этому чучелку про нас с тобой почти позабыли, – усмехнулся Ладислав, сноровисто вычерчивающий на полу пещеры странный символ собственной кровью.

Да уж, попробуй не забудь, когда под потолком верещит на все лады небольшая сиреневая птичка, а эхо только усиливает «песню», разнося ее по всем закоулкам и вызывая

желание прицельно метнуть в птичку не только сапогом с тяжелой стальной набойкой на каблуке, но и кое-чем посерьезнее.

В щит один за другим шарахнули два заклинания, выпущенных тварью, стоящей у разлома. Магия некроманта выдержала и этот удар, но тонкая зеленоватая пленка, защищающая нас, заметно потускнела. Я встряхнула пальцами, собираясь укрепить щит собственными силами, но Ладислав ощутимо стукнул меня по ноге мыском сапога, не отрываясь от проделываемой работы.

– Не смей. Внесешь нестабильность в ритуал, и тогда нам точно мало не покажется.

– А то, что нам и без этого сейчас мало не покажется, тебя не беспокоит?!

– Не переживай, сестренка. Все рассчитано.

Очередное заклинание, на этот раз в виде двурогой ядовито-желтой сверкающей змеи, ударило в купол. Тот мигнул, почти угасая, потом все же выправился, но и без того становилось понятно, что долго он не выдержит.

– Видишь ли, твой враг, безусловно, в чем-то гениален. Созданное им существо жизнеспособно...

Вспышка, на миг меня ослепившая. Ладислав явно торопится, но не позволяет себе суетиться, правильно и почти торжественно дорисовывая собственной кровью знак на льду. Где-то за пределами стремительно слабеющего щита ревет драконье пламя, доносятся режущие слух вопли ожившего чучелка, за которым гоняются десятка три Измененных, а мое внимание приковывает двухголовая тварь, ни на шаг не сдвинувшаяся от разлома, будто бы ей был дан приказ охранять его до самого конца.

– ...наделено возможностью использовать знания и магию своего «подселенца»...

Щит мигнул и пропал, и в этот момент некромант с силой вонзил слабо светящееся лезвие ритуального ножа в нарисованный знак. Двухголовое существо, уже поднявшее руку-лапу для того, чтобы метнуть очередное заклинание, вдруг покачнулось и упало навзничь, содрагаясь всем телом и царапая лед длинными неровными когтями и начиная расслаиваться, распадаться на две составляющие.

– ...но при этом оно совершенно нестабильно, – закончил Ладислав, устало садясь прямо на лед и тупо наблюдая за тем, как бесследно исчезает кровавый символ вместе с потемневшим, будто бы оплавившимся ножом, который попросту истаял, словно сосулька на печке. – Еваника, если я еще раз добровольно соглашусь отправиться вместе с тобой к черту на рога, напomini мне об этом случае, ладно?

– Непременно, – несколько растерянно пробормотала я, обходя некроманта и медленно приближаясь к разлому посреди пещеры и с удивлением осознавая, что не ощущаю практически ничего.

От Источника темного пламени, одно только эхо которого тяжелым колющим шариком прокатывалось вдоль позвоночника совсем недавно, остались одни воспоминания да едва заметные красноватые искорки где-то на дне разлома. Словно кто-то махом выпил, выбрал в себя весь «подземный огонь», оставив после себя лишь слабо тлеющие угли силы. Право слово, на миг мне стало дурно – я представила, на что сейчас способен Азраэл, если это действительно он каким-то образом умудрился вместить в себя такую прорву силы и при этом не погибнуть.

А уж куда он направится – даже гадать не нужно...

– Ритан, нам надо в Андарион!

Страж Алатырской горы медленно, словно нехотя повернул голову в мою сторону, смерив меня жестким взглядом холодных змеиных глаз. Воздух вокруг дракона клубился, как над раскаленным докрасна кузнечным горном, то и дело порываясь стать золотистым трансформационным облаком, а в складках красновато-коричневых одежд чудилась рубиновая чешуя.

– В с-с-сторону!

Предупреждение Ритана запоздало на долю секунды – из разлома показалась пятипалая когтистая лапа, покрытая грязно-белой с красноватыми разводами чешуей, и сразу же

повеяло стылым холодом, как будто бы сама Зима выбиралась навстречу мне из узкой трещины в полу пещеры.

Золотыми разводами заблестел машинально выставленный перед собой щит, тонкой пленкой отделивший меня от стремительно выбирающегося из трещины небольшого, с лошадь размером, снежного дракона, чешуя которого потеряла свой природный радужный отблеск и сейчас отсвечивала багровыми искорками темного пламени земли. С шелестом развернулись узкие кожистые крылья, клацнули о камень мощные когти, оставив заметные выбоинки, и сразу же дракона начало окутывать стремительно разрастающееся непрозрачное молочно-белое облако.

Щеку обожгла хлесткая пощечина, а перед глазами возникло побелевшее лицо Ладислава. Некромант с силой встряхнул меня за плечи и резко дернул в сторону, падая вместе со мной на покрытый подтаявшим льдом пол пещеры.

Вот почему снежные драконы сумели выжить в столь суровых условиях, вот почему их так сложно обнаружить. Никто не искал драконов размером с крупного василиска, никто и не думал, что снежные драконы все же способны к смене ипостаси, пусть даже в результате получается не человек, а небольшой ящер, которому легче прокормиться и выжить в суровых условиях севера. Впрочем, если и были настолько сумасшедшие исследователи, возжелавшие изучить повадки снежных драконов, то история о них умалчивала, скорее всего потому, что способных рассказать о своих наблюдениях и догадках попросту не оказалось.

Я успела присмотреться к морде снежного дракона до того, как нас закрыло широкое, покрытое алое чешуей крыло Ритана, и сердце на миг замерло, пропуская удар – в пустых, словно выжженных глазницах красноватыми огоньками мерцала одержимость «подземным огнем». Вспомнилось сразу и эхо от проведенного здесь, прямо у разлома, неизвестного ритуала, и разом опустевший Источник. Если Азраэл может *изменять* даже драконов, то Крыло аватаров и храмовые жрицы не сумеют защитить Андарион, когда опальный принц каким-то образом проберется туда и высвободит накопленную, но так и не растраченную силу. У него мало, очень мало времени – скоро излишки магии стремительно начнут разрушать его изнутри, и если Азраэл не «выпустит пар», то предсказать последствия не решится даже лучшая из гадалок.

Значит, и нам нельзя тут задерживаться. Я узнала человека, который оказался вплавлен в искореженное тело Измененной твари, став ее придатком, – это и был маг, чье случайное проклятие чуть не убило Вилью. Через несколько дней подруга окончательно выздоровеет, сможет наконец-то встать с ложа Животворных эльфийских Лоз и встретиться со своим законным мужем, если только Страж не угробит себя раньше времени в схватке со снежным сородичем.

Мы сбегали с поля боя, как крысы с тонущего корабля, – без оглядки и малейших угрызений совести. Редкий случай, когда я четко осознавала – здесь и сейчас помочь ничем не получится, потому что схватка двух драконов в Пещере, когда лед с шипением испаряется от пламени Ритана, заполняя зал удушливым горячим паром, и сразу же обращается в холодный влажный туман от дыхания снежного – это как раз тот случай, когда лучше не влезать. Помочь не можешь, но вот погибнуть ни за грош – запросто.

Впрочем, как вскоре выяснилось, не одни мы такие умные были – по нашим следам в туннель выбрались те немногие из оставшихся в живых Измененных, которые, оказавшись отрезанными от Источника, окончательно утратили тот немногий имеющийся разум, что у них был. На миг я снова ощутила себя в лесу неподалеку от Вещих Капищ посреди метели, преследуемая призрачными гончими, только на этот раз со мной не было Данте, который встал бы на мою защиту не раздумывая. Я сама отправила аватара в Небесное королевство от греха подальше, уверяя себя и его в том, что это необходимо для него, для нас обоих... а на самом же деле я попросту до дрожи в руках боялась снова его потерять. Но если Азраэл действительно отправился в Андарион...

Я могу действительно опоздать, и ждать моего возвращения станет уже некому.

Впереди забрезжил яркий овал света – не затянутая тонкой пленкой охранного

заклинания узкая щель, а широкий выход на небольшой козырек, находящийся довольно высоко над заледеневшей долиной, окруженной скалами. Кому-то тупик, а для меня – лишь возможность наконец-то расправить собственные крылья.

Ладислав, как мне показалось, даже удивиться не успел, когда я обхватила его, едва стоящего на ногах от усталости, но все же готового обороняться, за пояс и вместе с ним прыгнула в сияющую снежной белизной бездну.

## ГЛАВА 19

Я сидела у хиленького, кое-как разведенного из найденного у меня в сумке не очень-то нужного хлама костерка и куталась в два одеяла сразу, надеясь, что эта ночь окажется последней из тех, что мы с Ладиславом вынужденно проводим в горах. Желательно по причине того, что Ритан наконец-то оклемается и мы поскорее уберемся туда, где хоть немного теплее.

Страж Алатырской горы вышел победителем из схватки со снежным драконом, но тонкая, по-своему нежная перепонка правого крыла оказалась порванной когтями противника, и взлететь до того, пока крыло не затянется, Ритан не мог при всем своем желании. Страшно и одновременно смешно было вспоминать то, как мы с Ладиславом пытались помочь дракону залечить поврежденное крыло – на мелкие и не очень царапины на шкуре мы даже не обращали внимания, поскольку Ритан поспешил нас заверить, что такие раны затянутся сами без особых проблем. Но вот висящий на лоскутке кожи шириной в ладонь солидный кусок перепонки вызывал большие опасения. Да, Страж Горы признавал, что ранение довольно неприятное, но если правильно совместить и закрепить края, крыло зарастет меньше чем за неделю. Правда, он сразу же оговорился, что столько времени у нас попросту нет, и поэтому мне придется на время стать целителем, а некроманту – посильным помощником...

Как говорится, лучше б я умер вчера.

Ладислав, резерв которого после ритуалов был заполнен едва ли на четверть, сразу заявил, что исцелять он не умеет, а драконов тем более, и вообще сращивать умеет только умерщвленную плоть, и в качестве альтернативного решения проблемы предложил сначала отрубить, а потом заново прирастить крыло. Дескать, в этом случае его помощь окажется эффективной. В других случаях он готов играть роль активного наблюдателя и по мере необходимости подавать нужные снадобья, но на большее можно было не рассчитывать. Я только плюнула и принялась потрошить свою сумку, втайне радуясь, что все-таки захватила с собой короб с заживляющими снадобьями.

Впрочем, радость моя иссякла довольно быстро – пусть даже я сумела с помощью толстой сапожной иглы, мотка бечевки, магии и такой-то матери заставить почти оторванный кусок перепонки держаться на законном месте, но снадобий на то, чтобы прирастить его как следует, у меня попросту не хватило. Не спас и небольшой пузырек с настойкой огнецвета – на драконов, как выяснилось, любые травяные снадобья действовали гораздо слабее, и все, чего я смогла добиться, – это тонкой, нежной кожицы на месте раны, которая не давала куску крыла отвалиться, но взлетать Ритану все равно было нельзя. Требовалось время, чтобы тело дракона само закончило то, что с сомнительным успехом начала моя магия и снадобья Лексея Вестникова, а еще неплохо было бы обеспечить правильное питание и долгий здоровый сон.

Ритан «обрадовал» тем, что крыло заживет до приемлемого состояния денька через два, и, без малейших зазрений совести прикончив почти все наши запасы съестного, свернулся в подобие калачика, накрыл голову здоровым крылом и почти моментально заснул в десятке шагов от одного из входов в пещеру.

Честно скажу – перспектива пару дней просидеть почти без еды и тепла в ледяных горах не вызвала оптимизма ни у меня, ни у Ладислава, пусть даже некромант, обзрев кучу вещей, вываленных из сумки в процессе поиска лекарств, радостно заявил, что хотя бы

одеял у нас много. Ага, много, как же – целых три штуки плюс запасной осенний плащ. Негусто, если учитывать то, что разводить костер не из чего, а горючего материала у меня в сумке не так уж и много. Жечь старинные книги я не позволила бы, а прочего барахла хватило бы ненадолго.

Впрочем, выбора-то все равно не было, и потому сейчас я уныло наблюдала за тем, как в хилом костерке догорает шкатулка из-под лекарств, крышка которой лежала в шаге от меня, расщепленная на небольшие куски широким ножом Ладислава. Сам некромант только что вышел из пещеры, у входа коей мы обосновались, дабы укрыться от ветра. Наверняка снова проверял, в каком состоянии находится крыло Ритана и когда же дракон соизволит проснуться. Из еды у нас оставалась горбушка хлеба на двоих и несколько мешочков с разной крупой. Маловато, конечно, но все равно лучше, чем ничего.

Меня знобило – вчера я извела почти весь свой магический резерв на то, чтобы всю ночь поддерживать костер, иначе вполне вероятно, что некромант окоchureлся бы к утру на такой холодине. Ночь мы с грехом пополам протянули, правда, Ладислав все равно простудился и без конца шмыгал носом, но это было меньшей бедой из всех.

Еще день мы тут высижим без особых потерь – натопить воды из снега проще простого, сварить кашу тоже есть из чего, но дальше будет все грустнее и грустнее. И дело не в скудном пайке, а в том, что с каждым часом Азраэл может быть все ближе к Андариону, и хуже всего то, что город толком не знает, от чего обороняться. Я, безусловно, верю в Данте, верю в то, что Ведущий Крыла сумеет организовать и оборону города от врага, который нападет не с воздуха, а из-под земли, но что будут делать жрицы против темного пламени, в случае если Азраэл таки проберется в город, ума не приложу. Потому что опальному принцу достаточно полминуты, чтобы айраниты, до которых дотянутся жгуты темного пламени, стали Измененными... Что потом будет твориться в Андарионе – даже думать страшно.

А я сижу тут и ничего не делаю. Что самое поганое – и не могу сделать, пока Ритан не проснется...

– Сидишь, как воробей на ветке. Такая же взъерошенная и мелкая, – беззлобно усмехнулся вернувшийся Ладислав, почти весело помахивающий котелком, набитым снегом. Если бы не осунувшееся лицо с покрасневшим, растертым носом и синяками под глазами, его голосом можно было бы обмануться и поверить, что все действительно в порядке.

– Зато на твоем лице прекрасно отображается профессия. Похож на только что поднятого из могилы покойника, – пробурчала я, помогая установить котелок со снегом на камни, положенные вокруг костра и образующие подобие очага. – Как Ритан?

– По-прежнему дрыхнет, зато крыло вроде получше – уже на месте разрыва чешуя нарастать начала. Наверное, к утру проснется. – Некромант уселся поближе ко мне, бесцеремонно отбирая одно из одеял и укутываясь в него, как в плащ. Я на это только плечами пожала – мне-то всяко лучше было, крылья, как оказалось, согревали очень и очень неплохо.

– Хорошо бы, если так...

Мы помолчали. Ладислав какое-то время сидел поближе к костру, поворачиваясь к живительному теплу то одним боком, то другим, но потом не выдержал и, откинув край одеяла, подлез мне под крыло, устраиваясь там поудобнее.

– Так-то намного лучше. Тебе одно и мне одно. И не говори, что тебе для родного брата крыла жалко, я ж его не насовсем отбираю.

– Для сводного брата, – машинально поправила я, невольно улыбаясь и приобнимая за плечи некроманта, который начал засыпать, даже не успев толком согреться. – Но вообще ты прав, мне не жалко.

– Спасибо... – буркнул он, поплотнее прижимаясь ко мне. – Главное, что я – кровный, благодарение нашей матушке... – Окончание фразы потонуло в громком зевке, став совсем уж неразборчивым.

– Да какая разница...

Ответа я так и не дождалась – Ладислав попросту отключился, уткнувшись лицом в

мои колени. Добудиться его я не смогла, даже когда скудный ужин был готов – на тот момент мне еще хватало магии, чтобы управляться с котелком и мешочком с гречневой крупой с помощью левитации, но вот когда на очередную попытку разбудить некромант ответил звучным всхрапом и попыткой завернуться в мое крыло, как в одеяло, терпение у меня кончилось. Я спихнула Ладислава с колен и кое-как поднялась с нагретого места – ноги затекли, и заставить их слушаться я смогла далеко не сразу. Просыпаться каждые минут пятнадцать – двадцать, для того чтобы кинуть в огонь очередную коробочку из-под лекарства, обломок шкатулки или расщепленную березовую ложку, было тяжело, потому-то к середине ночи и случилось то, что должно было случиться, – костерок медленно угасал и обогревал теперь по сути сам себя.

Едва заметно пошатываясь, я выбралась из пещеры и, прислонившись к холодной скале, глубоко вдохнула стылый, морозный воздух. Донельзя противное состояние – когда устаешь, выматываешься и при этом не можешь толком заснуть, постоянно просыпаешься то от одной, то от другой мысли, и в результате получается бессонница, из-за которой я ощущала себя совершенно разбитой. Завидую некроманту – тот может дрыхнуть в абсолютно любых условиях, более того, наплевав на изначальную договоренность дежурить у костра по очереди. Как только проснется, непременно объясню наиболее доступными способами, что так поступать нельзя...

Ох, и как же все-таки болит голова-а-а-а...

Я отлепилась от скалы и, медленно подходя к спящему дракону, стала бесцельно пинать кончик чешуйчатого хвоста носком сапога. Раз, другой, третий... Где-то к двадцатому пинку кажущаяся черной в темноте драконья туша вздрогнула, и прямо напротив меня загорелась тоненькая зеленая полоска света.

Ритан неохотно открыл один глаз, кашлянул мне в лицо густым облаком дурно пахнущего дыма и лениво шевельнул хвостом, убирая кончик с линии удара. Я поспешила отойти подальше, и Страж Алатырской горы неторопливо поднялся, медленно расправил крылья, словно разминая их, и вдруг сложил их с резким хлопком.

– Пор-р-рядок!

– Вот и отлично, пойду Ладислава будить, – вздохнула я, заранее предвкушая апробирование на братце всех известных мне способов жесткой побудки...

Иногда сны – это всего лишь сны.

Чаще всего они просто отражают события, случившиеся за день, иногда в каком-то смысле исполняют тайные мечты и желания. Но в редких случаях сон может увести по светлой тропе посреди туманного поля куда-то к самой Грани, и тогда, если повезет, белесая дымка над стылой поверхностью одного из озер ненадолго расступится, и в отражении на воде можно будет увидеть то, что было очень давно или же что случится в будущем.

Мне снился полет. Свободный, не скованный никакими рамками – просто стремительный полет над разноцветной палитрой лесов и полей, разрисованной голубыми лентами рек и синими каплями озер. И небо высоко-высоко – такое прозрачное, такое глубокое, что кажется, что в него можно опрокинуться, утонуть, как в глазах бесконечно любимого человека. Дух захватывает от раскинувшегося над головой пространства, и ни порывы ветра, ни холод не могут отвлечь от великолепного зрелища.

Огромный город-государство кажется великим произведением ювелирного искусства в чаше долины. Белые башни-шпили тонкими блестящими на солнце иглами вспарывают синие небеса, на северной границе блескучей лентой вьется горная река, сверкают на солнце радуги вокруг низвергающегося в маленькое, но невероятно глубокое озеро водопада. Яркими мазками краски кажутся небольшие поля и парки. Величественный купол Храма напоминает огромную, застывшую во времени каплю воды: он блестит и переливается на солнце, и кажется, что четких границ у купола нет вовсе, только перламутровая полупрозрачная пленка, расцветающая всеми цветами радуги.

И только обитель аватаров темным пятном виднеется на теле скалы, выступает

корпусами-террасами. Она единственная не кажется волшебной и воздушной, словно в противовес всему остальному городу являясь чем-то вроде надежного, приземистого монолита. Последний оплот защиты, последняя линия обороны. Крепость внутри крепости. Темный Кров содержит в себе множество тайн и позабытых секретов. Сложно сказать, насколько его коридоры и галереи уходят вглубь гор, как далеко простираются тайные ходы и что именно прячется в надежно запертых потайных залах...

Картина прекрасная, во многом кажущаяся почти нереальной, но все-таки существующая. До тех пор пока...

Темно-алый сполох расцвел почти в самом сердце прекрасной снежно-белой игрушки, заключенной в хрустальный пузырь защитного купола. Тонкие черные жилы-щупальца потянулись из пульсирующего на площади подобно живому сердцу комка силы к белым башням, вросли в них, опутали, как ползучее растение гибкий древесный ствол. Даже издалека можно было разглядеть эту «опухоль», которая стремительно распространялась, завоевывала себе все больше пространства, пока не заполнила всю долину, пока белые башни не стали кроваво-красными в черных прожилках...

– Еваника, проснись!!

Я вздрогнула, рывком садясь и чувствуя, как медленно сползаю по скользкой чешуе. Чья-то сильная рука вовремя ухватила меня за талию и помогла удержаться на летящем драконе, под брюхом которого уже виднелись белые башни Андариона. Ладислав, сидевший за мной, удостоверился, что я более-менее проснулась и больше не собираюсь спросонья падать со спины Ритана, и нетерпеливо побарабанил кончиками пальцев по моему плечу.

– Почетный эскорт полагается всем прибывающим или только мы такой чести удостоились?

– Встречают всех, но по-разному. Не волнуйся, нас задерживать не будут. – Я потерла лицо ладонью, отгоняя остатки слишком уж яркого сна, под конец обратившегося в кошмар, и посмотрела по сторонам.

Аватары. Традиционная семерка, которой полагается встречать особ королевской крови. Ну или правящую королеву, что в данном случае одно и то же. Сердце пропустило удар, когда я нашла взглядом скользящего в потоках ветра над Ританом чернокрылого айранита с виднеющейся над правым плечом до боли знакомой рукоятью двуручного меча.

Право слово, мне стало чуточку спокойнее. Если Данте выздоровел настолько, что приступил к службе и выполнению своих обязанностей, значит, за него можно почти не волноваться, не думать о том, что предательская слабость не позволит ему руководить обороной города. И лишь где-то на краю сознания мелькнула подленькая мыслишка о том, что, возможно, было бы лучше, если бы Данте отлеживался в безопасности стен Темного Крова, но...

Что это будет за Ведущий Крыла, оставивший свое королевство и королеву в трудные времена?

Ритан облетел город, словно выискивая наиболее подходящее место для посадки, и в конце концов начал снижаться по спирали, опускаясь в середину относительно свободной торговой площади. Я ощутила толчок, когда лапы дракона коснулись мостовой, услышала скрежет когтей о камень... и поняла, что слезть сама я вряд ли сумею – безвольно свисавшие на протяжении почти всего полета крылья несколько затекли и на данный момент повиновались плохо. Пришлось спускаться с помощью левитации, выдавливая из себя последние крохи магии, в то время как Ладислав попросту дождался, пока Ритан ляжет на мостовую, и только тогда сполз-сехал по чешуйчатому боку. Получилось не очень-то изяшно, зато эффективно.

– С прибытием в Андарион, ваше величество.

Я подняла усталый взгляд на Данте, спустившегося на мостовую площади следом за Ританом и уже склонившего голову в традиционном поклоне. Все, как и прежде, словно ничего не изменилось. Словно и не было по-своему горькой, болезненно-сладкой ночи, где счастье обретения балансировало на грани отчаяния, не было краткого, но

многозначительного прощания.

– Ведущий Крыла, собери Совет министров через час в Малом зале. – Я довольно бесцеремонно пихнула подозрительно косящегося в мою сторону Ладислава локтем. – Ладик, не стой столбом. Сейчас в Снежный дворец отправимся, надеюсь, ты сможешь колдовать, находясь в башне?

– На земле было бы лучше... но и так сойдет. – Некромант едва заметно улыбнулся краешками губ, по-новому рассматривая меня с головы до ног. – Потому что если я окажусь прав, то эти мелочи уже не будут иметь равным счетом никакого значения.

– У нас проблемы? – Ведущий Крыла оказался на расстоянии вытянутой руки от меня и чуть наклонился, так чтобы я могла увидеть человеческие глаза за прорезями шлема-маски. Беспокоился, но показать это решился только мне.

– Данте, ты просто не представляешь, какие...

Пока мы сидели в ледяной пещере, ожидая пробуждения Ритана, мой неутомный братец не раз и не два отлучался туда, где все еще оставался наполовину засыпанный камнями разлом, откуда когда-то било неистовое, неукротимое пламя Источника. Некромант словно искал что-то, кружил вокруг разлома, применяя то одно, то другое заклинание, о назначении которого я могла только догадываться, возвращаясь лишь для того, чтобы наскоро поесть, перебрать оставшиеся снадобья, и снова уходил. Раз только я попыталась последовать за ним, но Ладислав довольно популярно объяснил мне, почему этого делать не стоит, попросту продемонстрировав один из «ингредиентов» в виде оторванной лапы одного из Измененных с дрогнувшими при моем приближении пальцами.

Ритуал Дознания, используемый довольно редко из-за своей сложности и многоступенчатости, который Ладислав таки ухитрился провести буквально в сажени от разлома, выдал такой результат, что поначалу я даже отказалась в него верить. По всему выходило, что Азраэл не просто поглотил силу Источника, рассеяв ненужные остатки по сложной системе подземных туннелей и ходов, он *сам* стал Источником, каким-то образом запечатав в себе темное пламя, не давая тому вырваться наружу.

Почему телесная оболочка Азраэла от такого противоестественного ритуала не разрушилась, Ладислав не мог даже предположить. Как не мог сказать, во что теперь превратился опальный принц, но одно было ясно совершенно точно: впускать его в Андарион нельзя любой ценой, а если Азраэл все же проберется в город – уничтожить как можно быстрее. Правда, за результат некрмант не ручался: весьма вероятно, что со смертью носителя Источник попросту вернется в землю, а если правильно провести определенный ритуал, то темное пламя, когда-то разбуженное желающим силы и власти принцем, мирно уснет. Ведь по сути сама по себе эта сила не злая и не добрая, она просто есть, и, если исчезнет направляющая ее воля, она попросту вернется к первоначальному нейтралитету. Но могло случиться и такое, что со смертью «сосуда» бесконтрольное темное пламя растечется во все стороны, как вода, и тогда с Андарионом, скорее всего, можно будет попрощаться раз и навсегда. Вероятность мизерная, но определить более точно по остаткам Источника Ладислав не сумел, хоть и пытался...

– Ева-а-а-а!!

Я вздрогнула от чересчур громкого, как мне показалось, радостного вопля и невольно шарахнулась от приземлившегося прямо передо мной Ветра, которого я не сразу узнала из-за пока еще не слишком широких свинцово-серых крыльев с едва заметным голубоватым отблеском. Мальчишка приземлился неловко, качнувшись вперед и едва не упав носом на булыжную мостовую, но все же удержал равновесие... и вдруг обнял меня за пояс, утыкаясь лицом в мое плечо.

– Я так волновался! Думал, вы раньше вернетесь, драконы, ведь они и ветер обогнать могут, впереди облаков летят...

Нахваливаемый дракон кашлянул облачком дыма и окутался золотистым сиянием, превращаясь в человека, одетого в малость потрепанные одежды.

– А про айранитов рассказывают, что они купаются в человеческой крови и едят

младенцев, – усмехнулся Ритан, расправляя плечи и оглядываясь по сторонам. – Кстати о еде... Вашество, может, приютите у себя ненадолго усталого, голодного и болезненного дракона?

– С первыми двумя пунктами согласна, а вот насчет последнего у меня возникают вполне обоснованные сомнения.

– Ну и чего с вами такими делать? – преувеличенно огорченно вздохнул Страж Алатырской горы, впрочем, даже не пытаясь спрятать веселые искорки в ярко-зеленых глазах. – Даже понять толком не дают.

– Я тебе потом скажу. На ушко.

Ветер, наконец-то отцепившийся от меня, никак не мог устоять на месте – ходил туда-сюда, то и дело слегка отводил руку назад, чтобы коснуться кончиками пальцев гладких, чуть пушащихся на кончиках серых перьев. Словно мальчишка никак не мог поверить, что его изменившееся тело позволяет ему летать. Кажется, мой ученик несколько иначе относится к факту того, что ипостаси у него отныне целых две, чем я когда-то. В свое время обретение крыльев меня пугало до дрожи, я боялась потерять себя-человека в этом неожиданном изменении, а Ветер... он радовался, похоже, сразу восприняв вторую ипостась как нечто естественное.

Что ж, все, что ни делается, оно к лучшему. Изменить все равно уже ничего нельзя, и, наверное, мой ученик мудрее меня, раз сразу принял то, что изменить уже не в его силах.

– Ветерок... – Я оперлась на вовремя предложенную руку Данте и устало посмотрела на мальчика, крылья которого постоянно подрагивали, не то собираясь раскрыться полностью, не то, наоборот, теснее прижаться к бокам. Не привык еще управляться, ну да ничего... сумеет... – Тебе здесь нравится?

– Очень! Меня пока при Храме разместили и учат менять ипостась по собственному желанию... и летать... и еще...

– Вот и ладушки. – Казалось, еще немного, и голова попросту расколется от обилия совершенно ненужных на данный момент сведений. Их и так было слишком много и, как бы я ни старалась, становилось только больше. – Данте, меня – во дворец, Ладислава – туда же, пусть ему отведут комнату и дадут отдохнуть и привести себя в порядок. Совет министров оповестить, аватаров – на патрулирование...

– Это все, ваше величество? – с подозрительной мягкостью в голосе поинтересовался Данте, беря меня на руки и распахивая широкие, отливающие синевой черные крылья.

– Поспать бы еще сутки, но это нереально, – с глубоким сожалением выдохнула я. Ритан за моей спиной многозначительно кашлянул. – А Страж Алатырской горы и так прекрасно знает, что где находится, ему сопровождение не надо, а в посольском крыле свободные комнаты еще были...

Так и тянуло рывкнуть «Р-р-разойдись!», но вместо этого я только махнула рукой, и Данте взлетел, неся меня к сверкающему белизной дворцу.

Я дома?

Сложно сказать. Но, по крайней мере, мне здесь рады...

Час на то, чтобы привести себя в порядок и превратиться из несколько потрепанной жизнью и вусмерть не выспавшейся ведуньи в королеву, которая если и не вызывает восхищения, то хотя бы внушает определенное уважение, – это очень и очень мало. Если бы не Мицарель, давно уже взявшая на себя обязанности моей личной фрейлины, провозилась бы я гораздо дольше, а в результате все равно было бы «черт-те что и сбоку бантик», как любила говаривать старая знахарка Метара. Правда, увидев мою левую руку без перчатки, девушка ахнула, всплеснув крыльями, да так и застыла, разглядывая поблескивающую на солнечном свете алую чешую. К моему счастью, Мицарель пришла в себя довольно быстро и сразу же принялась приводить мое величество в порядок, оставив долгие расспросы на потом.

Результат ее стараний был налицо – по крайней мере, когда я взглянула на себя в

зеркало, то уже не шарахнулась от него, как нежить от разошедшегося не на шутку боевого мага. Ссадину на подбородке от не слишком удачного падения и синяки под глазами, появившиеся от хронического недосыпа, Мицарель умело замаскировала обычной косметикой, корона из «черного серебра» с мягко сияющим кристаллом аккуратно прижимала тщательно расчесанные волосы, а неброская светло-голубая расшитая серебром туника и аккуратные штаны завершали образ. На левую руку я кое-как натянула длинную белую перчатку, скрыв излишнюю «экзотику», застегнула широкий браслет из илکاری и уже собиралась идти к Малому залу совета, когда в дверь негромко постучали.

Посвежевший после купания, чисто выбритый и почему-то донельзя довольный Ладислав подчеркнуто церемонно поклонился, приветствуя мое величество. Я только хмыкнула и, дождавшись, пока Мицарель покинет комнату, уселась в глубокое кресло у окна.

– Ладиславушка, тебе ягоды кислицы не поискать, а то рожа больно довольная? С чем пришел-то, что аж светишься?

– Моя величественная сестрица, спешу высказать тебе свое глубочайшее почтение и засвидетельствовать, что вид твой стал сильно бодрее. Я же просто выражаю радость из-за одного успешного эксперимента из области прикладной некромантии! – На удивление падать в ближайшее кресло Ладислав не спешил, по-прежнему стоя передо мной и делая вид, что всюю проникся моим величием.

Ага, как же. Вот прямо сейчас и поверю.

– Мне уже твоей ожившей птички хватило. Будь мое сердце чуть менее закалено подростковыми экспериментами с магией, то было бы на один внеплановый труп больше. – Я тяжело вздохнула и по привычке потерла лоб ладонью. – И так понимаю, что ничего милого у тебя не получится, но оно хоть безопасное? В полезности даже не сомневаюсь. И сядь ты наконец.

– Понимаешь ли, моя царственная сестрица... – Ладислав с тем же хитро-довольным выражением лица опустился в кресло. – Я сделал амулет раннего оповещения о приближении «подземного огня». Уверю тебя, он совершенно безопасен. Позволишь продемонстрировать?

– Заранее прошу снизить громкость, иначе сюда сразу же набегут аватары, а я сомневаюсь, что тебе нужно такое количество зрителей, не испытывающих к тебе симпатии.

– Кхм... – Ладислав немного сник, но на его лицо тут же вернулась хитренькая улыбочка. – Ну... ладно. Хотя эффект, конечно, будет не таким, но... – Красивым жестом балаганного ведуна он вынул из сумки малость потрепанное и наспех починенное красными нитками чучелко сиреневой птички, а затем – скукоженную, едва заметно светящуюся зеленой лапу Измененного...

Я догадывалась, какой будет реакция, но чтоб вот так...

Чучелко встрепенулось, шарахнулось в сторону от едва заметно шевельнувшейся лапы и раззявило длинный, слегка потускневший клюв. В тот момент, когда я внутренне сжалась, готовясь услышать пробирающий до костей гнусавый вопль, некромант резко сжал пальцы в кулак, отчего раздавшееся верещание оказалось много тише, чем я ожидала. Если бы чучелко заорало в полную силу – полдворца на уши бы встало. Но, как оказалось, вопли – это полбеды. Одуревшая птичка принялась биться вначале в окно, да так, что прочные хрустальные пластины позванивали и дребезжали, а потом попыталась пробить головой закрытую дверь. Ладислав еще немного понаблюдал за верещащим чучелком, а потом спрятал отрубленную лапу Измененного в сумку.

Птичку прямо на лету вырубило – уже заходя на очередной вираж, чтобы таранить дверь, она упала на пол и застыла обычным потрепанным чучелом с зашитым бочком. Некромант усмехнулся, а я демонстративно поковыряла в ухе.

– Ну ты и сво-о-о-олочь, – с наслаждением протянула я, радуясь благословенной тишине.

– Скажешь, это не замечательный амулет раннего оповещения? – Ладислав с трудом

удерживался от того, чтобы не захохотать в голос. – Я вижу, что он прекрасно справится с этой задачей!

– Я подозревала что-то подобное, но ты мог хотя бы предупредить, – хихикнула я, представляя, что будет, если птичка вдруг заорет посреди ночи. Нервы-то у аватаров крепкие, они ко всему привычные, но вот слуг можно только пожалеть.

– А ты могла предупредить, что являешься королевой, – ухмыльнулся некромант, с явной неохотой вставая с кресла и подбирая многострадальное чучелко с пола, ища взглядом, куда бы его пристроить. В конце концов посадил его на подоконник и только тогда обернулся ко мне. – Согласись, воздействие на нервную систему – сравнимое!

– Угу, и как ты себе это представляешь? Чтобы я, сидя как-нибудь у костерка, сказала нечто вроде: «Знаешь, я как бы являюсь правительницей одного маленького, но весьма экзотичного королевства, что не мешает мне шляться по городам и весям без толпы охранников и постоянно ввязываться в сомнительные авантюры». Скажи честно, ты бы мне поверил?

– После третьей бутылки – запросто! – расхохотался Ладислав. – Королевские причуды – это штука, встречающаяся довольно часто... Интересно, а я, как твой брат, кем тут являюсь?

– Полагаю, что моим братом и являешься. Тут система наследования довольно странная и от человеческой несколько отличается. – Я поднялась с кресла и, подхватив старинный меч в изукрашенных ножнах, направилась к двери. Не символы власти делают королеву, но они лишний раз напоминают о том, кем я являюсь, особенно закосневшим в убеждениях советникам. – Я не королевского рода и в самом деле жила и воспитывалась у Лексея Вестникова. И родилась человеком с мизерной примесью айранитской крови, которая и не проявилась бы... В общем, все очень сложно, рассказывать долго, а времени у нас сейчас нету. Давай в следующий раз?

– Договорились. Но обязательно! – кивнул некромант. – Ты обещала...

– Слово королевы – закон. Птичку на всякий случай захвати, будет чем пугать советников, если они меня заклевать попытаются. Фигурально выражаясь, конечно, – отозвалась я, распахивая дверь и краем глаза замечая отделившегося от стены аватара в полном боевом облачении.

Перед моим отлетом Лайлионн надел форму дворцовой стражи, а от аватара в нем оставались только шлем-маска да вороненый нагрудник, а сейчас – вновь глухой доспех, закрывающий все что можно и чего нельзя. «Повышенная боевая готовность», то, что я просила обеспечить Данте в Андарионе, пока меня не будет. Что ж, слово свое Ведущий Крыла сдержал, впрочем, как всегда. Удивительным было лишь что, что оберегать меня он приставил только своего заместителя, посчитав, что одного аватара для одной королевы вполне достаточно. Не то чтобы я была сильно против, но зная некоторую параноидальность Данте во всем, что касалось моей «сиятельной персоны»...

Дворец сегодня оказался чрезвычайно оживленным – встречавшиеся едва ли не на каждом углу жрицы в светло-голубых одеждах с обернутым вокруг талии белым шарфом вежливо улыбались мне и склоняли головы в знак приветствия, дворцовая стража в начищенных до блеска нагрудниках поверх кольчуг несла караул у каждого стрельчатого проема у взлетной площадки. И все бы ничего, если не знать, что голубое одеяние в Храме Неба носят только боевые жрицы, белый пояс которых означает готовность жертвовать собой и идти до конца, а почти половина дворцовой стражи заменена на аватаров, всегда предпочитавших традиционные глефы длинным полуторным клинкам. Я едва заметно улыбнулась, поняв, почему меня сопровождает один Лайлионн – Данте мог спокойно приставить ко мне только одного охранника, прекрасно зная о том, что на деле аватаров сейчас во дворце наверняка больше сотни.

А я-то уже было начала думать, что Ведущий Крыла наконец-то перестал слишком сильно беспокоиться обо мне. Как же! Просто он решил сделать опеку надо мной как можно

более ненавязчивой и не бросающейся в глаза.

– Ев, надеюсь, что у тебя министры в лучшую сторону отличаются от тех, что заседают в княжеской думе? – негромко спросил Ладислав, настороженно оглядывающийся по сторонам. Неуютно быть человеком посреди крылатых существ, по себе знаю. Но привыкнуть к этому можно, даже принять, только если тебе пойдут навстречу.

– В княжеской думе не была, но Вилья, младшая росская княжна, как-то говорила, что разницы практически никакой. Те, кто постарше, ничего не видят дальше собственного носа и древних традиций, те, кто помоложе, быть может, и рады бы поддержать новые веяния, но на их решение слишком часто влияют более «многомудрые» министры.

– Короче, что у людей, что у эльфов, что у айранитов советники совершенно одинаковые, – усмехнулся некромант, кончиками пальцев приглаживая растрепавшееся оперение зачарованного чучелка. – Только амбиции разные.

– Ты еще с драконьим советом не общался, вот где приверженность традициям на самом высоком уровне, – невольно улыбнулась я, подходя к дверям Малого зала совета и берясь за позолоченную дверную ручку.

– Спасибо, я уже с ихним Стражем пообщался, мне хватило. – Ладислав шагнул в сторону, пропуская меня вперед и следом за мной заходя с обширный светлый зал с высоким потолком.

Одно-единственное окно от пола и почти до потолка было забрано мозаичным стеклом в синих и зеленых тонах, сразу же за ним располагался широкий балкон с низким, довольно вычурным ограждением, по совместительству служивший взлетно-посадочной площадкой для айранитов. Вдоль стен располагались стеллажи с книгами и картами земель, а в центре стоял небольшой овальный стол, рассчитанный на девятых. Три кресла для короля, Ведущего Крыла и Верховной жрицы, остальные шесть для представителей Совета. Впрочем, сейчас добавилось еще одно – для Ладислава. Не думаю, что присутствие человека на заседании Совета добавит мне уважения со стороны особо консервативных министров, служивших еще отцу Азраэла, но только некромант может рассказать, а главное наглядно продемонстрировать, в какой глубокой луже мы вот-вот окажемся, если не предпримем никаких мер.

Пока я одевалась, Мицарель рассказала мне, что по дворцу невесть откуда распространяются слухи о том, что ее величество слишком юна и неопытна, чтобы править Андарионом, что она слишком тесно общается с драконами, которые, как известно, долгие годы были врагами айранитов, и только-только подписанное мирное соглашение еще ничего не значит. Что Совет министров собирается назначить королеве «наставника», который будет призван направлять ее действия, а фактически – править, прикрываясь ее именем, и в этом случае Ведущий Крыла, который, как говорят, уже давно является тайным любовником ее величества, даже близко не будет подпускаться к королеве, за исключением официальных встреч. И еще много чего «занимательного».

Я догадывалась, кто из Совета может распускать подобные слухи – только двое были фанатично преданы отцу Азраэла и больше всех были шокированы известием о поступках ныне опального принца. Сместить их я, к сожалению, не могла – это были великолепные управленцы, наладившие торговлю с соседними государствами и значительно улучшившие условия труда в шахтах, где добывали «черное серебро», и я не была уверена, что сумею подыскать им достойную замену, но и они не рисковали выступать против меня в открытую. До тех пор пока на моей стороне аватары, а значит, и регулярная армия, а также Храм с целительницами и магичками, Совет министров мог сколько угодно вести закулисную грызню и распускать слухи, но пытаться найти более «подходящего» кандидата в правители они не станут. По одной простой причине – этот «достойный» должен будет самолично снять с меня корону с Небесным Хрусталем и попробовать ее надеть, а это не выйдет до тех пор, пока сила талисманов Андариона не изберет другого «достойнейшего». То есть пока я не умру или же не выполню нечто такое, что древняя сущность, разделенная натрое и заключенная в предметы власти, сочтет достаточной платой за предоставленное право

*творить и защищать.*

– Совет министров приветствует ее величество королеву. – Управляющий делами внешней торговли встал, склоняя голову, но его крылья цвета старого золота в медную крапинку даже не дрогнули.

Ненавязчивая демонстрация недовольства. Интересно, чем именно – моим длительным отсутствием, наличием человека на Совете или же чем-то еще?

– Королева приветствует совет министров. – А вот я даже не кивнула, справедливо решив, что раз сегодня Голос Совета предпочел выказать недовольство, то я вправе вообще игнорировать церемонии. Я уселась в кресло во главе стола и, поудобнее разместив крылья, обвела взглядом присутствующих.

Среди шести советников только одна женщина – управляющий социальной сферой и просвещением. Весьма умная и довольно жесткая, умеющая прокладывать путь к намеченной цели даже по головам соперников, видимо только поэтому и сумевшая удержаться на столь высокой должности. Не то чтобы она поддерживала меня, но, по крайней мере, не чинила препятствий. Нейтралитет во всем своем проявлении.

Серокрылый айранит в неприметных одеждах и с простым, плохо запоминающимся лицом – некто вроде начальника тайной службы за границами Андариона. По правде говоря, из всего Совета именно он в свое время вызывал у меня серьезные опасения – понять, что же на самом деле скрывается за его вечной вежливой улыбкой, было совершенно невозможно. Ему, в отличие от аватаров, не требовалось носить шлем, чтобы скрыть свои мысли – его лицо и было ему маской, причем самой лучшей из всех, что я знала. Он запросто мог лгать не только лицом, но, как выяснилось впоследствии, и жестами тоже. Если бы в свое время Данте не порекомендовал этого айранита после того, как его предшественник трагически погиб во время налета драконов на Андарион, я никогда бы не рискнула пригласить его стать управляющим внешними связями. Но Ведущий Крыла за него поручился, а я доверилась мнению Данте. Как оказалось впоследствии – не зря. Особой поддержки Керен мне не оказывал, но любое предложение всерьез рассматривал и предлагал свои весьма уместные изменения. И, что меня особенно радовало, всегда имел собственное мнение и не шел на поводу у более знатных и опытных в государственных делах коллег.

Управляющие благоустройством города и земледелием были совершенно непохожи друг на друга внешне, но при этом оказались удивительно схожи характерами и мнениями. Характеры были жесткими и целеустремленными в отношении дела и совершенно податливыми, когда речь заходила о принимаемых государственных решениях. К сожалению, оба они были подвержены влиянию Голоса совета, и потому завоевать их поддержку, в случае если министр внешней торговли был против, задача практически невыполнимая.

Сам же Голос совета, сидящий напротив меня и при моем появлении что-то негромко обсуждавший с управляющим горными разработками, после обмена традиционными приветствиями сверлил меня взглядом, и взгляд этот не обещал ничего хорошего. Айранит, долгие годы служивший отцу Азраэла, привыкший к немалому влиянию, весьма болезненно воспринял смену правящей династии и мое воцарение на престоле. Малолетней, невесть откуда взявшейся девчонки, которую почему-то принял Небесный Хрусталь, одарил немалой силой и обеспечил народную любовь. Вот так просто, всего за несколько дней... неудивительно, что он не питает ко мне добрых чувств.

– Ваше величество, позвольте поинтересоваться о причине столь поспешного сбора Совета. Что побудило вас к этому поступку, ведь, как мне доложили, вернулись вы весьма уставшей?

– Исключительно забота о сохранении целостности Андариона. – Я откинулась на спинку кресла и задумчиво побарабанила кончиками ногтей на левой руке, затянутой в перчатку, по подлокотнику. – А поскольку времени, как мне кажется, нет совсем и я действительно несколько устала, то перейду сразу к делу...

Изложение несколько сокращенной версии событий, связанных с последней встречей с

Азраэлом и исчезнувшим в результате криво проведенного ритуала Источником темного пламени, заняло у меня примерно четверть часа. В течение этого времени только управляющий горными разработками и Ладислав позволили себе откровенно скучающее выражение лица. Управляющий честно считал, что я изобретаю проблемы на ровном месте и вообще чрезвычайно мнительна, что, впрочем, неудивительно для моего «подросткового возраста», а некромант вообще предпочитал делать вид, что происходящее его мало интересует, что не мешало ему слушать каждое слово. Когда я закончила, в Малом зале ненадолго повисла тишина – советники обдумывали изложенную ситуацию и, как я подозревала, в первую очередь ее правдоподобность.

Первым высказал обоснованные сомнения Голос совета:

– Ваше величество, не поймите меня превратно, но вы уверены, что над Андарионом нависла угроза? Нет-нет, не считите за недоверие к вашим словам, я знаю, что в случае необходимости Страж Алатырской горы, прилетевший с вами, подтвердит ваши опасения, но... Где доказательства? Вы хотите, чтобы мы сейчас организовали временное переселение детей, престарелых и женщин в Храм, в Темный Кров или во дворец только потому, что, как вы правильно выразились, это наиболее защищенные и прочные здания в Андарионе. Но при этом вы не задумались, какую панику может посеять это военное положение. – Управляющий торговлей откинулся на спинку кресла, глядя на меня с легким прищуром. – По-моему, вы предлагаете не самый разумный подход.

– Ну почему же... – Я пожала плечами. – С учетом того, что мой брат создал некий, как он сам выразился, амулет раннего оповещения, у нас будет время на то, чтобы укрыть айранитов в безопасных стенах Темного Крова или Храма. По крайней мере, я на это надеюсь. Ладислав, поясни в двух словах, только попроще. Если будешь демонстрировать, то потише.

– Как пожелает ваше величество. – Некромант встал с кресла и, порывшись в сумке, поставил на полированную крышку стола слегка потрепанное сиреневое чучелко с приоткрытым клювом.

Амулет явно не вызвал доверия у собравшихся, за исключением разве что Данте и Хэлириан, привыкших к тому факту, что у человеческих магов вечно все отличается «особой одаренностью», которую далеко не всегда можно понять, но когда Ладислав потащил из сумки светящуюся зеленью лапу Измененного...

Птичка успела только раз крикнуть, и то негромко, когда управляющий горными разработками вскочил с места, с размаху хлопнув ладонью по столу.

– Это уже переходит всякие границы! Сначала чушь о том, что вот-вот в Андарионе прорвется какое-то темное пламя и надо эвакуировать город, теперь облезлое чучело и некромансерские уловки! И мы должны слушать и более того – подчиняться этому сумасбродному решению, которое только внесет панику и хаос! У Андариона превосходная защита, укрепленная и улучшенная в последнее время усилиями храмовых жриц, купол стал практически непробиваемым!

– Но он не защитит от того, что путешествует под землей вместе с жилами силы «подземного огня»! – Я дернулась, чтобы встать, но на мое плечо легла жесткая ладонь Данте в черной кожаной перчатке. Не могу сказать, что это меня успокоило, но хотя бы помогло прийти в себя и не начать рубить сплеча. Правда, долго я не выдержу – слишком много напряжения и усталости накопилось. Сорвусь ведь, и далеко не самым лучшим образом. – Я хочу сказать, что темное пламя земли – это сила, хаотично изменяющая вокруг себя все, к чему прикоснется. И если оно прорвется в Андарионе – айраниты выживут, да. Но то, во что они превратятся, нужно будет уничтожить из жалости к столь несуразным и уродливым существам.

– Да кто сказал, что оно вообще тут будет?!

– Драконы уже множество раз запечатывали прорывающиеся в горах подобные Источники, и с каждым разом они были все ближе и ближе к Андариону, – негромко сказал Данте, убирая ладонь с моего плеча. За столом почти сразу же воцарилась тишина – если мое

мнение в ряде случаев могло игнорироваться, то слова Ведущего Крыла воспринимались безоговорочно и всерьез. – И если ее величество утверждает, что Азраэл, одержимый жаждой власти над небесным королевством, заполучил себе немалую силу, к этому следует отнестись с наибольшей серьезностью. Королева молода, но слов на ветер не бросает. Думаю, что договор с драконами излишнее тому подтверждение.

Ведущий Крыла поднялся с кресла и, взяв мою ладонь в руки, склонил голову, осторожно коснувшись губами кончиков моих пальцев.

– Ваше величество, Крыло аватаров всегда поддержит ваше стремление оберегать Андарион, и я, как его Ведущий, считаю, что лучше лишний раз поднять Крыло по тревоге, чем оказаться не готовыми к наступлению.

– Неудивительно, что ваш любовник всегда поддержит любое ваше решение!

Фраза управляющего горными разработками хлестнула наотмашь, как пощечина. Я вздрогнула и почувствовала, как кровь отхлынула от щек – всего пару недель назад это обвинение прошло бы мимо, но сейчас... Я впервые ощутила себя так, словно самое дорогое, бесценное и ревностно оберегаемое вот-вот вырвут из рук, вытащат на всеобщее обозрение и растопчут на потеху толпе. Слухи – это одно, но когда один из министров высказывает подобное мне в лицо, уже не считаясь со мной, как с королевой, не обращая внимания на Ведущего Крыла...

Будто это было очередной «проверкой на вшивость», причем вряд ли затеянной самостоятельно. Не зря, ох не зря Голос совета едва заметно улыбается, наблюдая за моим лицом. Ждет, как я отвечу на этот выпад...

На этот раз Данте меня опередил.

Он отпустил мою ладонь и, выпрямившись, посмотрел в покрасневшее от «праведного возмущения» лицо министра. Едва заметно улыбнулся и склонил голову.

– Министр Реджан, я вызываю вас на поединок чести в любое время и на любом оружии, которое вы предпочтете.

– В-вы... вы покрываете королеву... – Голос управляющего горными разработками дрогнул, а лицо побледнело.

По правде говоря, я тоже не ожидала, что Данте станет вступаться за меня на Совете – обычно он не вмешивался в мои разборки с управляющими, справедливо полагая, что я не смогу завоевать уважение к себе, если меня все время будет кто-то защищать. А тут...

Я растерянно посмотрела на Ладислава, но тот только ухмыльнулся и пожал плечами.

– Вынужден напомнить, что, если уж вы обвинили меня в том, что мои отношения с королевой влияют на принятие мною решений, будьте добры отвечать за ваши слова. Вы оскорбили меня подобным предположением, и я не намерен оставлять все, как есть. Если ее величество настолько великодушна, что предпочитает не обращать внимания на столь неуместные, задевающие ее честь высказывания и двусмысленные фразы, то я, к сожалению, не настолько благороден и добр, увы. – Данте открыто улыбнулся, но, по правде говоря, меня от этой улыбки бросило в дрожь. Невольно вспомнилось, как еще в самом начале нашего знакомства Данте пообещал убить разбойника, так и оставшегося для меня безымянным, если тот хотя бы царапнет меня. Обещание свое он сдержал настолько хладнокровно, что в тот момент мне стало действительно страшно.

Ведущий Крыла никогда не разменивается на пустые обещания, и если сейчас он намерен защитить – он это сделает, вне зависимости от того, кто рискнет причинить мне боль.

– Данте, давай отложим этот вопрос на потом. Бой чести может и подождать, у нас более насущные проблемы. – Голос у меня едва заметно подрагивал, но аватар все же кивнул и уже собирался занять привычное место за моим правым плечом, как чучело птички, неподвижно стоявшее передо мной на столе, вдруг встрепенулось и противно заверещало на полную громкость.

– Ладислав, да прекрати разряжать обстановку таким образом! – рявкнула я, пытаюсь поймать чрезвычайно увертливое чучелко с помощью заклинания-сетки.

Громкость воплей сразу же убавилась, но носиться как угорелая под потолком зала птичка не перестала.

– Знаешь... а на этот раз я совершенно ни при чем... – негромко пробормотал некромант, когда за мозаичным окном полыхнуло алым. – И, похоже, что раннее оповещение оказалось слишком поздним...

Низкий, рокочущий голос прокатился над Андарионом, как раскат грома. Пробивающийся сквозь треск молний, высокие, визгливые вопли Ладиславовой птички, бьющейся о стекло высокого окна, ведущего на балкон, он слышался так же четко, словно обладатель этого голоса находился у меня за спиной.

– Королева! Выходи, поиграем!

Я вздрогнула и, вскочив с места, подбежала к окну, распахивая его и выпуская оружий талисман на волю, в уже темнеющие в ранних предзимних сумерках небеса. С высоты Снежного дворца я увидела, как в восточной части города, обращенной к горам, полыхает багряно-алое пламя, как первые жгуты вырывающейся из-под земли силы вздымаются к небу, свиваясь в пульсирующий, стремительно расширяющийся столб света, выплюнувший из своего нутра темную, едва заметно светящуюся алым крылатую фигуру опального принца.

– Королева Синяя Птица!!!

Ничего себе телепорт он себе отгрохал... Ажно до небес. Красиво, до жути красиво – и при этом страшно вообразить, сколько дикой, неукротенной магии выброшено в никуда только для достижения этого потрясающего эффекта...

Тонкий, как эльфийская веревка, багряно-алый жгут вдруг сорвался с поблескивающего в лучах заходящего солнца лезвия глефы, находящейся в руках Азраэла, и устремился ко мне с такой невероятной скоростью, что я не успела ни вскинуть руки в защитном жесте, ни уклониться – только в испуге отшатнулась назад...

И увидеть, как передо мной словно из ниоткуда возникает широкая спина Данте, закрывшего меня собой и принявшего предназначенный мне удар. Полыхнула алая вспышка, запахло окалиной. Ведущий Крыла покачнулся... и тут же ринулся вперед как ни в чем не бывало, ловя ветер широко раскрытыми черными крыльями.

Я ахнула и дернулась было следом за Данте, но чья-то жесткая, затянутая в черную перчатку ладонь ухватила меня за локоть и крепко сжала, не давая вырваться.

– Куда собралась, королева? Без доспехов тебя раздерут в клочья, ты посмотри, что там творится. – Лайлионн, в который раз ставший гласом моего разума, почти силой потащил меня с балкона обратно во дворец, напрочь игнорируя мое сопротивление. – Если Ведущий Крыла не справится с ним, то хотя бы выиграет для тебя время, чтобы ты могла встретить врага во всеоружии.

– Доспехи там не помогут! Там дикая магия, а ей все равно...

– Но без доспехов ты беззащитна против обломка стены в спину! – Глаза аватара затянуло непроницаемой черной пленкой, сделав взгляд слепым, направленным в никуда.

Меня передернуло, но я поспешила следом за ним почти бегом.

Азраэл пришел один, вооруженный лишь силой Источника, дикой магией, которую он с трудом удерживал в узде, и сколько еще продержится его контроль над этой украденной, не принадлежащей ему по праву рождения или наследования силой – неизвестно, но, как мне казалось, еще очень недолго. Магия темного пламени не подействовала на Данте, и я была уверена, что Ведущий Крыла навяжет опальному принцу ближний бой, так что у Азраэла не будет времени ударить темным пламенем снова. Но как Данте, не владеющий никакой защитной магией, сумел отразить направленное копьё силы? Разве что ему доспехи заговорили за время моего отсутствия...

Заговорили доспехи?... А может, просто...

Я едва не споткнулась, сбегаю по лестнице следом за Лайлионном по пути к дворцовой оружейной.

*...Я застегнула ремень наспинных ножен, проверила, удобно ли вытягивается недлинный клинок, и шагнула к Данте, вкладывая теплый амулет-корешок в его руку, обтянутую черной кожаной перчаткой. Заглянула в глаза.*

*– Надень, пожалуйста. И не снимай. Это защитный амулет, одноразовый, но очень мощный.*

*– Ты уверена, что мне он нужнее?*

*– Нужнее. Не забывай, что я ведунья. У меня естественной защиты хватит.*

*– Но не от меча в спину.*

*– Этот амулет не от меча. А от заклятия...*

Значит, давний подарок спасенной дриады все-таки пригодился. Защитил Данте от темного пламени земли, дал Ведущему Крыла возможность отвести от меня беду, а сейчас – выиграть время для всех нас. Все же именно он в свое время обучал Азраэла, знает его силу и слабости, и остается только надеяться, что за время изгнания ученик не успел превзойти учителя в мастерстве, уповая на похищенную магическую силу. Но кому, как не мне, знать, что, сражаясь на мечах не на жизнь, а на смерть, попросту некогда создать хоть какое-то заклинание, некогда сосредоточится и вытолкнуть из себя магию, оформленную либо же просто в виде силовой волны.

Если у Азраэла окажется хотя бы секунда передышки – шансов у Ведущего Крыла не будет...

## ГЛАВА 20

Иногда, в моменты просветления, когда жизнь и смерть переплетаются друг с другом в каждой вспышке лучей заходящего солнца на лезвии скрестившихся клинков, кажется, будто бы касаешься тонкой, как волос, звонкой и хрупкой паутинки, пугливо подрагивающей с каждым биением сердца. Неравномерно вплетается в узор Паутины Судеб, видеть который полностью может лишь Прядильщица, истончается, когда жизнь подводит к самой Грани, и рвется с еле слышным вскриком в момент смерти.

Когда руки сами ведут длинный меч, выписывая в воздухе восьмерки и дуги, когда звон сталкивающихся клинков забивает собой все остальные звуки, тогда мысли либо пропадают вовсе, либо текут плавно и отстраненно от происходящего.

Но иногда бывает так, что одно-единственное стремление объединяет волю и чувства в целое, когда все в жизни существует лишь для достижения главной цели, видимой так же ясно, как полыхающий в безлунной ночи огромный костер посреди поля. И тогда весь остальной мир попросту перестает существовать – ведь нет того, кто мог бы коснуться плеча и образумить, остановить, прекратить безудержный полет мотылька на огонь.

Когда плеть, словно свитая из разноцветных языков пламени, предназначавшаяся королеве, ударила в грудь Ведущего Крыла, на какой-то краткий миг ему почудилось, что на этот раз он уже не сумеет выполнить свой долг полностью, не сможет завершить то, что было начато им самим более трех лет назад. Доспех на груди слегка оплавился, над солнечным сплетением появилась неровная дыра, сквозь нее был виден обугленный, разом увядший корешок на веревочке, сплетенной из травяных побегов, зеленоватое сияние вокруг которого постепенно таяло.

Столь долго удерживаемая в узде ярость хлестнула через край, затопила сознание ледяной, как вода в подземной реке, текущей под Андарионом, ненавистью к летящему к Снежному дворцу существу, и аватар скользнул с балкона, распахивая крылья и ловя ими воздушные потоки.

Приблизиться до того, как бывший ученик осознает, что не подействовавшая поначалу магия может вполне успешно сработать во второй раз, подлететь на расстояние удара глефой, по лезвию которой пробегали алые сполохи, и в последний момент уклониться от удара, уйти вниз и в сторону, услышав лишь едва слышный скрежет острия по набедренной

пластине доспеха...

Порыв холодного ветра, несущего в себе колкие снежинки, на миг заставляет ощутить сожаление об оставленном в Малом зале дворца шлеме. Но оно забывается сразу же, как только в поле зрения возникает лицо бывшего ученика, испещренное глубокими, едва заметно светящимися алым бороздами.

Хлесткий удар глефой, наносимый сверху вниз, соскользнул по опущенному клинку двуручного меча и ушел в сторону. Откуда-то с мостовой в небо выстреливают сверкающие белым и голубым копья молний. На краткий миг они образуют вокруг противников нечто вроде светящейся клетки, а затем прутья сжимаются, умудрившись не задеть Ведущего Крыла, но пройдя сквозь тело опального принца «грозовой стрелой».

Воздух наполняется запахом жженных перьев и свежестью, которая бывает только после сильной бури...

Мысль, засевшая в сознании ледяной иглой.

*Убей, убей...*

Очередной разряд магии, отбросивший полуоглушенного принца на взлетную площадку жилой башни, дал Ведущему Крыла ощутимое преимущество. Когда-то давно Данте сам обучал Азраэла искусству боя и знал, что в воздухе глефа куда как лучше, чем двуручный меч, но, как только сражение переносится на землю или в помещение, меч дает своему владельцу гораздо больше возможностей. Достаточно лишь подобраться к противнику так, чтобы длина древка начала мешать, не давая пустить в ход лезвие, в таком случае Азраэл может лишь обороняться, отражать удары, в то время как меч позволяет успешно атаковать...

Лицо Азраэла, больше похожее на морду подлунной нежити, исказилось от боли, когда двуручный меч, разрубив надвое древко глефы, глубоко засел в его плече. Правое крыло, уже лишившееся половины перьев, изменившееся до неузнаваемости, бессильным грузом повисло вдоль тела, а в глубоко запавших глазах мелькнуло нечто похожее на страх... или непонятное, непостижимое, безумное торжество. Блестящее, измазанное темной кровью лезвие двуручного меча взлетело над головой бывшего принца Андариона, как топор палача...

– Данте, не смей!!!

Он мог бы отклонить удар так, что меч отрубил бы Измененному крыло или руку, но не стал. Ослушался приказа своей королевы. Пошел на поводу той ненависти, что зрела в нем, как уродливый плод, с того момента, как он увидел ведунью, случайно ставшую королевой, лежащей на мостовой с насквозь пробитой лезвием глефы грудью.

Он мог бы найти себе оправдание впоследствии, если бы пожелал, но по-настоящему ему попросту хотелось, чтобы все наконец-то закончилось.

И падающий вниз меч, направляемый его рукой, собирался поставить точку в затянувшейся истории.

Кровь, хлынувшая из косого среза на том месте, где когда-то была голова вместе с шеей и частью левого плеча, обожгла руки даже сквозь плотные кожаные перчатки, тягучими, остро пахнущими железом каплями оросила лицо и доспех Данте. Ведущий Крыла мгновение смотрел на стремительно расползающуюся под грузно осевшим телом бывшего принца кровавую лужу и только потом поднял взгляд на подлетающую королеву, лицо которой почему-то было смертельно бледным. В ее глазах стоял тот же ужас, что он наблюдал, когда тащил Еванику прочь – от Вещих Капищ, стремясь увести ее как можно дальше от призрачной своры, вышедшей в мир живых раньше означенного срока.

Взлетная площадка, по которой разлилась кровь Азраэла, вдруг стала проседать под ногами Данте, и, если бы не магия, подхватившая его в падении, он рухнул бы следом за телом принца на мостовую. Ослепительно-голубое свечение оплело Ведущего Крыла по рукам и ногам и отшвырнуло на десяток саженей в сторону так, что Данте едва сумел удержаться в воздухе, с трудом спланировав на крышу одного из домов.

– Вон отсюда!!! И уводи всех, кого сумеешь!

Небесный Хрусталь в короне Еваники засиял пойманной белой звездой, тонкие стрелы молний скользнули по узорам наруча-браслета на ее левой руке, словно вода стекала по лезвию древнего меча, срываясь с острия. Вниз, на мостовую.

Туда, где камень просел, а из образовавшегося котлована стало подниматься ничем не сдерживаемое темное пламя земли...

Я не успела.

Опоздала всего на несколько секунд, не сумела удержать стремительно падающий вниз клинок Данте. Слишком поздно Ладислав понял, что Источник, заключенный в теле Азраэла, высвободится тяжелой приливной волной, ничем не сдерживаемой силой в момент смерти опального принца. Более того – если бы я присмотрелась к тому, как Азраэл сражается, то могла бы понять, что сопротивляется-то он не в полную силу, ровно настолько, чтобы Ведущий Крыла не заподозрил ничего лишнего. Верный в общем-то расчет на то, что Данте ринется защищать меня изо всех сил, что будет пытаться устранить последнюю помеху, отделяющую Андарион от безопасной жизни, и не заметит того, что опальный принц осознанно не пользуется полученной магией.

Уже подлетая к сражающимся, я знала, что не успею. Я видела глаза Азраэла, его взгляд перед тем, как меч Данте срубил ему голову. Принц хотел, чтобы его убили, ведь именно за этим он пришел в Андарион – увидеть свой город в последний раз и погибнуть в нем, забрав с собой все, до чего сумеет дотянуться разбушевавшаяся, совершенно неконтролируемая, дикая сила. Наверное, он понимал, что, даже если захватит небесное королевство, даже если гордые айраниты встанут на колени перед изгнанником, все равно долго ему не протянуть. Источник выжег бы его изнутри, медленно, как тяжелая болезнь, разрушал бы его разум и тело, вот только умереть темное пламя ему уже не позволило бы. Так и существовал бы Азраэл искореженным, утратившим форму комком живой плоти, чувствующим и, вероятно, осознающим себя, но не имеющим возможности умереть, уйти за Грань.

Так почему бы не умереть прямо сейчас, оставшись в памяти тех, кому не повезет выжить, победителем?

Я почуяла покалывающий кожу неистовый жар за несколько секунд до того, как из земли, прорываясь через обезглавленное тело Азраэла, словно чудовищный росток, ввысь взметнулся первый багряный сполох. Почуяла и успела выдернуть Данте из-под удара, слишком хорошо зная, что произойдет с аватаром, если темное пламя коснется его хотя бы краем. В груди заныло от собирающегося сгустка дареной силы, искусно выкованный обруч-корона сдавил виски, по левой руке, удерживающей древний меч, поползли струйки ледящего холода, которые скапливались на кончике меча, искрясь и переливаясь в предзвездных сумерках всеми оттенками голубого и белого.

Я заложила вираж, опускаясь на остатки взлетной площадки, и заглянула вниз, в котлован, образованный вырвавшимся на свободу источником, откуда уже вырастали гибкие, длинные, поблескивающие алым, как затухающие в костре угли, жгуты силы.

Как щупальца морского чудовища.

Рука сама направила острие клинка в центр этого котла, стряхивая бело-голубую звездочку вниз...

Как меня не снесло ответной ударной волной с остатков взлетной площадки – не знаю. Башня вздрогнула, посыпались куски черепицы, один из которых ощутимо стукнул меня по плечу доспеха, оставив небольшую вмятину, а провал в мостовой расширился, и оттуда на свободу рванулось десятка два жгутов, свитых из дикой силы.

Они ударили вверх, в небо, не задев меня только потому, что дареная сила истинной королевы накрыла едва заметным хрустальным куполом тот огрызок площадки, на котором я балансировала.

Разошлись неровным, ужасающе красивым, мерцающим в сумерках веером – и сразу же сверху раздалась вопли тех, кто не успел убраться подальше. Вопли становились воем, а

тот, в свою очередь, стремительно перетекал в низкий, горловой рев, наполненный яростью и болью. Что после такого вмешательства дикой силы приземлялось на мостовую, я не видела, да и не хотела видеть. Сейчас главное – обуздать Источник, и неважно, какой ценой это будет сделано.

Потому что если не запечатать его, не вернуть обратно в землю, он будет разрастаться до тех пор, пока Андарион не окажется поглощенным этой силой и не перестанет существовать в привычном виде.

Клинок у меня в руках завибрировал, по лезвию проскользнули сполохи молний и ударили вниз, заключая Источник в нечто вроде сверкающей клетки, как та, что выстраивалась вокруг Данте и Азраэла во время боя. Только на этот раз прутья сжимались с ощутимым трудом, замыкаясь в подобие купола, накрывая беснующийся Источник пусть недолговременной, но надежной «тюрьмой».

Вот тогда я и ощутила живую, осознанную ненависть Источника, направленную на меня как на очередное существо, пытающееся загнать дикую, свободную изначально силу в рамки подчинения и контроля. Слово из дыры в развороченной мостовой на меня глянуло старое, невообразимо старое существо, спавшее бесконечно долгие годы и изредка просыпавшееся для того, чтобы пойти в услужение каждому, кому хватит наглости отдать приказ и предложить себя в качестве платы. Которому впервые была предоставлена возможность освободиться от сдерживающих тисков... а заодно и изменить небольшой кусочек мира себе под стать.

Сила талисманов Андариона лилась сквозь меня, как речной поток, прорвавший плотину, сверкающим шлейфом стекала с кончика древнего меча, удерживая и пеленая темное пламя, убаюкивая его и успокаивая, словно мать раскапризничавшегося ребенка.

Источник рвался на свободу, клинок вибрировал в моих руках, а сила все лилась и лилась, и теперь это была не нашедшая путь к свободе река, а ручеек крови, вытекающий из добровольно нанесенной раны. Густой, обжигающе-горячий, с солоновато-металлическим привкусом... Ослабляющий и выматывающий до предела... Приводящий к смерти, если вовремя не остановиться...

Я и не остановилась бы, если бы не пришла помощь свыше.

Три ослепительно-ярких золотисто-оранжевых столба пламени пролились с неба, укрепляя и достраивая мой купол. Драконы, кружившие над Андарионом, те, что находились в небесном королевстве, пришли на помощь, давая возможность собраться с силами или же спасти тех, кого еще можно спасти.

С усилием остановить льющуюся на купол магию, с болью обрывая нити незавершенного, недостроенного заклинания, чувствуя, как «отдача» бьет в грудь, отбрасывая назад, в помещение. Острые осколки мозаичного стекла со звоном разлетаются, падая вместе со мной на пол, вымощенный мраморными плитками. В голове гудят колокола, больно, очень больно дышать, будто бы меня от души огрело не незавершенным заклинанием, а кузнечным молотом.

Снаружи ревело оранжевое драконье пламя, от которого во все стороны плыл удушливый жар, а я просто лежала на полу, не в силах подняться и понимая, что впервые за долгое время вычерпала себя до дна, опустошила даже скрытые, оставляемые на «крайний случай» резервы, при этом не сделав ничего или почти ничего. Сила истинной королевы, пусть и в сочетании с драконьим пламенем, долго взбесившуюся магию земли не удержит, попросту не сумеет. Даже если Крыло аватаров и успеет убрать от греха подальше жителей Андариона, королевству айранитов конец. Темное пламя заполнит всю долину и только тогда, быть может, успокоится, но вряд ли уйдет обратно в землю...

– Ваше величество!

Меня осторожно приподняли и куда-то понесли. Крылья поначалу безвольно скользили кончиками по мраморному полу, цепляя осколки стекла, грудь болела все сильнее, каждый вздох давался с трудом, а во рту все время ощущался привкус крови. Навязчивый, солоновато-сладкий, вызывающий нестерпимую жажду.

– Ваше величество, вы меня слышите?

Я приоткрыла глаза и увидела поцарапанную личину шлема из гномьей стали, в прорезях которой едва заметно мерцали черные зеркала глаз.

– В ушах звенит... если честно...

– Я не удивлен, право слово. – С очередной попытки я все-таки узнала голос Лайлионна, ставшего в последнее время моим личным телохранителем. Заместитель Ведущего Крыла, он всегда оказывался рядом, когда необходимо, и удивительно искусно не показывался на глаза все остальное время. – У меня приказ доставить вас во дворец. Снаружи слишком опасно.

– Ты не хуже меня знаешь... что еще далеко не все... кончилось...

– Для вас – уже все. Судя по всему, у вас внутреннее кровотечение. Кажется, сломанное ребро пробило легкое. Это не страшно, мы залечиваем и более серьезные раны, но для скорейшего выздоровления вас надо доставить в безопасное место, чтобы вами могла заняться целительница...

Он говорил что-то еще, но я уже не слушала.

Я вдруг ясно, словно наяву, увидела тихий, покинутый, залитый солнечным светом зал, который словно ожил при моем появлении. Ощутила легкий запах каменной пыли, покрывающей пол и постамент, украшенный мозаикой из драгоценных камней. Почувствовала кончиками пальцев гравировку на золотых «крыльях», сомкнувшихся над постаментом с небольшим зазором между плитками в центре. Словно паз для лезвия меча.

И не постамент это, а алтарь. Для единственной добровольной жертвы, облеченной властью и наделенной силой. Для той, чье предназначение – не начать новую династию, а расчистить для нее путь, отыскав того достойного, кому не придется доказывать свое право на трон с помощью старинной короны и Небесного Хрусталя. Не символы власти являются талисманами Андариона, а айранит, который носит их с полным на то правом, с возможностью защищать... и правом взойти на жертвенный алтарь, став чем-то большим, несоизмеримо большим...

– Лион... Отнеси меня в Темный Кров. Мне надо туда... Сама я не долечу, а времени у нас нет совсем.

Что-то дрогнуло в его глазах, пропала черная пленка, делавшая взгляд слепым.

Он знал о зале, скрытом в глубине Темного Крова. Знал и о том, что истинный король или королева по сути – лишь обещание жертвы высшей силе в обмен на защиту города. Интересно, кто был первым... или первой? Кто выстроил этот зал, запечатав в камнях мозаики и витиеватых рунах на золоте клятву пожертвовать всем ради Жизни? Вряд ли я успею узнать об этом, а жаль. Любопытство всегда было моим если не пороком, то недостатком – точно.

– Ведущий Крыла мне голову оторвет, – почему-то с печальной насмешкой произнес аватар, выходя со мной на руках на уцелевшую взлетную площадку с другой стороны башни. – И будет совершенно прав.

– Не оторвет. Ты выполняешь свой долг и подчиняешься приказу королевы.

– Сомневаюсь, что это станет мне оправданием. – Он взлетел и почти сразу же ушел в сторону, стараясь ускользнуть как можно дальше от жара драконьего пламени и искрящегося золотым и белым купола, который медленно, рывками расширялся, становился все более хрупким и прозрачным. Недолго еще продержится... несмотря на все усилия.

– Выбора нет ни у тебя, ни у меня. – Я прижалась щекой к прохладной стали его доспеха и прикрыла глаза, стараясь дышать медленно и не очень глубоко – так было полегче. Впрочем, еще немного, и боль перестанет иметь значение.

Вдох... Выдох...

Вкус крови во рту уже почти не ощущается – притерпелась как-то. Внизу, в городе, слышны крики, пахнет гарью. Защитный купол уже не останавливает Источник, всего лишь сдерживает его распространение, но все равно... он разросся настолько, что успел поглотить две или три жилые башни. Что случилось с жителями, если они не успели убраться оттуда

подальше, даже думать не хочется, слишком хорошим напоминанием служит моя левая рука, покрытая чешуей.

Мягкий толчок при приземлении, и сразу же раздался громкий мальчишечий голос, зовущий меня по имени. Ветер, невесть как очутившийся в Темном Крове и напрочь проигнорировавший мой приказ оставаться в надежно защищенном Храме, уже суетился вокруг меня, отирая кровь с моего подбородка мягкой тряпочкой, наверняка оторванной от тонкой нижней рубашки.

– Я тебе где оставаться велела? – Строгая физиономия мне, скорее всего, не удалась, а вот измученно-беспомощная – наверняка, потому как на лице мальчишки отразились неподдельная жалость и сочувствие. – Почему ты здесь?

– По правде говоря, сам не знаю. – Ветер пожал плечами, пробуя снять с меня слегка покореженный нагрудник. Непростое дело, особенно с учетом того, что Лион по-прежнему держал меня на руках, а наплечные пластины ложились поверх нагрудника, не давая его снять в первую очередь. – Потянуло что-то, как теленка на веревке. Надеялся, что ты здесь тоже окажешься... Тут женщин и детей уйма просто, их аватары сюда сгоняют, да все торопятся так, будто бы еще немного – и будет совсем поздно. Ев... все действительно настолько плохо?

– Не-а, все еще хуже. – Я усмехнулась и легонько хлопнула аватара по нагрудной пластине. – Как сказал бы мой братец, нам наступает полная и беспросветная хана... Но это еще не значит, что мы будем сидеть сложа руки. Лион, неси меня в... – я запнулась на мгновение, – зал, позволяющий получить защиту неба. Ветер, ты с нами, и даже не пытайся спорить.

Аватар пронес меня через полутемный, кое-как освещенный магическими фонарями коридор, миновал зал, где собрались жители Андариона, в отчаянии искавшие укрытия в обители Крыла, а дальше все слилось воедино. Ступеньки лестничных пролетов, ведущих куда-то вниз, затем коридоры с множеством поворотов, то и дело вспыхивающими и вновь гаснущими огоньками. Если бы Данте был рядом – ни за что не позволил бы мне спуститься сюда, потому что сейчас я бы нашла дорогу к жертвенному залу, не заплутала бы в десятках коридоров и лестниц, среди сотен поворотов даже с закрытыми глазами отыскала бы нужные... И все ради того, чтобы Ведущий Крыла сохранил для себя самое ценное – свой город, свою страну. Свой Андарион.

А самое главное – чтобы он остался в живых. Данте из тех, кто сражается даже в битве, которая заранее проиграна, кто не пытается бежать, если видит, что отступать некуда. Ведущий Крыла не покинет Андарион, навсегда останется привязанным к этому прекрасному городу-государству с его белыми башнями, а значит, если в моих силах сохранить небесное королевство для него, то пусть будет так...

Ласковый, теплый свет коснулся моего лица, когда Лайлионн внес меня в золотой зал, заполненный сотнями радуг из-за искрящихся камней, складывающихся в мозаику символов на алтаре. Несмотря на то что за пределами Темного Крова уже спускалась ночь, здесь, под землей все было освещено настолько ярко, будто бы в отверстие на потолке заглядывало жаркое полуденное солнце. Было тихо-тихо... и спокойно, как нигде больше.

Лион поставил меня на ноги, и я с удивлением поняла, что боль в груди отступила, что я вновь могу вдохнуть так глубоко, как только позволяют стальные доспехи, и чувствовать себя прекрасно. Мой ученик смотрел на меня во все глаза, словно впервые увидев, а я только улыбнулась. Чутьочку печально, чутьочку насмешливо.

На прощание, малыш. Ты этого еще не знаешь, но именно тебе суждено встать у истоков новой королевской династии Андариона. Ты поймешь это чуть позже, сам, без чьей-нибудь подсказки. А для того, чтобы поняли другие, тебе достаточно будет всего лишь взять мою корону в руки – я специально оставлю в ней немного силы, ровно столько, чтобы тебя признали достойным трона небесного королевства, а уж станешь ли ты таким в будущем, зависит только от тебя. Ведущий Крыла будет с тобой рядом, малыш. Он обещал мне, а значит, сдержит свое слово, как бы тяжело ему ни пришлось.

– Не грусти, Ветерок. – Я провела кончиками пальцев по щеке мальчишки, и его взгляд из растерянного вдруг стал серьезным... и понимающим. Словно на миг он перестал быть тем ребенком, которого я знала, и стал тем, кем ему суждено стать. Новым королем Андариона, не по праву магической силы или благородного происхождения. По праву того достойнейшего, кто открывает новые горизонты и ведет народ за собой по верной дороге. – Я все равно буду рядом. Так или иначе. Обещаю. Как твоя наставница. Просто умей слушать...

Аватар, стоявший при входе в зал, только поклонился мне, опустил на одно колено и низко склонил голову перед своей королевой. Мне не нужно было прощаться с ним – он понимал все без слов. Он присмотрит за Ветром, будет рядом с ним как тот, кому всегда можно довериться. И он удержит нынешнего Ведущего Крыла от необдуманных поступков, когда тот узнает...

Мысль о Данте на краткий миг пошатнула мою уверенность, мое спокойствие. Мягкий свет в зале померк, и на полированной поверхности золотого «крыла» у алтаря я увидела свое отражение – бледное лицо с усталыми, измученными глазами, с размазанной по подбородку, уже подсыхающей кровью. Синеватый блик Небесного Хрусталя в моей короне скользнул по золотому «зеркалу», и я увидела совершенно иную картину. Всего на долю секунды, но этого оказалось достаточно.

*...Треснувший в двух местах, крошащийся купол над Источником. И жгуты дикой магии, вырывающиеся на свободу, превращающие айранитов в искореженных существ...*

Шорох стали по коже, когда я вытащила старинный меч из ножен на поясе.

Загорающиеся разноцветными огоньками камни под моими ногами, когда я поднималась на небольшую круглую площадку с выемкой-пазом в центре.

Громкий, отчетливый лязг-звон, когда лезвие меча вошло в узкую щель в алтаре, неведь откуда поднявшийся ветер, взметнувший мои волосы и теплой, едва ощутимой рукой огладивший полночно-синие крылья. Налившиеся голубоватым светом руны на наруче-браслете, руки, сомкнувшиеся на рукояти меча.

И ни с чем не сравнимое облегчение, когда алтарь пришел в движение, выпуская на волю столб света, заключая меня в него, как в объятия. Я любила этот свет, я сливалась с ним, я *была* им...

Как можно бояться смерти, если ее нет, как таковой? Даже величественная Грань, как оказалось, это лишь очередная ступенька вверх, лишь еще один перекресток на Дороге, которая у каждого своя. Бесконечно долгий Путь, который только начинается.

Я успела услышать глухое бряцание доспехов, падающих на каменный пол, прежде чем стены зала разошлись во все стороны...

*И наконец-то смогла обнять весь этот крошечный мир ласковыми невидимыми руками...*

Хаос и паника, царившие в Андарионе, достигли апогея, когда щит, выстроенный королевой и драконами вокруг враждебной магии, от которой несло тленом разложения и болезненным жаром сгорающего в лихорадке больного, разломился под невероятным натиском, и «подземный огонь» смертоносной живой рекой хлынул на улицы города. Крыло аватаров вместе с жрицами Храма пыталось сдерживать эту реку, давая возможность айранитам покинуть обреченное королевство, укрыться в Темном Крове или во дворце, надежно защищенных старой магией, но очень скоро и их затопило безумием дикой магии.

Их тела калечило и ломало в багряно-алых извивах силы, разум удерживался немногим дольше, но и он поддавался влиянию «подземного огня», не выдерживал жутких изменений, происходивших с телесной оболочкой...

Ведущий Крыла наравне с аватарами помогал мирным жителям убраться подальше от

разверзшегося в восточной части города хаоса, но и его на лету сбило мерцающим всеми оттенками крови жгутом-щупальцем. Черноперые крылья изломились первыми – они выгнулись под неестественным углом, обросли шишковатыми наростами. Аватар упал на слегка покату ю крышу какой-то пристройки, зажимая в ладонях, все еще сохраняющих человеческий вид, почти увядший корешок-амулет, подаренный Еваникой...

Значит, вот что она ощущала, когда ее опалило темное пламя... Неудивительно, что она сочла себя уродом, нелюдем... Хорошо, что она в безопасности, что Лион унес ее во дворец, ведь она сейчас совершенно беззащитна, все ее силы ушли на то, чтобы создать купол. Похоже, на этот раз истинная королева не сумеет защитить небесное королевство... и, как бы подло по отношению к айранитам это ни звучало, оно к лучшему...

Ведущий Крыла с трудом поднял тяжелую голову, подслеповато щурясь и пытаясь осознать, что за тонкая, ослепительно-яркая игла света бьет в небеса откуда-то со стороны Темного Крова, когда ледяной ветер, бьющий в лицо, вдруг стих и в воздухе запахло горьковатым, душистым дымом осенних костров и сладковатой пряностью палой листвы. Теплый, домашний аромат свежее выпеченного хлеба щекотал ноздри, а где-то далеко Данте послышался далекий гром и шелест ливня.

Тонкие, почти неощутимые, полупрозрачные пальцы легли ему на плечи, коротко остриженные волосы защекали шею, а на судорожно сжатые кулаки легко и неслышно опустилось полночно-синее перо с белым кончиком. Аватар не сразу понял, что его тело уже не выкручивает чужая, тлетворная сила, что крылья свободно двигаются, касаясь маховыми перьями черепичной крыши, а сам он более не подвержен влиянию темного пламени.

*Посмотри...*

Тихий голос, который одновременно раздавался повсюду и из ниоткуда. Еще одно темно-синее перо, кружащееся в воздухе и мерцающее сотнями искр, будто бы подернутое инеем. И еще. И еще. Словно в Андарионе шел снег, где каждая снежинка – это заряженное магией перышко. И везде, где медленно тающее перо королевы падало на мостовую, дом или айранита, пропадали жгуты «подземного пламени», обретали прежний облик растения, и живые существа, а дикая магия уходила под землю, чтобы уснуть там на долгие, очень долгие годы...

*Жертва была принята.*

Данте вздрогнул и резко обернулся. Он успел увидеть в мягко мерцающей небесной синевой крылатой фигурке черты бывшей уже истинной королевы Андариона прежде, чем она пропала, рассыпалась тающей в воздухе снежной пылью. Вместе с ней исчезли и ароматы яркой, солнечной осени, и ощущение уюта драгоценного, ставшего родным Дома.

И все закончилось.

Одна лишь жизнь в обмен на многие. Разве это не приемлемая цена? Разве так не велел долг аватара, долг Ведущего Крыла?

Пустые слова, которые не могут остановить стремительно разрастающийся ледяной ком в сердце...

## ГЛАВА 21

*Данте Арьери Чернокрыл*

В Снежном дворце редко когда стояла такая тишина. Мои шаги были отчетливо слышны в опустевшем мраморном коридоре, стены которого уже много лет украшали мозаичные картины из драгоценных камней. Через месяц-другой здесь появится еще одна, и тогда я уже не смогу приходить сюда так же часто, как раньше, разве что пересекать галерею стремительным шагом, с усилием отводя взгляд от каменных картин. Потому что буду бояться увидеть одну-единственную...

Право слово, когда я все это затеял, то даже не предполагал, чем оно обернется. Я с самого начала знал, что смена династии – шаг рискованный, но оставить на троне Андариона короля, который настолько проникся ненавистью к драконам, что не желал идти ни на какие

изменения во внешней политике, в то время как государство медленно угасало само по себе... я был не вправе. Я служил небесному королевству, а старая королевская династия не могла поднять Андарион из застоя. Нам была необходима встряска, резкий скачок вперед, иначе айраниты были обречены на вырождение, а это гораздо больше крови и куда более худший вариант, нежели государственный переворот.

Темный Кров никогда не выпускает свои тайны за пределы стен, а Крыло аватаров всегда служило в первую очередь стране, а не королю, поэтому, когда был поднят вопрос о максимально мягкой и по возможности бескровной смене власти, все Крыло встало на мою сторону. Самому мне никогда не была нужна корона, но следовало найти того достойного, кто мог бы взвалить на себя груз этих обязанностей и не сломаться, не превратиться в тирана или самодура, а стать для Андариона правителем, который приведет угасающее королевство к новому расцвету.

Тогда кто-то вспомнил о легенде. Об избранном магией короле, который мог быть не самым лучшим политиком и воином, но при этом становился живым талисманом Андариона. Об айраните, благодаря которому старинным символам власти давалась сила защитить небесное королевство от любой беды, пусть даже ценой своего существования. Каюсь, я решил поверить в эту легенду в надежде, что найденный таким образом истинный король все-таки будет действительно достоин короны и не станет вещать из Снежного дворца о том, что худшие враги айранитов – драконы, а все остальные расы лишь тупое племя, недостойное жизни. Да, прежняя династия вырождалась. Я сам обучал принца Азраэла и знал, с каким упорством он стремился к власти над страной, лишь для того, чтобы рано или поздно начать поход против всего мира в стремлении отвоевать для небесного королевства много больше, чем недоступная большинству народов отдаленная горная область. Не могу сказать, что меня самого не прельщала идея расширить границы Андариона, но не за счет пролитой крови нашего народа, да и победить людей своими только силами у нас все равно не вышло бы. Слишком неравна численность народов, а надежных союзников, готовых встать под наши знамена, в то время у нас не было. Я говорил об этом наследнику престола, но тот лишь отмахивался, часами пропадая в королевской библиотеке и архивах Храма, ища то, что помогло бы ему воцариться не только в небесном королевстве.

Если бы я тогда знал, во что выльется стремление принца обрести власть над живущими...

– Чернокрыл, тебя ждут в зале Совета.

Я обернулся на голос, понимая, что настолько погрузился в размышления, что не заметил, как в галерее появился пестрокрылый аватар в черной с синим узором форме дворцовой стражи. Либо теряю бдительность... либо мне становится просто все равно. С другой стороны – кому, как не моему преемнику, знать, когда и как ко мне можно подобраться. Удивительно, как я не убил его в те самые первые минуты... когда вбежал в жертвенный зал и понял, что на этот раз опоздал окончательно и бесповоротно, а мой заместитель спокойно охраняет мальчика, прижимающего к груди Еваникину корону с тускло мерцающим остатками силы Небесным Хрусталем. Самым страшным было увидеть на алтарном постаменте потускневший клинок, намертво застрявший в камне, и горку из доспехов и одежды ее величества, все еще не успевших остыть и сохранявших тепло ее тела и запах цветочного мыла, которым пользовалась Еваника.

Жертва была принята... и нет больше необходимости в действующих талисманах...

– Скоро буду. – Ощущение, что за меня отвечает кто-то другой. Голос ровный, спокойный, впрочем, как и нейтральное выражение лица. В эти дни неуместно носить полный доспех, хотя сейчас мне, как никогда, хотелось закрыть лицо стальной маской-забралом, чтобы наконец-то перестать лгать хотя бы самому себе. Но нельзя. Позже. Потом...

– Там обсуждают, когда назначать траурную церемонию по королеве... – как бы ненароком обронил Лайлионн, и на миг у меня перед глазами все поплыло, а сердце болезненно сжалось.

Когда первый шок после появления на улицах Андариона вырвавшегося на волю Источника темного пламени прошел, встал вопрос, что же делать с внезапно опустевшим тронном. Пока драконы помогали с восстановлением города и лечением раненых, которых не коснулась благодатная магия ее величества, во дворце творился бардак. Хэлириан вместе с Аранвейном рылась в библиотеках дворца, Храма и даже заглядывала в Темный Кров, поднимая архивы и пытаясь выяснить, что случилось с королями-талисманами после использования вверенной им силы для защиты Андариона. Еваникин ученик, оказавшийся наследником королевской власти, утверждал, что его наставница не могла умереть, потому что силу в короне он ощущает, но в руки она ему не дается. Значит, жива еще королева, так или иначе, но жива.

Правда, я уже перестал в это верить...

Мог ли я знать, когда несколько лет назад один из аватаров с «сообщниками», впервые сняв шлем-маску вне Темного Крова, прошелся по городу, поднимая мятеж и устраняя стражу с помощью дротиков, смазанных парализующим почти на сутки составом, что королевой станет девушка-полукровка, о которой тогда никто и не слышал? Что разыгранная как по нотам ситуация с якобы сбежавшей молоденькой жрицей, которой был передан Небесный Хрусталь для его активации и обнаружения истинного короля, обернется таким беспорядком?

Не мог, но моей вины это не умаляет.

Я затеял и «мятеж», и необходимую для страны смену династии. Но я и подумать не мог, что все это свалится на плечи девочки-ведуньи, которой вся эта шумиха была до сгоревшей свечки. Что принц настолько проникнется мыслью о «лучших временах и твердой руке правителя» и найдет себе источник силы там, где его было лучше не искать. Что...

Да какой смысл сейчас об этом рассуждать? Я утратил контроль над ситуацией с того момента, как Еваника была официально коронована в тронном зале Снежного дворца, и с тех пор единственное, что я мог делать, это помогать ей справляться с теми обстоятельствами, в которых она оказалась по моей, пусть и косвенной, вине. Оберегать ее по мере сил и возможностей.

Но в итоге этого оказалось слишком мало...

Совсем недавно Излом осени разбил мою жизнь пополам на «до» и «после». С того момента, как я ударил себя в грудь серебряным кинжалом в надежде на то, что сорвавшаяся с цепи, призванная за несколько дней до срока призрачная свора ухватится за предложенную добровольную жертву и оставит Еванику в покое, я уповал на отдых и забытие. Что хотя бы такая жертва искупит мою вину перед королевой, ведь раз я поломал ее свободную жизнь своим вмешательством, кому, как не мне, спасти ее ценой собственной?

Как оказалось впоследствии – я и тогда недооценил свою королеву.

Она не приняла мою жертву как должное.

Пришла за мной в ночь Излома, встала на пути Дикой Охоты и доказала свое право *выбирать* забытому богу, скачущему по главе призрачной свиты. Я так и не узнал, чего ей это стоило, но всего лишь взгляда на нее *после* хватило для того, чтобы осознать, что отныне моя жизнь принадлежит только ей. Что данные когда-то клятвы, связывавшие меня с выполнением долга аватара до самой смерти, более недействительны – ведь свита Черного Охотника существует вне жизни.

Странное дело, но тогда я испытал невероятное облегчение. За ней я был готов идти куда угодно, и Грань не стала бы препятствием.

Но она, как всегда, решила иначе. И почему-то сочла спасение Андариона важнее собственной жизни. Если бы она не связала меня обещанием позаботиться о своем ученике, то сейчас я не жил бы взаимы.

Глупая... Она так и не поняла, что на жертвенный алтарь в тот день взойшли двое...

Я сам не заметил, как дошел до зала Совета. Тишины там, разумеется, даже рядом не было – спор был слышен за закрытыми дверями, но при моем появлении заседающие хотя бы сбавили тон. Я молча поклонился драконьему царю, который ответил мне сдержанным

кивком, и перевел взгляд на продолжавших спорить Ревилиэль и Ладислава. Удивительно, что на этот раз тут не присутствовал кабинет министров – только те, кто знал Еванику лично и очень хорошо, но, с другой стороны, шума тогда было бы в несколько раз больше. Младшую княжну Росскую драконы умудрились в кратчайшие сроки сразу же после исцеления доставить вначале в Алатырскую гору, а как только она узнала, что и муж, и близкая подруга с чем-то воюют в Андарионе, то примчалась сюда со скандалом впечатляющих масштабов, требуя встречи с королевой.

Не знаю, как Ритан рассказал ей о случившемся, и не хочу знать. Но отголоски того разговора, говорят, были слышны даже через звукоизолирующее заклинание.

– Я вообще не понимаю, кто ты такой, чтобы предлагать отпеть Евку в ближайшее время, если еще ничего толком неизвестно, сам ведь сказал! – Бледная, с нервным румянцем на щеках полуэльфийка стояла, оперевшись на столешницу и глядя сверху вниз на некроманта, запястья которого были перебинтованы чистыми бинтами. Что за ритуал он проводил в отдаленном крыле, сложно сказать, но результат оказался весьма... расплывчатым.

– Я уже устал тебе повторять, что за Гранью ее нет. Но это не означает, что она жива. Если бы ее сожрали призрачные гончие Дикой Охоты, ее б тогда тоже ни один некромант на том свете не разыскал, просто потому, что *некого* разыскивать было бы! Поэтому глупо надеяться на то, что она попросту где-то застряла по дороге на грешную землю, а не растворилась во вспышке силы... – Ладислав откинулся на спинку кресла и перевел взгляд с Вильи на меня. Пожал плечами.

Он не опустил до того, чтобы обвинить меня в смерти королевы, но все же в двух фразах объяснил, почему моя поспешность привела к столь плачевному результату. Пусть даже я действовал так, как должен был действовать. Пусть я защищал Андарион. Но именно поэтому Еванике пришлось пойти в тот жертвенный зал...

– Ладислав, тебе надо отдохнуть, – негромко сказал драконий царь, обведя взглядом присутствующих. – Тебе, Ведущий Крыла, это тоже не помешало бы. Сколько суток ты уже не спал? Трое? Четверо? Я не видел, чтобы ты отправился отдыхать, с тех пор как все закончилось.

– Я нужнее здесь, – пожал плечами я, усаживаясь в свободное кресло... по правую сторону от резного, обитого синим бархатом малого трона, который сейчас выглядел каким-то... осиротевшим.

На миг мне почудилось, что я слышу частые, торопливые шаги за дверью, что еще немного – и дверь распахнется, и на пороге появится Еваника, путающаяся в длинной, струящейся шелковой юбке с разрезами, на ходу пытающаяся поправить венец-корону и одновременно приглаживающая волосы, никак не желавшие укладываться в прическу.

Немного смешная, немного трогательная. Столько раз хотелось взять ее за руку, пока кабинет министров несколько снисходительно выслушивал ее очередную идею по улучшению планировки строящихся зданий или по введению новых условий сотрудничества с драконами и гномами, но приходилось сдерживаться. Королева должна уметь справляться со своими подданными самостоятельно, и, если бы у нее было немного больше времени, это у нее, безусловно, получилось бы...

– ...со мной не согласен?

Я с усилием оторвал взгляд от обивки малого трона и посмотрел на Аранвейна. Драконий царь покачал головой, немного нервно побарабанив пальцами по столешнице.

– Собственно, что и требовалось доказать. Данте, тебе не просто надо, а очень надо отдохнуть и поспать. Потому что еще немного, и у тебя начнутся галлюцинации. Ведущий Крыла нам нужен собранный и здравомыслящий, а не с застывшим взглядом, бормочущий что-то себе под нос и разговаривающий невесть с кем. Хотя... я догадываюсь об имени твоего «собеседника».

– А в это время вы решите объявить Еванику мертвой? Справить по ней траур и поскорее забыть о ее существовании?

Не сдержался, не сумел. Возможно, все потому, что я до сих пор не могу в это поверить. Я первым признал в Ветре нового короля, первым сказал «Да здравствует король», первым сказал, что не стоит ждать Еванику под открытым небом...

Но *поверить и принять* ее смерть я до сих пор не в силах.

– Отдохни, Ведущий Крыла... Поговорим, когда ты проснешься.

Аранвейн сжал ладонь в кулак и раскрыл ее, словно выпуская на свободу невидимую птицу или бабочку. Повеяло теплым весенним ветром, что-то скользнуло по моему лицу, и я ощутил, как веки наливаются свинцовой тяжестью. Я только успел подумать о том, что я действительно слишком устал, и провалился в тяжелый сон, как в омут.

Сон, наполненный десятками, сотнями образов из прошлого. Солнечный свет, проникающий сквозь густой лиственный полог и путающийся в непослушных рыжеватых вихрах невысокой человеческой девушки, скорее девочки. Этот ребенок почти не испугался, когда я впервые появился во дворе ее дома, более того, даже попыталась меня атаковать. Смешно немного, право слово...

Ее волосы постоянно пахли дымом сгоревшей на костре осенней листвы – или просто мне почему-то запомнился именно этот запах? Я помнил ее руки, еще до того, как их изуродовали ожоговые шрамы, помнил чуть захлебывающийся, приглушенный смех, который с каждым годом становился все менее задорным и беспечным. В какой-то момент мне показалось, что она почти разучилась смеяться... и был на удивление счастлив, когда понял, что ошибся.

Я помню нашу первую ночь, ставшую единственной и теперь уже последней, до мелочей. Помню ее смущение, то, как она все время прятала от моего взгляда левую руку, до локтя покрытую теплой, гладкой, поблескивающей в тусклом свете чешуей, а я все ловил губами эти закатные отблески, целовал ее пальцы, пока она не перестала скрываться от меня, пока не доверилась мне до конца...

Воспоминания плавно перетекали одно в другое, и каждое из них словно затягивало все туже стальной обруч, опоясавший душу. Кошмар, от которого нельзя проснуться, потому что магия драконьего царя удерживала меня в омуте сна, потихоньку притупляя боль, сглаживая края воспоминаний и заволакивая их туманной пеленой. В какой-то момент я понял, что уже не могу вспомнить черт лица моей королевы, и, как ни стараюсь, этот образ ускользает от меня, становясь недостижимым.

Последнее, что врезалось в память и не желало меня покидать, это едва заметная, понимающая и одновременно грустная улыбка на тающем лице Еваники, сотканном из мерцающей небесной синевой силы...

Я проснулся, когда за окном уже стемнело. Стылый северный ветер проникал в щель между створками неплотно прикрытого окна, играл светлыми узорчатыми занавесками. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к полумраку, и еще столько же, чтобы осознать, что комната, где меня положили отдыхать, когда-то принадлежала Еванике. Не королевская спальня с несколько вычурной, роскошной мебелью, широкой кроватью под полупрозрачным балдахином и смежными покоями, а та комната, которую ее величество занимала, когда хотела немного побыть одна. Комната, где она жила до коронации, та, что более соответствовала ее предпочтениям. Если я встану и открою гардероб, то на полках, скорее всего, обнаружатся простые, немного измятые льняные штаны и небрежно брошенные рубашки, а в самом низу – ее извечная потертая сумка, откуда она с легкостью ярмарочного мага извлекала кучу иногда совершенно бесполезных вещей.

Интересно, это такая злая шутка судьбы или меня нарочно перенесли именно в эту спальню? С некроманта случилось бы, но в благородство драконьего царя я еще верю...

Я лежал на кровати и смотрел в потолок. Любовался потолком. Наслаждался его белизной, совершенством его образа... Тем, что сейчас я не должен никуда идти. Ничего не должен делать. Что можно – сделают за меня. Что нельзя – сделаю я сам. Позже. Сию же секунду я не нужен никому.

Интересно, а она смотрела так в потолок? Или уставала от всей дворцовой шелухи настолько, что засыпала слишком быстро, чтобы смотреть вверх?..

Можно просто лежать... На мягкой постели... Представляя, как она лежала тут, наверняка сжимаясь в маленький клубочек, закрываясь от непривычного для нее дворца. Или свернувшись гусеничкой от холода, как она иногда заворачивалась в одеяло во время осенних ночевок под открытым небом, пока я не подкладывал дров в костер или не ложился рядом, согревая и охраняя ее...

Можно закрыть глаза – и перед ними снова встанет ее лицо... А я так и не сказал. Ничего. И больше не скажу... Некому.

Забавно... Мгновения сейчас убегают медленно и спокойно. Все, что могло, закончилось, все остальное – я и так закончу... А затем... Я наконец-то отдохну. От всего. От долга – я и сейчас отдал больше, чем может дать кто-либо. От себя. От своей вины...

Тихо-тихо... Никто не потревожит моего покоя... Пока я не встану и не выйду отсюда... Пока меня не будет там – посвежевшего, улыбающегося, серьезного... Такого, каким меня знают и помнят. Такого, к какому привыкли те, кто могут видеть мое лицо. И другого меня они больше не увидят.

Тоненькая струйка прохладного ветерка, слетевшего с гор, пошевелила прозрачные занавески у приоткрытого слегка окна. Что с того, что сейчас уже начало зимы и белые башни города скоро станут частью снежного убранства?

*Холодно...*

Белые башни пронзают густо-синее ледяное небо серебряными иглами шпилей, еле слышно позванивает флюгер на одной из башенок Снежного дворца, а в крылатом городе стоит непривычная тишина. Выпавший за ночь снег закрыл белым покрывалом оплавленные дыры в мостовых, прикрыл вуалью обломки рухнувшей недавно Сторожевой башни... одной из многих. Магия королевы исцелила живых, но уже не могла помочь восстановить город, «зарастить» в восточной его части уродливый котлован, сейчас полусасыпанный обломками просевшего жилого дома, или же восстановить разрушенные во время буйства дикой магии строения.

Редко где мерцают теплые огоньки, хотя раньше весь город искрился и сиял, даже ночью... А сейчас лишь Снежный дворец залит светом, словно маяк...

Окно приоткрылось чуть шире, впуская холодный ветер, колкие снежинки и еще что-то... едва заметно мерцавшее сине-серебряными искорками... как отражение крошечных звезд, щедрой рукой Творца рассыпанных на бархате неба.

*...Айранит, лежащий на кровати в одежде и бездумно смотрящий в потолок... Черные глаза уже не отражают звезд, словно пропали куда-то искорки серебра, потонув в черных зеркалах... Рука, поглаживающая рукоять серебряного кинжала, лишенного ножен... ласкающе... будто пальцы любимой женщины. Черный шелк длинных волос, рассыпавшихся по покрывалу. Белая прядь слева стала еще шире, да и на правом виске зазмеились струйки серебристой седины...*

*Ты плачешь?*

*Почему?*

*Ты же... исполнил свой долг...*

Тихо скрипнула оконная створка... Бело-голубые искорки замерцали ярче, рисуя в воздухе уже виденный когда-то над разрушаемым Андарионом силуэт обнаженной девушки, чьи синие крылья роняли сверкающие силой перья над городом, рассеивая дикую магию Источника.

Зыбкий, мерцающий контур лица, ярких глаз и синих волос с белыми кончиками... Грустный, но понимающий взгляд...

*Осознание, что надо...*

Силуэт уплотнился, теряя сияние и рождая в воздухе ее прежнее тело... хрупкое, с

короткими каштаново-рыжими волосами и без крыльев.

*Так интересно было смотреть на мир иначе, быть этим миром... и так не хотелось возвращаться... но что-то звало... тянуло как магнит... одно слово, сказанное когда-то...  
...Возвращайся...*

Забавно, только что я лежал, но стоило в комнате оказаться кому-то еще, и я уже стою, стискивая рукоять кинжала до боли. Кто прошел? Кто посмел?.. Тонкий, какой-то эфемерно-хрупкий силуэт у окна. Ощущение, что зыбкий, неверный свет города огибает его, не оставляя тени на полу. Коротко стриженные волосы, взъерошенные холодным ветром, струящимся из окна. Узкие ладошки, машинально прикрывающие маленькую грудь. Широко раскрытые, темные, отражающие непонимание и недоумение глаза...

Ева...

Не может быть, не может...

Призрак, просто призрак... или же я наконец-то сошел с ума и сейчас любуюсь собственной иллюзией. Пусть так – мне хочется еще раз дотронуться до нее, даже если пальцы пройдут сквозь ее образ, не встретив на пути ничего, кроме прохладного воздуха. Чтобы понять, что она – всего лишь иллюзия, что вернуть ее нельзя... И наконец-то поверить в это...

Но кожа Евы привычно теплая... И покрывается пупырышками – холодно тут... И...

Кинжал летит на пол, с дребезгом ударяясь о мраморный пол. А я обнимаю ее. Руками, крыльями, боясь хотя бы на миг разжать объятия, выпустить ее из рук хотя бы на мгновение – так велик страх снова ее потерять, так сильна уверенность в том, что, стоит ее отпустить, и она снова исчезнет, на этот раз безвозвратно. Пусть я сошел с ума, пусть я всего лишь сплю – в таком случае я не хочу ни излечиваться, ни просыпаться...

Поцелуй... отчаянный, крепкий. С привкусом соленых слез. Кто из нас двоих плачет – я или она? Или мы оба? Секунду спустя я ощущаю привкус крови – наверное, поцарапал ее слишком острыми для человека зубами, ведь она не привыкла целовать меня в ипостаси айранита.

Научится. Мы оба научимся. Всему... вместе...

Так не бывает. Таких чудес не бывает. С того света не возвращаются... Значит, она будет первой? Но это и правда она... В своем хрупком человеческом облике... Нежная... Мягкая... И по-своему волевая. Я не могу оторваться от ее губ, не могу оторвать рук от ее плеч – боюсь, что, как только я отпущу ее, окажется, что это видение, и она исчезнет... Растает как дым...

Она прижалась ко мне, ее тонкие, холодные пальцы скользнули по моей спине, словно стараясь согреться...

Просто три слова, которые так легко и так сложно сказать... И которые я не успел сказать, пока она... пока она не... умерла. Но ведь сейчас... Да. Оторваться на секунду, обмирая – не рассыплется ли в прах... Нет, но...

– Я. Тебя. Люблю!

Она всхлипнула – и вдруг разревелась. От души, почти навзрыд, вцепившись тонкими пальцами, навсегда сохранившими на себе белесые ожоговые шрамы, в мою рубашку. Я скользнул кончиками пальцев по ее волосам и прикрыл глаза, чувствуя, как ее слезы пропитывают тонкий лен на моей груди, а с души сваливается огромный, доселе неподъемный камень...

Легко настолько, что кажется, будто я могу воспарить без крыльев, пока половина моей души, вернувшаяся ко мне, выплакивает свои оставшиеся позади беды в моих объятиях...

И даже мысль о том, чтобы отстраниться хотя бы ненадолго, чтобы сообщить ее скорбящим друзьям о чудесном возвращении, представляется кощунственной и неуместной. Кажется, я заслужил право быть эгоистом и собственником, и до утра никто не узнает, что ее королевское величество жива, что она вернулась. Мы оба слишком долго были порознь,

чтобы сейчас пытаться снова влезть в «правильный» образ. И не знаю, как она, но я не смогу себя сдержать. Не смогу сделать вид, будто бы ничего не произошло.

Впрочем... я даже не захочу это делать.

Я подхватил ее на руки и отнес на разворошенную, согретую моим теплом постель. Укрыл одеялом и лег рядом, прижимая ее к себе, страшась отпустить...

– Данте... нам надо...

– Не сегодня.

Прозвучало жестко, почти как приказ. Я знал, что могла сказать эта ненормальная – нам надо сообщить друзьям и ученику, что не стоит волноваться, что вот она, живая и здоровая, что у нас много дел...

До рассвета мы принадлежим лишь друг другу. А мир за стенами этой надежно запертой комнаты... пусть ждет столько, сколько будет нужно.

Она улыбнулась. Неожиданно тепло и открыто.

Право слово... мне стоило жить ради того, чтобы снова увидеть эту улыбку...

## ЭПИЛОГ

Весна в этом году пришла ранняя. Только-только наступил березень,<sup>6</sup> а трава уже вовсю зеленела на лугах, и на городских клумбах распустили нежные бутоны лиловые и снежно-белые крокусы. Весна очаровывала ароматом березовых почек и молодой листвы, пьянила свежим теплым ветром, согревала солнечными лучами после суровой, холодной зимы. Этой весной крылатый народ словно с ума посходил, будто бы всю жизнь айраниты были прикованы к земле и только с наступлением тепла с удивлением осознали, что у них есть крылья, и свобода полета захватила их полностью.

Я стояла на небольшом, поросшем молоденькой травой и редкими весенними цветочками холме, и свежий ветер ласково касался прозрачными пальцами тяжелого подола моего расшитого серебром белоснежного одеяния, которое казалось не столько платьем, сколько жреческим одеянием, принятом в Храме. Что и неудивительно – она хламида под шумок праздника была стащена моим учеником из сундука Хэлириан, кое-как переделана, чтобы я могла носить ее в крылатой ипостаси, и торжественно преподнесена буквально за два дня до коронации. Ругаться было бесполезно – Ветер, похоже, перенял мой характер, изменить который не смогли ни нудные наставления по дворцовому этикету, ни обучение военному делу у Данте, ни тот факт, что сегодня этому сорвиголове короноваться в основатели новой династии правителей Андариона. Впрочем, надо отдать моему ученику должное – в свои двадцать семь этот на первый взгляд безответственный и легкомысленный парень на самом деле очень серьезен и с готовностью обучается всему необходимому хоть у аватара, хоть у дракона. Правда, оценить эту серьезность удалось пока что только преподавателям и близкому окружению будущего короля, но, как мне кажется, Ветер довольно быстро сумеет убедить Совет министров, да и народ в том, что новая династия берет начало от достойного правителя.

Однако не могу понять, у кого из нас двоих сегодня коронация? Даже я в свое время не опоздала на эту долгую, красивую и, безусловно, нудную процедуру. Или ученик решил превзойти учителя еще до официального окончания обучения?

Я повертела в руках длинный полуторный меч в потертых ножнах, тот самый, который когда-то обещала подарить своему ученику, но не сложилось по ряду обстоятельств, и, прокашлявшись, воззвала погромче, зная, что мой ученик прячется где-то неподалеку:

– Ве-е-е-етер!!! Марш сюда, у тебя коронация через час!

А в ответ тишина... и едва слышное смущенное хихиканье откуда-то из-за художественно обкромсанного, раскидистого кустарника, что не сбрасывает мелкую листву

---

<sup>6</sup> Второй весенний месяц (росск.).

даже зимой. Так... понятно. Ничего против того, чтобы его будущее величество поближе познакомился с невестой до свадьбы, я не имею, но...

– Ветер, две минуты на приведение себя в порядок, а дальше – обстрел заклинаниями, которым тебе еще только предстоит научиться самостоятельно! Время пошло.

– О многомудрая наставница, как ты сурова и беспощадна-а-а-а! – раздалось из-за куста на манер храмового песнопения, и через полминуты оттуда выбрался мой ученик, приглаживающий растрепанные каштановые кудри. На подбородке у него розовел след женской помады, а на рубашке не хватало двух пуговиц – только сиротливо болтающиеся ниточки.

Под моим взглядом Ветер отряхнулся и попытался принять более величественный вид, но мое скептическое хмыканье довольно быстро убедило его в бесполезности таких попыток. Хорошо еще хоть что в кусты это чудо в перьях не додумалось полезть в коронационных одеждах, тогда пришлось бы в срочном порядке искать замену испорченному туалету.

Следом за моим учеником выбралась смущенно улыбающаяся девушка, целомудренно прикрывающая левым крылом нежно-зеленого цвета вырез платья и пытающаяся одновременно поклониться королеве-регенту и наколдовать иллюзию, призванную скрыть конфуз. Я только улыбнулась – с будущей женой Ветер сошелся довольно быстро, короткий период ухаживания и томных вздохов быстро сменился сумасшедшей влюбленностью, в результате чего эта парочка стремилась видаться как можно чаще и желательно в укромных местах. Мне ли не знать – сколько раз прикрывала своего ученика перед благородными родителями счастливой невесты.

– Вот потому, что я сурова и беспощадна, я и объявляю о том, что твое обучение ведовскому искусству у меня окончено, Ветер Исстар. – Я поманила ученика к себе и, дождавшись, пока он опасливо приблизится, протянула ему рукоятью вперед меч, к ножнам которого был привязан тонкий кожаный ремешок с янтарным окатышем – я сама делала этот оберег, зачаровывала его на предупреждение об опасности, скрытой или явной. – Теперь можешь радоваться, ты больше не мой ученик, а самостоятельный ведун, и тебе не придется больше слушать мои нудные лекции.

Долго, очень долго он смотрел мне в глаза, потом осторожно принял из моих рук меч и оберег и вдруг поклонился в пояс, по старинной русской традиции коснувшись ладонью земли. Застыл на миг – и снова выпрямился, держа меч в ножнах в одной руке, а второй пытаюсь надеть на шею янтарный оберег.

– Тебе еще корону из моих рук сегодня принимать, – вздохнула я, наблюдая за тем, как бережно Ветер касается кончиками пальцев огненно-рыжего янтарного бочка, привыкая к оберегу, знакомясь с ним.

– Признание меня в ваших глазах, наставница, гораздо важнее... – Он вдруг улыбнулся и подмигнул мне. – Но будем считать, что никто этого не слышал, иначе не достанется мне народного доверия. Кстати, неужели ты не могла подождать еще минут десять, мы только-только начали приступать к самому интересному...

Девушка-айранит подошла ближе и привычно прижалась к боку Ветра, а он накрыл ее широким крылом, словно оберегая от внешнего мира. Я пожала плечами, одергивая подол шикарного одеяния, пряча выглядывающие из-под него мягкие походные сапоги.

– Я надеюсь, вы до вечера потерпите?

– Так же, как вы с Ведущим Крыла терпите до окончания официальных мероприятий? – Ветер усмехнулся, а я невольно смутилась. – Право слово, я не могу понять, как вы всего за несколько недель умудряетесь сбивать звукоизоляцию, которую я ставлю на ваши покои? Я уже устал модифицировать заклинание, проще уже заказать в Алатырской горе звуконепроницаемые двери и панели на стены, благо там заклинания вплетают при создании предметов.

– Считай, что это у тебя был лишний повод для самосовершенствования. – Я с трудом удержалась, чтобы не отвесить парню подзатыльник, невзирая на то, что он давно перерос меня почти на голову, но сдержалась. – А теперь, ваше будущее величество, марш во дворец!

– По-моему, тебе уже не полагается мной командовать, разве нет? – Ветер улыбнулся, а я все же отвесила ему чисто профилактический подзатыльник. На прощание.

– Вот передам тебе официально бремя правления, и тогда можешь считать себя свободным от моего непосильного наставнического гнета.

– О, как ты жестока-а-а-а!

– Будешь разглагольствовать, получишь благословляющий пинок к светлому будущему.

– Для того ты и сапоги под платье надела?

– Проницательность, достойная правителя! А теперь полетели, пока нас придворные искать не начали.

«Угроза» подействовала, и мы все-таки добрались до дворца вовремя, чтобы как раз успеть переодеть наше будущее величество и подготовить его к церемонии коронации, на которую Ветер вышел совершенно преображенным.

Если бы я всего с полчаса назад не ругалась с ним по поводу неудобного, густо расшитого серебром темно-серого камзола с тремя десятками мелких пуговиц на груди, то ни за что не узнала бы в серьезном, собранном и степенном мужчине своего теперь уже бывшего ученика. Он шел по ковровой дорожке по направлению к трону, около которого я стояла вместе с Хэлириан, и я почти не узнавала его. Мягкая, скользящая походка, нарочито расслабленные движения, твердый, спокойный взгляд. Сейчас Ветер почему-то очень сильно походил на Данте, так, как мог бы сын походить на отца. Впрочем, с учетом того, что именно Ведущий Крыла обучал его искусству боя, я могла бы сказать, что почти так оно и было.

Я пропустила мимо ушей долгую, торжественную речь Верховной жрицы, очнувшись, только когда меня в спину подтолкнула невидимая рука Хэл, и тогда я сняла с головы небольшую ажурную корону из серебра, украшенную сапфирами, и надела ее на стоящего на одном колене Ветра, таким образом провозглашая его правителем Андариона, родоначальником новой королевской династии.

Он едва ощутимо коснулся губами моей руки, чуть сжал слегка подрагивающие пальцы и встал с колена, обратившись лицом к собравшимся и произнося еще одну речь, сочетавшую в себе нечто вроде клятвы «вести народ айранитов по пути процветания, защищать и оберегать небесное королевство по мере сил и возможностей» с традиционными велеречивыми оборотами.

Я слушала Ветра и обводила взглядом собравшихся. Место Ведущего Крыла занял пестрокрылый аватар Лайлионн, который сейчас стоял чуть в стороне от трона, держа шлем на сгибе локтя. Данте совсем недавно добровольно ушел с поста Ведущего, перейдя в Крыло аватаров на правах заслуженного ветерана, и всего месяц назад был официально освобожден от когда-то данных обязательств перед Андарионом и королевским родом. Неслыханное ранее событие, чтобы аватар уходил на покой не в гробу или по причине серьезного ранения, но мы с Ветром и Хэлириан все-таки сумели протащить этот приказ через возражения совета министров. Данте получил свободу как герой множества военных столкновений, солидное вознаграждение за выслугу лет и почти сразу же покинул Андарион вместе с посыльным-драконом из Алатырской горы, клятвенно пообещав вернуться за мной в день коронации моего ученика.

Не поверить ему я не осмелилась.

Право слово, я с трудом дождалась того момента, когда Ветру были принесены вассальные клятвы и объявлен небольшой перерыв – я попросту сбежала из тронного зала в свои покои, где на кровати уже лежала моя полностью собранная ведовская сума, а рядом – украшенная серебряными пластинками кожаная куртка айранитского покроя.

Сердце билось как сумасшедшее, пока я выпутывалась из шикарного одеяния, под которым оказались простая льняная рубашка и добротные штаны с широким кожаным поясом – подарком, присланным Ладиславом прошлой осенью.

Быстрее, быстрее!

Набросить куртку, кое-как затянув шнурки за плечами, подхватить с кровати

собранную сумку и выскочить в высокое стрельчатое окно, даже не оглянувшись, не проверив, все ли на месте. Если оставила что-то нужное, можно будет попросить Мицарель выслать забытое. А сейчас – вперед и только вперед!

Не задерживаясь ни на минуту, не обращая внимания на празднично наряженных айранитов, игнорируя стражу и аватаров на постах, которые и не подумали останавливать несущуюся к выходу из Андариона бывшую королеву. С плеч свалился огромный груз, корона, столько лет давившая ответственностью и обязательствами следовать чуждым законам и правилам, была передана тому, кого она не станет тяготить...

Данте я увидела почти сразу.

Он стоял у входа в подгорный туннель, ведущий из Андариона, держа за поводья двух уже оседланных лошадей – могучего, черного как смоль жеребца с серой гривой и ярко-белой звездочкой на лбу и игреневою кобылку, которую удерживала на месте лишь твердая рука бывшего аватара.

Я сама не поняла, как успела столь быстро очутиться в его объятиях сразу после приземления – так велико было ощущение счастья, свободы быть самой собой и не зависеть ни от чего, кроме собственных принципов. Крылья за моей спиной пропали, когда я приняла человеческую ипостась, но мне почему-то казалось, что они до сих пор есть у меня за плечами, но на этот раз – эфемерно-легкие, радужные, тонкие и хрупкие, крылья, на которых обычная человеческая душа рвется ввысь в моменты великой радости и щемящего сердце счастья.

– Ева, если ты продолжишь так меня обнимать, мы не сможем покинуть Андарион в ближайшие полчаса. – Данте коснулся моих губ легким поцелуем и улыбнулся столь многозначительно, что я смутилась и попыталась отстраниться, но получилось это у меня далеко не сразу. – Конечно, я не то чтобы очень тороплюсь... и совсем не против, поскольку тоже соскучился... но здесь мы как на ладони. Не стоит проводить столь явную демонстрацию наших чувств.

– Прав, как всегда. – Я чуть сжала его левую руку, на безымянном пальце которой красовалось тонкое серебряное кольцо, такое же, как и то, что поблескивало на моей.

– Ах если бы... – Данте легко забрался на вороного жеребца и, наклонившись, втащил меня в седло следом, усадив перед собой и осторожно придерживая меня за талию. – Не возмущайся, мне просто хочется, чтобы ты была ко мне поближе. Куда направляемся, моя королева?

– Давай сначала из Андариона выберемся. А там уже решим.

– Как скажешь. – Он коснулся губами моей шеи и, намотав поводья игреневою кобылы на луку седла, тронул бока вороного пятками, пустив его легкой рысью по гулкому, пустому подгорному туннелю.

Может быть, мы еще вернемся сюда, но уже как гости.

Сейчас, когда перед нами открыты все дороги и весь мир принадлежит нам, когда свобода жить, любить и быть любимым досталась нам столь дорогой ценой, не хочется ограничивать себя маленьким королевством, спрятанным среди величественных гор Гномьего Кряжа.

Ведь отныне любой путь, неважно, ровной скатертью он расстилается или же петляет из стороны в сторону, будет пройден нами с легкостью...

*...В великой Паутине Судеб две совершенно разные, но одинаково яркие нити тесно переплелись в общем Узоре, образуя прочную струну, звонко, яростно и четко отзывающуюся на прикосновения Прядильщицы. Не оборвать теперь одну из нитей, не задев другую, не расплести струну надвое, не нарушив Узор. Да и кто осмелится на такое грубейшее вмешательство?*

*Тонкие пальцы Прядильщицы ласкающе скользят по новой двуцветной струне, разглаживая шероховатости, свивая еще туже и крепко вплетая ее в Узор так, что нить сверкает еще ярче, еще увереннее. Длинной будет эта струна, долго еще будет украшать*

*собой Паутину Судеб, а когда все-таки придет ее черед – Прядильщица украсит  
двуцветный кончик искрящимся ограненным алмазом, имя которому Добрая Память...  
...И начнет новую спираль времени...*

***Сентябрь 2006 – август 2008***